

Х.ЛОВМЯНСКИЙ

УСЬ
И
НОРМАННЫ

«Прогресс»

Henryk Łowmiański

ZAGADNIENIE
ROLI NORMANÓW
W GENEZIE PAŃSTW
SŁOWIAŃSKICH

Warszawa 1957

Х.ЛОВМЯНСКИЙ

Русь и норманны

Перевод с польского

Вступительная статья
члена-корреспондента АН СССР

В. Т. Пашуто |

Общая редакция
членов-корреспондентов АН СССР

| В. Т. Пашуто |, В. Л. Янина,

кандидата филологических наук
Е. А. Мельниковой

МОСКВА
«ПРОГРЕСС»
1985

Перевод *М. Е. Бычковой*
Послесловие *Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина*
Комментарии *В. Я. Петрухина*

ИБ № 12813

Редактор *В. Д. Гапанович*
Художник *И. М. Чернышева*
Художественный редактор *А. Д. Сумма*
Технический редактор *Н. А. Журавлева*
Корректор *Н. И. Шарганова*

Сдано в набор 14. 2. 85. Подписано в печать 17. 07. 85. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая.
Условн. печ. л. 15, 96. Усл. кр.-отт. 15, 96. Уч.-изд. л. 20, 23. Тираж 25 000
экз. Заказ № 899. Цена 1 р. 60 к. Изд. № 38665.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли,
119847, ГСП, Москва, Г-21, Zubovskiy bulvar, 17

Московская типография № 11 Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, 113105, Нагатинская, 1.

Редакция литературы по истории

© 1957 by Państwowe Wydawnictwo Naukowe
Warsaw. Poland

© Перевод, вступительная статья, послесловие и коммента-
рии издательство «Прогресс», 1985

0504000000—625
Л $\frac{006(01)—85}{25—85}$

Вильям Бьюкли
Vitallius & Buxi

ТРУДЫ ПОЛЬСКОГО АКАДЕМИКА Х. ЛОВМЯНСКОГО ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ *

Научная деятельность крупного польского ученого Хенрика Ловмянского, его работы последних десятилетий, посвященные анализу внутренних предпосылок и внешнеполитических условий образования славянских государств, в частности древнерусского и древнепольского, — пример сознательного усвоения и плодотворного применения марксистского диалектического метода.

Первая работа Х. Ловмянского появилась в 1923 г., когда, сотрудничая в журнале «*Ateneum Wileńskie*», он опубликовал рецензию на издание Литовской метрики. Его ранние статьи, в которых рассматривалась социально-экономическая и культурная история Литвы XVI в., носили источниковедческий характер.

Но уже тогда молодого ученого особенно интересовала социально-экономическая природа общества раннего средневековья. В 1929 г. он пишет свою первую работу по этой теме, посвященную древней истории литовского сельского поселения. Для выяснения проблемы генезиса феодализма весьма существенны сделанные им выводы о древнем происхождении термина «*villa*» и аргументированные соображения о том, что этот термин мог означать как многодворное поселение крестьян, так и однодворное поселение помещика, приобретающее в этом случае черты поместья (*curia, habitatio*).

Дальнейшие изыскания автора в области древнелитовской истории завершились выходом в свет в 1931—1932 гг. двухтомного труда о становлении общества и государства

* В то время, когда книга «Русь и норманны» готовилась к печати, скончался академик Х. Ловмянский (1898—1984). Незадолго до смерти он ознакомился с переводом и сделал ряд дополнений, которые ниже обозначены — Прим. авт. — *Прим. ред.*

древней Литвы¹. В нем собран материал, без которого не обойдется и ныне ни один исследователь средневековой истории Литвы. Х. Ловмянский впервые широко использовал не только литовские источники, но и сравнительно-исторические данные, касающиеся эстонцев, латышей и пруссов.

В монографии освещена политическая география Литвы, сделан опыт определения ее территориальной структуры (деления на бывшие племенные территории, земли, волости и села). Изучив хозяйство Литвы, автор установил, что его основу составляло пашенное земледелие и что древняя Литва вовсе не была так бедна и убога, как ее изображали некоторые источники и многие историки. Автор охарактеризовал состояние литовских вооруженных сил. Он кропотливо собирал свидетельства источников об экономическом и политическом положении литовского, прусского, эстонского и латышского нобилитета. В книге приведены и сопоставлены факты, относящиеся к истории литовско-норманских, литовско-русских и литовско-немецких отношений до 60-х годов XIII в. Этот труд принес автору научное признание и авторитет крупнейшего специалиста по истории Литвы. В 1934 г. Х. Ловмянский занял профессорскую кафедру истории Восточной Европы в Вильнюсском университете.

Фундаментальный труд по истории Литвы и сейчас сохранил большое значение. Но, разумеется, как отмечал впоследствии и сам Х. Ловмянский, эта книга требует критического подхода, ибо методологические позиции, на которых в прошлом стоял автор, препятствовали правильному решению проблемы генезиса феодализма и образования государства. Правда, генезиса феодализма автор почти не коснулся в этой работе, а проблема образования государства оказалась замененной историей образования монархии.

В годы, предшествующие второй мировой войне, появились исследования Х. Ловмянского, связанные с вопросом о роли унии в истории. Поставив под сомнение припятое в польской историографии мнение, будто только уния «позволила Литве играть активную роль в политической жизни», автор отверг распространенный домысел о древнелитовском абсолютизме и высказал мысль, что

¹ Łowmiański H. Studia nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego, t. I—II, Wilno, 1931—1932.

три общественные силы: великий князь, княжеская династия и боярство, объединенные единством целей, руководили страной. «Сохранялась иерархическая структура, но эти силы были солидарны, ибо их цели и интересы совпадали: эксплуатация соседних народов и земель, покоренных вооруженной рукой». Об эксплуатации ими собственного народа автор еще не говорил.

Х. Ловмянский выдвинул тогда же мысль о том, что главной причиной унии явились социально-экономические затруднения, которые испытывала Литва в 60-х годах XIV в. после прекращения завоеваний на Востоке, в связи с чем резко сократились добыча и доходы боярства; он отмечал также, что уния была проведена с согласия и в интересах литовского боярства. Правда, автор еще придерживался мнения о рождении иммунитетов из пожалования и полагал, что только с унией в Литве занялась заря «сословного государства», пришедшего на смену «военной монархии».

В целом методология, которой в те годы придерживался автор, при всем его внимании к социально-экономическим проблемам, не могла дать ключ для их решения. Свидетельство тому — известная дискуссия о «феодализме» в Литве, проведенная на VI съезде польских историков в 1935 г. Здесь с основными сообщениями выступили И. Яворский и Х. Ловмянский.

Первый считал, что в Литве не было феодализма в его западноевропейском виде, а имел место «непосредственный переход от патримониального устройства к устройству сословному»; уния также не принесла феодализма, ибо в самой Польше, по мнению И. Яворского, феодального строя не существовало. Взяться феодализму, утверждал он, было неоткуда: в Германии он-де в конце XIV в. был уже на закате, а Орден строился «на других, не феодальных основах».

Полемизируя с И. Яворским, Х. Ловмянский пытался установить, были ли в Литве феодальные институты, сходные с западноевропейскими. Исходя из припятых в буржуазной науке признаков феодализма (разделение государственной власти и разделение собственности, институт вассалитета, лен и сеньория), он пришел к выводу, что в Литве наблюдались явления, «аналогичные западному феодализму», но они не приобрели того значения, которое имели на Западе, поскольку, за исключением иммунитета, не проникли глубоко в общественную и государствен-

ную структуру и не создали основы, «на которой вырастет феодализм».

Понятно, что поиски в Литве феодальных юридических форм, аналогичных западным, не были плодотворными, ибо исторические условия образования сословий в этой стране и, скажем, во Франции были совершенно различными.

Исследования Х. Ловмяньского по истории пруссов, получившие широкое отражение в упомянутом двухтомнике о Литве, вылились затем в самостоятельную книгу. Если к этому добавить труды по истории Новгородской и Могилевской земель, а также десятки рецензий на польские, немецкие, белорусские, литовские и украинские работы по ранней истории Прибалтики, Польши и Литвы, то можно составить общее представление о круге научных интересов и деятельности Х. Ловмяньского на этом этапе его творчества.

Новый и наиболее плодотворный период в творчестве ученого начался в социалистической Польше. В 1945 г. Х. Ловмянский стал профессором кафедры истории Восточной Европы (с 1949 г. переименованной в кафедру истории СССР) Познаньского университета имени Адама Мицкевича. Этой кафедрой он руководил до 1968 г., одновременно возглавляя Исторический институт того же университета. Деятельность Х. Ловмяньского связана также с Институтом истории Польской Академии наук, в котором он заведовал отделом истории феодализма.

Научная общественность Польши высоко оценила заслуги Х. Ловмяньского: в 1952 г. он был избран членом-корреспондентом, а в 1956 г. — действительным членом Польской Академии наук. К своему 75-летию, которое было отмечено 10 августа 1973 г., Х. Ловмянский пришел в расцвете творческих сил, как автор более 250 научных работ, созданных в результате напряженного полувекового труда¹.

Послевоенное творчество Х. Ловмяньского развивалось в нескольких направлениях.

Прежде всего он обратился к трудам советских ученых. Достаточно ознакомиться с многочисленными рецензиями и критическими статьями Х. Ловмяньского об исследованиях советских ученых (Б. Д. Грекова, Б. А. Ры-

¹ См.: Bibliografia prac naukowych Henryka Łowmiańskiego do roku 1972. — In: Słowianie w dziejach Europy. Poznań, 1974, s. 5—22.

бакова, Д. С. Лихачева, К. В. Базилевича, В. В. Мавродина, Л. В. Даниловой, Е. Ч. Скржинской, П. Н. Третьякова, В. Т. Пашуто, Е. А. Мельниковой, И. П. Шаскольского и др.), о советских изданиях источников, обобщающих трудах и дискуссиях, чтобы убедиться в том, с каким искренним удовлетворением знакомит он с ними научную общественность Польской Народной Республики.

Х. Ловмянский нашел путь к правде истории, путь, которого не мог найти в буржуазной науке панской Польши, чье правительство «санитарным кордоном» изолировало от советской науки польских ученых, зачастую попадавших под влияние немецкой националистической историографии. Х. Ловмянский подошел к советской науке как исследователь, творчески восприимчивый ее достижения, как искренний и преданный друг Советского Союза. Тому свидетельство — серии его статей об истоках и влиянии Октябрьской революции на развитие науки, о Ленине как ученом, теоретике и практике, о значении его трудов для исследования проблемы генезиса феодализма, о польской историографии Октябрьской революции, об истории польско-советских научных связей.

В трудах Х. Ловмянского появились новые темы — прежде всего изучение метода познания той науки, которой он посвятил свою жизнь. Выступая на первой методологической конференции польских историков (1953 г.), он с оптимизмом говорил о возможностях познания истории с помощью марксистско-ленинской теории: «Перед историком стоят две исследовательские задачи: 1) установление закономерности исторического процесса и 2) определение специфики данного явления в его историческом развитии, познание конкретной сущности». Х. Ловмянский отмечал, что учение о социально-экономических формациях открывает неисчерпаемые возможности применения сравнительно-исторического метода исследования: «Метод этот позволяет не только раскрывать повторяющиеся явления, но также и определять их истинную последовательность. Благодаря огромной, неограниченной индуктивной основе этот метод открывает перед историком также беспредельные исследовательские возможности».

Позже, в рецензии на труд А. Шаффа¹, Х. Ловмян-

¹ Łowmiański H. Na marginesie zagadnienia praw historii (z powodu książki A. Schaffa "Obiektywny charakter praw historii". Warszawa, 1955). — *Myśl Filozoficzna*, 1956, № 4(24), s. 170—180.

ский отметил большое значение самой исторической науки для развития исторического материализма. Нам представляется, что это очень важная проблема, в разработке которой должны смыкаться усилия историков и философов. Ведь изучение конкретных особенностей, исходя из общих закономерностей (например, определение путей генезиса феодализма у народов, миновавших рабовладельческую формацию: германцев, славян, литовцев, народов Прибалтики и др.), имеет значение не только для истории, но и для исторического материализма.

В указанной работе Х. Ловмянский изложил свое понимание приемов марксистского сравнительно-исторического исследования. В этой связи можно отметить, что опыт работы советских ученых (например, Б. Д. Грекова, А. И. Неусыхина, Л. В. Черепнина и др.) показывает плодотворность применения марксистского сравнительно-исторического метода.

Теоретические изыскания Х. Ловмянский все более активно сочетает с историографическими исследованиями (о И. Лелевеле, К. Тыменецком и др.), с пропагандой достижений польской науки по ранней истории Восточной Европы (рецензии на работы В. Хензеля, Г. Лабуды, Я. Башкевича, А. Каминьского, С. Кучиньского, И. Костшевского, Е. Повиерского, Ю. Бардаха, А. Поппэ, М. Маловиста и др.) и с критикой буржуазных исследований, научную слабость и политическую тенденциозность которых автор вскрывает с присущей ему эрудицией (рецензии на книги Х. Пашкевича, Г. Роде, Г. Людата и др.).

С целью критического пересмотра немецких националистических концепций по истории Литвы и прусских земель Поморья Х. Ловмянский опубликовал содержательный обзор историографии пруссов и ряд произведений по истории польско-прусских, немецко-прусских, немецко-литовских и литовско-прусских отношений.

Центральной в творчестве Х. Ловмянского оставалась труднейшая проблема образования раннесредневековых государств, но теперь ее решение было поставлено автором в неразрывную связь с генезисом нового способа производства. Работа в этой области велась им в нескольких аспектах.

Прежде всего это источниковедческие исследования, посвященные памятникам древней истории славянских стран. Стремясь расширить круг источников по этой проблеме, исследователь обратился к таким много лет изучав-

шимся, но все еще недостаточно понятным памятникам, как «*Dagome iudex*», «*De administrando imperio*», «Баварский географ», к трудам Тацита, Иордана, Кадлубка и др.

Высказанное им предположение о двух редакциях «Баварского географа», конкретно-исторический анализ обеих с точки зрения изучения восточной политики франкского государства, сопоставление этнонимов *лендзанины* Константина и *лендизи* «Баварского географа», возведение их к *ледзянам* и, через русскую огласовку, к *ляхам* Сандомирщины и тому подобные построения весьма интересны и хорошо аргументированы. Пусть не все эти гипотезы выдержат испытание временем, но, по верному и образному выражению самого Х. Ловмянского, гипотеза, даже опровергнутая, как солдат, павший в битве за правое дело, «гибнет не напрасно, служа выяснению научной истины».

Внимательно следя за развитием славянской археологии и языкознания, опираясь на товарищескую помощь коллег, Х. Ловмянский работал над своими фундаментальными трудами, из которых один — «Экономические основы формирования славянских государств»¹ — вышел в свет в 1953 г., а другой — «О роли норманнов в образовании славянских государств» — в 1957 г.² Эти два труда взаимно дополняют друг друга. На их основе ученый создал третий, в котором внутренние предпосылки и внешнеполитические условия образования Древнепольского государства показаны на широком восточноевропейском фоне и в котором тема истории Древней Руси нашла дальнейшую углубленную разработку, — это пятитомное «Начало Польши»³. Х. Ловмянский приступил к нему, работая одновременно в качестве ответственного редактора и соавтора общего курса истории Польши и труда, посвященного тысячелетию Польского государства⁴. Еще на первом конгрессе польской науки в 1951 г. Х. Лов-

¹ Łowmiański H. Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich. Warszawa, 1953.

² Łowmiański H. Zagadnienie roli Normanów w genezie państw słowiańskich. Warszawa, 1957.

³ Łowmiański H. Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n. e., t. I. Warszawa, 1963; t. II. Warszawa, 1964; t. III. Warszawa, 1967; t. IV. Warszawa, 1970; t. V. Warszawa, 1973.

⁴ См.: Łowmiański H. Przedmowa. — In: Początki państwa polskiego. Księga Tysiąclecia, t. I. Poznań, 1962, s. 7—12.

мянский изложил план научного исследования истории Польского государства. В 1953—1957 гг. он совместно с другими видными специалистами по истории государства и права участвовал в создании первого курса истории Польши (до 1466 г.), в котором им был написан раздел о раннефеодальном периоде.

В течение 1963—1973 гг. выходили один за другим тома «Начал Польши» — труда, ставшего поистине научным подвигом жизни Х. Ловмянского. Подзаголовок книги «Из истории славян в I тысячелетии н. э.» выражает его определяющую черту — широкое применение сравнительно-исторического метода с самостоятельной разработкой огромного массива источников, относящихся в первую очередь к истории Польши, Руси, Чехии. Показательна строгая последовательность в исследовании социально-экономической, общественной и государственно-политической истории славянства, отразившаяся в десятках сопутствующих статей, опубликованных в «Словаре славянских древностей»¹, в польских и советских сборниках и журналах, в книге «Религия славян и ее упадок»².

Как историк-марксист, автор считает образование славянских государств закономерным следствием развития феодального способа производства. Первый том «Начал Польши» — это еще не история образования славянских государств, а «только подготовка материала для дальнейших исследований и выводов, определение исходного пункта того процесса, который закончился возникновением ряда устойчивых государственных центров». Главной темой книги является выяснение вопроса о том, «с какими переменами в производительных силах следует связывать (разумеется, через перемены в базисе) возникновение нового государственного строя». В основу исследования положен польский и русский материал, и широко использованы сравнительно-исторические данные, относящиеся к славянству в целом.

В книге последовательно освещается соотношение отдельных отраслей сельского хозяйства (и их региональное значение) у древних славян (и других народов Европы на аналогичном этапе истории), в частности в фео-

¹ См.: Słownik starożytności słowiańskich, t. I—V. Warszawa, 1961—1975.

² Łowmiański H. Religia Słowian i jej upadek (w. VI—XII). Warszawa, 1979.

дальном землевладении; изучается техника земледелия как главной отрасли хозяйства, и в особенности переход от подсечного земледелия к пашенному; исследуется город как центр ремесла и торговли и как опорный пункт в военной организации государства, а также проблема внешней торговли и торговой политики раннефеодальных государств. Завершается работа анализом количества населения как важнейшего элемента производительных сил.

Уже сам круг вопросов и их постановка интересны. Здесь мы лишь кратко коснемся некоторых, наиболее существенных проблем в этой книге Х. Ловмянского и их решения, поскольку они определили и его методологический подход к норманнской проблеме.

Вывод о господстве пашенного земледелия у славян сам по себе не нов, но такая всесторонняя его аргументация на основе комплексного анализа языковых, этнографических, археологических и письменных источников, с привлечением сравнительно-исторических данных, относящихся к античности, германцам, народам Прибалтики, была дана впервые. Региональное исследование того же вопроса весьма ценно тем, что, в сущности, устанавливает наличие естественного географического разделения труда у славян.

Наибольший интерес в книге Х. Ловмянского представляет трактовка основной проблемы: выяснение хозяйственных предпосылок появления имущественного, а затем и социального неравенства. На наш взгляд, это и поныне коренная проблема, всестороннее решение которой в значительной мере продвинет все дело исследования генезиса феодальных государств.

Х. Ловмянский проанализировал хозяйство крупных землевладельцев, видя в этом средство более глубокого понимания «основ образующейся государственной организации». Основываясь на сведениях русских, польских, немецких, чешских, южнославянских и греческих источников, он убедительно показал сходство эволюции nobilita различных славянских стран. Автор пришел к выводу о сравнительно небольших размерах собственного хозяйства землевладельческой знати, о его скотоводческой направленности (в частности, коневодства для военных нужд дружины), а также бортничества и других отраслей, удовлетворяющих специфические нужды господствующего класса. Весьма важны данные о неравномерности распределения материальных благ в раннефеодаль-

ном обществе — проблема, которая изучена у нас гораздо хуже, чем другие стороны производственных отношений.

Исследование ценно и тем, что оно поднимает вопросы, которые нуждаются в сравнительно-историческом изучении широкого масштаба. Остается открытой проблема о сущности и глубине несоответствия уровня производительных сил, выясненного автором, характеру патриархально-общинной собственности, о сущности и глубине его соответствия более прогрессивной, феодальной собственности.

Задача эта далеко не так проста. Х. Ловмянский ее не обходит, но дает лишь краткий обзор данных, говорящих о том, как давно начался процесс концентрации земельных имуществ в руках немногочисленного класса, и делает общее заключение, что этот процесс происходил в конце первого тысячелетия на основе разложения родового строя, при перерастании родовой знати в княжачую; автор показывает также, в чем заключалось социально-экономическое отличие дофеодальной знати от феодальной.

С этим связан и вопрос о структуре собственности и власти в возникавших городах, а равно и вопрос о торговле. Автор собрал многочисленные данные о торговых путях, о развитии внешней торговли и справедливо подчеркивал ее влияние на политику раннефеодальных государств. Но для изучения экономических условий, при которых возможны разложение общины и концентрация движимой и недвижимой собственности в руках отдельных земледельцев, пожалуй, более важное значение имеет анализ товарного производства, закона стоимости, форм накоплений и т. п. Таким образом, этот труд Х. Ловмянского, весьма ценный сам по себе, вызывает, как видим, много вопросов и намечает пути к их дальнейшему решению.

В издаваемой книге Х. Ловмянского «Русь и норманны» — в оригинале «О роли норманнов в образовании славянских государств» — основная проблема анализируется в сравнительно-исторической постановке со столь обильным использованием источников, какого в трудах на эту тему еще не было. Автор ставит вопрос широко, отмечая, что норманны (викинги, варяги) выступали на арене раннесредневековой Европы в переломный период формирования здесь государств и на огромном пространстве от Англии до Руси сыграли в истории тех или других стран различную роль.

Изучив историографию вопроса и источники, он бесспорно устанавливает, что, например, в истории Польши эта роль, вопреки домыслам немецких националистических историков и адептов новейшего «изучения Востока» (*Ostforschung*), была совершенно ничтожной.

«Ситуация на Руси много сложнее из-за значительной большей инфильтрации норманнского элемента и требует особенно тщательного исследования политических факторов, недостаточно объясненных антинорманистами» (с. 84). Тщательно ознакомившись с досоветской и советской историографией проблемы, автор подчеркивает новое качество советского антинорманизма, сформулированного Б. Д. Грековым и его школой, которая видит корень решения проблемы в социально-экономической истории Руси, тогда как старая наука искала средства для противопоставления норманнским «творцам» русского государства элементы финские, хазарские, литовские, аланские и т. п.

Решительный сторонник того взгляда, что основа государственного развития славян коренится во внутренних изменениях экономики и общественного строя, автор сопоставляет выводы о сдвигах в общественном производстве с одновременным процессом возникновения государств и предлагает искать естественную связь между этими двумя явлениями. Поскольку, однако, норманисты утверждали, что внутренний процесс может привести к образованию государства лишь в силу «влияний и импульсов извне», автор устанавливает, что эта посылка норманистов не имеет решающего значения, об этом свидетельствует история самих Скандинавских стран. Вообще говоря, внешние контакты присущи всем народам, те из них, чьи связи с внешним миром были слабее, как правило, дольше сохраняли консервативные общественные формы. Известно, что видов взаимных связей народов может быть множество. Нет пужды, например, отрицать связь славянского мира с восточноримской, а германского — с западноримской империями, но все дело в правильной оценке значения этих связей. Было бы глубоко ошибочно полагать, что при контактах более развитой и менее развитой культур первая из них только дает, а вторая только берет. В действительности происходит взаимообогащение различных культур. Говоря же о славяно-норманнских связях IX—XI вв., надо признать, что нет оснований считать скандинавскую культуру выше славянской.

«Сведение процессов возникновения Русского государства к интервенции норманнов означало бы замену научных исторических исследований анекдотическими рассказами» (с. 83). Другое дело, если бы норманисты могли доказать, что норманны были не чуждой силой, а внутренним фактором истории Руси, что они жили на славянской земле и составляли какое-то политическое целое. Но даже норманисты говорят, что колонизация была локальной, а в советской науке оспаривалось и это. Следует подчеркнуть: норманнский элемент играл лишь второстепенную роль в истории государственного развития славян, и в частности Руси.

Задача этого полемиического труда, как ее определяет сам автор, вытекает из современного ему состояния норманизма: «норманисты, при значительных расхождениях в деталях, единодушны в двух принципиальных вопросах: 1) считают, что норманны добились господства над восточными славянами путем внешнего военного захвата, как полагают одни, или, по мнению других, с помощью «мирного покорения», которое состояло в заключении славянскими племенами добровольного соглашения с норманнами и признании их власти, или же в проникновении норманнов в славянскую среду и захвата власти изнутри. И в том и в другом случае норманны должны были организовать местное население, представляющее скорее пассивную с политической точки зрения массу; 2) полагают, что слово *русь* первоначально означало норманнов, которые передали в дальнейшем это название славянскому населению, находящемуся под их властью» (с. 87—88).

Автор в связи с этим и считал нужным осуществить «анализ источников для выяснения, действительно ли существует несоответствие между результатами исследования внутреннего развития восточных славян и известиями источников, свидетельствующих (в интерпретации норманистов) о решающей роли скандинавов в образовании Древнерусского государства; иначе говоря, действительно ли содержание этих источников позволяет оспорить местные истоки экономических и социальных предпосылок образования Древнерусского государства» (с. 88).

Х. Ловмянский подверг критическому анализу источники, относящиеся к четырем наиболее остро дискутируемым вопросам: проникновению норманнов в восточнославянские земли в связи с общей экспансией скандинавских народов в период раннего средневековья; завоеванию

Руси норманнами; происхождению названия *русь*; возникновению династии и правящего на Руси класса в связи с участием в нем норманнского элемента.

Исследуя сравнительно-исторически норманнское проникновение на Русь, автор отмечает, что даже в Западной Европе, где норманны были более активны (как, например, датчане во Франции или датчане и норвежцы в Англии), они нигде не сумели прочно завоевать с помощью оружия большие пространства, а если где и овладели относительно небольшими территориями, то лишь при помощи компромисса с местными общественными силами.

Сравнивая размеры норманнского проникновения в Англию и на Русь на основании данных топонимики, автор отмечает наличие для основных центров господства датчан на английской земле значительного числа датских наименований, иногда превышающее количество местных названий; в среднем в Англии встречается не менее 150 датских названий на 10 тыс. кв. км. На Руси число топонимов скандинавского происхождения, установленное М. Фасмером и Е. А. Рыдзевской, по сравнению с Англией оказывается каплей в славянском море — в среднем 5 названий на 10 тыс. кв. км.

Мало того, отвергая принятый норманистами прием анализа средних цифр, Х. Ловмянский обращает внимание и на тот примечательный факт, что скандинавскими оказались названия не важнейших, а второстепенных центров Руси; следовательно, норманны нашли здесь уже сложившуюся территориально-политическую организацию, к которой как-то и приспособились. Даже в повгородской земле, где больше скандинавских топонимов, этимология последних, как определили сами норманисты, сильно связана с элементами *варяг*, *колбяг* и *буряг* и, следовательно, указывает не столько на политическую, сколько на торговую и транспортную активность норманнов.

«Из рассмотренного топонимического материала, — пишет Х. Ловмянский, — можно сделать совершенно четкий общий вывод: на Руси не было крестьянской колонизации, не было создано (как в Англии) массовых военных поселений, нет связи между скандинавской номенклатурой и формированием политических центров; но зато ясно выражены торговые функции варягов» (с. 106).

Переходя к изучению археологического материала, которым оперируют Т. Арне и другие, автор отвергает зна-

ченпе, придаваемое ими погребениям скандинавских воинов на Руси; эти погребения, по справедливому мнению Х. Ловмянского, подтверждают лишь то, что мы знаем и без них: норманны были на службе у киевских князей, а когда умирали, то их, понятно, хоронили.

Размещение скандинавских находок, сосредоточенных не в Повгороде и Киеве — главных центрах Руси, а на торговом пути Западная Двина—верховья Днепра (Гнездово) — верхняя Волга (Ярославль), говорит о том же, о чем и топонимика, — о торговых интересах норманнов на Руси. Относительно филологических данных, с помощью которых некоторые исследователи приписывают норманнам введение тех или иных институтов на Руси, Х. Ловмянский замечает, что здесь надо различать два момента: развитие терминологии и возникновение самих институтов (реалий), обозначаемых с ее помощью; пока что все это не в такой степени ясно самим норманистам, чтобы считаться научным аргументом.

Следовательно, ни сравнительно-исторические, ни ономастические, ни археологические, ни филологические источники не дают оснований говорить о завоевании Руси норманнами и создании ими русского государства.

Изучение письменных (русских, арабских, греческих и латинских) источников позволило автору также сделать несколько очень существенных выводов. Он подтвердил, что летописи, даже если согласиться с норманистом А. А. Шахматовым, не могут подкрепить тезис о завоевании Руси норманнами; кроме того, нерусские источники позволяют утверждать, что Киевская земля была важным политическим центром еще ранее середины IX в., а потому «не Киев обязан норманнам началом своей государственной организации, а норманны благодаря развитию государственного устройства на Руси, и особенно на среднем Днепре, нашли условия для участия в этом процессе главным образом в качестве купцов и наемных воинов» (с. 153).

Ссылаясь на пример весьма длительного процесса завоевания западославянских земель Германской империей, на кратковременность и неполноту власти викингов в Англии (с ее островной территорией в 150 тыс. кв. км), автор вновь ставит под сомнение тезис о завоевании Руси с ее территорией в 1 млн. кв. км, представлявшей собой необъятный край, который в отличие от Англии выходил к морю лишь в устье Невы.

Интересен и аргумент автора, основанный на оценке роли норманнов в Восточной Прибалтике. Источники бесспорно подтверждают, что все многократные попытки норманнов (до XIII в.) запать сравнительно небольшие по размерам земли Финляндии, Эстонии, Куронии и Самбии оказались неудачными, так как натолкнулись на отпор со стороны местного населения. «Непонятно, каким чудом смогли бы варяги на протяжении нескольких десятилетий не только захватить путь Ладога — Новгород — Смоленск — Киев, но и подчинить прилегающие земли власти одного политического центра — Киева» (с. 155), не говоря уже о том, что история рисует норманнов не столько организующими государства, сколько умело использующими внутренние противоречия в них. Наконец, характерно и то, что в Древней Руси плохо знали Швецию, а деятельность варягов никак не связывали с политикой тамошних королей.

Весьма сложен вопрос и о термине *русь*. Исследователь этого термина вынужден остаться в сфере гипотез. Но, вообще говоря, надо учитывать, что история знает не только примеры, когда завоеватель навязывал свое имя покоренным; бывало и наоборот: ангlosаксы сохранили имя Британии, немецкие рыцари — Пруссии. Х. Ловмянский полагает, что сообщение летописца о скандинавской *руси* — это не более чем ученое построение древнерусского книжника. Следуя взгляду А. Н. Пасонова, автор считает, что норманны усвоили имя страны, которой служили; в этом плане он скрупулезно анализирует сведения «Баварского географа» (не знавшего народов к северу от линии пруссы — хазары, но знакомого с Русью), дает оригинальный комментарий к Бертинским анналам.

Термин *русь* автор считает географическим понятием и принимает мнение М. Н. Тихомирова, А. П. Пасонова и Б. А. Рыбакова о том, что первоначально оно было местным, а затем, с образованием государства, приобрело общее значение. С течением времени содержание термина изменялось: «до IX в. этот термин имел смысл географический, определяя территорию в Среднем Поднепровье. С IX в., сохраняя прежнее, он приобрел еще два или три новых значения: 1) временно обозначал социальный слой, наиболее активный в образовании государства; 2) постепенно распространился на всю территорию Древнерусского государства, а также стал названием восточных славян в целом. Со временем первоначальное, более узкое

географическое значение названия *русь* было забыто; видимо, было забыто и его классовое значение» (с. 203). Так эволюционировало содержание термина внутри страны, но было еще одно значение, которое временно распространилось за ее пределы и было связано с норманнами.

«Очевидно, серьезная ошибка старых антинорманистов заключалась в том, что они искали славянские корни в скандинавских названиях, известных по источникам, касающимся Руси, и таким образом компрометировали свои, другие, иногда справедливые положения, перемежая их с ненаучными, дилетантскими. Эта ошибка ушла в прошлое. Мы не отрицаем того, что русский престол заняла династия скандинавского происхождения, но и не считаем, что это обстоятельство предредило образование скандинавами Древнерусского государства», — правильно пишет Х. Ловмянский и приводит примеры неоднократного использования иноземных династий господствующими классами других стран (с. 204).

Относительно состава самого господствующего класса Руси источники позволяют утверждать, что в него входили и норманны; это следует не только из греческих и арабских данных, но и из договоров 911 и 944 гг.

Верно, что имена участников этих договоров в значительной мере скандинавские, но отсюда (как и от скандинавских — «русских» названий порогов Днепра, известных императору Константину от норманнов — купцов, подвластных Руси) еще далеко до признания правоты норманистов. В договоре 911 г. перечислены послы, они скандинавы; в договоре 944 г. и среди 25 доверителей — большинство скандинавы. Но дело в том, что они представители не союза завоевателей Руси, как полагают норманисты. Они лишь дипломатические агенты Русского государства, «всех людей» Русской земли, как сказано в источнике, т. е. государственной территориально-политической организации страны, ее многочисленного русского, а не скандинавского правящего класса. В этих дипломатических источниках, таким образом, перечислена лишь ничтожная часть последнего.

Скандинавские имена носят только некоторые представители трех немногочисленных групп класса: правящая династия, послы правящей династии и купцы; но это ничего не говорит о составе основной, наиболее многочисленной группы — славянских землевладельцев, бояр, которые, что бы ни думали норманисты, были действительно

правлящим классом в государстве. От X—XI вв. летописи сохранили около десятка имен представителей этого класса: из 11 имен здесь уже лишь 3 варяжских, и то относящихся к воеводам и кормильцам, которые тогдашней знатью охотно брались из среды варягов. Источники, таким образом, не дают даже формальных оснований утверждать, что варяги численно преобладали в господствующем классе.

Общие выводы из книги таковы. Роль варягов различна на разных этапах их экспансии на Русь. На первом этапе (до третьей четверти X в.) они выступали «прежде всего в роли купцов, благодаря присущей им ловкости в торговых делах, знанию чужих стран, что облегчало им и выполнение дипломатических функций. Их знания и опыт в военном деле, а особенно в навигации использовало Русское государство. Была призвана на престол скандинавская династия, ослavianенная, как представляется, уже во второй половине IX в. или к моменту прибытия в Киев Олега, которого, очевидно, можно считать связанным с Игорем и Ольгой» (с. 228).

Источники не подтверждают взгляда, будто норманны играли на Руси роль, подобную конкистадорам в Америке, не подтверждают они и мнения, будто норманны «дали толчок экономическим и социальным преобразованиям и организации государства» (с. 228).

На другом этапе экспансии (с последней четверти X в.) роль норманнов на Руси стала иной. «Их место в торговле уменьшается, зато русские князья, в особенности новгородские, охотно прибегают к помощи варяжских отрядов» (с. 229), которые составляют особые военные единицы, чего на первом этапе не наблюдалось. Термин «варяг», обозначавший купца, стал означать наемного воина. «Использовали князья варягов и в целях административных». Теория норманнского происхождения Руси и ее государства «в историографии была явлением закономерным до тех пор, пока доминировал интерес к политической истории и пока сам исторический процесс представлялся как результат инициативы отдельных личностей, династий, а роль народных масс игнорировалась. Этот методологический изъян стал, однако, препятствием для подлежащего анализа источников, значение которого выяснилось впервые лишь в условиях отношения к прошлому как к единому процессу и тщательного учета в исследованиях всех, а не только некоторых сторон бытия» (с. 229).

Таково содержание этого труда Х. Ловмянського. Конечно, исследователь не решил окончательно всех вопросов, но путь, которым он шел, как подтверждают его собственные работы и исследования советских медиевистов¹, был верен.

Мне довелось близко узнать этого ученого, несомненно крупнейшего медиевиста наших дней, и в течение тридцати лет переписываться, встречаться с ним то в Варшаве и Познани, то в Москве. Скромнейший человек, великий доброжелатель, готовый тотчас помочь своими огромными знаниями каждому, кто всерьез посвятил себя науке. Внешне типичный кабинетный ученый, Х. Ловмянський отнюдь не апахорет, а пытливый мыслитель, отлично сознающий меру ответственности не только медиевистов, но и историков вообще за воспитание в каждом народе правильного представления о его месте в мировой истории.

Изданием на русском языке книги Х. Ловмянського «Русь и норманны» советская общественность не только высоко оценивает этот труд, посвященный глубоко аргументированной защите национального прошлого славянства от наветов панъевропейстов и реваншистов, но и отдает дань уважения ученому, ветерану и поборнику перушимой дружбы между народами Польши и СССР, между всеми братскими славянскими народами.

В. Т. Пашуто

¹ См.: Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1973.

Большой интерес, который вызывает в научной литературе определение места норманнов в истории Европы раннего средневековья, следует в значительной мере отнести на счет двух одновременно протекавших процессов: усиленной скандинавской экспансии и становления в Европе феодального строя вместе с образованием на ее территории тех государств и народов, которые существуют — независимо от исторических перипетий — и по сей день. Норманны появились на исторической арене в переломный для европейских народов период. При этом их экспансия, усиливавшаяся со второй половины VIII в. и продолжавшаяся в больших масштабах всеми скандинавскими народами в течение 300 лет, достигла исключительного пространственного размаха, охватив все прибрежные районы Европы, от Гебридов и Ирландии до Византии, от Севилии и Тулузы до Ладоги. Не раз они проникали и в глубь континента. Формы норманнской экспансии были весьма разнообразны; проявлялась она во многих областях экономической, военно-политической и культурной жизни. Оказывала ли эта в значительной мере разрушительная деятельность глубокое влияние на внутреннее развитие Европы, на происходящие там коренные социально-экономические преобразования? На этот вопрос наука давно ищет ответ и одновременно пытается установить, какие из своих институтов страны, подвергшиеся скандинавской экспансии, восприняли от викингов, а какие получили благодаря своему внутреннему развитию или иным факторам*.

Настоящая работа касается только одного аспекта норманнской проблемы, правда, вызывающего наибольшие сомнения и наиболее diskutируемого в научной литературе. Речь пойдет о переплетении норманнской проблемы с иной, более важной — проблемой генезиса славянских

государств, внешние же факторы не ограничиваются лишь участием норманнов в формировании славянских государств*, должны быть учтены как германский, так и тюркский, аланский и др. элементы.

В буржуазной историографии существует мнение, что раннесредневековые славянские государства обязаны своим возникновением завоеванию их иноземцами или по крайней мере иноземным импульсам и влиянию. Существованию этого взгляда способствуют определенные, давно появившиеся предубеждения против организационных возможностей славян и проводимые под влиянием этих предубеждений исследования о начале социально-экономической и политической организации славянских народов¹. Эта тенденция нашла яркое выражение в концепции И. Пейскера об извечной зависимости славян от германских или тюркско-татарских завоевателей и о грозящей им анархии в случае освобождения от этого ярма².

Проблема имеет более широкий аспект — социологический. В историографии бытует традиционное мнение, что переход от догосударственных организационных форм к государственным происходит в результате не внутреннего развития, а иноземного завоевания, — мнение, отодвигающее внутреннее развитие на второй план. Мы не будем здесь детально рассматривать теорию завоевания как фактор создания государства, речь пойдет только о принципиальной постановке проблемы в научных исследованиях в ее типичной формулировке. Эта теория нашла свое наиболее четкое выражение в концепции Л. Гумпловича; мы должны ее выделить, поскольку она оказала несомненное влияние на историографию, посвященную возникновению славянских государств, и в особенности на взгляды И. Пейскера. Исходя из положений об антропологически различном происхождении народов и вытекающих отсюда языковых и религиозных отличий, этот социолог считал

¹ Lowmianśki H. La genèse des États slaves et ses bases sociales et économiques. — La Pologne au X-ème Congrès International des sciences historiques à Rome. Warszawa, 1955, p. 29.

² В законченной форме эта концепция изложена: Peisker J. Die älteren Beziehungen der Slaven zu Turkotataren und Germanen und ihre sozialgeschichtliche Bedeutung. — Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, 1905, Bd. 3, S. 301, 305. Однако автор высказывает мнение, что в некоторых славянских странах поработенные крестьяне победили класс иноземных угнетателей и создали институт князей, выбранных из собственной среды. (Ibid., S. 486ff.)

борьбу рас главной движущей силой истории¹, понимая под расой не антропологический тип, а скорее этническую группу, продукт исторического развития². Он считал, что население государства состоит из гетерогенных этнических элементов, которые находятся в определенных отношениях подчинения³. Причину таких отношений он видел в общем, по его мнению, явлении, когда иноземный род распространял свою власть преимущественно на местное население; таким путем появлялись два гетерогенных класса — крестьян и дворян⁴, рядом с которыми в дальнейшем возникали классы ремесленников и купцов, также иноземного происхождения. Так, внешнее завоевание давало, по мнению Гумпловича, начало государственной организации, бывшей формой эксплуатации одной этнической группы (а соответственно и класса) другой⁵. Гумплович понимал, что захват не всегда ведет к образованию устойчивого государства, что на низших уровнях развития в результате захвата чаще возникали недолговечные государственные объединения. Тем не менее, говоря о стабильном государственном устройстве, основанном на высшем культурном уровне, он ставил его в зависимость не от степени развития покоряемого народа, а от степени зрелости захватчика⁶. Таким образом, заслуга создания государства полностью относилась на счет «расы», а тем самым и господствующего класса; завоеванный же народ не влиял на генезис нового строя.

¹ G u m p l o w i c z L. Der Rassenkampf. Soziologische Untersuchungen. Innsbruck, 1883, S. 218. Cp.: Barth P. Die Philosophie der Geschichte als Soziologie, Bd. 1. Leipzig, 1922, S. 266 ff.

² G u m p l o w i c z L. Op. cit., S. 193.

³ Ibid., S. 205.

⁴ Ibid., S. 209.

⁵ Ibid., S. 178. «Вначале встреча по меньшей мере двух гетерогенных племен, чаще всего мирного с воинственным или грабительским, может создать отношение господства и подчинения, которое образует извечные признаки всех и всяческих государственных образований» (G u m p l o w i c z L. Die soziologische Staatsidee. 2. Aufl. Innsbruck, 1902, S. 118).

⁶ «Если господствующие созданы таким образом и обладают достаточной предусмотрительностью для того, чтобы щадить основу своего государства, т. е. подвластный им народ, руководить им в смысле сохранения государства, тогда и намечается длительное развитие. Но если их дикий разум обращен только к сиюминутному наслаждению и беззастенчивому ограблению народа и они тем самым ослабляют основы государственной общины, тогда гибель всего неизбежна». — Ibid., S. 120.

В своих построениях Л. Гумплович не учел важного фактора: господство завоевателей было обусловлено (если мы на миг примем его концепцию) не только их политической зрелостью, но также возможностями, во всяком случае в области производства материальных благ, эксплуатируемой группы, поскольку в тех случаях, когда покоренный народ не производил излишков продукта (или производил их мало и нерегулярно), не было экономических основ для содержания господствующей группы и государственного аппарата. Поэтому причины кратковременности существования государств, возникших на относительно низком уровне общественного развития, следует искать не столько в характере завоевателей, сколько в особенностях покоренного народа, а главное в применяемой им технике производства.

Лучше, чем Л. Гумплович, эту сторону проблемы изложил Ф. Оппенгеймер, который также признавал завоевание *causa efficiens*¹ генезиса государства, но одновременно внес важное дополнение, говоря, что покоренные и эксплуатируемые массы могут лишь тогда привести в движение государственную машину, когда их экономическая структура достигнет определенного уровня; он утверждал, что подчинение народов, занимавшихся охотой, не порождало государственного устройства; его создает лишь завоевание народов, занимающихся земледелием и уже использующих плуг². Этот взгляд более близок тем исследователям, которые ищут причины образования государства внутри данного общества, а не вне его.

Концепция происхождения государства в результате внутреннего развития общества была сформулирована Ф. Энгельсом с привлечением конкретных примеров. Он не исключал завоевания как одной из причин формирования государственных организмов; однако центр тяжести он переносил на развитие внутренних сил и даже считал типичным образование государства в результате исключительно внутренних процессов (например, в Афинах)³; у германцев он находил примеры как эволюционного преобразования родовой организации в территориальные и государственные, так и образования госу-

¹ *Causa efficiens* (лат.) — побудительная причина. — *Прим. перев.*

² Oppenheimer F. *L'État, ses origines, son évolution et son avenir*. Paris, 1913, p. 16. Ср.: Barth P. *Op. cit.*, S. 274.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 109 и сл.

дарств германскими завоевателями (особенно на захваченных территориях Римской империи)¹. В принципе он признавал государство продуктом «общества на известной ступени развития», т. е. результатом разделения общества на классы с различными экономическими интересами; прекращать конфликты должно было государство, «сила, стоящая, по-видимому, над обществом»², а в действительности охраняющая интересы господствующего класса. Как видим, представители вышеизложенных концепций одинаково рассматривали задачи формирующегося государственного аппарата, который должен был служить средством эксплуатации масс господствующими кругами, однако они расходились во взгляде на генезис господствующих кругов (внешнее или внутреннее происхождение), а особенно во взглядах на внутренние социально-экономические предпосылки государственного устройства. Л. Гумплович вообще их не видел, Ф. Оппенгеймер помещал их скорее на втором плане, Ф. Энгельс подчеркивал их решающее значение.

Сторонники теории завоевания могут, конечно, ссылаться на факты образования многих государств путем завоевания. Эти факты связаны с миграциями народов*, которые в новое время не раз проявляли немалую энергию в колонизации, однако и в прошлом они отличались не меньшей подвижностью, как это позволяют утверждать археологические и антропологические исследования³. Расширение ареала данной этнической группы или ее переселение на территорию, уже заселенную, могли при-

¹ Там же, с. 150 и сл. «Выше мы рассмотрели в отдельности три главные формы, в которых государство поднимается на развалинах родового строя. Афины представляют собой самую чистую, наиболее классическую форму: здесь государство возникает непосредственно и преимущественно из классовых противоположностей, развивающихся внутри самого родового строя. В Риме родовое общество превращается в замкнутую аристократию, окруженную многочисленным, стоящим вне этого общества, бесправным, но несущим обязанности плебсом; победа плебса взрывает старый родовой строй и на его развалинах воздвигает государство, в котором скоро совершенно растворяются и родовая аристократия, и плебс. Наконец, у германских победителей Римской империи государство возникает как непосредственный результат завоевания обширных чужих территорий, для господства над которыми родовой строй не дает никаких средств» (там же, с. 169).

² Там же, с. 170.

³ Ratzel F. Anthropogeographie, Bd. 1, 4 Aufg. Stuttgart, 1922, S. 73; Tymieniecki K. Migracje w Europie środkowo-wschodniej i wschodniej w starożytności. — SAnt, 1952, t. 3, s. 3—47.

водить к образованию нового государства путем завоевания, но не обязательно, а в зависимости от социально-экономической структуры автохтонных народов, или сходства с ней социально-экономической структуры завоевателей, если автохтонные народы подвергались изгнанию или были немногочисленны в сравнении с завоевателями и не могли справиться с содержанием господствующего класса и государственного аппарата. Таким образом, завоевание, хотя его и следует учитывать, ни в коем случае не может признаваться главным и решающим условием генезиса государства. История знает много примеров — одним из них являются именно скандинавские народы — перехода к государственному устройству без постороннего вмешательства.

Исключение фактора завоевания еще не определяет полностью роль внутренних явлений в генезисе государственности. Возникает вопрос, может ли переход к более высоким формам общественной организации, находящий свое выражение в создании государства, произойти в результате одного «органичного» процесса; существует убеждение, что окончательным условием такого перехода являются «влияния или внешние импульсы»¹. Действительно, нельзя оспаривать того, что контакты между различными этническими и культурными группами прогрессивны. Народы, остающиеся в почти полной изоляции от остального человечества, даже при благоприятных природных условиях² развиваются неизмеримо медленнее. Нельзя отрицать византийское влияние на политическое устройство славян, а также заимствование некоторых норм западными и частично южными славянами во франкском государстве³; следует только установить истинную меру

¹ Stender-Petersen A. Das Problem der ältesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen. — *Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche*, vol. III. Firenze, 1955, p. 167. С помощью индуктивного метода нередко доказывается, будто славянские государства, как правило, формировались не путем «органичного» процесса развития производительных сил, проявляющегося в освоении крестьянами земель, а под влиянием тюрко-татарских или германских народов или же благодаря использованию торговых контактов (Hellmann M. Grundfragen slavischer Verfassungsgeschichte des früheren Mittelalters. — *JGO*, 1954, Bd. 2, S. 387—404). Что касается возможности образования государства независимо от «органичного» развития, об этом уже сказано в тексте.

² Какие были, например, у австралийских аборигенов.

³ Tymieniecki K. *Spółczesność Słowian lechickich*. Lwów, 1928, s. 129, 131.

такого влияния. Было бы совершенно ошибочно предполагать, что при контактах высшей и низшей культур первая неотвратимо оказывает влияние, а вторая пассивно его воспринимает. Именно заимствующая сторона выступает как активная сила, которая производит отбор усваиваемого и одновременно преобразует его. От ее способностей и степени подготовленности к исполнению новых функций зависят результаты дальнейшего развития. Известно, какие отрицательные последствия имело влияние европейской цивилизации нового времени на многие народы, находившиеся на низком культурном уровне¹, ибо в момент знакомства с европейцами они еще не созрели для целенаправленного восприятия и использования опыта этой цивилизации²; они легко поддавались эксплуататорским тенденциям иностранных купцов и колонизаторов и часто вымирали*. В свете этих аналогий следует оценивать и отношения славянского мира и античной средиземноморской цивилизации. Очевидно, расстояние между культурами здесь было меньше, чем в предшествующем примере, менее сильным было и политическое влияние. Поэтому отношения со средиземноморской цивилизацией не вызвали разложения, а, скорее, внесли в жизнь славян позитивные элементы. Однако, если во времена Римской империи влияние римской культуры на польские земли, несмотря на оживленные торговые сношения, не повлекло за собой перелома в социально-экономическом развитии и политических учреждениях, то в IX—X вв. поляки уже создали государственные органы, используя при этом организационный опыт западных стран; причину этого мы находим в достижении Польшей соответствующего уровня внутренней зрелости, которая имела решающее значение для эффективности внешних воздействий. То же самое касается и генезиса других славянских государств**.

Сказанное выше не умаляет роли норманнов в про-

¹ См., например: R a t z e l F. Op. cit., Bd. 2. Stuttgart, 1911, S. 227.

² Тард (T a r d e G. Les lois de l'imitation—étude sociologique. Paris, 1921, p. 356) не без основания утверждал, что развитие потребления опережает развитие производства; естественно, что использование чужого производственного опыта стимулирует соответственно высокий уровень социально-экономической жизни. Отсюда вытекало деморализующее влияние высшей цивилизации, которая у народов с более низкой культурой вызывала склонность к злоупотреблениям и давала в руки оружие уничтожения, а не выполняла соответствующей воспитательной роли.

цессе формирования славянских государств, речь идет о том, что мнение, будто лишь внешние факторы имели в этом процессе решающее значение, неоправданно. Только исследования, основанные на тщательном анализе сведений источников и учитывающие весь круг отношений, связанных с поставленной проблемой, могут установить истинные пропорции отдельных государствообразовательных факторов. Следует отметить, что в конкретной исторической действительности взаимовлияние различных этнических групп в образовании государства может приобретать различные формы в зависимости от внутреннего развития этих групп. При этом возможны три варианта: 1) иноземная группа находится на более низком уровне развития, на этапе формирования государства, в то время как автохтоны располагают сложившимся государственным аппаратом (как это было в римских провинциях, завоеванных германцами); в этом случае завоеватели используют существующий аппарат власти; 2) иноземные пришельцы имеют преимущества в развитии, располагая сформировавшимся государственным аппаратом, а местное население только создает его (как в Ливонии, завоеванной немецкими феодалами); в этом случае завоеватели используют местные социально-экономические условия для насаждения на чужой территории собственных организационных форм; 3) и наконец, обе стороны находятся примерно на одном уровне развития, как норманны и славяне в IX—X вв.; тогда даже в случае захвата организаторская роль завоевателей имеет ограниченный характер. Однако в данном случае можно утверждать, что восточные славяне скорее опередили скандинавов как в политической организации, так и в культуре*.

Мы рассмотрели проблему завоевания государств, образованных оседлыми народами, к которым принадлежали как славяне, так и норманны. Иначе протекал этот процесс у скотоводческих народов, особенно кочевников, которые нередко создавали могущественные империи, несмотря на довольно низкий уровень производительных сил, не достаточный для содержания государственного аппарата. Однако эти народы переходили к государственной жизни в специфических условиях в силу того, что государственная организация у них носила паразитический характер, т. е. черпала средства не из собственного производства, а благодаря грабительским набегам, или же завоеванию оседлых народов, которых они вынуждали платить дань**.

Глава I

РОЛЬ НОРМАННОВ В ГЕНЕЗИСЕ ПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА

Живые и непосредственные отношения с норманнами поддерживали только славяне Восточной и Средней Европы благодаря своему географическому положению. Здесь образовалось три больших и устойчивых государства: Русь, Польша и Чехия. Отношения же северо-западных славян со скандинавскими народами, и в особенности государства ободритов, носили иной характер. Поэтому этим отношениям уделяется внимание лишь постольку, поскольку это будет необходимо для освещения основной интересующей нас проблемы¹. Однако и первыми тремя странами мы займемся не в одинаковой мере, ибо степень интереса к ним викингов не была равноценной.

Письменные источники не дают никаких, даже косвенных, ономастических свидетельств о пребывании норманнов на территории Чехии и Моравии, нет оснований считать их хотя бы второстепенным фактором в организации государства; археологические данные — даже при их вольной интерпретации — позволяют выявить относительно небольшое число предметов (например, оружия)

¹ Тенденция к преувеличению роли норманнов проявилась и в отношении западных славян, хотя ни письменные источники, ни археологические данные не дают для нее основания, свидетельствуя о чисто славянском характере этого края и его господствующего класса. (См.: Hensel W. Stara Lubeka w świetle wykopalisk. — PZach., 1946, t. 2, s. 271—274.) Правильным представляется мнение Д. Клейста, который определяет группу богатых захоронений (в повяте Бытом, Мяско, Славно), содержащих скандинавские предметы быта, украшения, а также мечи с Рейна, которыми пользовались викинги, как захоронения славянских мужей, а не викингов; он признает сомнительными только пять могил около «викингского» городища Копань с характерными гребнями из кости, которые часто встречаются в скандинавских погребениях и никогда — в славянских. (Kleist D. v. Die urgeschichtlichen Funde des Kreises Schlawa. Hamburg, 1955, S. 19.)*

скандинавского происхождения¹. Однако и это скудное свидетельство поощрило некоторых археологов выдвинуть предположение о скандинавском происхождении Пшемисловичей, Славниковичей и Само, а также о викингах — владельцах пражского замка, о браке «викинга» Мешко I с благородной и, следовательно, скандинавской княжпой Добравой и т. д.² Эти домыслы, не заслуживающие названия гипотез, не нашли признания даже среди ученых, объясняющих историю славян с точки зрения решительно пронорманистской³. Чехия и Моравия являются примером славянских государств, имевших самостоятельное происхождение⁴.

¹ Например, немногочисленные группы скандинавских пахонок на картах в работе П. Паульсена (Paulsen P. Axt und Kreuz bei den Nordgermanen. Berlin, 1939, S. 257—267). Ср. число норманнских пахонок в работах чехословацких ученых: Eisner J. Základy kovárství v době hradištní v Československu. — SAnt, 1948, t. 1, s. 386; idem. Kultura normanská a naše země. — Cestami umění. Sborník prací k počtí A. Matějčka. Praha, 1949, s. 36—44; Filip J. Pradžieje Czechosłowacji. Poznań, 1951, s. 414—418.

² См.: Petersen E. Schlesien von der Eiszeit bis ins Mittelalter. Langensalza, 1935, S. 218; Zotz L. Die Frühgeschichte der Prager Burg. — Böhmen und Mähren, 1942, Bd. 3, S. 303; idem. Von den Mammutjägern zu den Wikingern. Leipzig, 1944, S. 94, 96. Зато в отношении Венгрии, где также есть скандинавские паходки, не делают столь рискованных предположений о политической роли норманнов. (Eisner J. Kultura normanská..., s. 37; Paulsen P. Wikingerfunde aus Ungarn im Lichte der Nord- und Westeuropäischen Frühgeschichte. — AN, 1933, t. 12, S. 58.) Нужно, однако, признать, что в Чехии оседали, вероятнее всего, лишь норманнские купцы. См.: Łowmiański H. Początki Polski, t. 4. Warszawa, 1970, s. 421. — *Прим. авт.*

³ Они довольствовались утверждениями о германском (франкском) влиянии на внутреннее развитие Чехии. (Loehsch H. Böhmen und Mähren im Deutschen Reich. München, 1939, S. 12; Brackmann A. Die Wikinger und die Anfänge Polens—eine Auseinandersetzung mit den neuesten Forschungsergebnissen. — Abhandlungen der Preuss. Ak. der Wiss., Philos.-Hist. Klasse, 1942, № 6. Berlin, 1943, S. 30; Sappok G. Grundzüge der osteuropäischen Herrschaftsbildungen im frühen Mittelalter.—DO, 1942, № 1, S. 222.)

⁴ Спонтанное происхождение славянских государств (однако не без оговорок) С. Смолка использовал как аргумент против положения об ином происхождении Польского государства (Smolka S. O pierwotnym ustroju społecznym Polski. Piastowskiej. — RAU, 1881, t. 14, s. 331; Wojciechowski Z. Polska nad Wisłą i Odrą w X w. Katowice, 1939, s. 22). То же мнение существует в чешской литературе об истоках Чешского государства. (Chaloupěcký V. Počátky státu českého a polského. — Dějiny lidstva, dil. 3. Praha, 1937, s. 591—619.) Вызывает сомнения положение Г. Преиделя о роли аваров в генезисе Моравского государства, поскольку достоверно известно, что это государство сложилось после паде-

В Польше, ближайшем заморском соседе Скандинавии, следы отношений с норманнами более многочисленны, хотя, по единодушному мнению польских историков, и их недостаточно для доказательства тезиса об участии норманнского элемента в формировании Польского государства. Поэтому могло показаться, что распространенная перед второй мировой войной и во время войны концепция о якобы творческом и существенном участии норманнов в этом процессе себя полностью изжила и стала примером тенденциозной интерпретации источников¹. Однако в 50-е годы в научной литературе снова были предприняты попытки вывести викингов на сцену в роли соучастников создания Польского государства². Следует вспомнить историю этой концепции и ее аргументацию; это представляется тем более необходимым, что польский материал дает сравнительные данные для характеристики аналогичной концепции применительно к русской истории, ведь в обеих странах в материалах ономастики и археологии обнаруживаются сходные следы отношений с норманнами, свидетельствующие о якобы норманнской колонизации и торговле.

В истории концепции норманнского происхождения Польского государства можно выделить два этапа: ранний, приходящийся на прошлое столетие, когда она развивалась в отечественной, польской, историографии, не вызывая широкого интереса за пределами страны; второй, более поздний, — перед второй мировой войной и во время ее, когда она проявилась в публикациях иностранных исследователей, противоречащих позиции польских историков³. Первый этап связан с широко распространенным

ния Аварского каганата, которое, несомненно, облегчило и ускорило развитие государственности и мощи моравов. (Preidel H. Die vor- und frühgeschichtlichen Siedlungsräume in Böhmen und Mähren. München, 1953.)

¹ А. Гейштор, характеризуя исследования о возникновении Польского государства, посвятил норманнской концепции только небольшое замечание в списке (Gieysztor A. Genesa państwa polskiego w świetle nowszych badań. — КН, 1954, т. 61, № 1, с. 109). О более ранней трактовке этой концепции см.: Serejski M. Z zagadnień genezy państwa polskiego w historiografii. — КН, 1953, т. 60, № 3, с. 147—163.

² Hellmann M. Grundfragen..., S. 401.

³ Обзор этих исследований до 1925 г. дал О. Бальцер (Balter O. O kształtach państw Słowiańszczyzny Zachodniej. — Pisma poświęcone, t. 3. Lwów, 1937, с. 15—28), а до начала второй мировой войны — З. Войцеховский (Wojciechowski Z. Op. cit., с. 8—14).

еще в XVIII в. мнением, будто бы польское общество и государство создавались благодаря иноземному завоеванию края, давно заселенного польским народом, причем этнически родственные завоеватели, говорящие на том же языке и называемые лехитами, создали правящий класс, знать. Только позднейшие исследования показали, что название *лехиты* — это литературная форма русского названия *ляхи*, определяющего поляков и восходящего к названию граничащего с ними польского племени лендзян или лендзитов¹.

В XIX в. только один польский историк, К. Шайноха, отождествлял лехитов с норманнами, которые, якобы, захватили Польшу в VI в. и образовали знать; автор исходил из предположения, что славяне вели примитивное хозяйство, что у них не было развитых общественных организаций и что они не были в состоянии создать государство собственными силами². Автор указывал на более раннее, уже опровергнутое к тому времени И. Лелевелем мнение Т. Чацкого о скандинавском севере как источнике польского права³ и доказывал, что *ляхи* (это название он производил из скандинавского *lag*, переводя его как *comitatus*) пришли в Польшу из Дании. Фантастические выводы Шайнохи были единодушно отвергнуты польской историографией. Иногда ошибочно помещают в ряды сторонников норманнской теории Ф. Пекосиньского. Он считал мнимых завоевателей Польши, лехитов, одним из живших в устье Эльбы польских племен, которое в конце VIII в. захватило земли по Варте и в других местах. По мнению автора, оно поддалось влиянию скандинавской культуры, в частности употребляло рунические знаки как гербы⁴.

¹ Małecki A. Lechici w świetle historycznej krytyki. Lwów, 1897; Łowmiański H. Lędzianie. — SAnt, 1953, t. 4; см. также: Tymieniecki K. Lędzicze (Lendici) czyli Wielkopolska w w. IX. — Pszegľad Wielkopolski, 1946, t. 2.

² Szajnocha K. Lechicki początek Polski. Lwów, 1858, s. 308.

³ Ibid., s. 4. См.: Czacki T. O litewskich i polskich prawach. t. 1. Kraków, 1861, s. 12. Чацкий вообще не касался норманнской проблемы в связи с образованием Польского государства. См. также: Lelewel J. Początkowe prawodawstwo polskie. Polska wieków średnich, t. 3. Poznań, 1859, s. 1.

⁴ Piekosiński F. O powstaniu społeczeństwa polskiego w wiekach średnich. — RAU, 1881, t. 14, s. 114. Автор развил концепцию В. Мацейевского, по мнению которого лехиты перед завоеванием Польши были высшим классом полабских славян и породнились с саксами, пришедшими из Скандинавии. (Maciejowski W. A. Pierwotne dzieje Polski i Litwy zewnętrzne i wewnętrzne. Warszawa, 1846).

И это положение было сразу опровергнуто и не нашло сторонников в польской историографии¹. Такие исследователи второй половины XIX в., как А. Малецкий, М. Бобринский, С. Смолка, и многие другие, не исключая работавшего несколько ранее немецкого историка Р. Рёпла², признавали, что Польское государство возникло в результате не внешнего захвата, а внутренних преобразований, нашедших также выражение в завоевательных мероприятиях Пястов, и эта точка зрения возобладала в польской историографии нашего времени³.

В начале XX в. норманнская проблема в польской историографии получила развитие при исследовании древнейших польско-скандинавских отношений, в первую очередь в связи с поморским вопросом. Уже В. Кентшинский отодвигал дату включения Поморья в состав Польши со времени Болеслава Храброго, как это считалось ранее, в глубь истории, к периоду правления Мешко⁴. Не без влияния датского историка Ю. Стенструпа, который исследовал отношения Дании с северо-западными славянами, К. Потканьский и независимо от него К. Ваховский изучали отношения Мешко I со Скандинавией и норманнской дружиной в Йомсборге, которая должна была зависеть от польского князя⁵. В. Семкович приписал норманнское происхождение магнатскому роду Авданцев (так же как вслед за «Великопольской хроникой» род Дуниных традиционно выводился из Дании), а С. Козеровский подтверждал эти выводы с помощью великопольской топономастики⁶. Ни один из этих специалистов

¹ См.: Smolka S. Op. cit., s. 331.

² Roepell R. Geschichte Polens, Bd. 1. Hamburg, 1840.

³ См., напр.: Kolańczyk K. Studia nad relikami wspólnej własności ziemskiej w dawnej Polsce. Poznań, 1950, s. 163.

⁴ Kętrzyński W. Granice Polski w X w. — RAU, 1894, t. 30, s. 27.

⁵ Potkański K. Drużyna Mieszka a Wikingi z Jomsborga. — SAU, 1906, № 6, s. 8—9; Wachowski K. Jomsborg (Normanowie wobec Polski w w. X). Warszawa, 1914. Zakrzewski S. Mieszko I jako budowniczy państwa polskiego. Warszawa, 1922, s. 55. С. Заковский признавал, опираясь на Кадлубка, польско-датскую борьбу за исходный пункт истории Польши. Обзор литературы о древних сношениях Польши со Скандинавией дал Я. Видаевич (Widajewicz J. Kontakty Mieszka I z państwami nordyjskimi. — SAnT, 1954, t. 4, s. 131—149).

⁶ Семкович W. Ród Awdańców w wiekach średnich. — Roczniki Towarz. Przyj. Nauk. Poznań, 1917, t. 44, s. 182—195; Козеровский S. Pierwotne osiedlenie pojezierza Gopla. — SQ, 1922, t. 2, s. 25.

не мог предвидеть, что их выводы будут использованы как аргументы в пользу чуждой им теории норманнского происхождения Польского государства. Еще дальше в своих выводах пошел русский норманист В. Розен, опираясь на интерпретацию только одного источника — известия Ибрагима ибн Якуба о военной силе Мешко I: в комментарии к этому арабскому источнику он высказал суждение, что норманны, которые проникали во все крупные реки континента, от устья Невы до устья Роны, не могли миновать устья Вислы; Мешко I, по его мнению, вербовал норманнов на службу и таким образом ограждал себя от нападения морских разбойников¹. Эту мысль разделял также А. Куник², хотя Ибрагим ибн Якуб ничего не сообщал об этническом составе дружины Мешко I.

Как в прошлом, так и в нынешнем столетии в польской историографии был только один исследователь, который выступил со своей собственной норманистской концепцией. К. Кротоский пересмотрел принятый ранее взгляд на отношения между лехитами и поляками. По его мнению, племя лендицов (лехитов), жившее в районе Гоплы и Варты, было завоевано поляками, пришедшими с Днестра под предводительством русоварягов, которые ушли от Олега (882 г.); от них и пошло название современной Польши³. Эта гипотеза, заполнявшая пробелы в сведениях источников фантастическими комбинациями, была единодушно отвергнута всеми польскими историками⁴.

В то время, когда Кротоский опубликовал свою статью, наступил второй этап в развитии норманизма, на этот раз

¹ Куник А. А., Розен В. Р. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах, ч. 1. СПб., 1878, с. 100. Автор доказывает, что Моислав пользовался услугами датчан, отождествляя их с «даками»* вслед за польско-силезской хроникой (там же, с. 101).

² Там же, ч. 2. СПб., 1903, с. 104.

³ Krotoski K. Echa historyczne w podaniu o Popielu i Piaście. — КН, 1925, т. 39, с. 51.

⁴ Balzer O. Op. cit., s. 25; Bujak F. Nowa hipoteza o początkach państwa polskiego. — РН, 1925, т. 1, с. 290—296. Автор теоретически допускал возможность образования Польского государства в результате завоевания, но не находил этому доказательств в источниках. Решительно и согласно с господствующим в польской науке мнением он высказался за внутренний генезис Польского государства, как и других славянских государств. Godecki R. Dzieje Polski średniowiecznej, t. 1. Kraków, 1925, с. 12. Точку зрения К. Кротоского опровергал также А. Л. Погодин (Погодин А. Л. Варяги и Русь. — Записки русского научного института в Белграде, 1932, т. 7, с. 95).

инспирированный некоторыми немецкими исследователями¹. Первым выдвинул новую концепцию Р. Хольцман; взяв за исходный пункт второе имя Мешко I — Дагон или Даг (по мнению автора, от скандинавского *Dagr*), он сделал вывод о скандинавском происхождении династии и утверждал, что датчане под предводительством Дага высадились в устье Одры, завоевали малые славянские племена между Одрой и Вислой и основали центр государства около Позпани и Гнезна². Гипотеза, не подтвержденная сведениями источников, кроме якобы скандинавского и требующего более тщательного исследования второго имени Мешко I, о захвате в Польше власти норманнами не заслуживала бы даже обсуждения, но попала на благодатную почву в тех кругах, которым пришлось не по вкусу образование Польского государства (1918 г.), включившего территории, на которых оно формировалось еще в X в.; эта гипотеза служила историческим аргументом для обоснования мнения, что поляки с самого момента зарождения своего государства были лишены организационно-государственных способностей и поэтому их восстановленное ныне государство не может быть устойчивым. Эту гипотезу сразу поддержал Л. Шульте³, тогда как немецкий историк А. Хофмейстер⁴ высказал возражения против нее. Статья же Кротоского подтолкнула к дальнейшим норманистским домыслам, в особенности генеалогическим, обосновывавшим скандинавское происхождение некоторых знатных родов⁵.

¹ Обзор этой проблемы в немецкой литературе дал А. Бракман (*Brackmann A. Op. cit.*). Сравнение литературы о германской экспансии на южном и восточном берегу Балтики см.: Kunkel O. Ostsee. — In: Pauly-Wissowa-Kroll. Real-Encyklopedie der classische Altertumswissenschaft, Bd. 36. Stuttgart, 1942, col. 1689—1854.

² Holtzmann R. Böhmen und Polen im 10. Jahrhundert. — ZVGAS, 1918, Bd. 52, S. 36.

³ Schulte L. Beiträge zur ältesten Geschichte Polens. — Ibid., S. 40, 48, 56.

⁴ В рецензии на книгу Л. Шульте А. Хофмейстер скептически высказался о норманнском происхождении Мешко I (*NZ*, 1919, Bd. 120).

⁵ Вслед за К. Кротоским, но не ссылаясь на него, пошел Ф. Хейдебранд, указывая на норманнское и особенно «руско-варяжское» происхождение некоторых польских знатных родов (*Heidebrand der Lasa F. v. Peter Wlast und die nordgermanischen Beziehungen der Slaven.* — ZVGAS, 1927. Bd. 61, S. 247—278; *idem. Die Bedeutung des Hausmarken- und Wappenwesens für die schlesische Vorgeschichte und Geschichte.* — *Altschlesien*, 1936, Bd. 6).

На более обширном сравнительном фоне, учитывая деятельность норманнов на значительной территории Европы в раннем средневековье, эту концепцию развил в нескольких статьях А. Браккман¹. Он признавал недостаточность таких аргументов, как употребление в Польше скандинавских имен, появление которых можно приписать не норманнскому завоеванию, а политическим контактам со скандинавами; он искал подтверждения норманнской теории в скандинавском, как он считал, характере польских государственных институтов². Он полагал, что славянские народы в пору формирования государства (VIII — начало XI в.) не были к этому готовы, что они не достигли соответствующего экономического и культурного уровня. Истоки государственной организации поэтому надо искать во внешних импульсах³. Из этого следовало, что в Польше и на Руси государства могли быть созданы только норманнами.

Сознавая недостаточность письменных источников, сторонники норманнской теории обратились к неписанным свидетельствам, долженствующим подтвердить экспансию викингов на польских землях: они сравнивали материалы археологических раскопок, по их мнению, скандинавского происхождения на южном берегу Балтики и в глубине континента⁴, собирали топонимику польских земель со следами скандинавского происхождения, указывали на скандинавское звучание имен некоторых ободритских князей (кстати, находившихся в тесных контактах с соседней Данией) и т. п.⁵ Не будем здесь анализировать обширную

¹ Brackmann A. Die Wandlung der Staatsanschauungen im Zeitalter Kaiser Friedrichs I. — HZ, 1932, Bd. 145, S. 1—18; idem. Die politische Entwicklung Osteuropas vom 10. bis 15. Jahrhundert. — Deutschland und Polen. München, 1933, S. 28—39; idem. Die Anfänge des polnischen Staates. — SBPA, 1934, Jg. 1934, S. 984—1015; idem. Der mittelalterliche Ursprung der Nationalstaaten. — SBPA, 1936, Jg. 1936, S. 128—142; idem. Die Wikinger und die Anfänge... Некоторые из этих статей опубликованы в кн.: Brackmann A. Gesammelte Aufsätze. Weimar, 1941, S. 154—187.

² Brackmann A. Gesammelte Aufsätze, S. 260.

³ Ibid., S. 161, 163.

⁴ Kossinna G. Wikinger und Wäinger. — Mannus, 1929, Bd. 21, S. 99; Paulsen P. Axt und Kreuz...

⁵ Особенно Р. Экблум (Ekblom R. Die Waräger im Weichselgebiet. — Archiv für slavische Philologie 1925, Bd. 39, S. 185—211). См. также: Vasmer M. Beiträge zur slavischen Altertumskunde. — ZSPh. 1929, Bd. 6, S. 151—154; 1930, Bd. 7, S. 142—150; 1933, Bd. 10, S. 305—309; idem. Wikingerspuren bei den Westslaven. — Zeit-

литературу, которая появилась в последние годы перед войной и во время второй мировой войны и которая была подробно освещена А. Браккманом в 1942 г.¹ Не будем останавливаться также на вопросе о так называемых «остаточных германцах» (остатках германского населения эпохи переселения народов), которые якобы должны были сыграть важную организационную и культурную роль на землях западных славян в качестве господствующего класса и т. п.² Как показала польская и отчасти немецкая критика³, эти выводы опирались на проблематичный археологический материал. Что «остаточные германцы» не могут приниматься во внимание как фактор в генезисе Польского государства, признавал и А. Браккман⁴. Против существования остатков германских народов на землях западных славян говорят также результаты немецких археологических исследований, показывающие отсутствие древней германской колонизации, а также разрыв между ними и позднейшей волной славянской колонизации^{5*}.

schrift für osteuropäische Geschichte, 1932, Bd. 2, S. 1—16. Данные топонимики использовал Г. Коссинна (Kossinna G. Wikinger und Wäinger..., S. 105).

¹ Brackmann A. Die Wikinger und die Anfänge...

² Petersen E. Der ostelbische Raum als germanisches Kraftfeld im Lichte der Bodenfunde des 6—8. Jahrhundert. Leipzig, 1939, S. 254—262. См. также: Kunkel O. Rugi, Liethida, Rani. — Nachrichtenblatt für deutsche Vorzeit, 1940, № 16, S. 189—198. Тезис о преобладании германского элемента на славянских землях был поддержан в последующих работах: Petersen E. Die germanische Kontinuität im Osten im Lichte der Bodenfunde aus der Völkerwanderungszeit. — DO, 1942, № 1, S. 179—205; Reche O. Stärke und Herkunft des Anteiles nordischer Rasse bei den West-Slaven. — Ibid., S. 58—59; Wienecke E. Untersuchungen zur Religion der Westslaven. Leipzig, 1940, S. 290. Автор видел влияние религии «остаточных германцев» на развитие славянских верований. Ср. рецензию Г. Лабуды на его работу (SO, 1947, t. 18, s. 469).

³ Kostrzewski J. Słowianie i Germanie na ziemiach na wschód od Łaby w 6—8 w. — PA, 1946, № 7, s. 28; Kunkel O. — Baltische Studien, 1939, № 41, S. 304—306.

⁴ Brackmann A. Die Wikinger und die Anfänge..., S. 28; Forssman J. Wikinger im osteuropäischen Raum mit besonderer Berücksichtigung des Warthelandes. Posen, 1944, S. 20.

⁵ Так, Е. Шульдт пришел к выводу, что германское население в Мекленбурге (англы и саксы) в V в. ушло оттуда, хотя некоторые остатки его еще обнаруживаются в VI в., а в конце VI в. исчезают вовсе. Автор не утверждает, что переселение славян началось непосредственно после ухода германского населения, однако полагает, что они в этой стране были уже в VII в.

Попытку изложить концепцию норманнского влияния на славянских землях на основе всех археологических, ономастических и письменных источников сделал Г. Енихен¹. Его книга была подвергнута суровой критике и немецкими, и польскими учеными, которые обвинили автора в отсутствии критицизма, в произвольности выводов, в осложнении и без того запутанных проблем². Истины ради следует сказать, что эти недостатки произошли не по вине автора, а автоматически вытекали из принятой им концепции и логики развития аргументации, а не из объективных данных.

Логическим завершением этой дискуссии, проводимой главным образом одними норманистами, которые, оперируя произвольными комбинациями, не смогли занять единой позиции в этом вопросе, стали три работы, написанные А. Бракманом, В. Коппе и Г. Людатом в 1942 г.³ В. Коппе, исходя из значительного, как он думал, влияния викингов на славянские народы, жившие между Эльбой и Преголой, признавал вполне правдоподобным⁴ скандинавское происхождение Польского государства и также

(Schuldt E. Pritzier—ein Urnenfriedhof der späten römischen Kaiserzeit in Mecklenburg. Berlin, 1955, S. 104—107; i d e m. Die slawische Keramik in Mecklenburg und ihre Datierung. — Bodendenkmalpflege in Mecklenburg. Jahrbuch 1954. Schwerin, 1956, S. 162). Д. Клейст признает, что германское население исчезло с исследуемой им поморской территории в VII в., многочисленные же находки славянского происхождения датируются концом IX в. Однако этот автор, кстати, противоречащий Шульдту, не учитывает существования в Поморье славянского населения (Kleist D. Op. cit., S. 18. Ср.: Kostrzewski J. Pradzieje Polski. Poznań, 1949, s. 184, 226).

¹ Jänichen H. Die Wikinger im Weichsel- und Odergebiet. Leipzig, 1938. Выяснением генезиса Польского государства с помощью археологических данных занимался Г. Янкун, при этом он сознавал, что они не дают возможности непосредственно решить проблему. (Jankuhn H. Zur Entstehung des polnischen Staates. — Kieler Blätter, Jg. 1940, S. 67—84.)

² Bollnow H. — Baltische Studien, 1938, № 40, S. 380—381; Labuda G. — RH, 1939—1946, t. 15, s. 281—295. К осторожности призывали и языковеды. Vasmer M. — ZSPH, 1939, Bd. 16, S. 441—445.

³ Brackmann A. Die Wikinger und die Anfänge...; Koppe W. Das Reich des Mieszko und die Wikinger in Ostdeutschland. — DO, 1942, Bd. 1, S. 253—266; Ludat H. Die Anfänge des polnischen Staates. Krakau, 1942. Статья Форсмана носит компилятивный характер и повторяет положения Бракмана (Forssman J. Op. cit.).

⁴ Koppe W. Op. cit., S. 255.

считал, что завоевание шло от устья Одры, от Волина к Варте; это положение он считал соответствующим археологическим находкам скандинавского происхождения, датировемым здесь временем не ранее X в.¹ (приблизительная дата основания Волина, по его мнению, — 940 г.). А. Браккман, после того как отпали «остаточные германцы», принял гипотезу о викингах² и попытался доказать, что они прибыли не по Одре, а по Висле и не около 940 г., а в конце IX — начале X в., когда часть датчан могла уйти на восток от шведского короля Олава, который вторгся в их страну³, — это было сходно с мыслью Кротоского, у которого поляне во главе с Аскольдом тоже ушли от Олега. Третий из названных историков, Г. Людат, занял иную позицию. Полагая, что «после ликвидации Польского государства и польских исторических исследований» (это было написано в 1942 г.) наступил подходящий момент для «объективной» трактовки проблемы⁴, он не видел необходимости в дальнейшем обсуждении ошибочной норманнской проблемы применительно к Польше. Так, он отметил, что скандинавское происхождение Мешко I не доказано⁵, отказался от мнения, будто Польское государство образовалось в результате внешнего завоевания, хотя и поддерживал утверждение о скандинавском и пемецком влияниях как существенном факторе в генезисе этого государства. Скептически смотрел на скандинавское происхождение Мешко I и Польского государства и А. Хофмейстер⁶. Трудно отрицать, что завершение всей этой дискуссии так же красноречиво, как и ее хронология: 1918—1942 (1944).

После данного обзора перейдем к систематическому рассмотрению аргументов норманистов. Прежде всего бросается в глаза упорное молчание письменных источни-

¹ Ibid., S. 265.

² Brackmann A. Die Wikinger und die Anfänge..., S. 23, 30.

³ Ibid., S. 50.

⁴ Ludat H. Op. cit., S. 14.

⁵ Ibid., S. 57.

⁶ Hofmeister A. Der Kampf um die Ostsee vom 9. bis 12. Jahrhundert, 2 Aufl. Greifswald, 1942, S. 13, 34. Автор характеризовал результаты дискуссии, начатой Хольцманом в 1918 г., следующим образом: «Между тем это предположение должно быть введено в более широкий круг <вопросов>, без чего вряд ли возможно дать его обоснование». (Ibid., S. 34.) Имел сомнения относительно выводов дискуссии и О. Кункель (Kunkel O. Die Ostsee, col. 1852).

ков не только о деятельности, но и вообще о пребывании норманнов в Польше. Хотя источников по истории Польши в X в. немного, тем не менее они позволяют начиная со второй половины столетия представить ход событий, по крайней мере внешнеполитических. Источники отмечают крупнейшие конфликты (после смерти Мешко I), а также характеризуют внутренние отношения времени правления Мешко II (Ибрагим ибн Якуб). Можно ли допустить, чтобы активные и, согласно норманнской теории, господствующие скандинавы не обратили на себя внимание хронистов? Браккман ссылался на тенденциозность Галла Анонима¹, забывая, что его хроника не является главным источником по истории Польши (по крайней мере для X — первой половины XI в.). Другие иностранные источники также хранят полное молчание о норманнах в Польше, хотя норманны — об этом свидетельствует пример Руси — выступали прежде всего на международной арене в качестве дипломатических агентов, наемных воинов и купцов. Все же, основываясь на молчании источников, было бы рискованно отрицать участие норманнов в политической и экономической жизни формирующегося Польского государства. Но есть полное основание полагать, что норманнский элемент, если он и был, не только не сыграл существенной роли в генезисе Польского государства, но вообще был довольно ограниченным. Вместе с тем очевидно, что предположение, выдвинутое *ex scilento*, требует проверки всеми доступными методами, т. е. с помощью и исторической дедукции (в данном случае определения роли норманнов в общей системе отношений того периода) и индукции (косвенных указаний в данных ономастики и археологии).

Прежде всего, надо внести поправку в утверждение Браккмана, будто славяне в период образования ранне-средневековых и средневековых монархий не созрели для создания государства собственными силами; эта мысль у автора, недостаточно знакомого с внутренним развитием славян, возникла, очевидно, из оценки кризиса, который пережила польская монархия после смерти Болеслава Храброго². Однако это было временное явление: политическая мощь Польши на какой-то момент заколебалась, воцарилась анархия; сам же факт быстрого преодоления

¹ Brackmann A. Die Wikinger und die Anfänge..., S. 7, 11.

² Brackmann A. Gesammelte Aufsätze, S. 161, 163.

кризиса (медленнее всего — в Мазовии) убедительно свидетельствует, что в Польше имелись условия не только для существования государства, но и для создания государства централизованного. Политическая раздробленность, которая наступила позднее, в XII и XIII вв., означала изменение только формы государственности (кстати, аналогичной феодальной раздробленности в западных странах). То же самое можно сказать и о других славянских странах: IX и X вв. являются периодом повсеместной кристаллизации раннефеодальных государств в отличие от VI—VII вв., когда создаваемые государственные образования (королевства Боза *, Само **) не были стабильными. С этой точки зрения для объяснения генезиса славянских государств нет нужды апеллировать к решающему влиянию внешних факторов.

Главный довод в пользу норманнского влияния на Польшу (и соответственно норманнского происхождения Польского государства) А. Браккман видел в характере строя, созданного, как он думал, усилиями Мешко I. Основываясь на положении С. Кутшебы, он считал определяющей чертой централизацию власти в руках правителя, ставшего абсолютным государем¹. Эту же черту он признавал основной для всех норманнских государств, созданных как на западе (в Нормандии, Южной Италии, Англии), так и на Руси². Однако мы не можем согласиться с мнением, что норманны-завоеватели перенесли свое местное право в Италию и Англию и создали идеальный тип средневекового феодального государства³. Даже в Англии, в пределы которой скандинавы (в основном датчане) вторгались начиная с IX в., размеры их влияния на правовые институты не совсем ясны⁴. Поэтому и воздействие норманнов на тенденции к централизации без

¹ Ibid., S. 160.

² Ibid., S. 340, 133. Мы не рассматриваем здесь специфических черт норманнских государств, описанных автором, поскольку эти детали не существенны для нашего главного вывода.

³ Mitteis H. *Lehnrecht und Staatsgewalt*. Weimar, 1933.

⁴ У. Стаббс не придавал датскому завоеванию большого значения в развитии государственного строя Англии (Stubbs W. *The Constitutional History of England*, vol. 1. Oxford, 1875, p. 197—203). Эта точка зрения была поддержана, хотя и не целиком. Так, С. Б. Краймз говорит о непрерывности англосаксонского развития (Crimes S. B. *English Constitutional History*. Oxford, 1948, p. 72). Зато Ф. Стентон считал, что скандинавское влияние недооценивалось (Stenton F. M. *Anglo-Saxon England*, 1950, p. 704).

учета местных особенностей развития в соответствующее время нельзя считать равноценным во всех странах.

Приведенные выше наблюдения полностью ускользнули от внимания автора; более того, его взгляды претерпели эволюцию, которую трудно признать удачной. В опубликованной в 1932 г. статье он поставил вопрос так: развились ли тенденции к усилению государственной власти в Германии (XII в.) под влиянием античного представления о государстве или в основе их были примеры норманнских государств¹— и пришел к выводу, что тенденции к централизации, проявляющиеся как в норманнских государствах (вне Скандинавии) X—XI вв., так и в немецких политических центрах XII в. были закономерным проявлением общественного развития того времени². А в статье, написанной позднее (1936 г.), он уже не сомневался в решающем значении норманнского влияния на развитие централизаторских тенденций в Германии³, если же эти тенденции в Европе вначале затормозились, то причиной тому, по его мнению, послужили упадок норманнского государства в Южной Италии, а затем франко-английские войны XIII—XV вв.⁴ Эта эволюция взглядов Браккмана объясняет и опубликованную в 1934 г. статью о начале Польского государства, в которой автор признал централизованную власть специфической чертой норманнских государств и тем обосновывал норманнскую теорию применительно к Польше.

Не только выводы, но и отдельные аргументы А. Браккмана были сформулированы слишком поспешно. Утверждение о сильной власти, сосредоточенной в руках монарха, и тем более приравнивание ее к абсолютизму требует серьезных оговорок, в особенности для раннесредневековых государств как в Скандинавии⁵, так и в славянских странах. Взгляд Кутшебы на характер княжеской власти

¹ Brackmann A. Gesammelte Aufsätze, S. 341.

² «В непосредственном влиянии одного государства на другое не было недостатка, но вообще в различных странах происходило параллельное развитие под влиянием определенного «духа времени». (Ibid., S. 354.)

³ Brackmann A. Gesammelte Aufsätze, S. 135.

⁴ Ibid., S. 139.

⁵ См.: Maurer K. Altnorwegisches Staatsrecht. Leipzig, 1907; Bugge A. Wikinger. — In: Hoops J. Reallexikon der germanischen Altertumskunde, Bd. 4. Strassburg, 1918—1919, S. 529. О королевской власти у германцев см.: Amira K. v. Grundriss des germanischen Rechts, 3 Aufl. Strassburg, 1913, S. 149—153. Автор

в Польше был во многом опровергнут новейшей историографией¹. Без сомнения, князь обладал сильной властью, но ее ограничивал обычай и прежде всего соотношение сил, которые обеспечивали окружению князя участие в управлении государством и принятии важных решений. Уже первые правители, известные по историческим источникам, Пясты — Мешко I и Болеслав Храбрый — не выглядят такими деспотическими завоевателями, какими их представляли себе норманисты; они считаются с мнением знати и дружины². В историографии подчеркива-

верно указал, что на усиление королевской власти повлияло завоевание территории Римской империи. См. также: Planitz H. Deutsche Rechtsgeschichte. Graz, 1950, S. 17, 43; Conrad H. Deutsche Rechtsgeschichte. Karlsruhe, 1954, S. 29. Если и признать основной чертой института королевской власти у германцев ее сакральный характер, то следует оговорить, что народу принадлежит не только право контроля, но и право свержения и даже умерщвления короля. См.: Vries J. de. Das Königtum bei den Germanen. — Saeculum, 1956, vol. 7, S. 298. Приведем характерное известие источника о королевской власти в Швеции: «Обычай у них таков, что какое бы то ни было общественное дело решается скорее единодушным приговором народа, чем властью короля» (*Sic quippe apud eos moris est, ut quodcumque negotium publicum magis in populi unanima voluntate, quam in regia constet potestate.* — Vita Anskarii auctore Rimberto, cap. 26. — MGH SS, t. II. Hannoverae, 1829, p. 712)*.

¹ «Абсолютизм» Пястов уже давно опровергнут Ф. Буяком (Buja F. O naturze państwa piastowskiego. — RAU, 1905, № 3, s. 5—6). Эту проблематику с новой точки зрения освещает Я. Адамус (Adamus J. O monarchii Gallowej. Warszawa, 1952, s. 135—151). Если в довоенном издании С. Кутшеба писал, что власть Пястов «была очень сильной, абсолютной», то в посмертном издании той же книги издатель А. Ветулани, сохранив «была очень сильной», опустил слово «абсолютной» (Kutrzeba S. Historia ustroju Polski w zarysie, t. 1. Kraków, 1939, s. 24; Ср.: Ibid., Warszawa, 1949, s. 32).

² Так, современник Мешко I Видукинд назвал среди окружения этого князя *optimates*, которые заявили пленному немцу Вихману, что получат у своего князя согласие на его освобождение, поскольку они не сомневались, что господин их послушает (*Widukind. Res gestae Saxonicae*, III, 69. — MGH SS, t. III. Hannoverae, 1839, p. 83)**). Это событие относится к 967—968 гг. Мешко, сын Болеслава Храброго, объясняет послам императора, что не может исполнить данного им обещания из-за запрета отца и его рыцарей: «Его [Болеслава] рыцари, здесь присутствующие, этого не допустят» (*sui milites hic modo presentes talia fieri non paciuntur.* — Thietmar. Kronika, VII, 17. — Poznań, 1953, s. 225). Галл Аноним описывает советы Болеслава Храброго *consiliarii* (советниками) согласно обычаям X—XII вв. (*Galli Anonymi Cronica et gesta ducum sive principum Polonorum*, I, 13. — Kraków, 1952, p. 32)***).

лась децентрализация управления также и на Руси¹; следует сказать, что власть киевских князей, во всяком случае, не была сильнее, чем в других славянских странах и осуществлялась при широком участии бояр и дружинников². Значит, решающий, как считал А. Браккманн, аргумент, который должен был обосновать норманнскую теорию, основывался на неточных данных. Если говорить о сходстве славянских и скандинавских государственных институтов, то оно состояло не в создании специфической сильной централизованной власти с чертами абсолютной монархии, а скорее в ограничении этой власти общественными силами, родовой и военной знатью. Эта особенность, характерная и для славянских стран, которые подверглись норманнской экспансии, тем не менее не свидетельствует о скандинавском происхождении государственного строя у славян, поскольку он создавался в похожих условиях общественного развития и соответствовал, согласно выражению А. Браккмана, «духу времени».

Аналогично обстоит дело с другим аргументом, на который охотно ссылаются сторонники норманнской теории, начиная с В. Розена³, — германским характером дружины Мешко I, известной по описанию Ибрагима ибн Якуба и представляющей якобы иностранный элемент в славянской стране⁴. И вновь перед нами недоказанное, более того — ошибочное умозаключение, что дружина, особенно в той форме, в какой она выступает у Мешко I, якобы

¹ Б. Д. Греков говорит о неустойчивом политическом единстве Киевской Руси (Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 309; ср.: Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, с. 96). Браккманн, рисуя образ сильной централизованной власти в «варяжском государстве» на Руси, ссылаясь на работу К. Штелина (Stählin K. Geschichte Russlands von den Anfängen bis zur Gegenwart, Bd. 1. Berlin, 1923, S. 54) и немецкий перевод «Курса русской истории» В. О. Ключевского. Однако ни одна из этих работ не дает права делать обобщений, которые на их основе предпринял Браккманн (Brackmann A. Gesammelte Aufsätze, S. 341).

² Характер княжеской власти нашел яркое отражение в древнерусском летописании. Игорь под давлением дружины вторично собирает дань с древлян и платится за жадность жизнью (ПВЛ, ч. 1, с. 39—41). Святослав Игоревич по призыву киевских бояр спешит с Дуная к Днепру для обороны столицы от печенегов (ПВЛ, ч. 1, с. 48); Владимир Святославич решает важные государственные дела в окружении бояр и старейшин города (ПВЛ, ч. 1, с. 58, 74 и др.).

³ Hellmann M. Die Grundfragen..., S. 401.

⁴ Jankuhn H. Op. cit., S. 69.

представляет собой явление специфически германское, тогда как в действительности ее появление засвидетельствовано у многих народов — и не только германских¹; на разных этапах она приобретала и различные формы. Понятие дружины многозначно: в самом общем значении — это добровольная зависимость свободного человека, обязывающая его верно служить и помогать вождю или господину, который со своей стороны должен о нем заботиться². Сразу надо выделить конкретные формы этого института, различные на разных этапах, хотя порой и сосуществующие друг с другом, и не поддающиеся хронологическому разграничению. У германцев встречаются более или менее развитые формы дружины, но они есть и у других народов. Прimitивная форма дружины — это организация военных отрядов для одного похода; у германцев она описана Цезарем и продолжала существовать у викингов³ *. Такая дружина соответствовала прежде всего обществу, в котором еще не сформировались или только начинали складываться классы, и была зафиксирована у славян Тацитом в известии о венедах⁴. Такого типа временные союзы не обременяли вождей содержанием дружинников и не приводили к значительному имущественному расслоению. Настоящая развитая дружина была отрядом, остающимся под крышей и на содержании

¹ Фюстель де Куланж справедливо видел аналогичные институты у разных народов Галлии (Fustel de Coulanges. *Les origines du système féodal, de bénéfice et de patronat*, 6 éd. Paris, 1890, p. 27. Ср.: Julian C. *La Gaule*, 2, 5 éd. Paris, 1924, p. 77). Такое же мнение существует в немецкой литературе: Mitteis H. *Lehnrecht*, S. 18; Conrad H. *Deutsche Rechtsgeschichte*, Bd. 1. Karlsruhe, 1954, S. 35; Vaněček V. *Les "družiny" (gardes) principales dans les débuts de l'État tchéque*, t. 2, 1949, p. 429. О следах дружины в политическом строе средневековой Сербии см.: Тараповский Ф. В. Несколько идеографических черт старого сербского права. — *Conférence des Historiens des États de l'Europe Orientale et du Monde Slave*, vol. 2. Varsovie, 1928, p. 267.

² См.: Schlesinger W. *Herrschaft und Gefolgschaft in der germanisch-deutschen Verfassungsgeschichte*. — *HZ*, 1953, Bd. 176, S. 235.

³ *Ibid.*, S. 241.

⁴ Тацит пишет о венедах: «...ради грабежа <они> рыщут по лесам и горам, какие только ни существуют между певкинами и феннами» (*nam quidquid inter Peucinos Fennoque silvarum ac montium erigitur, latrociniis pererrant*. — *Tacitus Germania*, cap. 46)**. Это нельзя понимать иначе, как действия небольших вооруженных отрядов, организованных в дружины, хотя, по мнению Л. Нидерле, Тацит указал здесь лишь на кочевой образ жизни славян.

вождя; ее начало падает на время усиливающейся военной деятельности, которая была характерна именно для периода становления государственности, когда дружина благодаря грабительским походам стала важным средством добывания богатств¹. Такой тип дружины хорошо известен и германскому², и славянскому обществу³.

Однако уже в период раннефеодального государства складывается новый облик дружины, представляющей группу зависимых от правителя свободных людей, получающих от него материальную помощь и располагающих собственным хозяйством; эта форма дружины органически развилась из предшествующей и требовала больших затрат, будучи предназначена не только для организации военных нападений, приносящих непосредственный доход, но (может быть, в основном) для того, чтобы держать население в подчинении у вождя, князя; она стала слишком многочисленна, чтобы князь мог ее содержать. О Мешко I уже упомянутый автор пишет: «Он дает этим мужам одежду, коней, оружие и все, чего они потребуют. А когда у одного из них родится ребенок, он приказывает выплатить ему жалование». Эта дружина насчитывала 3000 человек⁴. Тут мы видим дружину, состоящую из рыцарей, имеющих семьи, ведущих собственное хозяйство; эта форма дружины определялась существованием организованного государственного аппарата. Источники не дают сведений, была ли она результатом собственного развития польского общества или заимствована из соответствующих иностранных институтов; ничто, однако, не мешает признать, что она появилась из предшествующей формы дружины согласно естественному ходу исторического развития. В польской науке признавался именно эволюционный генезис славянских дружин⁵; такому взгляду ни в коей мере не противоречит тот факт, что с

¹ Именно эту «производительную» функцию дружины отметили немецкие послы в беседе со Святославом Ярославичем (1075 г.), который показал им свои богатства: «Се (богатства. — Х. Л.) ни въ чѣтоже есть, се бо лежитъ мъртво; сего суть кѣметие лучше, мужи бо ся доищють и больша сего» (ПСРЛ, т. 2. СПб, 1908, стб. 189—190).

² Planitz H. Op. cit., S. 18.

³ Vaněček V. Op. cit., p. 432.

⁴ Kowalski T. Relacja Ibrahima ibn Jakuba z podróży do krajów słowiańskich w przekazie al-Bekriego. Kraków, 1946, s. 50.

⁵ Tymieniecki K. Społeczeństwo Słowian lechickich, s. 178.

аналогичными формами дружин мы встречаемся и на скандинавской почве¹.

Следовательно, существование дружин у славян, а в особенности у Мешко I, не подтверждает тезиса о скандинавском происхождении Польского государства; даже если бы кто-нибудь доказал, хотя этого до сих пор не сделано, что Пясты использовали как образец скандинавские дружины, степень скандинавского влияния на создание Польского государства от этого не увеличится. Вообще проблема общественных институтов так сложна и требует привлечения такого большого сравнительного материала, что поспешные выводы на основе лишь внешних аналогий, без подробного анализа соответствующих институтов не могут считаться убедительными.

При отсутствии письменных известий ценные результаты можно получить при помощи ономастических и археологических исследований, которые проливают свет на пропикновение инородных элементов в данную среду; другое дело, что они требуют осторожной и искусной интерпретации, чтобы отделить свидетельства о переселениях от свидетельств о торговых, политических и культурных отношениях.

Так, иностранное имя не всегда определяет этническую принадлежность его владельца и даже его далеких предков, поскольку во многих случаях является отражением современных или давних политических или же торговых, культурных отношений*. Это обстоятельство надо учитывать также при интерпретации названий местности, если они образованы от личных имен. Убедительным доказательством иноэтничного населения можно признать топонимы, образованные от иноязычных профессиональных или топографических терминов**; однако таких топонимов скандинавского происхождения ни на территории

¹ Дружина как таковая описана в «Круге земном» на примере дружины норвежского короля Олава Святого (1015—1030); она состояла из 60 собственно дружинников (*hirdmenn*), 30 купцов (*gestir*), и, кроме того, 30 слуг (*húskarlar*) (*Snorri's Königsbuch*. Jena, 1922, S. 78)***. Дружину, состоящую из 3000 (как у Мешко I) или 6000 воинов, имел Кнут Великий (ок. 995—1035) (*Dänische Rechte*. Weimar, 1938, S. 195—198). Однако датская королевская дружина в такой форме не могла появиться ранее возникновения раннесредневекового государства в середине X в. при Харальде Синезубом, т. е. не раньше правления Мешко I (см.: *Das norwegische Gefolgschaftsrecht*. Weimar, 1938, S. IX).

Польши, ни на территории Руси исследователи обычно не отмечают (за редкими исключениями, вроде названий днепровских порогов). Еще большей осторожности требуют доводы, основанные на археологических находках, чем на ономастике, поскольку материальные предметы поступали прежде всего благодаря торговым отношениям и военным походам¹ *. Доказательным свидетельством переселения можно считать только целые наборы иностранных предметов, например в захоронениях или на поселениях. При этом надо учитывать один момент, который недостаточно принимается во внимание, особенно в топографических исследованиях, а именно количественную оценку данных, обычно произвольную у сторонников норманнской теории. Уже несколько десятков точек на карте, особенно малого масштаба, создает оптический обман насыщенности территории иностранными элементами, но исследователь не должен поддаваться этому впечатлению, а обязан подтверждать свои выводы статистическим сравнением с общей картиной местных материалов.

Итак, для нас особенно интересны сведения о скандинавских топонимах на территории Великопольши, колыбели Польского государства и государства Пястов; они обозначены на картах Енихена² и Паульсена³. Здесь поражает число местных названий, которым приписывается скандинавское происхождение, в то время как число археологических находок невелико, особенно в сравнении с Поморьем и Силезией⁴. Поэтому было бы рискованно говорить о значительном наплыве норманнов на основную государственную территорию Польши, тем более что число этих названий скромное — они составляют в Великопольше вместе с Куявией и Ленчицкой землей всего 19⁵, причем некоторые, как Гордово⁶, Щодронка, Щод-

¹ Kostrzewski J. *Kultura prapolska*. Poznań, 1949, s. 337; idem. *Pradzieje Polski*, s. 272; Małowist M. *Problematyka gospodarcza badań wczesnośredniowiecznych*. — *Studia wczesnośredniowieczne*, 1952, t. 1, s. 21.

² Jänichen H. *Op. cit.*, карта «Сопоставление названий местностей и археологических находок».

³ Paulsen P. *Axt und Kreuz...*, S. 258, 267.

⁴ Л. Кочи утверждает, что в Поморье следов пребывания норманнов очень немного, однако в Великопольше их еще меньше (Koczy L. *Jomsborg*. — *КН*, 1932, г. 46, s. 288).

⁵ Jänichen H. *Op. cit.*, S. 50.

⁶ Его можно связать с древнескандинавским *gardr*, а со славянским *gr-d-*, *superbus*. См.: Miklosich F. *Die Bildung der slavischen Personen- und Ortsnamen*. Heidelberg, 1927, S. 144.

рово¹, сомнительного происхождения, или же несомненно (как название оз. Гопло) не скандинавского. Допустим, что автор не исчерпал всех скандинавских названий и что на этой территории в действительности было около 20 скандинавских названий населенных пунктов. На этих землях, занимающих приблизительно 60 тыс. кв. км², около 1000 г. жило наверняка не менее 250 тыс. человек³; здесь должно было находиться по крайней мере 3000 поселений (даже если считать 80 человек на поселение). Эти 20 пунктов со скандинавскими названиями составили бы около 0,7%, даже если бы все они существовали в конце X — начале XI в., в чем уверенности нет*. Принимая во внимание, что значительная часть местных названий происходит от имен владельцев, надо признать, что викинги могли составлять только небольшой процент в правящем классе и были незначительной частью в сравнении со всем населением. Таким образом, топонимика дает свидетельство, противоположное тому, какое ей приписывали сторонники гипотезы о норманнском происхождении Польского государства.

Польские исследователи критиковали также попытку связать происхождение некоторых польских знатных родов, таких, как Авданцы и Лебеди, со Скандинавией⁴.

¹ Кроме топонима Щедрик, связываемого В. Семковичем с именем Теодорика, от которого должно происходить название Щодрово (Щодрунка, Щодрово. См.: Kozierowski S. Badania nazw topograficznych na obszarze dawnej Zachodniej i Środkowej Wielkopolski, t. 2. Poznań, 1922, s. 111, 112, 117), существовали старопольские имена Щодр, Щодрох (Taszycki W. Najdawniejsze polskie imiona osobowe. Kraków, 1925, s. 99), от которых произошли названия Щодрохово, Щодров, Щодрово (Kozierowski S. Badania..., s. 390).

² L adenberger T. Zaludnienie Polski na początku panowania Kazimierza Wielkiego. Lwów, 1930, s. 35.

³ При плотности около 4—5 человек на 1 кв. км. Приблизительно в 1400 г., когда благодаря обилию источников можно полностью выявить древнейшие великопольские поселения, в этой местности на территории в 32 400 кв. км существовало 2621 поселение (из которых 374 впоследствии в источниках не упоминались). При таких пропорциях на территорию в 60 000 кв. км падает более 4800 поселений (Łowmiański H. Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich. Warszawa, 1953, s. 242; Hładyłowicz K. J. Zmiany krajobrazu i rozwój osadnictwa w Wielkopolsce od XIV do XIX w. Lwów, 1932, s. 79, 107).

⁴ Brückner A. Dzieje kultury polskiej, t. 1. Kraków, 1931, s. 320—324; Friedberg M. Kultura polska a niemiecka, t. 1. Poznań, 1949, s. 108. Позднее попытались установить норманнское происхождение имени Kietlicz. (Grappin H. Normandie et Pologne. — RES, 1935, vol. 15, p. 224—228.)

Из двух самых ранних имен представителей польской знати — Odilienus и Pribuvoius¹ — второе несомненно, а первое вероятно польское². Однако это были сторонники немки Оды, и один из них мог происходить из свиты княжны. Очевидно, что отрицать проникновение в ранне-средневековую Польшу иноземцев, в том числе норманнов, невозможно³. Выходец из немцев есть даже среди редариев*, тем более что весьма вероятно стремление западных рыцарей попасть в дружину Пястов, что известно и из сведений Галла Анонима; но из того же источника видно, что иммиграция была незначительна⁴. Ярким следом пребывания норманнов на польских землях надо признать названия, происходящие от слова *vaering* (*варяг*), на которые уже давно обращено внимание в русской историографии^{5**} и которые исследовал шведский ученый Р. Экблум, считавший, что они расположены на торговых путях, идущих от Балтики к Кракову и по Бугу и Днест-

¹ Thietmar, IV, 58, p. 225.

² Не исключено немецкое происхождение имени Odilienus, хотя известны германские имена близкого, но не идентичного звучания. (Förstemann E. Altdeutsches Namenbuch, Bd. 1. Bonn, 1900, col. 188 (Audiliana), 863 (Hodilo), 1183 (Odilus), 1184 (Odilia) и др.) Однако надо прежде всего считаться с польским именем Одолан, которое мог исказить немецкий хронист. (Taszycki W. Op. cit., s. 86.)

³ А. Брюкнер, не признавая скандинавское происхождение Авданцев и Лебедей, говорил, однако, о норманнах, что «некоторые из них, наверное, дошли до Польши, поселились здесь и обзавелись семьями» (Brückner A. Op. cit., S. 320).

⁴ Галл писал о Болеславе Храбром: «Любой честный чужеземец, отличившийся в бою, звался у него не рыцарем, а королевским сыном, и если, как это иногда случается, он узнавал, что кто-то из них испытывает недостаток в лошадях или в прочем, то давал ему множество, как бы в насмешку над остальными» (Et quicumque probus hospes apud eum in militia probabatur, non miles ille, sed regis filius vocabatur, et si quandoque, ut assolet, eorum quemlibet infelicem in equis vel in aliis audiebat, infinita dando ei circumstantibus alludebat. — Galli Anonymi Cronica, I, 16, p. 35)***. Очевидно, Галл делал выводы об обычаях Болеслава Храброго на основе более поздних наблюдений, так как писал и о Болеславе II Щедром: «благодарно принимал чужеземцев» (hospitum susceptor benignus.—Ibid., 1, 23, p. 48)****. Известно, что Болеслав Храбрый пользовался помощью чужеземных воинов, в походах на Русь участвовали (кроме печенегов) немцы и венгры (Thietmar, VIII, 32, p. 623), кое-кто из них мог поселиться в Польше. (См.: Тус Т. Z dziejów kultury w Polsce średniowiecznej. Poznań, 1924, s. 132—134.)

⁵ Куник А., Розен В. Указ. соч., с. 53.

ру к Черному морю¹. Название *варяг*, неизвестное в Западной Европе, пришло в Польшу, скорее всего, из Руси, его следы частично находятся вдоль пути, идущего из Киева через Краков на запад². Поскольку эти топонимы встречаются на пограничье и водоразделах, то, скорее всего, обозначают поселения, связанные с организацией транспорта и возникшие на ответственных местах, где надо было охранять дороги, или же при волоках. Труднее объяснить происхождение наименований великопольских поселений Варезин в Виленском повете и Вареговице близ Гнезна³, были ли они основаны купцами или же варягами, оставшимися на княжеской службе. И сохранившиеся названия типа Русек, Русочин, Русин, и археологические находки в Поморье свидетельствуют о проникновении древнерусских и, вероятно, варяжских элементов из Руси в Польшу не только сухопутным путем Киев — Краков, но и через Балтику⁴, во всяком случае,

¹ Р. Экблум возражал против приписанного ему взгляда, будто бы варяги полностью захватили пути по Висле (Ekblom R. Op. cit., S. 190, 192). М. Рудницкий, не опровергая полностью этимологию Экблума, одновременно доказывает, что она не единственно возможная и что эти названия могут происходить от польского (?) названия (имени) *Warega*. Однако географическое размещение названий, русские аналогии, наконец, гипотетичность польского названия *Warega* свидетельствуют в пользу этимологии Экблума. (Rudnicki M. Lechici i Skandynawi. — SO, 1922, t. 2, s. 220—234.)

² Łowmiański H. Problematyka historyczna Grodów Czerwieńskich. — KH, 1953, r. 60, № 1, s. 76.

³ См.: Kozierowski S. Badania..., s. 359 (Варяж — корчма под Пишкой в Виленском повете; Варегове — княжеское владение в 1291 г.); idem. Badania..., t. 2, s. 442 (Варежин — корчма в Виленском повете). Сомнительно, что варяги могли проложить себе дорогу на Балтику и в Швецию через Польшу, как это вытекает из положения Арбмана (Arbman H. Une route commerciale pendant les X et XI siècles. — SAnt, 1948, t. 1, p. 435—438), допускавшего существование пути из Руси через Краков, далее Вислой или Одрой в Скандинавию; нет ни исторического, ни географического обоснования для этого пути, поскольку традиционные пути Двиной или Невой были для Руси не менее удобны.

⁴ Łęga W. Kultura Pomorza we wczesnym średniowieczu na podstawie wykopalisk. — Roczniki Tow. Nauk w Toruniu, 1930, t. 36, s. 249. О проникновении в Польшу русских дружинников свидетельствуют захоронения в Лютомерске под Лодзью первой четверти XI в. (дружинники киевского князя Святополка, изгнанного окончательно из Руси в 1019 г.)*. См. также: Jażdżewski K. Stosunki polsko-ruskie w średniowieczu. — Pamiętnik Słowiański, 1955, t. 4, s. 355; idem. Cmentarzysko wczesnośredniowieczne w Łutomiersku pod Łodzią w świetle badań z r. 1949. — Materiały wczesnośredniowieczne, 1951, t. 1, s. 153—163.

упоминавшийся топоним Вареговице показывает, что они могли добраться и до княжеского двора, и до столицы края.

Особое внимание сторонники норманнской теории уделяли второму, якобы скандинавскому, имени Мешко I. Имя это названо только в одном источнике: акте о передаче под опеку «Гнезненского государства» папе (ок. 991 г.), а вернее, его кратком переложении, сохранившемся в двух группах записей; в одной имя передано как Dagome, в другой — Dagone. Некоторые историки допускали, что такая форма появилась из исковерканного выражения: Ego me[sco]¹; но вероятнее, что в документе имя князя названо правильно, и оно звучало Dago(ne). Однако не обязательно связывать это имя со скандинавским Dagr. Назначение акта указывает на то, что Мешко, известный в источниках под своим славянским именем, в этом случае должен был быть назван своим христианским именем. Как в польской, так и в немецкой науке предполагалось, что оно звучало как Дагоберт, что указывает на его связи с Лотарингией, где существовал культ этого святого². Следует добавить, что мнение, будто дочь Мешко I, выданная замуж за шведского короля Эйрика, имела скандинавское имя Сигрид Сторрада*, оказалось ошибочным после проверки по источникам: в действительности оно звучало Свентослава³. На вымысле саг основан и другой ошибочный вывод, что якобы Волин был захвачен в X в. викингами под предводительством Стюрбьёрна; он опровергнут после тщательной проверки источников⁴. Славянская принадлежность Во-

¹ Balzer O. Genealogia Piastów. Kraków, 1895, s. 24. Взгляды автора разделял еще Хофман. Совершенно обособленную, скептическую точку зрения на передачу этого имени занял Видаевич, который попутно выступал и против норманнской теории (Widajewicz J. Początki Polski. Wrocław—Warszawa, 1948, s. 123).

² Kunkel O. Ostsee, col. 1852; Otrębski J. Imiona pierwszej chrześcijańskiej pary książęcej w Polsce. — SO, 1947, t. 18, s. 112; Łowmiański H. Imię chrzestne Mieszka I. — SO, 1948, t. 19, s. 261—283.

³ Это установил Стенструп, а за ним приняла польская литература.

⁴ Koczy L. Polska i Skandynawia za pierwszych Piastów. Poznań, 1934, s. 7—42; Labuda G. Saga o Styrbjörnie, jarlu Jomsborga (z dziejów stosunków polsko-szwedzkich w w. X). — SAnt, 1953, t. 4, s. 283—332. Очень низко оценивал известия саги о викинг-ах из Йомсборга Я. де Фрис (Vries J. de. Altnordische Literaturgeschichte, Bd. 2. Berlin, 1944, S. 188).

лина в X в. и в более позднее время несомненна¹ *.

Таким образом, в ономастических и письменных источниках не имеется прямых данных, которые бы свидетельствовали о значительной или хотя бы серьезной роли норманнов в генезисе и развитии Польского государства; без сомнения, скандинавы проникали в Польшу и в Великопольшу, но ограниченно. Этому заключению не противоречат и данные археологии, красноречивость которых как источника для изучения политических польско-скандинавских отношений охарактеризовал И. Костшевский, написавший в связи с работой Енихена: «Если на всей территории западной Польши есть только одно викингское захоронение в Чеплем (Гнезиский пов.) в Поморье, если в Гнездне и Познани, столицах якобы викинга Мешко I и местопребывании его «скандинавской» дружины, не найдено ни одного памятника достоверно скандинавского, если в особенности нет тут викингского оружия, а типы оборонительных валов и домов имеют там характер чисто местный, старопольский, совершенно отличный от Скандинавии, то, очевидно, это является достаточным аргументом для опровержения утверждений о становлении Польши путем завоевания с севера»². Правда, не исключено, что некоторые известные сегодня захоронения в Поморье — скандинавского происхождения; надо считаться и с тем, что, пока археология открывает все новые материалы, число скандинавских находок в Польше может возражать; однако и имеющиеся данные археологии красноречиво свидетельствуют, что наибольшие скопления предметов скандинавского происхождения остались в Прибалтике, на славянском и прусском побережьях, хотя и там пока не находят признаков норманнского господства;

¹ Labuda G. Op. cit., s. 328. Vasmer M. Slavische Befestigungen.—ZSPH, 1933, Bd. 10, S. 309. Автор указал, что ряд приморских славянских городов служил, как он полагал, для обороны против викингов. Нет, однако, сведений, чтобы там когда-либо осели викинги. См.: Kowaleńko W. Starosłowiańskie grody portowe. — PZach, 1950, t. 6.

² Kostrzewski J. — Przegląd Archeologiczny, 1937—1939, t. 6, s. 329—331; idem. Kultura prapolska, s. 476. Определено даже число скандинавских захоронений в Поморье—10. Не оправдались предположения некоторых исследователей, что курган Крака под Краковом является могилой какого-то норманнского вождя; после исследований в 1934—1936 гг. выяснено, что в нем нет норманнских древностей и он был насыпан, скорее, в VI—VII вв. (Friedberg M. Op. cit., t. 1, s. 36).

по мере же удаления от побережья число скандинавских находок уменьшается; такое распределение говорит об их торговом происхождении. Если бы они были результатом политических отношений, то наибольшее сосредоточение их должно было бы находиться вокруг административных центров.

Уже упоминавшееся скандинавское захоронение в Чепелем¹ может свидетельствовать об участии в этой торговле скандинавских купцов², которые, вероятно, не только привозили товары в балтийские порты, но и ходили в глубь края; очевидно, и поселения, названия которых происходят от слова *варяг*, указывают на наличие в Польше варяжских купцов, прибывавших из Руси. Таким образом, надо считаться с участием норманнов в организации и ведении польской торговли; менее ясной представляется их проникновение в ряды знати, хотя и это не исключено. Во всяком случае, отсутствие ясных следов говорит против большого наплыва норманнов и делает уже вовсе неправдоподобным их значительное участие в создании Польского государства. О норманнском же завоевании не может быть и речи.

¹ Менее правдоподобно предположение, что это захоронение викинга, умершего во время похода, как это когда-то допускали (см.: Ślaski K. Stosunki krajów skandynawskich z południowo-wschodnim wybrzeżem Bałtyku od VI do XII wieku. — PZach., 1952, t. 8., № 5—6, s. 37); поскольку не удалось обнаружить шведской и датской военной экспансии в восточном Поморье и Пруссии, тем более трудно допустить, что предпринимались походы в глубь страны.

² О польско-скандинавской торговле см.: Kostrzewski J. Pradzieje Polski, s. 272—273; Małowist M. Z problematyki dziejów gospodarczych strefy bałtyckiej we wczesnym średniowieczu. — Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych, 1948, t. 10, s. 94. В. Ленга справедливо связывает проникновение викингов в Поморье с торговыми отношениями со Скандинавией*.

Глава II

СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ РОЛИ НОРМАННОВ В ГЕНЕЗИСЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА *

Проблема норманнов на Руси более сложна для исследования, чем в Польше. Объективную трудность составляет состоящие источников, которые хотя и многочисленны, и разнообразны, но не являются ни полностью достоверными, ни точными, ни согласующимися друг с другом. Они свидетельствуют о присутствии норманнов в Восточной Европе, но не говорят о формах и масштабах их деятельности на этой территории. К этому добавляются субъективные трудности: предубеждение исследователей, которое так ярко проявилось в постановке и решении норманнского вопроса на польской почве. В дискуссии по норманнской проблеме на Руси можно заметить определенную эволюцию, выражающуюся в перемене ролей: в XIX в. субъективные моменты были особенно сильны среди противников норманнской теории, которые доходили до отрицания присутствия скандинавов в Восточной Европе вопреки очевидным свидетельствам источников; однако с прогрессом источниковедения, а также расширением круга данных, особенно археологических, антинорманисты, защищавшие свою концепцию в модернизированной форме (признавая присутствие норманнов на Руси), находили все более веские доводы; в то же время для норманистов характерно было все более упорное нежелание пересмотреть положения, определенные историографической традицией и продиктованные в значительной степени а priori усвоенным взглядом о неспособности и неготовности славян к созданию собственного государства.

Мы не собираемся заниматься подробным анализом специальной литературы, которая насчитывает сотни названий. От этого нас освобождают уже существующие многочисленные обзоры норманнской проблемы, среди них

самый обширный — В. А. Мошина¹, а также тот факт, что не все эти работы имеют историографическую ценность. Ограничимся характеристикой лишь важнейших этапов и спорных моментов, а также существенных достижений в историографии.

Норманнская концепция имеет на Руси давнишнюю, почти 850-летнюю историю, поскольку ее первым сознательным творцом был автор «Повести временных лет», которым большинство исследователей признает монаха Киево-Печерского монастыря Нестора*. Его мнение о скандинавском происхождении Руси повторялось в позднейших летописях; оно было известно как при царском дворе в России, так и за границей, в особенности в Шве-

¹ Мошин В. А. Варяго-русский вопрос. — *Slavia*, 1931, t. 10, с. 109—136, 343—379, 501—537. Автор сопоставил давнюю литературу, начиная с Гедеонова (1862 г.). Из не упомянутых им позднейших работ следует назвать: Tomaszewski S. Nowa teoria o początkach Rusi. — *КН*, 1929, t. 43, s. 261—324 (это рецензия на работы Пархоменко, где приводятся сведения о более ранних исследованиях); Briem B. Alt-Skandinavien in der neueren russischen Wissenschaftlichen Literatur. — *APHs*, 1930, t. 5; Korduba M. Les théories les plus récentes sur les origines de la Russie. — *Le Monde Slave*, 1931, vol. 8, № 3, p. 213—235; idem. Najnowsze teorie o początkach Rusi. — *РН*, 1932, t. 30, s. 58; Forssman J. Der nordische Einschlag in der russischen Staatswerdung. — *Deutsche Wissenschaftliche Zeitschrift im Wartheland*, 1941, Bd. 2, S. 19—22, 38—44; Portal R. Quelques problèmes d'histoire Russe et Slave. — *Revue Historique*, 1948, vol. 149, p. 56—80; Stökl G. Russisches Mittelalter und sowjetische Mediaevistik. — *JGO*, 1955, Bd. 3, S. 8—9, 23—25. Почти все приведенные работы рассматривают проблему с норманистской точки зрения (кроме Кордубы). Советскую точку зрения представляет В. В. Мавродин (Мавродин В. В. Борьба с норманизмом в русской исторической науке. Л., 1949). В польской историографии эту проблему осветил еще С. Кучиньский (Kuczyński S. O początkach Rusi. — *Nauka i Sztuka*, 1946, marzec). Сп.: Stender-Petersen A. The Varangian Problem. — In: Stender-Petersen A. *Varangica*, 1953, Aarhus, p. 3—20. Автор указал на отсутствие разработанной методики исследований в современной норманистской литературе, субъективно интерпретирующей источники и принимающей а priori положение о решающей роли скандинавского элемента в образовании Древнерусского государства; еще более решительно он выступил против советской науки, обвиняя ее в упрощении норманнской теории, в сужении рамок исследования генезиса государства внутренними процессами и в отрицании творческого вклада скандинавов. В своих выводах автор решительно поддерживает положения норманистов; полагая, что он не преодолел тех недостатков методики, в которых сам упрекает сторонников этой теории.

ции¹. Первые научные основы норманнской проблемы пытался заложить член Петербургской Академии наук Г. С. Байер, языковед, продемонстрировавший одновременно некоторое знание исторических источников и склонность к их достаточно критической — при тогдашнем состоянии источниковедения — оценке, несмотря на использование неудачных этимологий. Его работы, приводимые иногда в библиографиях, фактически забыты. В своей самой первой статье он указывал на скандинавское происхождение варягов и таких имен, как Рюрик и другие, приведенных в летописи²; однако он не был норманистом. В другой статье он объяснял истоки Руси и признавал, что название *русы* применялось и к шведам, но утверждал в то же время: *non a Scandinavis datum est Rossis nomen* («россы восприняли свое название не от скандинавов») ³. Он полагал, что на русском Севере среди основного финского населения развивалась готская *, а затем славянская колонизация, которая от своей распыленности («рассеивание» — *dispersio*) получила название русской или русской⁴. Он писал, что славяне приняли к себе династию готского происхождения. В своих статьях⁵ Байер собрал основной круг письменных источников — русских, греческих, латинских, посвященных истокам истории Руси; обращался он и к скандинавским источникам, но не использовал арабские, тогда еще не опубликованные, хотя сам был крупным востоковедом. Его работа подготовила почву для дальнейших исследований, в чем, а отнюдь не в выводах по существу, состоит основная научная заслуга Г. С. Байера.

¹ Грушевський М. С. Історія України Русь, т. 1, вып. 2. Львів, 1904, с. 579; Кунік А., Розен В. Известия ал-Бекри..., ч. 2, с. 38.

² Bayer S. T. (heophilus-Gottlieb). De Varagis. — Commentarii Academiae Scientiarum imperialis Petropolitanae, t. 4. Petropoli, 1735, p. 275—311.

³ Bayer T. S. Origines Russicae.—Ibid., t. 7/8, 1741, p. 388—436. Эта работа была опубликована посмертно.

⁴ Ibid., p. 411. При этом он ссылаясь на слова С. Сарницкого: «Споры иные не без основания изъясняют как россов, то есть рассеянных» (*Sporos quidam Russos, non inepte id est dispersos exponunt*).

⁵ Bayer T. S. De Russorum prima expeditione Constantinopolitano. — Ibid., t. 6, 1738, p. 341—365; idem. Geographia Russiae vicinarumque regionum circiter a. C. 948 ex scriptoribus septentrionalibus. — Ibid., t. 20, 1747, p. 371—419. Библиографию работ Т. С. Байера см.: Пекарский П. История Академии наук в Петербурге, т. 1, СПб., 1870, с. 194; т. 2, с. 897.

Материалы источников, собранные и опубликованные Байером, были использованы для подтверждения норманнской теории Г. Ф. Миллером, который своим не только нетактичным, но и не соответствующим исторической действительности¹ утверждением о завоевании России в результате победного похода шведов вызвал негодование среди слушателей и молниеносную отповедь М. В. Ломоносова (1749 г.). С этого момента разгорелась полемика по норманнской проблеме. Новым аргументом, в ту пору авторитетным для норманистов, было установление связи между названием Руси через финское определение Швеции — Ruotsi и названием шведского побережья в Упланде: Roslagen, приведенное Ю. Тунманом в работе «Untersuchungen über die älteste Geschichte der östlichen europäischen Völker» (Leipzig, 1774). Идеализация исторической роли германских народов в эпоху Просвещения, с одной стороны², и взгляд на славян как на народ, лишенный политических способностей, — с другой, а также присущее феодальному обществу убеждение, что государства образуются при завоеваниях, составляли теоретические посылыки норманнской теории генезиса Древнерусского государства. А. Л. Шлёцер в своих комментариях к летописи Нестора, опубликованных в 1802—1809 гг.³, сопоставил и подверг критическому анализу результаты достаточно обширной уже в XVIII в. литературы предмета, формулируя норманнскую теорию в крайней форме. Стараясь выяснить, как могли осуществить завоевание обширных славянских и финских земель немногочисленные заморские захватчики, этот ученый предполагал, что местные племена, которые вошли в состав, как он считал, основанного Рюриком Новгородского государства, были полудики и слишком малочисленны⁴;

¹ Там же, т. 1, с. 359.

² Montesquieu Ch. L. L'Esprit des lois. Paris, 1748, I. XXVIII.

³ Schlözer A. L. Nestor. Russische Annalen in ihrer slavonischen Grundsprache verglichen, übersetzt und erklärt, Bd. 1—4. Göttingen, 1802—1804; Шлёцер А. Л. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, ч. 1—3. СПб., 1809—1819; см.: Указ, соч., ч. 1, с. 267—433. О происхождении Руси этот автор писал ранее в другой работе (Schlözer A. L. Allgemeine nordische Geschichte. — In: Allgemeine Welthistorie, Bd. 31. Halle, 1771, S. 220—223. 501—503), но не говорил в ней о связи названия *русь* с *Ruotsi* и *Roslagen*.

⁴ Шлёцер А. Л. Указ, соч., ч. 2, с. 168.

его смущало лишь то, каким образом немногочисленные славяне смогли ассимилировать соседние народы, включая и норманнских завоевателей¹.

В XIX в. в роли ярких сторонников норманнской теории и постоянных ее защитников выступили два историка, значительно отличающиеся методами своих исследований. Одним из них был М. П. Погодин² (ум. 1875 г.), который собрал результаты своих многолетних разысканий в трехтомной работе, посвятив первый том критике источников, в первую очередь Нестора³. Этой летописи, в противовес скептицизму М. Каченовского и его школы, он полностью доверял, поскольку, по его мнению, она опиралась на записи, которые велись в Киеве со времени принятия христианства Аскольдом и Диром. Отвергал он только легенды, заимствованные из скандинавских саг и устных преданий⁴. Сравнивая данные Нестора с местными и иностранными одновременными известиями в других источниках, он пришел к выводу об их схожести⁵. Он считал также летопись главным и вполне достаточным источником для доказательства (которое признавал — не без справедливости — «математически ясным»⁶) скандинавского происхождения не только варягов, но и слова *русь*⁷. Известным достоинством работ Погодина было стремление к систематическому и исчерпывающему рассмотрению материала, однако его критика была поверхностной и основывалась на буквальном следовании за источником.

Второй из главных представителей норманистской школы, Арист (или Эрнест) Куник (ум. в 1899 г.), пользовался совершенно иной исследовательской методикой, чем Погодин. Уклоняясь от обобщения и даже систематизации своих выводов по норманнскому вопросу (кроме первой работы: «Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slaven», t. 1—2. СПб., 1844—1845,

¹ Там же, с. 171.

² См.: «Очерки истории исторической науки в СССР», т. 1. М., 1955, с. 319—321.

³ Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции... о русской истории, т. 1—3. М., 1846.

⁴ Там же, т. 2, с. 175—195.

⁵ Там же, с. 199—217.

⁶ Там же, с. 23.

⁷ Там же, с. 38. См.: Погодин М. П. С. Геденов и его система о происхождении варягов и Руси. — ЗАН, 1864, т. VI, № 2. Приложение, с. 4.

которая, как он сам признавал, быстро потеряла актуальность, особенно ее второй том), он довольствовался подробными комментариями, посвященными отдельным вопросам. Комментарии Куника были включены в две крупные работы: одну, написанную востоковедом Б. Дорном и посвященную русским походам в Прикаспийские территории¹; другую, содержащую публикацию и комментарии к сообщению Ибрагима ибн Якуба о славянах в пересказе ал-Бекри, подготовленные самим А. Куником при участии востоковеда В. Розена². Его преувеличенная склонность к мелким деталям и отступлениям вызвала суровую критику³. Однако надо признать, что, хотя Куник свято верил в истинность норманнской теории, он не остался глухим к аргументам противников; он отказался от менее обоснованных выводов, отступая в дальнейшем на оборонительные позиции, и тем самым способствовал продолжению дискуссии. Вообще же, благодаря тщательному анализу источников, он сделал для ослабления защищаемой им теории больше любого не критичного антинорманиста прошлого века. Особенно заслуживает внимания его меткое и противоречащее Погодину мнение (хотя сам он называл шутливо антинорманистов «анти-несторцами»), что норманнскую теорию нельзя доказать на основе текстов Нестора, которые еще ждут тщательного анализа. Он полагал, что при существующем состоянии исследований (написано около 1875 г.) в спорах о норманнской проблеме было бы разумнее полностью отказаться от киевской летописи и изучать начальную историю государства на Руси исключительно на основе иностранных источников⁴. Очевидно, что это заключение было ошибочным, поскольку «Повесть временных лет» при критическом ее анализе должна быть основным источником начальной истории Руси. Куник опередил на пару поколений тех норманистов, которые и сегодня охотно отвергают летописные свидетельства. Опередил он их также, отказываясь от этимологии *русь* <ruotsi < *Рослаген*,

¹ Дорн Б. А. Каспий. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря. — ЗАН, 1875, т. XXVI, № 1. Приложение.

² Куник А., Розен В. Указ. соч.

³ Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 7.

⁴ Куник А., Розен В. Указ. соч., ч. 2, с. 32.

хотя он отстаивал ее еще в своей работе «Die Berufung der schwedischen Rodsen»¹. Высказывался он, хотя и нерешительно, и против концепции завоевания Руси норманнами².

Первая половина XIX в. была периодом решительного перевеса норманнской теории в русской историографии, что было вполне естественно при тогдашнем состоянии критики источников и представлений об историческом процессе как результате деятельности в первую очередь правителей. К ней присоединился и ведущий историк дворянской России Н. М. Карамзин. Однако постепенно появилось и противоположное, антинорманистское направление, вызванное, несомненно, отчасти пенаучными побуждениями — наивно понятым патриотизмом, но отчасти и внутренними противоречиями в недостаточно аргументированной концепции норманизма. Серьезные оговорки против нее выдвинул Г. Эверс, который хотя и признавал скандинавское происхождение варягов³, но указывал одновременно на отсутствие в северных источниках данных, подтверждающих скандинавское происхождение названия *русь*⁴. Одновременно он напомнил — Байер и Шлёцер уже до него отметили это — о существовании этого наименования на юге и вообще на территории восточных славян еще до прихода Рюрика в Новгород. Однако слабость аргументации Эверса состояла в том, что он не мог противопоставить норманистской собственную убедительную концепцию, поскольку выступил с фантастическим домыслом о хазарских истоках *руси*⁵. Основным антинорманистом XIX в. справедливо считается С. Геденов; он⁶ подверг критике весь круг источников, которыми оперировали норманисты, и выдвинул положение, что Нестор использовал не письменные свидетельства, а «народные предания» или же излагал собственные домыслы⁷. Сходство между названиями *ruotsi*, *Рослаген*, *русь* — со-

¹ К у н и к А. Замечания. — ЗАН, 1862, т. I кн. 2, с. 122.

² См. подробнее гл. 4.

³ E w e r s J. F. G. Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen. Dorpat, 1814, S. 28. Свои положения автор впервые выдвинул в работе "Ursprung des Russischen Staats". Riga, 1808.

⁴ E w e r s J. F. G. Kritische Vorarbeiten..., S. 166.

⁵ Ibid., S. 202.

⁶ Г е д е н о в С. А. Варяги и Русь. Историческое исследование, ч. 1—2. СПб., 1876.

⁷ Там же, ч. 2, с. 446.

гласно с результатами давней работы Г. Розенкампа¹ — он считал случайными². Формулируя собственные выводы, Гедеонов старался показать, что варягами называли норманнско-вендских пиратов³, а *русь* определял как южную часть восточного славянства; ведь рядом с киевской должна была существовать *русь* черноморская⁴. Слабой стороной этого вообще-то критического исследования было игнорирование научных методов языкознания и использование им вольных, дилетантских этимологий. Тогда же языковед В. Ламанский, придя на помощь антинорманистам, утверждал, что скорее не название *русь* произошло от *ruotsi*, а финское слово *ruotsi* — от названия *русь*⁵; однако вывод его, будто славянская *русь* первоначально жила в Скандинавии и оттуда переселилась на территорию восточных славян⁶, относится к области фантазии. Вообще, во второй половине XIX в. появился ряд антинорманистских работ. Например, Д. Щеглов на основе, главным образом арабских источников, полагал, что название *русь* первоначально определяло финское племя меря, жившее между Волгой и Окой⁷, в то время как Д. Иловайский видел в руси черноморских славян, к которым относил также скифов, гуннов и др.⁸ Концепции такого типа свидетельствовали, что если норманисты не умели убедительно доказать норманнское происхождение слова *русь*, то их противники не располагали соответственно обработанными материалами для создания концепции местного начала Древнерусского государства. При тогдашнем состоянии знаний норманнская теория соответствовала представлениям большинства критически и непредвзято мыслящих исследователей, которые закрывали глаза на

¹ Розенкампф Г. Объяснение некоторых мест в Несторовой летописи в рассуждении вопроса о происхождении древних руссов. — ТОИДР, 1828, кн. 4, с. 139—166.

² Гедеонов С. А. Варяги и Русь..., ч. 2, с. 401. Автор опровергал вывод Куника о происхождении названия *русь* от *hrodh*.

³ Там же, ч. 1, с. 170.

⁴ Там же, ч. 2, с. 430.

⁵ Ламанский В. И. Исторические замечания к сочинению «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании». — Ученые записки второго отделения имп. Академии наук. СПб., 1859, кн. 5, с. 39.

⁶ Там же, с. 71.

⁷ Щеглов Д. Первые страницы русской истории. — ЖМНП, 1876, апрель, с. 221; май, с. 1.

⁸ Иловайский Д. Разыскания о начале Руси. М., 1882, с. 78, 169.

ее недостатки, не будучи в состоянии заменить ее другой, более убедительной теорией.

Наиболее законченную форму норманнской теории придал датский языковед В. Томсен¹. Его работа хотя и не внесла в дискуссию ни новых аргументов, ни источников, но, написанная ясно, имела научный аппарат и, особенно благодаря убедительному разбору источников, оказала большое влияние на дальнейшее развитие историографии и представляет до сих пор классическое норманистское направление², хотя автор несравним с А. Куником ни по уровню критики источников, ни по знанию фактов и выводы его в некоторых отношениях более консервативны. В. Томсен поддержал положение Тунмана о происхождении названия *ruotsi* > *русь* от *Рослаген*; согласно с первым предположением Куника, Томсен связывал их с наименованием жителей шведской области Рослаген, которые должны были, по его мнению, называться *Rods-karlar* или *Rods-maen*³.

Но и сам Куник, отказавшийся от этой этимологии, заменил ее не менее ошибочной — готской, производя название *русь* от готского *hrodh* — «слава» (отсюда определение черноморских готов как *хредготов*). Это слово, по его мнению, входило в состав имени Рюрик (*Hróðhrekr*) и первоначально обозначало династию, а потом было перенесено на страну, где эта династия правила⁴. Еще дальше продвинулся В. Васильевский, признавая готами существовавший в IX в. в Причерноморье народ *Rhos*⁵, в чем его поддержал А. Будилович⁶. Эта теория переоценивала

¹ Томсен В. Начало русского государства. — ЧОИДР, 1891, кн. 1, с. 231—244.

² Даже через 50 лет после ее издания А. Е. Пресняков не возражал против основных выводов этой работы (Пресняков А. Е. Вильгельм Томсен о древнейшем периоде русской истории. — Пресняков А. Е. Лекции по русской истории, т. 1. М., 1938, с. 260—268).

³ Томсен В. Указ. соч., с. 84.

⁴ Дорн Б. А. Каспий, с. 155; он же. Балтийские и понтийские хредготы. — Там же, с. 434; Куник А., Розен В. Указ. соч., ч. 2, с. 105.

⁵ Васильевский В. Русско-византийские отрывки. VIII. Житие Георгия Амастридского. — ЖМНП, 1878, март, с. 180; он же. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. — ЛЗАК, 1893, т. 9, с. CXVI.

⁶ Шмурло Е. Восьмой археологический съезд. — ЖМНП, 1890, май, с. 25—29. Будилович полагал, что на территории племени полян когда-то существовала готская земля под названием *Ros-Gotlandia*.

роль готов в северном Причерноморье после ухода их основной массы на запад, не находила она определенного подтверждения и в источниках*.

Научные достижения в XIX и начале XX в. состояли не только в переработке, отчасти бесплодной, норманнской концепции или же в противопоставлении ей еще незрелых опытов антинорманистов, а в расширении источниковой основы проблемы и проведении основательного анализа главного источника — «Повести временных лет». Хотя среди исследователей норманнского вопроса в XVIII в. был востоковед Байер, а знаниями в области арабистики обладал также Шлёцер¹, однако только Х. М. Френ более широко ввел в русскую историографию восточные источники, касающиеся как самой руси (особенно благодаря публикации текста с переводом Ибн Фадлана и др.²), так и ее ближайших соседей, хазар и волжских булгар³. Издатель искал в этих источниках подтверждения норманнской концепции. Позднейший же исследователь, А. Котляревский, рассматривая арабские известия о руси, пришел к выводу, что они имеют в виду славянскую русь⁴. Использование этих известий было облегчено изданием их свода (в русском переводе), подготовленным А. Гаркави, кстати, не слишком критически. Д. Хвольсон опубликовал, также по-русски, сведения Ибн Русте⁵. Эти источники были широко учтены норманистами, о чем свидетельствует хотя бы сотрудничество Куника с Дорном и Розеном⁶, но в не меньшей степени они

¹ Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950, с. 45, 49.

² Там же, с. 101. Fraehn C. M. Ibn Fozzlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit. СПб., 1823**.

³ Fraehn C. M. Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgaren aus ibn-Fosslans Reiseberichten. — Mémoires de l'Académie des Sciences. SPb., VI-e ser. Sciences politiques, histoire, philologie, t. 1, 1832, p. 527—577.

⁴ Котляревский А. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868. Здесь опубликованы сведения о славянах и руссах у древних арабских писателей.

⁵ Гаркави А. Сказания мусульманских писателей о славянах и руссах. СПб., 1870; Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах... славянах и руссах... Ибн-Даста. СПб., 1869.

⁶ С позиции норманистов известия арабских авторов интерпретировал и Ф. Вестберг (Westberg F. Ibrāhīm's-ibn-Jackūb's Reisebericht über die Slawenlande.—ЗАН, VIII серия, 1898, т. 3, № 4; idem. Beiträge zur Klärung orientalischer Quellen über Osteuropa.—

были использованы и для обоснования противоположной концепции (Гедеонов и уже упомянутый Котляревский). Антинорманистами объявили себя также упомянутые издатели восточных источников Д. А. Хвольсон и А. Гаркави¹. Однако арабские авторы, сохранившие известия преимущественно не слишком точные, дошедшие к тому же в пересказах и позднейших переделках, черпали информацию часто из вторых рук, как правило, не были знакомы непосредственно с экзотической для них Восточной Европой и потому предоставляли исследователям широкие возможности для обоснования различных теорий и не могли содействовать выяснению происхождения руси без скрупулезного анализа других, особенно местных источников*.

Гораздо больший результат был достигнут в области археологических разысканий, особенно со второй половины прошлого века, о чем свидетельствовали основание в 1859 г. Археологической комиссии, в 1864 Московского археологического общества, в дальнейшем организация археологических съездов 1869—1911 гг., и, наконец, возросшее число научных публикаций². К концу XIX в. материалы раскопок уже сделали возможным исторический синтез, создав основу для сопоставления со сведениями летописей о расселении восточнославянских племен в период формирования Древнерусского государства³. Археологи не забыли упомянуть проблему инфильтрации норманнского элемента, причем норманнская теория встретила определенные возражения⁴. Тем не менее

Там же, V серия, 1899, т. 11, с. 211; он же. К анализу восточных источников о Восточной Европе. — ЖМНП, 1908, февраль, с. 364—412; март, с. 1—52.

¹ Хвольсон Д. А. О происхождении слова Русь. — Труды первого археологического съезда в Москве, 1869, т. 1. М., 1871, с. 130—134. Автор доказывает, что в арабских источниках слово *русь* означало вообще народы, населявшие Россию: русов, финнов, а также и норманнов, поселившихся на этой территории.

² Монгайт А. Л. Археология в СССР. М., 1955, с. 40.

³ Спицын А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. — ЖМНП, 1899, август, с. 324.

⁴ Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска. СПб., 1902, с. 119, 125. Автор делает осторожный вывод, что данные раскопок показывают присутствие варягов в Гнездове, но не позволяют признать норманнский элемент господствующим в этой местности; они лишь придают части кладбища характер, по мнению автора, «варяжско-аристократический или дружинный». Представляется, что и этот

норманисты старались использовать результаты археологических исследований в свою пользу. Т. Арне попытался свести воедино все археологические находки на территории России и на этой основе пришел к выводу о существовании нескольких скандинавских колоний в разных частях Восточной Европы^{1*}. Его работа представляет как бы продолжение труда Томсена на материалах археологии и существенно дополняет его. И позднее археологи пытались найти следы порманнов в некоторых районах Руси, прибегая к вольной — скорее в пользу иноземного элемента — интерпретации находок, недостаточно считаясь с возможностями местного населения приобретать скандинавские предметы путем торговли. Этот метод, который распространен также и для чешских и польских материалов, был пересмотрен лишь в послевоенный период в советской историографии^{2**}. Однако значение археологических данных для обсуждаемой проблемы состоит не столько в определении их этнической принадлежности, сколько и прежде всего в отображении развития производительных сил и материальной культуры, а в определенной мере и социальной структуры. Именно эти возможности археологии широко использовала советская наука.

К сожалению, материальные предметы, которыми оперирует археология, не дают достаточного основания для

исследователь не был свободен от влияния норманизма, что заставило его считать скандинавский элемент аристократическим. См. также: Спицын А. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. — Известия археологической комиссии, 1905, т. 15, с. 7. Интересно, что Ф. Браун, характеризую состояние исследований норманнской проблемы, считал, что решение ее надо искать не в исторических условиях, а в данных лингвистики, и при этом не вспоминал об археологических источниках. Они, без сомнения, являются новым источником по норманнской проблеме XIX—XX вв. (Браун Ф. Варяжский вопрос. — Энциклопедический словарь, т. 5а. СПб., 1892, с. 570—573).

¹ Arne T. La Suède et l'Orient. Études archéologiques sur les relations de la Suède et de l'Orient pendant l'âge des Vikings. Upsal, 1914. О возможной колонии норманнов под Черниговом см.: Arne T. Skandinavische Holzkammergräber aus der Wikingerzeit in der Ukraine. — AA, 1931, t. 2, S. 285; idem. Schweden in Russland in der Wikingerzeit. — CSAB, 1931, S. 225—232.

² В. Равдоникас уже давно опроверг метод, применяемый Т. Арне, и в какой-то мере ограничил его выводы. См.: Raudonikas W. J. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm 1930, S. 128; Равдоникас В. Древнейшая Ладога в свете археологических исследований 1938—1950 гг. — КСИИМК, 1951, т. 41, с. 36.

всесторонней характеристики социально-экономического развития¹, еще меньше пригодны они для исследования политической истории формирования государства. Этой цели прежде всего служат письменные источники, поэтому их анализ и интерпретация являются существенным условием решения норманнского вопроса. В чисто теоретическом плане наибольшее значение принадлежит прямым источникам, т. е. написанным в среде народов, непосредственно принимавших участие в исследуемом процессе, в данном случае славян и скандинавов. При этом данные скандинавских источников крайне ограничены. Известия скандинавских саг, записанных в XIII—XIV вв.², не могут быть достоверными для характеристики хода скандинавской экспансии на востоке в VIII—IX вв.³, хотя и содержат ценные — при применении ретроспективного метода — данные для понимания организации этой экспансии, как и вообще скандинавских общественных отношений. Относительно многочисленные, хотя и фрагментарные, известия саг об истории Руси, которые опираются на песни скальдов, заслуживают наибольшего доверия лишь в описаниях событий времен Владимира Святославича, Ярослава Мудрого и до последней четверти XI в.³; напрасной была бы попытка искать в них непосредственные данные о более раннем этапе формирования

¹ См.: Монгайт А. Л. Указ. соч., с. 9—20, 35—37.

² Labuda G. Saga o Styrbjörnie. — SAnt., 1954, t. 4, s. 330.

³ Braun F. Das historische Russland im nordischen Schrifttum des X—XIV Jahrhunderts. — Festschrift für Eugen Mogk 70. Geburtstag. Halle, 1924, S. 167; Cross S. H. La tradition islandaise de Saint Vladimir. — RES, 1931, t. 11, p. 133; idem. Jaroslav the Wise in Norse Tradition. — Speculum, 1929, vol. 2, p. 127. См. также: Рыдзевская Е. А. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе. — КСИИМК, 1945, т. 11, с. 51—65. Кроме «Хеймскринглы», Русь упоминают три саги, проанализированные Брауном (Braun F. Op. cit., S. 172—189). Среди них «Сага о Бьёрне» рассказывает о борьбе между Владимиром Кальдимаром (см.: Vries J. de Altnordische Literaturgeschichte, S. 305); «Сага об Ингваре» — компиляция, составленная не ранее XIV в. (Braun F. Op. cit., S. 186); больше известий содержит «Сага об Олаве Трюггвасоне» написанная Оддом Сноррасоном в 1170—1180 гг. (Vries J. de Altnordische Literaturgeschichte, S. 176). Наконец, больше всего исторических сведений о Руси, правда, очень путаных, содержит поздно записанная «Сага об Эймунде», где сохранились, однако, сведения о тесных русско-скандинавских отношениях в XI в. (Cross S. H. Jaroslav the Wise..., p. 186—189; Рыдзевская Е. А. Указ. соч.)*

Древнерусского государства¹. Аналогичной представляется и другая категория скандинавских источников весьма лаконичного содержания — рунические надписи*. Основная масса надписей относится к XI в.² Таким образом, они также не содержат непосредственных данных о генезисе государства и возможном участии в нем норманнов.

Следовательно, из источников, по своему происхождению наиболее близких к описываемым событиям, исследователям для рассмотрения остаются лишь русские, имеющие еще то достоинство, что они были созданы на месте непосредственных событий, и потому лучше других отражающие среду. Русские летописи — единственный источник, который дает по-своему систематический, хотя и лишенный ощутимых пропусков обзор главных политических событий IX в. на Руси. Правда, текст «Повести временных лет» (Нестора) был отредактирован во втором десятилетии XII в. (1113—1118 гг.), поэтому он может быть использован лишь как основа для установления событий за 150—200 лет и только при условии основательной источниковедческой критики. Исследователи давно осознали, что Нестор, собирая известия, восходящие к IX в., насколько их можно проверить с помощью иностранных источников, пользовался не одной устной традицией, возможно, дополненной собственными соображениями, но располагал различными материалами, написанными как на месте, так и вне Руси. Исследования источников «Повести временных лет» особенно продвинулись в третьей четверти прошлого века благодаря М. И. Сухомлинову, а также работам И. И. Срезневского и К. Н. Бестужева-Рюмина. При этом обозначились две тенденции в оценке происхождения этого памятника. Сухомлинов видел в летописи Нестора однородное произведение, причем от начала до конца литературное³; он заметил, однако, что Нестор использовал прежде всего письменные источники, состоящие, кроме иностранной

¹ Скандинавские источники, касающиеся Руси, были опубликованы (с латинским переводом) в издании: *Rafn C. Antiquités Russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Skandinaves*, t. 1—2. Copenhague, 1850—1852.

² Braun F. Op. cit., S. 162.

³ Сухомлинов М. И. О древней Русской летописи, как памятнике литературном. — Ученые записки второго отделения имп. Академии наук, 1856, кн. 3, с. 1—230; он же. Исследования по древней русской литературе, СПб., 1908, с. 27.

литературы, из коротких датированных записей, вписанных в пасхальные таблицы¹, которые, таким образом легли в основу русского летописания; кроме того, Нестор располагал обширнейшими повестями о Владимире Святославиче, Борисе и Глебе и других князьях². Бестужев-Рюмин не соглашался с Сухомлиновым в вопросах об однородном характере «Повести временных лет» и о роли пасхальных таблиц³; он полагал, что автор «Повести» в первую очередь использовал погодные записи, ведшиеся в Киеве с начала правления Олега (882 г.)⁴, а также многочисленные повести, уже записанные к его времени или передававшиеся устно⁵. Тем не менее он признавал, что «Повесть временных лет» — это первый русский летописный свод. Срезневский же искал в летописи не столько нарративные элементы, сколько хронологические наслоения и допускал, что древнейшая редакция кончалась годом смерти Святослава (по летописи 972 г.), после чего была продолжена и перерабатывалась позднейшими летописцами⁶.

Наиболее плодотворным было изучение начального русского летописания, предпринятое А. А. Шахматовым. Этот исследователь не только установил существование сводов, предшествующих «Повести временных лет» и использованных ею, но и определил их происхождение и состав. Непосредственно «Повесть временных лет» предшествовала летописная компиляция, составленная, по его мнению, в 1093—1095 гг. и сохранившаяся во фрагментах, охватывающих древнейший период до 1015 г., в так называемой Первой новгородской летописи. В дальнейшем Шахматов пошел по пути реконструкции текста древних летописных сводов, восходящих к первой половине XI в.⁷ Его выводы встретили сначала критическое отношение, вызванное нетерпением читателей, которых утомляла

¹ Сухомлинов М. И. Исследования..., с. 31.

² Там же, с. 56.

³ Бестужев-Рюмин К. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868, с. 38.

⁴ Там же, с. 49.

⁵ Там же, с. 44.

⁶ Срезневский И. И. Чтения о древних русских летописях. — ЗАН, 1862, т. 2. Приложение, с. 1—19, 31.

⁷ Из многих работ по этой теме главными являются две: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908; он же. Повесть временных лет, т. 1. Пг., 1916 (реконструкция 2-й и 3-й редакции текста летописи Нестора).

сложная аргументация автора и изменения некоторых частностей в его концепции начала русского летописания¹; особенно возражал ему В. М. Истрин. Соглашаясь, что первый летописный свод был создан уже в первой половине XI в., он не принял предложенную Шахматовым реконструкцию древнейших летописей (так называемых киевского 1039 г. и новгородского 1050 г. сводов). Истрин полагал, что первоначальный текст сохранился в «Повести временных лет» в оригинальном виде, а текст в Первой новгородской летописи представляет его сокращенную редакцию. Однако исследование Истрина было неубедительным² и не получило признания. Концепция

¹ Brückner A. Historia literatury rosyjskiej, t. 1. Lwów, 1922, s. 51; idem. Rozdział z "Nestora". — Записки наукового товариства ім. Шевченка, 1925, т. 141—143, с. 1. См. также: Приселков М. Д. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова. — ИОРЯС, 1920, т. 25, с. 128—135; Платонов С. Ф. А. А. Шахматов как историк. — Там же, с. 136—140; Пресняков А. Е. А. А. Шахматов в изучении русских летописей. — Там же, с. 163—171. Глубокий анализ работ А. А. Шахматова по летописанию дал Д. С. Лихачев. (Лихачев Д. С. Шахматов как исследователь русского летописания. — В кн.: Шахматов А. А. (1864—1920). Сборник статей и материалов. М.—Л., 1947, с. 253—293.)

² Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания. — ИОРЯС, 1921, т. 26, с. 78. Автор считал, что текст Комиссионного списка Новгородской первой летописи (НПЛ, с. 103—201) является сокращением текста Нестора, а ее начальная часть — сокращением какого-то другого, раннего источника (Истрин В. М. Летописные повествования о походах русских князей на Царьград. — ИОРЯС, 1916, т. 21, с. 215—236). Истрин признавал архаичный характер тех начальных частей ПВЛ, авторство которых Шахматов приписывал Нестору. Эта концепция была не новой, подобное мнение высказывалось в литературе и раньше (Грушевский М. Указ. соч., с. 239; Соболевский А. Древняя переделка начальной летописи. — ЖМНП, 1905, март, с. 100—105), а позднее мнение Истрина разделял Филипп (Philipp W. Ansätze zum geschichtlichen und politischen Denken im Kiewer Russland. Breslau, 1940, S. 30). Истрин в своих выводах указывал на аналогии летописи Переяславля-Суздальского (см.: Оболенский М. А. Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в начале XIII в. М., 1851) — источника, который, несомненно, является сокращенной обработкой ПВЛ. Однако сравнение Комиссионного списка НПЛ с переяславской летописью решительно опровергает положение Истрина. Отношение обоих сравниваемых источников к ПВЛ имеет существенные различия: 1) переяславская летопись в принципе является сокращением текста Нестора и по крайней мере в нескольких словах упоминает о всех важнейших событиях, которые были в ее источнике (например, не обходит молчанием ни одного из русско-византийских договоров, хотя не приводит их текстов); Комиссионный же список одни известия не сокращает, а, наоборот,

Шахматова, без сомнения, была более продуманной и в общих чертах выдерживает критику, хотя во многих частных вопросах источниковедения этот исследователь ошибался. Вместе с тем, проявляя необыкновенный талант в анализе источников, он не смог с таким же успехом реконструировать на их основе исторические факты. Он также не понимал, как и все норманисты и антинорманисты досоветской поры, истинного содержания процессов образования Древнерусского государства. Его заслуга состоит в том, что он дал ключ для дальнейших исследований начал русского летописания, для поисков его древнейшей основы и выявления последующих этапов развития текста.

Главные выводы Шахматова о древнейшем русском летописании, не оспариваемые и за пределами СССР, были приняты советской наукой, и в работах М. Н. Тихомирова, Д. С. Лихачева, Л. В. Черепнина и др.¹ исследо-

приводит *in extenso*, другие — по сравнению с ПВЛ — совсем опускает (нет и намеков на русско-византийские договоры), как будто в его источнике не было этих документов; 2) переяславская летопись отбирает сокращаемый материал по его содержанию (например, опускает или сокращает детали, касающиеся иностранных событий), а Комиссионный список опускает или приводит те или иные известия не по их содержанию (так, не отбирает известия, касающиеся Новгорода, хотя и представляет новгородское летописание. См.: Шахматов А. А. Разыскания..., с. 6; он же. Обзорные русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 361), но по их происхождению из того или иного источника (например, не приводит известий из полного текста «Хроники» Георгия Амартола и вообще обходит почти все греческие и другие иностранные источники, так обильно использованные Нестором). Из этого ясно, что Комиссионный список не обнаруживает сокращения первоначального текста; он сам представляет текст более архаичный, дополненный потом Нестором, использовавшим иностранные (греческие) и славянские источники, русско-византийские договоры, привлекая некоторые сведения из устной традиции и внесшим собственные рассуждения. Есть явные расхождения между Нестором и Комиссионным списком, например, в хронологии походов на Византию (920, 922 гг. в Комиссионном списке) и некоторых фактах (князь Олег в Комиссионном списке назван воеводой).

¹ Тихомиров М. Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». — Советская этнография, 1947, т. VI—VII, с. 63; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, он же. Повесть временных лет (Историко-литературный очерк). — В кн.: ПВЛ, ч. 2, с. 5—148; Черепнин Л. В. «Повесть временных лет», ее редакция и предшествующие ей летописные своды. — ИЗ, 1948, т. 25, с. 293—333. Выводы Шахматова поддерживал М. Д. Приселков (Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940).

вание развития русского летописания в XI в. продвинулось вперед. Эти исследования показали, что Начальному своду 1093 г. непосредственно предшествовал свод, законченный монахом Никоном в 1073 или 1072 г. Д. С. Лихачев, а потом и М. К. Каргер полагают даже, что «Никон создал первую систематическую историю русского народа»¹, хотя и не отрицают, что он опирался на какое-то более раннее историографическое произведение, посвященное, как доказывает Лихачев, началам христианства на Руси и написанное сразу после 1040 г. митрополитом Илларионом². В соответствии с этим мнением, сведения о начале Киева, а также о древнейших отношениях с варягами должны были войти в летописание только у Никона, который приступил к работе над летописью не позднее чем в 1061 г.³ Есть, однако, указания, что первый свод был создан еще до Никона, но был доведен не до 1039 г., как полагал Шахматов, а до 996 г., как это справедливо отметил Л. В. Черепнин⁴. Древнейшая часть «Повести

¹ Лихачев Д. С. Русские летописи..., с. 90; Каргер М. К. К характеристике древнерусского летописца. — ТОДРЛ, 1955, т. 11, с. 59—71.

² Лихачев Д. С. Русские летописи..., с. 70. Это произведение состоит из пяти частей: о крещении и смерти Ольги, о первых русских мучениках-варягах, о крещении Руси, о князьях Борисе и Глебе и похвала Ярославу Мудрому (там же, с. 62).

³ Лихачев Д. С. Русские летописи..., с. 70. Каргер своими интересными наблюдениями доказал определенное единство текста до 1073 г. благодаря частым вставкам, актуализирующим описываемые факты и реалии. Думаю, автор полностью доказал, что часть этих вставок, хотя, как мне кажется, не все, вышла из-под пера Никона. Так, упоминание под 1072 г. о церкви: «яже стоить и ныне» (ПВЛ, ч. 1, с. 121) — наверняка не может происходить от Никона, писавшего тогда же. Во вступительной части ПВЛ, написанной около 1113 г., также видим аналогичные упоминания, например, в рассказе об апостоле Андрее: «идеже ныне Новъгородъ» (ПВЛ, ч. 1, с. 12), в рассказе о Киевце на Дунае: «еже и доньше паречють» (ПВЛ, ч. 1, с. 13), и т. п. Эти вставки, очевидно, исходят от автора ПВЛ.

⁴ Этот вывод вытекает из расположения в летописи Нестора «пустых» лет (или же с лаконичными непроложными упоминаниями). Самый длинный перечень такого типа начинается с 997 г. (6505 г., под которым записана интерполяция Нестора. — Шахматов А. А. Разыскания..., с. 161) и кончается 1013 (6521) г., после чего идет повесть о Ярославе. На этот пробел в цепи летописных записей обратил внимание Шахматов (там же, с. 487). То, что древнейший свод кончался 996 г., показал Л. В. Черепнин (Черепнин Л. В. Указ. соч., с. 332), полагая одновременно, что свод создан в связи с закладкой десятинной церкви Богородицы. В свя-

временных лет» отличается от последующих частей даже терминологией. Наконец, исследователи соглашались, что древнейшая часть «Повести» (до 945 г.) была значительно расширена Никоном, в том числе географическим вступлением, а также, что эти дополнения можно выделить при сравнении этого памятника с текстом свода 1093 г., сохранившимся частично в Первой новгородской летописи.

Археологические исследования и анализ «Повести временных лет» создают основу для пересмотра норманнской теории; однако прошло много времени, прежде чем ученые осознали значение новых достижений. В конце XIX—начале XX в. украинский историк М. Грушевский возродил антинорманистскую концепцию, близкую концепции Геденова. Автор не отрицал скандинавского происхождения варягов, но считал, что слово *Русь* первоначально обозначало киевскую землю полян¹. Эта точка зрения имела определенное влияние на дальнейший ход дискуссии, несмотря на ее решительное неприятие норманистами². Грушевский нередко пользовался сомнительными этимологиями и опирался на проблематичный, хотя и дополняющий положения Шахматова, анализ «Повести временных лет»³. Еще большей произвольностью, чем взгляды Грушевского, отличались другие построения начала века, связывавшие название *русь* с днепровскими славянами. Так, Л. Падалка доказывал, что это название происходит от этнонима *рокс-аланы* (что, по его мнению, обозначало белых или вольных аланов), живших по Днепру и смешавшихся со славянами⁴. По В. Пархоменко, первоначальные поселения полян, которые носили (скорее, получили из Византии) название *русь*, находились у Азовского моря; там еще ими правил Олег как князь тмутараканский, и только Игорь, после поражения в борь-

зи с критикой источников по норманнской проблеме Тихомиров (Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 65) высказал мнение, что древнейший летописный источник был создан при Святополке (1015—1019 гг.) и охватывал события до времени Ярополка.

¹ Грушевський М. Указ. соч., с. 346.

² Brückner A. Dogmat normański. — КН, 1906, t. 20, s. 664—679. Автор признавал «исторической ересью» опровержение «догмы» о норманнском происхождении Древнерусского государства.

³ Грушевський М. Указ. соч., с. 556—578.

⁴ Падалка Л. В. Происхождение и значение имени «Русь». — Труды пятнадцатого археологического съезда в Новгороде, 1911 г., т. 1. М., 1914, с. 365.

бе с Византией, перешел вместе со своим народом на Днепр¹. Несмотря на произвольные выводы, Пархоменко все-таки исходил из материалов источников; но в дискуссии о начале Руси выдвигались также и невалифицированные гипотезы, вроде происхождения руси от хорватов (Янушевский), от кельтов (С. Шелухин), от франков (Фритцлер) и т. п.^{2*} «Теории» подобного рода лишь тормозили развитие дискуссии.

Еще около 1930 г. антинорманисты не использовали важных объективных данных, какие им могла дать критика письменных источников, а также археологические исследования. И В. А. Мошин, подводя итоги 200-летнего исследования проблемы³, признавал доказанным норманское происхождение руси и Русского государства. Он основывался на местной русской традиции, на обозначении шведов в финском языке словом *ruotsi* (финском соответствии слову *русь*), а в греческих и западных источниках словом *рос* и считал, что основание Русского государства Рюриком в Новгороде было эпизодом в широкой норманнской колонизации на востоке. Другое дело, что

¹ Свои положения В. Пархоменко развил в двух больших работах (Пархоменко В. Начало христианства Руси. Полтава, 1913; он же. У истоков русской государственности VIII—IX вв. Л., 1924). Кроме того, автор опубликовал на эту же тему ряд статей (Пархоменко В. К вопросу о хронологии и обстоятельствах жизни летописного Олега. — ИОРЯС, 1914, т. 19, с. 220). На основании документа, найденного в 1912 г. в Кембридже, он признал Олега тмутараканским князем. Но из документа вытекает только то, что этот князь был современником Романа Лакапина (919—944 гг.) и начал поход в Византию примерно в то время, когда, по другим данным, в Киеве должен был править Игорь. Текст и анализ документа см. в работе: Коковцев П. Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в X в. — ЖМНП, 1913, ноябрь, с. 161; Mošin V. Les Khazares et les Byzantins d'après l'Anonyme de Cambridge. — Byzantion, 1931, t. 6, p. 310. Позднее П. К. Коковцев поставил под сомнение, и не без основания, подлинность этого источника. (Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932, с. 30; Насонов А. Н. Тмутаракань в истории Восточной Европы X в. — ИЗ, 1940, т. 6, с. 94). Пархоменко попытался защитить подлинность документа (Пархоменко В. Когда жил вещий Олег. — Slavica, 1936, t. 14, p. 170; он же. Хельгу хазарского документа. — Slavica, 1937, t. 15, p. 191—200)**.

Очевидно, живший позднее описанных им событий автор документа, опираясь на книгу Иосифона и, возможно, византийские источники, рассказал о походе Олега, спутав его, однако, с походом Игоря.

² Мошин В. А. Указ. соч., с. 528—530.

³ Там же, с. 534—537.

он впал в определенное противоречие с предшествующими выводами, справедливо признавая слабое влияние скандинавской культуры на славян, поскольку ее уровень не был выше славянской, а варяжские отряды, не имеющие женщин*, вряд ли могли, расселяясь, создать устойчивые колонии¹. Одновременно этот исследователь соглашался, что этимология слов *русь* и даже *варяг* выяснена еще недостаточно.

В приведенных выводах Мошина характерно выдвижение на первый план колонизации как существенного фактора, объясняющего причину решающей роли норманнов в создании Русского государства. Эта концепция не была новой. О колонизации, правда готской, на территории финских племен говорил уже Байер. Археологические материалы, собранные Арне, должны были подкрепить тезис о шведской колонизации. Некритичная интерпретация скудных археологических свидетельств порождала такие вымыслы, как гипотеза П. Смирнова о волжском русском каганате², и отнюдь не вела к выяснению процессов формирования главных центров русской государственности в Новгороде и Киеве. Тем более ценным должно было представляться с точки зрения норманнской теории обращение к топонимике, которое благодаря исследованиям Р. Экблума и особенно М. Фасмера и Е. А. Рызевской выявило относительно большое число названий скандинавского происхождения на русских землях. Оценкой материалов топонимики мы займемся дальше; заметим лишь, что и они не способствовали действительному упрочению норманнской теории.

Если дискуссия по норманнскому вопросу в последние 25 лет вступила в переломный период, то это произошло благодаря углублению понимания исторических процессов, которые привели к образованию Древнерусского государства, не только как политических изменений, но в первую очередь как социально-экономических преобразований. Тенденция, наблюдаемая в советской науке, выражается прежде всего в применении новых методологических основ, но она имеет также предпосылки в предшествующей историографии. Ведь факт внутренних

¹ Там же, с. 536 со ссылкой на работу: Сыромятников В. С. Древлянский князь Мал и варяжский вопрос. — ЖМНП, 1912, июль, с. 120—139.

² Смирнов П. Волзькїі шлях і стародавні Руси (нариси о русской истории VI—IX вв.). Київ, 1928.

преобразований в обществе, предшествовавших формированию государства, не ускользнул полностью от внимания старых представителей русской историографии. Можно даже сказать, что мысль о внутренних предпосылках образования Русского государства столь же древняя, как и норманнская теория, поскольку уже современный Байеру русский историк В. Н. Татищев¹ говорил, что государственная власть развилась из семейной власти путем эволюции в результате роста населения и благодаря объединению поселений в большие территориальные союзы². Более четко сформулировал теорию родового происхождения государства уже упоминавшийся Эверс, а Карамзин не сомневался, что княжеская власть образовалась до норманнов и что славянские элементы ее строя были восприняты «норманнским» государством³. Если, по С. Соловьеву, норманнские дружины сыграли решающую роль в образовании классов общества и княжеской власти⁴, то такие исследователи, как В. Лешков, утверждали⁵, что государственный строй создали сами восточные славяне, а варяги только способствовали их объединению в единое государство.

Не меньшую роль приписывал семейным факторам автор наиболее тщательного в дореволюционной русской науке анализа истоков русского государства В. О. Ключевский⁶. Возникновение политической организации Ру-

¹ Бестужев-Рюмин К. Биографии и характеристики. СПб., 1882, с. 170; Очерки истории исторической науки в СССР, т. 1, с. 184. Подробнее проблема генезиса Древнерусского государства в старой русской историографии разобрана в статье: Łowmiański H. Stan badań nad podłożem gospodarczym i społecznym genezy państwa ruskiego. — РН, 1952, т. 43, с. 3.

² Татищев В. Н. История российская с самых древнейших времен, т. 1. М., 1768, с. 132. Говоря об истоках государственности на Руси, Татищев рассматривал проблему скорее статично, принимая, что «по пришествии славян в Русь из Вандалии были славенские государи; когда же оное колено мужеска рода пресекольсь, по женскому варяжский Рюрик, наследственно и по завещанию престол русский прияв, наипаче самовластие утвердил...». Варягов Татищев считал финнами.

³ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. 1. СПб., 1818, с. 71, 112.

⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, т. 1. М., 1866, с. 143, 266.

⁵ Лешков В. Н. Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII в. М., 1858, с. 97—134.

⁶ Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. СПб., 1919; он же. Курс русской истории. — Сочинения, т. 1. М., 1956, лекция 8 и 9.

си он связывал с внутренними потребностями общества: развитием торговли с каспийскими и черноморскими рынками в VIII—X вв., а также с необходимостью охраны дорог и торговых центров. Решающую роль в происшедших переменах сыграла, на его взгляд, военно-купеческая аристократия, состоявшая сначала из местных элементов, а потом также и из варягов, которые, оставаясь на их службе, со временем сами пришли к власти. Признание факта передачи власти варягам было со стороны Ключевского уступкой господствовавшей тогда норманнской теории; однако автор, по существу, не разделял мысли о завоевании извне, допуская захват власти изнутри. Теория Ключевского пользовалась большим успехом у дореволюционных исследователей; ее основные положения принял М. Грушевский, и в западной литературе встречаются ее реминисценции¹. Однако в этой теории, справедливо указывавшей на внутренние истоки государства, основной причиной общественных и политических изменений ошибочно признавалось развитие внешней торговли, хотя торговля при натуральном хозяйстве играла второстепенную роль в экономике страны, поставляя в основном знати предметы роскоши из-за границы; более того, она достигла значительных размеров только в результате образования государственного аппарата, который в форме дапей отбирал у населения продукты, вывозимые потом за границу².

Поскольку теория Ключевского была принята тогда как наилучшая, не следует удивляться, что в начале нашего столетия наметилось усиление теории норманнского завоевания как в работах Н. Рожкова, так и одного из лучших знатоков средневековой Руси А. Е. Преснякова³.

¹ И сегодня она находит признание не только в публицистическо-исторических работах, как у М. Т. Флоринского (Florinsky M. Russia—a History and an Interpretation, vol. 1. New York, 1953, p. 15—18), но и в работах научных (Balodis F. Handelswege nach dem Osten und die Wikinger in Russland. — Antikvariska studier, 1948, b. 3, s. 347; Hellmann M. Grundfragen..., S. 390).

² Критику теории Ключевского в свое время дал Н. Рожков. См.: Рожков Н. Обзор русской истории с социологической точки зрения, ч. 1. Киевская Русь. СПб., 1903, с. 24.

³ Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. Очерки по истории X—XII ст. СПб., 1909; он же. Лекции по русской истории, т. 1. М., 1938, с. 62. Скорее антинорманнской теории придерживался Д. М. Одинец (Одинец Д. М. Возникновение государственного строя у восточных славян, Париж, 1935). Этот автор,

Чтобы оценить связь между отношением этого исследователя к теории завоевания и его знанием внутренних процессов, следует отметить характерное явление: в то время, как на Западе господствовала норманнская теория, известный знаток общественной истории средневековой Польши К. Тыменецкий высказал мнение, что роль варягов на Руси переоценивается¹.

Обращаясь к области внутренних отношений, чтобы выяснить истоки государственности, мы не можем усмотреть их в торговле, которая в экономике вообще является второстепенным фактором, зависимым от производства (хотя и оказывающим на него некоторое влияние), а при низком развитии хозяйства, охватывающим лишь малую часть продукции*. Причины эволюции надо искать в самом производстве, от роста которого, несомненно, зависит переход к более высоким формам общественной и политической организации. При экстенсивных формах хозяйства, когда производители с трудом могли удовлетворить свои самые необходимые потребности, не было условий для создания господствующего класса, который получал средства к жизни от земледельцев, и для организации государственного аппарата. Этим и объясняется, почему общества, находящиеся на низших ступенях экономического развития, не имеют государственности. Известно по опыту, и это согласуется с логикой вещей, что рост производства углубляет общественные различия, дает возможность благодаря излишкам производимого земледельцем продукта выделиться специалистам-ремесленникам и одновременно обеспечивает средства для содержания класса, который не принимает непосредственного участия в производстве, занимаясь войной и политикой и подчиняя себе массу производителей для обеспечения собственных материальных потребностей. С этой целью, а также для противостояния внешним попыткам грабежа или завоевания неизбежно создание организации, которая определяется как государство. Общество, разделенное на клас-

хотя и признавал норманнское происхождение варягов и династии Рюриковичей и даже существование норманнской колонии на Волге, но отрицал ведущую роль норманнов в создании государства и даже считал их фактором, тормозившим развитие восточных славян. Они выступали на Руси, по его мнению, в роли наемных солдат и авантюристов; истоки же восточнославянского государства уходят в преднорманнские времена.

¹ Tymienicki K. Społeczeństwo Słowian lechickich, s. 155.

сы, неодолимо стремится к формированию государства и использует в этих целях каждую возможность, каждое политическое событие. И было бы большой исследовательской ошибкой признать случайный фактор основной причиной возникновения государства.

Эти новые методологические установки были использованы для решения норманнской проблемы. Однако само понимание общего механизма исторического процесса не может заменить анализа конкретных проблем, для чего необходимы факты. В данном случае неопенимую услугу оказывает археология. Широко организованные в СССР раскопки позволили представить хотя бы в общем виде постепенное развитие земледелия у восточных славян в I тысячелетии н. э., особенно во второй его половине¹, когда они перешли от экстенсивной подсечной формы к употреблению пахотных орудий². С созданием постоянных полей, несомненно, возрастала плотность населения, страна покрылась сетью оборонительных пунктов, укреплений³, а при самых крупных из них появились торговоремесленные центры, они имели уже характер городов^{4*}. Результаты современных исследований убеждают в существенных преобразованиях хозяйственной и политической структуры восточных славян во второй половине I тысячелетия^{5**}. Показательно, что с типологически сходным

¹ Общий анализ результатов дал В. И. Довженок (Довженко В. И. К истории земледелия у восточных славян в I тысячелетии н. э. и в эпоху Киевской Руси. — Материалы по истории земледелия СССР, т. 1. М., 1952, с. 114—159)***.

² Третьяков П. Н. Подсечное земледелие в Восточной Европе. — ИИМК, 1932, т. 14, № 1.

³ Результаты исследований обобщил Н. Н. Воронин (Воронин Н. Н. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города. — КСИИМК, 1951, т. 41, с. 5—29). См. также: Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 6—39; Монгайт А. Л. Указ. соч., с. 344—378. О высоком уровне развития культуры в русских городах уже в XI в. говорят недавние находки берестяных грамот (Арциховский А. В. Новые открытия в Новгороде. М., 1955).

⁴ Большое значение имеет работа Б. А. Рыбакова (Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948; он же. Древнерусский город по археологическим данным. — ИАН, сер. истории и философии, 1950, т. 7, с. 239—249). Общий обзор социально-экономического развития восточнославянских племен в период возникновения государственности в VII—IX вв. см.: Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953, с. 260—296.

⁵ В принципе с этими выводами согласился Г. Людат (Ludat H. Vorstufen und Entstehung des Städtewesens in Osteuropa. Köln, 1955, S. 17—19).

развитием, хозяйственным и общественным, встречаемся мы и в других славянских странах¹.

Но одновременно как на Руси, так и вообще в славянских странах наблюдается и другой процесс: формирование политических центров, возникающих в тех самых пунктах, где позднее сложились города. Также повсюду на славянских землях проявилась тенденция к объединению этнически родственных групп в большие политические организации, принимающие государственные формы; это явление известно и на Балканах, и у западных славян, где образуется государство Само, Моравское, Чешское, Польское государство. Могло ли быть иначе на Руси, которая не только обнаружила такое же социально-экономическое развитие, как и остальные славяне, но и была передовой в Восточной Европе? Кроме того, у древнерусского государства были и давние предшественники, в частности на ее территории в IV в. существовало славянское государство антов во главе с «королем» Бозом².

Неправдоподобно, чтобы эти два процесса, социально-экономический и политический, развивались независимо один от другого³. Сопоставление данных археологии и письменных источников свидетельствует, что политическое развитие опережалось ростом сельскохозяйственного производства, а в результате изменений в социальной структуре возникал господствующий класс, опирающийся, помимо военно-грабительской деятельности, на владение землей, обрабатываемой зависимым, прежде всего несвободным, населением*. И хронологическая последовательность, и логика показывают, где следует искать причины, а где видеть следствия. Рассмотрение общественного развития славян во второй половине I тысячелетия приводит к выводу, что появление Русского государства, как и других славянских государств, — результат внутреннего

¹ Łowmiański H. Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich. Warszawa, 1953**.

² Jordanes. De origine actibusque Getarum. Berolini, 1882, p. 121***.

³ Г. Шмидт, с одной стороны, правильно утверждает, что в Киеве и Новгороде существовало высокоразвитое ремесло, но, с другой стороны, он полагает, что центры государственности в Киеве и Новгороде создали варяги-язычники при помощи славян. Поразительные параллели в строю Новгорода и городов Италии и Далмации он приписывает лишь передаче на Русь римских традиций через Византию (Schmid H. F. Grundrichtungen und Wendepunkte der europäischen Ostpolitik. — JGO, 1953, № 1, S. 102).

процесса. Уже в этих общих наблюдениях содержится вывод, что норманнский элемент мог играть на Руси только второстепенную роль, а приписывание норманнам заслуги создания Русского государства не находит подтверждения, если учитывать внутреннее развитие древнерусского общества, в первую очередь повсеместный на славянских землях рост производительных сил и социальные изменения, отраженные как в археологических, так и в письменных источниках. Сведение процессов возникновения Русского государства к интервенции норманнов означало бы замену научных исторических исследований анекдотическими рассказами. Другое дело, если бы было установлено, что норманны не были чуждой силой, а являлись бы одной из местных этнических групп, издавна и в большом числе осевшей в Восточной Европе и создавшей какие-то собственные политические организации типа русского волижского каганата¹. В связи с вопросом о норманнской колонизации на Руси ограничимся лишь замечанием, что, даже по мнению норманистов, она имела локальный характер и потому не могла служить источником преобразований, происходивших на всей территории восточных славян. Однако советская наука начала полемику и с теорией норманнской колонизации².

Археологические данные и письменные известия об экономических и социальных отношениях на Руси заложили основу для пересмотра норманнской теории происхождения Русского государства — в тот момент, когда, объяснявшаяся в основном в рамках политической истории, она достигла, казалось бы, повсеместного признания. Уже в 1937 г. Б. Д. Греков сформулировал новый взгляд, приняв за исходный пункт общественно-политических перемен изменения в сельскохозяйственной технике и ее совершенствование; объясняя становление феодального строя внутренним развитием общества, автор утверждал, что варяги подчинились существующей на Руси социально-экономической структуре, влились в нее и сыграли в истории Руси лишь эпизодическую роль³. Новая точка

¹ Смирнов П. Указ. соч.

² Д. А. Авдусин резко критиковал Т. Арне по этому вопросу (Авдусин Д. А. Непорманистские измышления буржуазных историков. — ВИ, 1953, № 12, с. 114—120). См. также: Монгайт А. Л. Указ. соч., с. 328—330.

³ Греков Б. Д. Феодальные отношения в Киевском государстве. М.—Л., 1937, с. 18; он же. Борьба Руси за создание своего государства. М.—Л., 1945, с. 50.

зрения была развита дальше в многочисленных работах советских историков послевоенного периода¹ — С. В. Юшкова, В. В. Мавродина, Б. А. Рыбакова, М. Н. Тихомирова и других. Расходясь в деталях, они обосновывают общее главное положение, признающее Древнерусское государство органичным результатом развития восточнославянского общества*. Этот вывод основывается на объективных данных, так же как и точка зрения польских и чешских историков — о местных предпосылках возникновения Польского и Чешского государств, хотя ситуация на Руси много сложнее из-за значительно большей инфильтрации норманнского элемента и требует особенно тщательного исследования политических факторов, недостаточно объясненных антинорманистами досоветского периода. Тем не менее благодаря выдвижению на первый план проблем внутреннего развития восточнославянского общества и политическая сторона вопроса представляется более ясной ныне, чем несколько десятилетий назад. В прежней литературе норманнской теории противопоставлялся антинорманизм в виде попыток решить вопрос о происхождении названия *русь*, связав его с финнами, хазарами, литовцами, западными славянами, аланами и т. п. (что, кстати, не означало признания решающей политической роли на Руси кого-нибудь из них). В этом разнообразии решений видели один из доводов ложности антинорманистского направления и истинности норманнской теории. Ныне положение в корне изменилось: единственно научной основой антинорманизма стала славянская теория происхождения русского государства**, и раз-

¹ Кроме основного труда Грекова (Греков Б. Д. Киевская Русь), где развиваются положения, сформулированные в кн.: Греков Б. Д. Феодальные отношения..., следует назвать: Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945; Покровский С. А. О начале Русского государства. — ВДИ, 1946, № 4, с. 101—109. Проблемы общественного строя в связи с формированием феодализма и государства рассмотрены в кн.: Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939; он же. Общественно-политический строй и право Киевского государства. Обзор экономических отношений дал: Лященко П. И. История народного хозяйства СССР, т. 1. М., 1952. Историко-географические проблемы см.: Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. Критические замечания об источниковой основе проблемы и спорных моментах см.: Рыбаков Б. А. Образование древнерусского государства. М., 1955.

погласия об этимологии названия *русь* утратили актуальность.

Встает вопрос, чем объяснить, что, несмотря на результаты современных исследований внутреннего развития восточных славян, в сущности предрешивших итоги норманнской проблемы и тем самым потребовавших пересмотра сведений источников, на которые опирается норманнская теория, западные исследователи до сих пор по преимуществу придерживаются именно ее, объявляя славянскую теорию искусственной конструкцией, созданной *ad hoc**. Этому способствовало несколько поводов. Важным препятствием на пути признания последней является методологическая сложность в использовании важнейшего источника — русского летописания¹, и отсюда происходит устойчивость влияния самого Нестора или же тех иностранных источников, которые не свободны от неточностей, особенно в этнонимике.

Еще более важна методологическая позиция исследователя: переоценка роли политических сил, в особенности роли личности в истории, нередко и ныне, так же как и недооценка решающего значения внутреннего развития общества и деятельности широких общественных масс (ведь историю творят не только потребители, но также и в первую очередь производители). Историко-политическая точка зрения преобладает на Западе. В плане захвата власти завоевателями рассматривал происхождение Русского государства Г. Заппок, не отличается по существу от него М. Хеллманн²; М. Таубе и Н. Баумгартен объединяли проблемы генезиса Русского государства и христианизации восточных славян, вольно обращаясь с

¹ Chadwick N. K. The Beginnings of Russian History—an Enquiry into Sources. Cambridge, 1946. Автор использовала летопись Нестора без учета исследований Шахматова, хотя этого требует само название работы.

² Sappok G. Grundzüge der osteuropäischen Herrschaftsbildungen im frühen Mittelalter, S. 234; Laehr G. Die Anfänge des russischen Reiches—politische Geschichte im 9. und 10. Jahrhundert. Bern, 1930, S. 11 (автор лишь берло упомянул о внутренних отношениях); Hellmann M. Staat und Recht in Altrussland. — Saeculum, 1954, vol. 5, p. 41—62. Из экономических отношений М. Хеллман учитывает торговлю как средство содержания аппарата власти (награды дружинникам), но признает, что характер Киевского государства, хотя и основанного, по его мнению, норманнами, не был германским. (Ibid., S. 51.)

материалами источников¹. Ф. Дворник видит политический и культурный аспекты создания государства, но недооценивает экономический и социальный². По существу, обходит экономические и общественные предпосылки возникновения государства также Г. Вернадский³. Недавно Х. Пашкевич отказался от исследования социальных проблем генезиса государства, ссылаясь на недостаток источников, и ограничился изучением политических событий, а также историко-географическими наблюдениями⁴, хотя состояние источников по двум последним проблемам так же фрагментарно, как и по первой, а специфический характер политической истории делает невозможным применение сравнительного и ретроспективного метода, так расширяющего исследовательские возможности в социально-экономической области. А. Стендер-Петерсен признает, что метод, игнорирующий значение внутреннего развития в генезисе государства, недостаточен, однако сам он ставит во главу угла политические факторы⁵. Декларируя свое промежуточное положение между норманистами и их противниками⁶, в конкретных выводах описывает начало Русского государства скорее согласно норманнской теории⁷. Более того, он пытается возродить норманнскую теорию, развивая положение, известное, кстати, с XVIII, если не с XII в.⁸ и разделявшееся Л. Ни-

¹ Taube M. de. *Rome et la Russie avant l'invasion des Tatars (IX—XIIIe siècle)*. Paris, 1947; Baumgarten N. de. *Aux origines de la Russie*. Rome, 1949.

² За исключением, очевидно, торговли, что обычно для буржуазной литературы. Dvornik F. *The Making of Central and Eastern Europe*. London, 1949, p. 63.

³ Vernadsky G. *Ancient Russia*. New Haven, 1943; idem. *Kievan Russia*. New Haven, 1948. Автор обратился к внутренним отношениям, рассмотрев период формирования Киевского государства.

⁴ Paszkiewicz H. *Op. cit.*, p. 165.

⁵ Stender-Petersen A. *Das Problem...*, S. 167.

⁶ Stender-Petersen A. *Die Vier Etappen der russisch-warägischen Beziehungen*. — JGO, 1954, № 2, S. 137.

⁷ Stender-Petersen A. *Das Problem...*, S. 185.

⁸ Как уже упоминалось, Байер говорил о готской колонизации на севере Руси. Истинным творцом тезиса о скандинавской колонизации на Руси был Нестор, когда писал о прибытии из-за моря Рюрика с братьями в главе всей руси: «И избрашася трие братья съ роды своими, и пояша по собе всю Русь, и приидоша» (ПВЛ, ч. 1, с. 19). Норманисты дословно понимали это известие и выводили норманнских колонизаторов: одни из Швеции из Рослагена (Куник), другие из Розенгау (Крузе Ф. О пределах Нор-

дерле¹ и М. Фасмером², о существовании на севере, в треугольнике Белоозеро — Ладога — Изборск, области скандинавского крестьянского расселения, из которой должны были выйти основатели русского государства.

Наконец, одним из важных поводов живучести норманнской теории следует признать отсутствие полного критического свода источников, касающихся появления и деятельности норманнов на Руси. Направление исследований прежде всего на изучение внутреннего процесса увело в какой-то мере внимание представителей славянской теории от источниковедческих проблем*.

Обзор обширной и бурной дискуссии позволяет утверждать, что норманисты при значительных расхождениях в деталях единодушны в двух принципиальных вопросах: 1) считают, что норманны добились господства над восточными славянами путем внешнего захвата, как полагают одни, или, по мнению других, с помощью «мирного покорения», которое состояло в заключении славянскими племенами добровольного соглашения с норманнами и признании их власти³, или же в проникновении норманнов в славянскую среду и захвате власти изнутри. И в том, и в другом случае норманны должны были организовать местное население, представляющее скорее пассивную, с политической точки зрения, массу; 2) полагают, что слово *русь* первоначально означало норманнов, которые передали в дальнейшем это название славянскому

маний и названии норманов и руссов. — ЖМНП, 1839, январь, с. 13—77).

¹ Niederle L. Les théories nouvelles de Jan Peisker sur les anciens Slaves. — RES, 1922, t. 2, p. 26. Автор полагал, что северная, или норманнская, русь, о которой есть известия у арабских авторов, занимала территорию между Ладогой и верхним Днепром.

² Vasmer M. Wikingerspuren in Russland. — SBPA, 1931, Bd. XXIV, S. 650.

³ Dvornik F. The Making..., p. 63. Автор говорит о безболезненном переходе русских племен от хазарского владычества к норманнскому. (Ibid., p. 64.) Это старая точка зрения, так писал еще Куник. Характерную для норманнской теории точку зрения сформулировал Траутман (Trautmann R. Von Russen und Wärgern. — Zeitschrift für deutsche Geisteswissenschaft, 1940, Bd. 2, S. 457), выдвинув три основы Киевского государства и Русской земли: скандинавскую, которая дала форму государства и династию, славянскую и греко-болгарскую, церковную. Таким образом, участие славян в образовании государства он свел к роли пассивного элемента, развивавшегося под влиянием внешних воздействий.

населению, находящемуся под их властью. В одном пункте с норманистами сегодня соглашаются и их противники, а именно признают факт проникновения норманнского элемента на земли восточных славян, однако они понимают формы, масштабы и политическое значение этого проникновения иначе. Задачей, которая еще ждет своего решения, является, как сказано выше, анализ источников для выяснения, действительно ли существует несоответствие между результатами исследования внутреннего развития восточных славян и известиями источников, свидетельствующих (в интерпретации норманистов) о решающей роли скандинавов в образовании Древнерусского государства; иначе говоря, действительно ли содержание этих источников позволяет оспорить местные истоки экономических и социальных предпосылок образования Древнерусского государства. В свете этой задачи рассмотрим четыре проблемы, бывшие до сих пор предметом дискуссии, и проверим их источниковую основу. Эти проблемы таковы: 1) проникновение норманнов на восточнославянские земли на фоне общей экспансии скандинавских народов в раннем средневековье, 2) завоевание Руси норманнами, 3) происхождение названия *русь*, 4) происхождение династии и господствующего класса на Руси в связи с участием в нем норманнов.

Глава III

ПРОНИКНОВЕНИЕ ВАРЯГОВ НА ЗЕМЛИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Поскольку деятельность варягов (под таким именем выступали скандинавы на территории восточных славян) стала одним из выражений более широкого явления — экспансии скандинавских народов в раннем средневековье, естественно, что их роль на Руси нельзя рассматривать в отрыве от общего фона. Причины норманнской экспансии, принявшей в тогдашней Европе исключительные формы и размеры, вызвали в научной литературе интерес, но не получили удовлетворительного решения*. Указывалось на демографический фактор: увеличение плотности населения¹ и вытекающее из него обеднение народа, который ищет лучших условий за пределами своего края, а также и на психологические факторы: жажду славы, приключений, знакомства с чужими странами, желание обрести материальные блага². Однако о перенаселении Скандинавии в раннем средневековье, как уже выяснено³, не может быть и речи; что касается психологических стимулов, то вряд ли они были новы. Ведь и физическая природа человека и его психика меняются очень медленно, практически незаметно за сравнительно короткий — несколько сотен и даже несколько тысяч лет — исторический период. Поэтому без учета социально-экономического строя, действительно развивающегося,

¹ Hallendorf G., Schück A. History of Sweden. Stockholm. 1929, p. 14; Paulsen P. Der Stand der Forschung über die Kultur der Wikingerzeit. Frankfurt a. M., 1933, S. 201.

² Scheel O. Die Wikinger—Aufbruch der Nordens. 2 Aufl. Stuttgart, 1938, S. 98. Паульсен подчеркивал роль общественных слоев, интересы которых определяли характер походов (Paulsen P. Die Wikinger...).

³ Scheel O. Op. cit., S. 95. Справедливо отрицая перенаселение, С. Булин объясняет экспансию викингов на Западе захватом Руси, которую, как следует из его выводов, шведы хотели завоевать в целях торговли с Востоком. (Bolin S. Mohammed, Charlemagne and Ruric. — The Scandinavian Economic History Review, 1953, vol. 1, p. 39).

нельзя объяснить, почему в интересующий нас период изменились формы деятельности скандинавских народов (отличавшихся миграционной подвижностью и в предшествующее время). Истинную причину, которая побудила скандинавов к военно-грабительской и политической активности, сопровождавшейся также колонизацией и торговлей, следует искать в социально-экономических отношениях, которые именно в этот период характеризуются формированием классового общества, зарождением феодального строя и, наконец, образованием государства. Пока господствующий класс не создал действенного государственного аппарата, обеспечивающего стабильное материальное обеспечение за счет народа, он черпает значительную часть ресурсов, необходимых для своего содержания, в военном грабеже, завоевании, а также торговле. Сходным образом усиливалась военная активность и других народов Европы в раннефеодальный период. Если скандинавы более других беспокоили соседей, если они проявляли особую инициативу и предприимчивость*, это следует в первую очередь приписать географическим условиям: приморскому положению, которое гарантировало их от нападений соседей и облегчало организацию собственных походов. Благодаря великолепному владению техникой мореплавания они совершали успешные плавания к берегам Европы и даже в глубь континента — вверх по рекам.

Экспансия норманнов проявлялась в различных формах: в грабежах, сборах дани с народов, подвергнувшихся нападению, и их завоевании, наконец, в торговле. Ей сопутствовала эмиграция из Скандинавии, приведшая к крестьянской колонизации (об этом дальше), что явственно проявилось в Англии. В научной литературе издавна обращалось внимание на то, что формы этой экспансии не были одинаковы на Востоке и Западе Европы. Ключевский считал, что на Руси, в отличие от западноевропейских стран, скандинавы выступали не в роли пиратов, а только как вооруженные купцы¹. Подобное же мнение о преобладании экономических, точнее, торговых интересов в деятельности варягов на Востоке высказывается и в

¹ Ключевский В. О. Курс русской истории, т. 1, с. 134. Коссина не видел разницы между формами деятельности викингов и варягов, за что его справедливо упрекал Паульсен. (Kossinna G. Wikinger und Waräger, S. 88; Paulsen P. Die Wikinger..., S. 202).

современной западной историографии¹, хотя в ней и подчеркиваются сходные политико-завоевательные цели скандинавов на Западе и Востоке. А. Стендер-Петерсен недавно писал, что экспансия викингов на Западе имела грабительский и захватнический характер, а на Востоке деятельность скандинавов приобрела форму колонизации². Но качественное противопоставление деятельности викингов и варягов вряд ли возможно. Как в Западной, так и в Восточной Европе скандинавы обнаруживали одинаковые формы экспансии, которые, однако, проявлялись с разной силой³ *. Причина же наблюдаемых различий в интенсивности экспансии коренится в ее целях у норвежцев и датчан, с одной стороны, шведов — с другой, вытекающих из конкретных условий, в которых проходила их деятельность в отдельных регионах. Поэтому я считаю целесообразным применение сравнительного метода (но несколько иначе, чем А. Стендер-Петерсен), поскольку он позволяет как выявить общие тенденции в деятельности скандинавов (викинги-варяги), так и установить влияние местных условий на формы этой деятельности, а одновременно и их специфику.

На Западе роль скандинавов в торговле была незначительна, что объясняется ослаблением в IX и X вв. обмена между Франкским государством (и вообще Западом) и Востоком через балтийские торговые пути, где роль посредников играли скандинавы. Франкское государство, которое в VIII в. принимало участие в транзитной торговле мехами и невольниками между Балтийским регионом и Халифатом, перестало участвовать в ней после 830 г. и особенно с середины IX в., как отмечает С. Булин⁴, а с начала X в. прекратился приток арабского серебра из

¹ Brandt A. Neuere skandinavische Anschauungen zur Frühgeschichte des Ostseebereichs. — In: Die Welt als Geschichte, 1950, Bd. 10, S. 59; Ward G. The English Danegeld and the Russian Dan. — ASEER, 1954, vol. 13, p. 300.

² Stender-Petersen A. Die vier Etappen..., S. 142; idem. Das Problem..., S. 177.

³ Bolin S. Op. cit., p. 30.

⁴ Ibid., p. 23, 38. В балтийской торговле ни в IX, ни в X в. поставки на Запад изделий арабского и византийского происхождения не играли роли, что справедливо подчеркивал М. Маловист. Зато имел значение экспорт франкского оружия на север, в Скандинавию, и на славянский Восток. (Małowist M. Z problematyki dziejów gospodarczych strefy bałtyckiej we wczesnym średniowieczu. — Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych, 1948, t. 6, s. 87, 89, 113.)

Скандинавии на Запад, что также свидетельствует об ослаблении франко-скандинавских торговых отношений. Благодаря возникновению торгового обмена с Халифатом (а также с Византией) через торговые пути Восточной Европы внимание скандинавских купцов обратилось на Восток*. Варяги охотнее занимались торговлей, чем викинги, которые в западных странах выступали как грабители, завоеватели и поселенцы.

Надо сразу отметить, что викинги нигде не имели длительных успехов в освоении больших пространств и основании политических центров. А их отдельные скромные и временные достижения обязаны не столько военным победам, сколько договорам и компромиссам с местными властями. Норвежцы не смогли завоевать Ирландию, нападения на которую предпринимали начиная с IX в., — остров сравнительно небольших размеров, где не было сильной централизованной власти. Несмотря на захват прибрежных пунктов и основание новых центров (уже в IX в.), викингам не хватило сил¹ для колонизации этой страны, хотя, постоянно борясь с местным населением, они удерживались в некоторых центрах вплоть до английского завоевания (1170 г.), прежде всего в Дублине; однако они выступали там не только как завоеватели, но и как организаторы торговли, способствуя тем самым экономическому развитию Ирландии². Больших успехов добились во Франции датчане, установившие господство над морским побережьем в устье Сены и основавшие герцогство Нормандия по договору Роллона с Карлом Простоватым (911 г.), который юридически закрепил за норманнами захваченные ими земли в обмен на обязательство оборонять все государство (*pro tutela regni*). Нормандские герцоги с этих пор стали вассалами короля Франции³. Итак, в этом случае завоеватели не надеялись только на собственные силы, а пошли на компромисс с местной властью и позднее ассимилировались в христианско-романской среде. Из политических образо-

¹ Scheel O. Op. cit., S. 140, 159.

² Nordenstreng R. Die Züge der Wikinger. Leipzig, 1925, S. 209; Bugge A. Die nordeuropäischen Verkehrswege im Mittelalter.—Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, 1906, Bd. 4, S. 227.

³ Mitteis H. Lehnrecht und Staatsgewalt. Weimar, 1933, S. 333; Scheel O. Op. cit., S. 188; Lot F. Naissance de la France. Paris, 1948, p. 510.

вапий, основанных скандинавами за пределами их собственной страны, Нормандия, без сомнения, сыграла наибольшую историческую роль, став исходным пунктом двух крупных завоевательных предприятий, одно из которых было направлено против Южной Италии, а другое — в Англию. Но эти завоевания, осуществленные романизованными норманнами с христианской культурой, которая облегчила им сближение с завоеванными народами, уже не могут служить материалом для сравнения с собственно скандинавской экспансией¹.

Наибольшего размаха завоевательная деятельность викингов достигла в Англии. Поэтому представляется, что она является наиболее подходящим объектом для сравнения с экспансией варягов на землях восточных славян. Нападения викингов на Англию восходят примерно к 793 г., когда пираты, в основном норвежские, начали опустошать побережье Нортумбрии, что, впрочем, не дало в то время никаких результатов. Несравненно большие последствия имело датское вторжение. Нападения датчан в широком масштабе начались с 834—835 гг., когда завоеватели устремились на о. Шеппи в устье Темзы². Англосаксы отчаянно сопротивлялись, что, однако, не остановило викингов: в середине IX в. они предприняли первую попытку перезимовать в Англии (на о. Тенет, Кент)³. Настоящее же завоевание страны датчанами падает на 865—879 гг.⁴ В это время здесь существовало четыре самостоятельных королевства: Уэссекс, Мерсия, Нортумбрия и Восточная Англия, которые не смогли организовать совместную оборону. В 865 г. в Восточной Англии высадилась сильная датская армия, которая предприняла ряд

¹ Scheel O. Op. cit., S. 309, 337; Tymieniecki K. Migracje w Europie środkowo-wschodniej i wschodniej w starożytności, s. 34. Автор противопоставляет переселение из Нормандии, т. е. с континента, миграции норманнов из Скандинавии, т. е. на континент. Главное различие было, однако, в социально-экономическом и культурном содержании, на что автор также обращает внимание.

² Stenton F. Anglo-Saxon England. Oxford, 1950, p. 241; Blair P. An Introduction to Anglo-Saxon England. Cambridge, 1956, p. 68; Kruse F. Chronicon Nortmannorum, Wariago-Russorum nec non Danorum, Sveonum, Norvegorum inde ab a. 777 ad a. 879. Hamburgi, 1851, p. 115.

³ Kruse F. Chronicon Nortmannorum..., p. 204.

⁴ Подробности этого завоевания и освободительной борьбы англичан до 954 г. см.: Stenton F. Op. cit., p. 245—268; 315—358; Blair P. Op. cit., p. 69—89*.

походов в глубь края¹. Тактика завоевателей заключалась в создании укрепленных пунктов* и опустошении окрестностей для того, чтобы вынудить население платить дань и налоги**; это — обычная тактика завоевателей в странах, где нет центральной политической власти; подобными методами пользовались, например, крестоносцы в Ливонии и Пруссии. В 866 г. датчане захватили Йорк и подчинили себе Нортумбрию, после чего овладели Мерсией, во главе которой поставили своего данника, короля Кеолвульфа (874 г.)***; однако в Уэссексе они не добились решающего успеха. На помощь захватчикам из Дании прибывали новые отряды. В 876 г. они начали оседать на захваченных территориях, и в связи с этим провели между собой раздел земель****, прежде всего в Нортумбрии², а позднее — в северной и восточной Мерсии³; наконец, в 878 г. датчанин Гутрум после заключения договора с королем Уэссекса Альфредом Великим (871—899 гг.) и крещения***** приступил к систематическому заселению Восточной Англии⁴. Так на востоке Англии началась датская колонизация, военная и крестьянская, принесшая скандинавское право, откуда и происходит название занятых датчанами территорий: Данелаг, по-английски Дэнло («область датского права»)⁵. Сильное сопротивление населения Уэссекса под предводительством Альфреда Великого уберегло этот край от судьбы трех других англосаксонских королевств. Вторжение явилось одновременно и причиной будущего поражения датчан, поскольку борьба с ним способствовала объединению всей Англии под властью королей независимого Уэссекса. Конец IX — начало X в. был периодом равновесия английских и датских сил. Ослабление натиска датчан последовало за их оседанием на земле и созданием собственных экономических основ хозяйства, в то время как прежде они существовали трофеями и данью. Но упрочить свое политическое единство они не смогли и подчинились местным королям и эрлам. В 910 г. наследник Альфреда, Эдуард (899—924 гг.), перешел к на-

¹ Kruse F. Chronicon Nortmannorum..., p. 314.

² Ibid., p. 348.

³ Ibid., p. 416.

⁴ Ibid., p. 429, ср.: p. 351.

⁵ Сомнительно мнение, связывающее слово *Danegeld* («датские деньги», т. е. деньги, выплачивавшиеся датчанам) с русским *дань*. (Ward G. Op. cit., p. 302.)

ступательным действиям, и в течение 10 лет король Уэссекса распространил свое господство практически на всю Англию. Новая угроза норманнов возникла в начале X в. в связи с усилением норвежской экспансии из Ирландии, где викинги имели сильную базу в Дублине. Сначала они обосновались на полуострове Уиррал (у Ливерпуля), а в дальнейшем под предводительством Рёгнвальда захватили Йорк. Однако Рёгнвальд был вынужден признать власть Эдуарда, сын и наследник которого Ательстан вернул Йорк (927 г.). Норвежским викингам было нелегко отказаться от господства в Нортумбрии, и они неоднократно предпринимали попытки вновь овладеть Йорком, приводившие иногда к кратковременным успехам (в 939—945 и 948—954 гг.), однако изгнание оттуда Эйрика * в 954 г. покончило с господством норвежских викингов в этих краях.

Из этого обзора явствует, что датчане смогли захватить только часть Англии, и то лишь на короткий период в 50 лет; они не объединили страну в одно целое и даже в Дэнло не создали собственной королевской власти. Так что влияние датчан на объединение Англии под властью королей Уэссекса было опосредованным; политическая централизация страны явилась неожиданным для них результатом борьбы английского народа с завоевателями. Более устойчивым последствием завоевания стали датские поселения в Дэнло, причем со временем датчане были ассимилированы местным населением, как и менее многочисленные норвежско-ирландские колонисты.

В последней четверти X в. началась вторая фаза ** датской экспансии на территории Англии, значительно отличающаяся по характеру от первой ¹. На этот раз она находилась в несомненной связи с внутренней политической консолидацией Дании и становлением там во второй половине X в. раннефеодального государства во главе с Харальдом Сипезубым. Благодаря этому экспансия в Англии приобрела централизованный характер, что и обеспечило ей сравнительно большой успех. Новая серия

¹ Подробности см.: Stenton F. Op. cit., p. 359—387; Blair P. Op. cit., p. 94—104. Как характерный факт можно привести английские монеты Кнута (1016—1035 гг.), легенды которых не изменились в сравнении с его английским предшественником Этельредом II: они содержали имя короля и титул rex Anglorum; о датчанах упоминания нет***. См.: Brooke G. English coins. From the Seventh Century to the Present Day. London, 1955, p. 68.

скандинавских нападений начинается с 980 г. Особенно усилились они после 991 г. (битва при Мэлдоне), но носили они иную форму, чем вторжения 865—879 гг.: нападающие теперь не оседали в Англии, а ограничивались получением все больших выкупов. Особенно широкую экспансию вел король Дании Свен Вилобородый (986—1014 гг.). После нескольких опустошительных вторжений в 1003—1011 гг. состоялось мощное нашествие на терроризированный и истощенный данями край; король Этельред II (умер в 1016 г.) бежал в Нормандию. Смерть Свена (1014 г.) вызвала кратковременный спад датского наступления. Кнут, сын Свена, даже ушел со своим флотом в Данию. Однако уже в 1015 г. он вернулся с новыми силами и вынудил английского короля Эдмунда к разделу Англии, но преждевременная смерть Эдмунда (1016 г.) открыла Кнуту путь к господству над всей Англией. Тем не менее эти события нельзя рассматривать как завоевание в узком значении слова, поскольку положение Кнута в стране было определено компромиссом с местным населением. Прежде всего, он занял трон в результате выборов, которые выражали стремление к компромиссу со стороны самих англичан. В литературе единодушно признается, что Кнут проводил политику сближения скандинавского и англосаксонского населения и выступал в Англии как английский, а не как датский король¹, хотя охотнее окружал себя датскими советниками.

В датской экспансии на территорию Англии нас интересуют для последующего сопоставления два момента: политический, или обстоятельства и ход завоевания, особенно в его первой фазе, и экономический, т. е. скандинавская колонизация, особенно в Дэнло. Первый из этих моментов будет рассмотрен в следующей главе, здесь же сравним размеры скандинавской инфильтрации в Англии, с одной стороны, и на Руси — с другой.

Скандинавская колонизация Англии, возникшая в результате вторжения и оседания на земле воинов*, без сомнения, отвечала интересам скандинавских народов, которые искали новые владения за морем еще до начала походов викингов. В VIII в. происходит мирное проникновение западнонорвежских крестьян на Оркнейские остро-

¹ Nordenstreng R. Op. cit., S. 101; Scheel O. Op. cit., S. 305; Stenton F. Op. cit., p. 393.

ва после отхода оттуда более раннего поселения, пиктов¹. Кроме воинов, в походах могли принимать участие и датские крестьяне, переселявшиеся непосредственно из своей страны; должна была быть и эмиграция женщин, о чем говорит устойчивость этнических признаков датчан в Англии вплоть до времени Генриха II (XII в.). Лучшим источником для определения размеров колонизации является богатая ономастика², состоящая из личных имен и названий местности*. Скандинавские имена в большом количестве встречаются в документах, в особенности в Domesday Book (1086 г.), где почти половина личных имен в северной части Дэнло — скандинавские³. Скандинавские топонимы возникли, вероятно, в значительной части в период датского господства в Дэнло в 877—919 гг.⁴ Топонимические исследования показывают, что небольшое число колонистов, особенно приходящих на уже заселенные территории, не оказывает значительного влияния на топонимы, большие перемены в них вызывал только массовый приток скандинавов⁵. Таким образом, в одних частях Дэнло появились многочисленные скопления скандинавских названий, в других же местах они встречаются реже; однако в целом в Дэнло выявлено огромное число топонимов скандинавского, главным образом датского, реже норвежского происхождения⁶. В некоторых местах, например Линкольншире, они превосхо-

¹ См.: Genzmer F. Sage und Wirklichkeit in der Geschichte von den ersten Orkadenjarlen. — HZ, 1943, Bd. 168, S. 539. Зато положение Нермана о ранней эмиграции с Готланда (500 г.) не нашло поддержки. Brandt A. Op. cit., S. 58.

² Stenton F. The Danes in England. — Proceedings of the British Academy, 1927, vol. 13, p. 4; idem. Anglo-Saxon England, p. 512—518. Данные ономастики проанализировал Бруннер (Brunner K. Die englische Sprache—ihre geschichtliche Entwicklung, Bd. 1. Halle (Saale), 1950, S. 118—141).

³ Stenton F. The Danes..., p. 29; Brunner K. Op. cit., S. 126; Feilitzen O. The Pre-Conquest Personal Names of Domesday Book. Uppsala, 1937, p. 26.

⁴ Ekwall E. The Scandinavian Element. — In: Introduction to the Survey of English Place-Names, vol. 1. Cambridge, 1924, p. 55.

⁵ Ibid., p. 72. Справедливость этого вывода подтверждают аналогии. Например, в Пруссии немецкая колонизация, развивавшаяся в лесах или на обезлюдивших территориях, приводила к появлению немецкой топонимики, в то время как на заселенных местах сохранились прусские или польские названия, несмотря на приращение немцев.

⁶ Ibid., p. 75; Brunner K. Op. cit., S. 128—129.

дают число английских названий¹. В одном небольшом округе — Северный Рединг (в Йоркшире) — названий, оканчивающихся на скандинавское *-by* («поселение») насчитывается 155². Даже древние английские названия нередко изменялись под влиянием датского языка.

Если топонимика является важным свидетельством о роли скандинавов в Англии, что освещено относительно многочисленными письменными источниками, то тем больше ее значение для Руси при недостатке письменных известий и тем более интересным будет сравнение топонимического материала обеих стран. В принципе никто не отрицает проникновения на Русь скандинавов; речь идет об установлении размеров и характера эмиграции, т. е. о том, происходила ли, наряду с оседанием воинов и купцов, также и крестьянская колонизация — как это утверждают наиболее далеко идущие авторы³. Из письменных источников вытекает, что отряды варягов состояли из воинов и купцов; в то же время нет никаких письменных известий о притоке из Скандинавии крестьянского населения⁴; этот вопрос нельзя выяснить и с помощью археологических данных, которые отражают скорее присутствие дружинной прослойки и купцов*, поэтому основной источник в данном случае следует искать в топонимике. Она исследована в трудах М. Фасмера и Е. А. Рыдзевской, охватывающих всю территорию Древнерусского государства⁵. Работа Фасмера, хотя и не ис-

¹ Ekwall E. Op. cit., p. 83.

² Mawer A. The Scandinavian Settlements in England as Reflected in English Place-Names. — APHS, 1932, vol. 7, p. 29.

³ См.: Stender-Petersen A. Das Problem..., S. 185; Vasmer M. Wikingerspuren in Rußland, S. 650.

⁴ Картина скандинавских поселений, нарисованная Мошиным (Мошин В. А. Начало Руси. Норманы в Восточной Европе. — *Bizantino-slavica*, 1932, t. 4, с. 56), не находит обоснования даже в тех источниках, на которые ссылается сам автор. Нет доказательств того, что скандинавские воины и купцы создавали собственные этнически замкнутые поселения; они рассеивались среди славянского населения, смешивались с ним и быстро славянизировались благодаря бракам.

Слова «Повести временных лет» о варягах, поселившихся между морем Варяжским (т. е. Балтикой) и пределом Симовым (т. е. Прикамской Болгарией), надо понимать, конечно, в смысле не компактного, а рассеянного населения (возможно, купцов и т. п.). См.: Łowmiański H. Początki Polski, t. 5. — *Прим. авт.*

⁵ Vasmer M. Wikingerspuren in Russland, S. 649—674; Рыдзевская Е. А. К варяжскому вопросу. Местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси. — ИАН, отд. общ. наук, 1934, № 7, с. 485—532; № 8, с. 609—630.

черпала материал топонимики, была с энтузиазмом принята норманистами, поскольку она давала многочисленные, как считалось, свидетельства¹, якобы подтверждавшие значительный приток переселенцев из Скандинавии на русские земли. Однако результаты обеих работ выступают в ином свете, если их сопоставить с данными Дэнло. М. Фасмер выявил на территории Советского Союза около 150 топонимов (некоторые повторяются не один раз) — не больше, чем названий на *-by* в Северном Рединге. Даже если принять во внимание данные Е. А. Рыдзевской, которая определила как скандинавские около 220 названий, неизвестных Фасмеру², сравнение с английскими цифрами не оставляет сомнений, что о крестьянской колонизации на Руси не может быть и речи.

К подобному выводу мы придем, рассмотрев скандинавскую топонимику на общем фоне славянской и финской, отражающей расселение двух последних народов в Восточной Европе. Вслед за языковедами можно признать, что на русских землях сохранилось около 380 названий местности (включая гидронимы), берущих начало в скандинавских языках, причем этимология многих из них не бесспорна³. Поскольку в Древней Руси около 1000 г. было по крайней мере 4,5 млн. жителей⁴, а средний размер поселений был, видимо, меньше, чем в Польше (на юге наверняка поселения были крупнее, чем на севере, поскольку население охотно сосредоточивалось в крупных поселениях из-за опасности, грозящей со стороны кочевников; так было и позднее на Украине, опустошаемой ордынцами), можно считать, что в это время существовало около 60 тыс. населенных пунктов, если не больше. Топонимов же скандинавского происхождения, даже если

¹ Forssman J. Der Nordische Einschlag in der russischen Staatswerdung, S. 51.

² Рыдзевская Е. А. К варяжскому вопросу, с. 491—531 (расчеты автора; из них исключена территория Польши, но учтена Литва).

³ Ср. сомнения, которые высказывал С. Б. Веселовский об этимологии названий, происходящих якобы от скандинавского имени *Бьёрн*, а в действительности — от русского слова *берно* или *бревно*. То же относится к другим многочисленным (56, кроме Польши и Галиции) псевдоскандинавским названиям. См.: Веселовский С. Б. Топонимика в службе истории. — ИЗ, 1945, т. 17, с. 34; Рыдзевская Е. А. К варяжскому вопросу, с. 505.

⁴ Łowmiański H. Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich, s. 244.

все они появились до 1000 г., что сомнительно, не насчитывалось и семи на тысячу, т. е. примерно столько, сколько в Великой Польше. Таким образом, сравнительно-топонимические исследования убедительно свидетельствуют не о широте, а о незначительности скандинавской колонизации в Восточной Европе.

Специального внимания заслуживают скандинавские названия на севере Руси, где А. Стендер-Петерсен в треугольнике Псков — Ладога — Белоозеро¹ поместил пришедших, по его мнению, из Скандинавии крестьян-колонистов. Этот треугольник лежал в пределах бывших губерний Новгородской, Санкт-Петербургской и Псковской, которые занимали вместе территорию более 190 тыс. кв. км². На этой территории должно было жить около 400 тыс. человек из расчета, ввиду невыгодных климатических условий, около 2 человек на 1 кв. км³. Число поселений было тут, напротив, относительно велико, поскольку новгородские «деревни» еще в XV—XVI вв. насчитывали в среднем 2—3 дыма⁴. Если учесть также существование более крупных поселений, особенно городов, и принять в среднем 20 человек на поселение, мы

¹ Stender-Petersen A. Die vier Etappen..., S. 142.

² Энциклопедический словарь (Брокгауз Ф. А. и Ефрон И. А.), т. 21. СПб., 1897, с. 235 (Новгородская губ. — 107 449 кв. верст); т. 25А. СПб., 1898, с. 696 (Псковская губ. — 38 816 кв. верст); т. 28А. СПб., 1900, с. 276 (Петербургская губ. — 39 203 кв. версты).

³ Еще в 1724 г. на этих землях насчитывалось 5,2 человека на кв. версту. См.: Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры, ч. I. СПб., 1900, с. 32.

⁴ Сергеевич В. И. Древности русского права, т. 3. СПб., 1903, с. 42—43. В учтенных автором 1087 деревнях было 2470 дымов (расчеты автора). Почти идентичные сведения получаются при подсчете деревень и дворов, принадлежавших боярину Богдану Есипову в новгородских пятинах (Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955, с. 331—387); в 883 поселениях было 2048 дымов. Кстати, в отдельных пятинах (по данным Сергеевича и Даниловой) плотность населения была различной, самая высокая (4 дыма на деревню) — в Водской пятине. Более высокое среднее число жителей поселения было в первой половине XVI в. в Северо-Восточной Руси, судя по данным землевладения Троице-Сергиева монастыря, где на 131 поселение (из них 18 сел и 16 починков) приходилось около 871 дыма, т. е. в среднем 6,6 дыма на поселение; однако, в этих владениях были исключительно крупные села, одно из них (с. Клементьевское) насчитывало 134 дыма. Очевидно, в далеком прошлом здесь было более низкое среднее число дымов на поселение (АСЭИ, т. 1. М., 1952, № 649, с. 505).

получим в результате около 20 тыс. населенных мест. По Фасмеру, на этой территории насчитывается около 50 названий скандинавского происхождения, а с дополнениями Рыдзевской — около 120, включая гидронимы. Соотношение с нескандинавскими названиями составит едва 6 на тысячу. Итак, изучая отдельно северные территории, мы находим подтверждение предшествующего вывода: крестьянская колонизация из Скандинавии здесь исключается. Характерно и размещение географических названий скандинавского происхождения на этой территории. На площадь в 10 тыс. кв. км такого типа названий приходится: в бывшей Новгородской губернии — 5, в Псковской — 13. Для сравнения напомним, что в одном лишь источнике, *Domesday Book*, скандинавских названий только одной категории, а именно оканчивающихся на *-ву*, на пространстве между реками Тис на севере и Уэлленд на юге существовало более 500¹, т. е. по крайней мере 150 на 10 тыс. кв. км. Незначительность скандинавской земледельческой колонизации на русских землях вновь выступает со всей очевидностью. В соответствии с нашими выводами, отрицающими крестьянскую эмиграцию, находится также этимология скандинавских названий: по большей части они образованы от имен собственных, а не от топографических терминов², что скорее указывает на владельцев-феодалов, а не на жителей поселений³. Но попробуем определить историческое значение этих данных. Если признать, что все эти селения, разбросанные в Петербургской, Псковской и Новгородской губерниях, были заселены исключительно скандинавами (что невозможно ввиду отсутствия скандинавской крестьянской колонизации), их численность на территории с такими важными политическими и хозяйственными центрами, как Новгород, Ладога, Белоозеро, Изборск, могла бы составить около 2 тыс. человек. Но эта горстка затерялась бы среди массы славян и финнов.

Встает, однако, вопрос, не исчезла ли со временем часть топонимов скандинавского происхождения на землях восточных славян и не дает ли по этой причине сохранившийся топонимический материал ложного, пре-

¹ Stenton F. *Anglo-Saxon England*, p. 516.

² Vasmer M. *Wikingerspuren in Russland*, S. 673; Рыдзевская Е. А. К варяжскому вопросу, с. 505.

³ Веселовский С. Б. Указ. соч., с. 37.

уменьшенного представления. Действительно, надо считаться с тем, что определенная часть названий могла выйти из употребления в результате перехода деревни в руки нового владельца, что часто приводило к переименованию поселения¹, или в результате переселений, особенно в южной Руси, где набеги половцев и татар нередко опустошали селения киевского времени. С другой стороны, надо иметь в виду также и противоположную тенденцию, которая компенсировала утраты в скандинавской топонимике. Как писал М. Фасмер, само славянское население во многих случаях способствовало ее распространению, принимая скандинавские личные имена или используя для новых поселений прежние, скандинавские названия². Встает и проблема хронологии скандинавских топонимов, поскольку проникновение варягов на Русь продолжалось длительное время после окончательного формирования раннефеодального государства. Русские князья, особенно новгородские, создавали отряды из варягов-наемников еще в XI в., как свидетельствует пример Ярослава Мудрого, который, кроме того, поддерживал династические отношения со скандинавами, что нашло отражение как в русских источниках, так и в скандинавских сагах. В Новгороде не прекращалась оживленная торговля с варягами, пока их не вытеснили в XIII в. немецкие купцы³. Среди этих наемников и купцов многие могли остаться на Руси и получить земельные владения^{4*}. Поэтому трудно, например, определить, когда появились скандинавские названия некоторых погостов на далеком севере, вроде упомянутых в 1137 г. Тудорова и Спиркова погостов. Можно определенно сказать, что это были не аллодиальные владения (вотчины), а временные

¹ Веселовский приводит примеры изменения ойконимов после смены владельцев (там же, с. 39).

² «Нет сомнения, что многие русские топонимы, образованные от скандинавских личных имен, были распространены прежде всего руссами». (Vasmer M. *Wikingerspuren in Russland*, S. 673).

³ Известия об отношениях с варягами есть в Новгородской первой летописи под 1188 и 1201 гг. (НПЛ, с. 39, 45). Очевидно, известие о «гостях» под 1128 г. касается также варяжских купцов (там же, с. 22).

⁴ Есть конкретное известие о приобретении в Швеции земельной собственности на средства, полученные в Гардарики — на Руси (надпись на руническом камне). Montelius O. *Schwedische Runensteine und das Ost-Balticum*. — *Baltische Studien zur Archäologie und Geschichte*. Riga, 1914, S. 144.

бенефиции (кормления)¹; неясно лишь, находились ли они во владении скандинавов, упомянутых в договоре Игоря с Византией 944 г.², или бояр с теми же именами, живших позднее; например, Тудор, вышегородский тиун, упомянут в 1146 г.³, другой Тудор назван в уставной грамоте Святослава 1137 г.; представляется, что именно последний и был «кормленщиком». Наконец, нельзя забывать, что скандинавское происхождение некоторых из топонимов, собранных Фасмером и Рыдзевской, было оспорено⁴. Поэтому нет оснований признавать, будто в IX—X вв. на землях восточных славян скандинавских названий было больше, чем сохранилось в современной топонимике.

Хотя топонимика не дает тех свидетельств, которые в ней хотели бы найти норманисты, тем не менее она может быть использована как исторический источник, прежде всего отрицающий, как показано выше, скандинавскую крестьянскую колонизацию на русских землях. Опираясь на английские аналогии, можно также установить, что на Руси не было и военной колонизации, в результате которой в Англии возникли компактные группы скандинавских поселений (что было необходимо для безопасности и военной организации поселенцев), отсюда и концентрация иностранной топонимики в некоторых районах. На русских землях подобных скоплений нет, названия скандинавского происхождения разбросаны среди славянских на большой площади. Напротив, чертой сходства между Англией и Русью является то, что в обеих странах скандинавские названия получают мелкие населенные пункты, а не крупные и тем более не главные центры⁵.

¹ См.: Сергеевич В. И. Русские юридические древности, т. 1. СПб., 1902, с. 369; Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.—Л., 1947, с. 263.

² Эти названия встречаются в грамоте Святослава Ольговича 1137 г. (ПРП, вып. 1. М., 1952, с. 117). Ср.: Томсен В. Начало русского государства, с. 128, 129. Эти названия и имена объяснил Греков (Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.—Л., 1946, с. 103).

³ ПСРЛ, т. 2. СПб., 1908, стб. 321; ГВНП, с. 160, № 103. Насопов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства, с. 100. Автор полагает, что Тудор, названный в документе 1137 г., был чудином.

⁴ См.: Веселовский С. Б. Топонимика..., с. 34.

⁵ Об Англии см.: Stenton F. Anglo-Saxon England, p. 517; о Руси: Рыдзевская Е. А. К варяжскому вопросу..., с. 504.

Летописная этимология, связывающая название Турова с неким норманнским основателем города (Туры), не заслуживает доверия¹. Только после утверждения феодального строя русские князья, основывая новые города или перестраивая старые, начали давать им наименования, происходящие от своих собственных имен, славянских или христианских, как Владимир, Юрьев, Ярославль, Изяславль и т. д. Из этого наблюдения вытекает, что варяги, прибывая на Русь в IX—X вв., находили здесь (как и викинги в Англии) уже сложившуюся территориально-политическую организацию и не влияли на ее развитие*. Также нет связи между размещением главных политических центров Руси и распределением скандинавской топонимики в бывших губерниях, куда входят основные политические центры Древней Руси и важнейшие отрезки торговых путей. Плотность названий скандинавского происхождения следующая²:

Бывшая губерния	Плотность названий на 10 тыс. км ² .
Псковская	13
Тверская	7
Ярославская	6
Владимирская	5
Новгородская	5
Петербургская	3
Смоленская	3
Черниговская	1,5
Киевская	1

¹ Это признает и Рыздзевская (там же, с. 527). Пашкевич упоминает о существовании норманнского поселения на Припяти (Paszkiewicz H. The Origin of Russia, p. 40). Однако Мошин в тексте, указанном Пашкевичем, об этом не говорит, и о каких-либо норманнских поселениях на Припяти неизвестно. (Мошин В. А. Русь и Хазария при Святославе. — СК, 1933, т. 6, р. 205.) Летопись говорит только: «Бе бо Рогъволодь пришедь и-заморья, имяше власть свою Полотьске, а Туры Турове, отъ него же и туровци прозвашася» (ПВЛ, ч. 1, с. 54).

² О территории губерний Новгородской, Псковской и Санкт-Петербургской см. выше. О других см.: Энциклопедический словарь (Брокгауз Ф. А. и Ефрон И. А.), т. 6А, 1892, с. 629 (Владимирская — 40 339 кв. верст); т. 15, 1895, с. 255 (Киевская — ок. 44 000 кв. верст); т. 30А, 1900, с. 546 (Смоленская — 49 212 кв. верст); т. 32А, 1901, с. 709 (Тверская — 54 807 кв. верст); т. 38А, 1903, с. 590 (Черниговская — 45 622 кв. версты); т. 41А, 1904, с. 820 (Ярославская — 31 293 кв. версты).

Даже если учесть, что поселения на юге были крупнее по размерам, чем на севере, и потому играли бóльшую роль в процессе колонизации, поражает, что главный политический центр Руси, Киев, не привлекал скандинавов: в бывшей Киевской губернии едва наберется 5 скандинавских названий. Зато они гораздо многочисленнее в бассейне Волги (губ. Тверская, Ярославская, Владимирская), несмотря на то что Ростовская земля стала претендовать на политическое главенство на Руси лишь во второй половине XII в. и не участвовала активно в начальном формировании Древнерусского государства¹. Поэтому появление здесь скандинавских названий обусловлено не политическими причинами, а развитием волжского торгового пути*. Это предположение подтверждают следующие наблюдения. В Новгороде, который в IX в. играл роль одного из главных политических центров, наблюдается скопление названий скандинавского происхождения, однако их корневой элемент — *варяг-*, *колбяг-*, *буряг-*, скорее, указывает не столько на политическую, сколько на торговую и транспортную активность². Осо-

¹ О ее отношении к Киеву см.: Насонов А. Н. «Русская земля»..., с. 175. Топонимика Ростово-Суздальской земли говорит также против предположения Пашкевича (Paszkiewicz H. Op. cit., p. 263) о существовании здесь вплоть до XIII в. сильной норманнской колонизации. Пашкевич опирается на известие доминиканца Юлиана (1236—1238), который встретил в Башкирии ордынцев, знающих немецкий язык (как и венгерский, русский и др.). Из этого сообщения явствует, что перед походом в Европу татары хотели познакомиться с европейскими языками, но что они учились немецкому языку у... норманнов отнюдь не следует из него. См.: Vernadsky G. [рец. на кн.: Paszkiewicz H. The Origin of Russia]. — Speculum, 1955, vol. 30, № 2, p. 300; Łowmiański H. O znaczeniu nazwy "Rus." — KH, 1957, r. 64, № 1, s. 99—101.

² Vasmer M. Wikingerspuren in Russland, S. 659. Рыдзевская Е. А. К варяжскому вопросу, с. 496. А. Стендер-Петерсен считал, что это слово возникло в среде скандинавских купцов и первоначально обозначало участников торгового товарищества или отдельного купца, однако со временем оно стало обозначать вообще скандинавов. (Stender-Petersen A. Zur Bedeutungsgeschichte des Wortes *vaeringi*, russ. *varjag*. — APhS, 1932, t. 6, S. 26—38.) С. Кросс полагал, что это выражение первоначально обозначало на Руси купца, а потом также и скандинавского воина (Cross S. The Scandinavian Infiltration into Early Russia. — Speculum, 1946, vol. 21, p. 511). Можно согласиться, что слово *варяг* обозначало купца, воина, скандинава вообще; менее ясно, было ли значение «купец» первоначальным, поскольку торговая деятельность выделялась из военной, а не наоборот. Хотя уже в 944 г. русско-византийский договор позволяет утверждать существование самостоя-

бенно многочисленны названия, производные от *варяг*-, размещение которых, как и в Польше, главным образом на волоках и торговых путях, убеждает в их связи с торговой и транспортной деятельностью скандинавов*; и, хотя варяги на Руси панимались в княжеские дружины, в топонимах отразилась не военная, а именно торговая функция. Этим объясняется, почему наибольшая плотность скандинавских названий приходится на Псковскую губернию, где не было особо важного политического центра, зато проходил торговый путь и находился важный волок на «пути из варяг в греки».

Из рассмотренного топонимического материала можно сделать совершенно четкий общий вывод: на Руси не было крестьянской колонизации, не было создано (как в Англии) массовых военных поселений, нет связи между скандинавской номенклатурой и формированием политических центров, но зато ясно выражены торговые функции варягов.

В отличие от языковедов, норманисты-археологи не ищут в материалах археологических раскопок свидетельств переселения крестьян-колонизаторов из Сканди-

тельной купеческой профессии, следует помнить, что каждый купец в те времена был и воином (хотя не каждый воин утруждал себя купеческими делами). О колбягах или кюльфингах см.: Miklosich F. Über die altrussischen Kolbjäger. — Archiv für Slavische Philologie, 1887, Bd. 10, S. 1—7. Автор считал их норманнской группой, осевшей под Тихвином и Псковом. Брим отождествлял колбягов с финским племенем воль. (Briem B. Kylfingar. — APhS, 1929, b. 4, S. 40—48). По Фасмеру (Vasmer M. Beiträge zur slavischen Altertumskunde. — ZSPH, 1931, Bd. 8, S. 131), значение этого названия могло быть различным: «вооруженный дубиной» (из *kylfa* — «дубина»); производное от личного имени *Kylfa*; что-то наподобие «сотоварищ». Очевидно, ближе к действительности был Стендер-Петерсен, указавший, что кюльфинги были членами купеческих союзов (Stender-Petersen A. Bedeutungsgeschichte des Wortes altnord. *Kulfinger*, altruss. *Kolb'ag*. — APhS, 1933, Bd. 7, S. 181—198). Однако в общественной иерархии кюльфинги стояли ниже, чем варяги. Название — *буряг* (др.-швед. — *byringe*) Сальгрен выводил от шв. *bår* — *волок* (Sahlgren J. Wikingerfahrten im Osten. — ZSPH, 1931, Bd. 8, S. 315). Экблум (Ekblom R. Vereinigung unter den Nordländern im alten Russland. — ZSPH, 1933, Bd. 10, S. 1—20) отрицает связь слова *буряг* с волоком и видит в *бурягах* сообщество, аналогичное варягам и колбягам; по его мнению, *buring* обозначало «товарища по жилию», и буряги должны были оказывать помощь варягам в транспорте. Таким образом, независимо от той или иной этимологии эту категорию населения следует связывать с транспортной деятельностью, т. е. с услугами при варяжской торговле.

нави на Русь*, а скорее стремятся показать существование на Руси правящего класса, сформированного из варяжских завоевателей, которым они также приписывают заслугу в создании Русского государства. Критикуя интерпретацию некоторых памятников как скандинавских, вопреки мнению советских археологов, которые настаивают на их славянском характере, мы не будем подробно анализировать аргументацию норманистов. Остановимся лишь на том, действительно ли археологические данные, на которые опираются норманисты, дают подлинные и достаточные доказательства норманнской теории. Эти данные собрал и интерпретировал в согласии с норманнской теорией еще в 1914 г. Т. Арне. По его мнению, к юго-востоку от Ладоги проживала многочисленная группа шведов, хотя и смешанная с местным населением; появление в погребениях женских овальных фибул доказывает, что иммиграция началась там в первой половине IX в.** и продолжалась до начала XI в.; только в XI в. шведский элемент растворился в местном, финском и славянском¹. Значительное число скандинавских предметов, по мнению норманистов, найдено в бывшей Владимирской и Ярославской губерниях, куда шведские колонисты прибыли, как думает Т. Арне, из Смоленска², а точнее, из Гнездова, в котором сохранилось много курганов, свидетельствующих, по его мнению, о многочисленном шведском населении, среди которого могли быть и ремесленники³. Южнее Ярославля находились курганные группы, состоящие примерно из 1000 насыпей, полностью, как считает автор, скандинавские^{4***}. Более скромный след скандинавов автор находил в Киеве, где приписывал норманнам лишь отдельные предметы⁵. Позднее он пополнил этот список новыми находками, такими, как захоронения в деревянных камерах в Шестовицах под Черниговом⁶ и в Киеве^{7****}—в последнем он признал скандинавскими

¹ Arne T. J. La Suède et l'Orient, p. 24, 29, 33.

² Ibid., p. 35—37.

³ Ibid., p. 41.

⁴ Ibid., p. 54.

⁵ Ibid., p. 57.

⁶ Славянский характер шестовицких захоронений признала и Станкевич. (Станкевич Я. В. Шестовицька археологічна експедиція 1946 р. — Археологічні пам'ятки УРСР, т. 1, 1946, с. 56. См.: Бліфельд Д. І. Дослідження в с. Шестовицях. — Там же, т. 3, 1952, с. 123—130.)

⁷ Arne T. J. Die Warägerfrage und die sovjetrussische Forschung. — AA, 1952, t. 23, S. 141.

два женских захоронения с овальными фибулами из бронзы; он допускал, что в деревянных камерах похоронены принадлежащие к правящему классу русские, которые «по крайней мере по происхождению были скандинавами». Колебания автора представляются обоснованными, поскольку советская исследовательница Л. А. Голубева после тщательного исследования киевских захоронений с полным основанием утверждала, что инвентарь этих погребений носит несомненно славянский характер и не вызывает никаких сомнений в этнической принадлежности похороненных в них лиц¹. Говоря о деревянных погребальных камерах в Чернигове, Б. А. Рыбаков допускает, что в них хоронили потомков той группы степных народов, которая подвергалась славянизации и вошла в состав правящего класса². Д. И. Блифельд видит в них захоронения полян³. Во всяком случае, не вызывает сомнения сходство различных обрядовых черт, а также инвентаря трупоположений воинов в камерах и трупосожжений, поскольку в обоих видах обряда встречаются одни и те же варианты погребений: один воин, воин с конем, воин с женщиной и воин с женщиной и конем⁴. Нельзя сказать, однако, чтобы спор об этническом характере воинов, похороненных в камерах, имел существенное значение для выяснения норманнского вопроса. Признание в них скандинавов не дает ничего нового, поскольку из письменных источников известно о существовании в Киеве варягов на княжеской службе, о скандинавском происхождении династии и т. п. Подобное признание было бы лишь доказательством далеко зашедшей ассимиляции пришлого скандинавского элемента в русской среде.

Однако с точки зрения норманнской теории не безразлично географическое размещение скандинавских на-

¹ Голубева Л. А. Киевский некрополь. — МИА, т. 11. М. — Л., 1949, с. 114.

² Рыбаков Б. А. Древности Чернигова. — Там же, с. 53. Восточное влияние на обычаи ингумаций (в деревянных камерах) в последнее время признал Левицкий (Lewicki T. Obrzędy pogrzebowe pogańskich Słowian w opisach podróżników i pisarzy arabskich głównie z IX—X w. — *Archeologia*, 1955, t. 5, s. 130).

³ Блифельд Д. И. К исторической оценке погребений в срубных гробницах. — СА, 1954, т. 20, с. 162.

⁴ Там же, с. 151. Поскольку в некоторых таких гробницах сохранились предметы христианского культа (Голубева Л. А. Указ. соч., с. 114), возникает вопрос, не практиковался ли этот обряд в среде христиан?

ходов. Согласно наблюдениям пормаанистов, самые многочисленные скандинавские находки были сделаны не в Новгороде¹ и не в Киеве, главных политических центрах Руси в период формирования в ней раннефеодального государства, а на пути верховье Днепра (Гнездово под Смоленском*) — верховье Волги (Ярославль), с которым, вероятно, скрещивался путь Ладога — верхняя Волга². Ведь по Западной Двине до Смоленска (Гнездова) шел кратчайший путь из шведских торговых центров (Бирка, Готланд) в Восточную Европу³. В Смоленске этот путь разветвлялся, одна дорога шла Днепром до Киева, другая — к верховьям Волги до Ярославля⁴ или же Угрой и Окой также на Волгу⁵. Богатые находки арабских мо-

¹ См.: Arne T. La Suède..., p. 33.

² Кросс (Cross S. The Scandinavian Infiltration..., p. 505), суммируя выводы Арне, признает и существование скандинавских поселений в Ладоге и Гнездове, и шведскую иммиграцию в Ярославскую и Владимирскую «провинции», и появление шведских археологических памятников X — начала XI в. особенно по Западной Двине, Днепру, Волге, около Ладожского озера и озера Ильмень. Маловист (Malowist M. Z problematyki...) находит «одну полностью шведскую колонию» в Гнездове и то только в X в., полагает, что викинги также жили в Старой Ладоге.

³ Бернштейн-Коган С. В. Путь из варяг в греки. — ВГ, 1950, т. 20, с. 260; Брим В. А. Путь из Варяг в Греки. — ИАН, Отдел общ. наук, 1931, № 2, с. 213; Vernadsky G. Ancient Russia..., p. 286. Главный центр русской торговли в Швеции находился в Бирке, а не на Готланде, где, однако, найдены огромные клады куфических монет, главным образом второй половины X в.; из центральной Швеции, а не с Готланда должны были происходить основные варяжские наемные дружины (Kivikoski E. Studien zur Birkas Handel im östlichen Ostseegebiet. — AA, 1937, t. 8, S. 229—330). Название меры веса *берковец* (10 пудов), хорошо известное в средневековой Руси, является эхом оживленных отношений со Швецией, в особенности с Биркой (Stender-Petersen A. Études Varègues. IV. Le livre de Birca.—Classica et Mediaevalia, 1943, t. 5, p. 218—237).

⁴ Так, муромский князь Глеб следует в 1015 г. на вызов Святополка в Киев Волгой и через Смоленск (ПВЛ, ч. 1, с. 92). См.: Шахматов А. А. Разыскания..., с. 33).

⁵ Существование уже в раннем средневековье еще одной дороги из Смоленска на Восток показал Г. К. Богуславский (Богуславский Г. К. О восточном торговом пути, пролежавшем в великокняжескую эпоху через город Смоленск и его область (Зап. Двина — Днепр — Угра — Ока — Волга) на основании местных изысканий. — Труды XI археологического съезда в Киеве, 1899, т. 1, М., 1901, с. 469—478). Волок 10—15 верст шел от д. Волочек на р. Готиновка или Волочевка до р. Угры (там же, с. 474). См. также: Balodis F. Handelswege nach dem Osten und die Wikinger in Russland, S. 333. Трудно согласиться с мнением, что главнейшая

нет, особенно на Готланде^{1*}, свидетельствуют, какими оживленными были скандинавские отношения с Востоком и какое большое значение имел для Швеции путь Западная Двина — верховье Днепра (Гнездово) — верховье Волги (Ярославль); однако не следует преуменьшать роли и ответвления на Ладогу^{2**}, тем более что скандинавские предметы появились там на несколько десятилетий раньше (I половина IX в.), чем в Гнездове (конец IX в.).

Таким образом, топография археологических материалов приводит к тому же выводу, что и анализ топонимических данных, а именно, что в Восточной Европе варягов прежде всего интересовала торговля. Как вытекает из русско-греческих договоров и данных топонимики, оживленная торговля с участием купцов-скандинавов развивалась также на пути Волхов — Ловать — Днепр, здесь предметами обмена были скорее русские товары, доставляемые через административные центры, — дань, получаемая от населения в виде мехов, меда, воска. Именно эта торговля была описана Константином Багрянородным³. Скандинавские товары, поступавшие в Ладогу, очевидно, не проводились через Новгород дальше на юг, а направлялись скорее на Волгу; зато торговые отношения Скан-

торговая дорога норманнов шла Днепром — Доном — Волгой. (К л е т н о в а С. Н. Древнейший торговый путь из Варяг в Хазары. — Записки Русского исторического общества в Праге, 1927, т. 1, с. 6; Fettich N. Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn. Budapest, 1937). Можно признать, что это была более ранняя дорога, чем путь, ведущий непосредственно из Гнездова на Волгу. На то, что жители Гнездова поддерживали наиболее оживленные сношения с Востоком именно по Волжскому пути, указал уже Сизов (С и з о в В. И., Курганы Смоленской губернии, с. 116). Наплыв арабских дирхемов в IX в. в латвийские земли в основном при посредничестве русских городов также свидетельствует, что Двина была отрезком пути, продолжение которого должна была составлять Волга (История Латвийской ССР, т. 1. Рига, 1952, с. 41). Посредничество в транзитной торговле между Западом (Готланд) и Востоком, имевшей большое значение примерно с X в., было в руках скандинавских купцов (там же, с. 59).

¹ По новым данным, из 191 тыс. серебряных монет эпохи викингов, найденных во всей Скандинавии, 105 тыс. обнаружено на о. Готланд (55%): из них более 40 тыс. составляли куфические монеты (Brandt A. Op. cit., S. 61).

² См.: Nerman B. Swedish Viking Colonies on the Baltic. — ESA, 1934, t. 9, p. 276.

³ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, cap. 9.

динавии с южной Русью могли развиваться через двинско-днепровский путь. Из этих наблюдений может следовать, что положение скандинавских купцов в разных русских землях не было одинаковым: на путях Ладога — Волга и Двина — Волга они играли роль посредников между Скандинавией и арабским Востоком; на пути ладожско-киевском («из варяг в греки») они служили Древнерусскому государству и русским феодалам. Не следует удивляться поэтому, что наиболее ощутимые следы скандинавской иммиграции проявляются именно на ладожско-вожской (Ладога) и двинско-вожской (Смоленск) магистралах.

Положение, отстаиваемое Т. Арне, о существовании шведской колонии в Смоленске ни в коей мере не подтверждает теорию норманнского происхождения Древнерусского государства, а скорее противоречит ей. Ведь Смоленск не играл в IX—X вв. выдающейся самостоятельной политической роли¹, зато был важным торговым центром*; потому возникновение здесь шведской колонии указывало бы еще раз на купеческий характер скандинавской иммиграции. Надо, однако, признать, что существование этой колонии спорно. Из примерно 700 раскопанных гнездовских курганов Арне признал скандинавскими 25 или 26²; подробный разбор инвентаря этих погребений, проведенный Д. А. Авдусиным, показал, что только один из этих курганов носит отчетливо скандинавский характер; он же признал скандинавским еще один курган, опущенный Т. Арне^{3**}. Можно предполагать, что шведский ученый под влиянием письменных источников (а они содержат ошибочные сведения, как это будет показано ниже) и в своих археологических исследованиях переоценил роль скандинавов на Руси. Так, при наличии одного или двух предметов шведского происхождения он относит захоронение к скандинавским, хотя такое предположение требовало бы источниковедческого контроля. Более того, он причисляет к шведским даже курганы,

¹ Как вытекает из выводов А. Н. Насонова, Смоленск был феодальным центром скорее местного значения (Насонов А. Н. «Русская земля», с. 163).

² Arne T. Die Warägerfrage..., S. 146.

³ Авдусин Д. А. Неонорманистские измышления буржуазных историков. — ВП, 1953, № 12, с. 117—119; Арциховский А. В. Основы археологии. М., 1954, с. 206. О норманнском характере Ладоги и Гнездова см.: Balodis F. Op. cit., S. 351.

не содержащие шведских предметов, если они отличаются богатством инвентаря; но ведь и славянская знать обладала богатствами. Более справедливо было бы признать, что и в славянских захоронениях могут появляться предметы скандинавского происхождения¹. Но даже если среди гнездовских курганов не два скандинавских захоронения, а более, как считает Т. Арне, остается фактом, которого он не отрицает, что преобладающую массу погребений составляют славянские, а также, что славянские и скандинавские захоронения были перемешаны, что указывает на мирную совместную жизнь обеих этнических групп*. Из этих данных также вытекает, что нет оснований говорить о захвате власти скандинавскими купцами над местным населением, чему противоречит и количественное соотношение обоих элементов. Скорее нужно думать, что русские политические круги в Смоленске, как и в иных пунктах Руси, терпимо относились к скандинавским пришельцам, поскольку торговля, которой они занимались, отвечала потребностям славянской знати и прежде всего приносила большой доход княжеской казне. Ведь скандинавы усилились в Смоленске только с конца IX в., т. е. в условиях достаточно развитой русской государственности².

Однако скандинавы не заняли доминирующего положения в русской торговле, как можно было бы предполагать, исходя из явного интереса к дорогам на Восток. Сам факт кириллической надписи «гороухща» (горчица или иная пряность**) на глиняной амфоре первой четверти X в., найденной в одном из гнездовских курганов³

¹ Kleist D. v. Die urgeschichtlichen Funde des Kreises Schlawe.

² Надо учитывать, что скандинавы уже с конца IX в. интересовались Смоленском и проходящими через него путями (Fetich N. Op. cit., S. 180).

³ Авдусин Д. А., Тихомиров М. Н. Древнейшая русская надпись. — Вестник АН СССР, 1960, № 4, с. 73; Авдусин Д. А. Неонорманистские измышления..., с. 117. Иное чтение этой надписи дал чешский исследователь Ф. Мареш (Mareš F. V. Dva objevy starých slovanských nápisů (v SSSR u Smolenska a v Rumunsku). — Slavia, 1951, t. 20, p. 497—514), который считал, что написана не буква «щ», а буква «пси», тогда надо читать: *Гороух пса* = «Горух писал». Несмотря на большой интерес этого прочтения, оно не представляется мне убедительным с палеографической точки зрения, поскольку в надписи несомненна буква «щ» в прямоугольном начертании, она не похожа на выгнутые линии (иногда с опущенными вниз крючками) буквы «пси» (см.: Черепнин Л. В.

и привезенной в верховья Днепра с юга, свидетельствует, что купцы, которые, как можно полагать, сделали надпись, чтобы различать товары, заключенные в амфорах, пользовались русским языком и письмом*. Подобные обозначения встречаются и на других русских амфорах X—XII вв.¹. Из арабского источника — сочинения Ибн Хордадбега — мы узнаем, что славянский язык был господствующим в торговле Восточной Европы и уже в IX в. распространился к югу. По сообщениям того же автора, в Багдаде имелись славянские евнухи-переводчики, посредничавшие между русскими купцами и местным населением²; славянским языком владели и европейские купцы — раданиты, ведшие торговлю в Средиземноморье и на других южных морях^{3**}.

Для более полного выяснения характера деятельности скандинавов на Руси надо обратить внимание на их отношения с народами, населявшими восточные берега Балтики. Это особенно важно, поскольку варяги, направляясь на Восток, частично использовали пути, ведущие через Балтийские страны, и их экспансия на Балтике находилась в тесной связи с движением на Восток.

Шведы завязали торговые отношения с противоположным берегом Балтики еще задолго до эпохи викингов и тогда же начали оседать здесь, хотя и в небольших количествах. Наплыв скандинавов в Финляндию⁴ достиг кульминации в VII в., однако в следующем столетии ослабел и почти прекратился в эпоху викингов, когда началась ассимиляция скандинавских переселенцев в местной среде^{5***}. Подобное явление, но в более слабой форме

Русская палеография. М., 1956, с. 155), которая, кстати, в новгородских берестяных грамотах не встречена (Жуковская Л. В. Палеография. — В кн.: Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955, с. 71, 74)****.

¹ Авдусин Д. А. Неонорманистские измышления..., с. 117.

² Lewicki T. Źródła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny, t. 1. Wrocław, 1956, s. 77.

³ Ibid., s. 121.

⁴ Moora H. Die Vorzeit Estlands. Tartu, 1932, S. 41, 46. Автор связал появление эстонских переселенцев в Финляндии с погоней за пушным зверем; тут можно найти аналогию с освоением Сибири русскими. Однако могла ли торговля в более примитивных экономических условиях стимулировать колонизационные процессы? (Ochmann E. Die ältesten germanischen Lehnwörter im Finnischen. — Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, 1954, Philol.-hist. Kl., Bd. 1, S. 25).

⁵ Nordmann C. A. Germanen und Finnen in der Vorgeschichte Finnlands. — Mannus, 1937, Bd. 29, S. 490, 494, 501.

встречается также на территории Латвии и Эстонии, где на основании археологических находок выявлен лишь один пункт (Гробине) *, о котором можно говорить как о месте пребывания шведов с VII в. до 800 г.¹, когда шведская колония исчезла. Таким образом, наблюдается характерное явление: в период наибольшей скандинавской экспансии в Европе, включая крестьянскую колонизацию в Англии, скандинавская иммиграция в ближайшие заморские страны — Финляндию, Эстонию, Латвию — прекращается; не отмечается она польской паукой и в Поморье². Исключение составляет Пруссия, где скрещивалась шведская и датская экспансия и где скандинавская иммиграция не прекращалась в эпоху викингов. Говорят о существовании здесь двух скандинавских колоний: одной — на территории Эльблонга или его окрестностей, в Дружне (Трусо) в VIII—IX вв.³, другой — на полуострове Самбия близ Вискаутена с IX до начала

¹ Nerman B. Funde und Ausgrabungen in Grobina 1929. — CSAB, S. 203; idem. *Swedish Viking Colonies...*, p. 360). С утверждением автора, что в Гробине скандинавские завоеватели заложили крепость (ibid., p. 364), и тем более с последующим выводом о господстве шведов в Куронии трудно согласиться: небольшие поселения «завоевателей» не могли долго существовать среди чуждого и враждебного окружения, как показывают и позднейшие события. Э. Штурмс допускает ограниченную шведскую колонизацию в Западной Куронии, по его предположению не подтверждаются «Житием св. Ансгария». Кстати, выводы автора сравнительно скромны: он полагает, что около Гробине шведское поселение в VII—IX вв. было невелико (Sturms E. *Schwedische Kolonien in Lettland.* — *Fornvännen*, 1949, årg. 44, S. 205—217), кроме того, он допускает существование скандинавского могильника на р. Венте, в 35 км выше устья (ibid., S. 213). На территории Эстонии нет следов проникновения скандинавов (Tallgren A. M. *Zur Archäologie Eestis*, Bd. 2. Dorpat, 1925, S. 175), хотя существовал оживленный товарообмен, а также случались и взаимные нападения. Данные о скандинавских отношениях с восточным берегом Балтики привел К. Шлаский (Slaski K. *Stosunki krajów skandynawskich z południowo-wschodnim wybrzeżem Bałtyku od VI do XII w.* — *PZach*, 1952, № 5/6, s. 30—45). О поселении в Гробине см.: История Латвийской ССР, т. 1, с. 38.

² Если исключить Волин, который считается иногда датской колонией на основании недостоверных сведений (см.: Koszy L. *Polska i Skandynawia za pierwszych Piastów*, s. 7—42), в немецкой историографии викингским поселением называется еще Ропань. (Kleist D. v. Op. cit., S. 19).

³ Ehrlich B. *Der preussisch-wikingische Handelsplatz Truso.* — CPHB, S. 142—145; Neugebauer W. *Das wikingische Gräberfeld in Elbing.* — *Altpreussen*, 1938, Bd. 3, S. 2—5.

XI в.^{1*} Это ослабление скандинавской экспансии в Прибалтийских странах не без основания связывают с развитием торговли в эпоху викингов. Но с VIII в. в финских материалах исчезают не только следы колонизации, но и вообще шведские элементы, и лишь в XI в. они становятся снова обильными²; аналогичные изменения показывают раскопки в Эстонии и Латвии. Как утверждает Нерман, шведская торговля с этими странами развивалась в IX—X вв. слабо и снова оживилась лишь около 1000 г. Этот исследователь предполагал³, что торговля

¹ Nerman B. *Swedish Viking Colonies...*, p. 372; Kleemann O. *Über die wikingsche Siedlung von Wiskiauten.* — *Altpreussen*, 1939, Bd. 4, S. 4—14; Engel C., *La Baume V. Kulturen und Völker der Frühzeit im Preussenlande.* Königsberg, 1937, S. 204. Не представляется удачным мнение, будто Вискаутен был ориентирован на восточную торговлю. (Nerman B. *Swedish Viking Colonies...*, p. 374; Kivikoski E. *Op. cit.*, S. 231.)

² Nordmann C. A. *Op. cit.*, S. 495; Balodis F. *Op. cit.*, S. 328. Авторы утверждают, что в скандинавско-латышских отношениях VIII—X вв. ведущее место занимала транзитная торговля с Востоком, в то время как в XI—XII вв. археологические находки говорят об оживлении непосредственного обмена между Скандинавией и Балтийскими странами.

³ Nerman B. *Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum.* Stockholm, 1929, S. 162; *idem.* *Der Handel Gotlands mit dem Gebiet am Kurischen Haff im 11. Jahrhundert.* — *Prussia*, 1931, Bd. 29, S. 160. Доводы Нермана Маловист признает «очень натянутыми» (Malowist M. *Z problematyki...*, s. 95), поскольку один из торговых путей шел Западной Двиной через Латвию. Действительно, положение Нермана требует дополнительного обоснования из-за двух обстоятельств: 1) шведский купец на Руси находил больше товаров, чем в Латвии; более того, на Руси он мог купить их дешевле, благодаря более развитой государственной организации, которая в свою очередь получала меха, мед, воск даром, в виде даней, а невольников добывала в военных походах; 2) тот же купец, двигаясь дальше, мог дороже продать свои товары сравнительно богатому арабскому населению или же русской знати, чем бедному населению Латвии**. Поэтому скандинавы везли свои товары по Западной Двине, не очень интересуясь возможностями торговли с местными жителями. Зато завязались отношения с Пруссией, вероятно из-за торговли янтарем. (Engel C. *Beiträge zur Gliederung des jüngeren heidnischen Zeitalters in Ostpreussen.* — *CSAB*, S. 330.) О торговле с Земгалией свидетельствует руническая надпись на камне, поставленном Сигридом в память о муже, Свейне, который «часто плавал в Земгалию на корабле с богатыми товарами». Этот камень с христианским крестом находится на берегу оз. Меларен. (Montelius O. *Schwedische Runensteine...*, S. 142.) К XI в. относится известие о Куронии: «Теперь там одна церковь стараниями некоего купца, которого подвигнул на то король данов многими дарами» (*Una ibi nunc facta*

с Ливонией замерла в связи с возрастающим интересом шведских купцов к далеким восточным землям, где их манили богатства Руси, Византии, арабского мира; только около 1000 г., когда ослабел обмен с Востоком, восточнобалтийский рынок вновь обрел значение для Скандинавии. Это мнение представляется верным.

Восточная торговля целиком поглотила внимание шведских купцов и привела к их исчезновению из Прибалтийских стран, чего нельзя сказать о грабительской и вообще военной, захватнической деятельности скандинавов. Военные походы на противоположный берег Балтики засвидетельствованы в IX—X вв., в период ослабления торгового обмена. О скандинавских набегах на Финляндию, Эстонию, Ливонию, Земгалию, землю куршей, Самбию говорят рунические камни¹, к сожалению, источник поздний, в основном XI в., тем не менее дающий общее представление о направлениях скандинавской экспансии на Балтике в эпоху викингов; характерно, что в них, как и в сагах, отсутствуют известия о Литве, в которой сравнительно мало и археологических находок скандинавского происхождения². Известия же саг о Прибалтике от-

est ecclesia, cuiusdam studio negotiatoris, quem rex Danorum multis ad hoc illexit muneribus. — Adami Bremensis Gesta, IV, 16. MGH SS, t. VII, 1846.

¹ Arne T. La Suède, p. 8—10; Braun F. A. Das historische Russland im nordischen Schrifttum des X—XIV Jahrh., S. 162; Nerman B. Die Verbindungen..., S. 57.

² См.: Paulsen P. Axt und Kreuz bei den Nordgermanen; Balodis F. Op. cit., S. 323; Jakimowicz R. O pochodzeniu ozdób srebrnych znajdujących w skarbach wczesnohistorycznych. — Wiadomości Archeologiczne, 1933, t. 12, s. 113, 137. Недостоверность известия Т. Чацкого о неких скандинавских поселениях в Литве, в Вильнюсе и Тракае, показал К. Ваховский (Wachowski K. Zapiska Czackiego o osadach skandynawskich na Litwie w w. XII. — PH, 1938, t. 34, s. 5). Сомнительно, что Неман был важным путем на Русь, как это утверждал Нерман (Nerman B. Swedish Viking Colonies..., p. 374, 376). Постановка вопроса о норманнском происхождении Литовского государства* не более обоснованна, чем Польши, и все же исследователи, мало знакомые с историей Литвы, поднимали этот вопрос (Schaefer H. Waren die Normanen an der Gründung des litauischen Staates beteiligt? — Jomsburg, 1942, Bd. 6, S. 122—124). Неудачна попытка связать названия на -warren на верхнем Немане с варягами. (Mortensen H. und G. Wikinger Ortsnamen an der unteren Memel? — Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philos.-Hist. Kl., 1941, № 3, S. 303—312. См.: Рец.: Vasmer M. — ZSPH, 1944, Bd. 19, S. 221—233.)

носятся к разному времени^{1*}; но, к сожалению, эти известия мало полезны, поскольку записаны значительно позже. Они требуют сопоставления с другими, более достоверными историческими источниками. Ценные сведения содержатся в «Житии св. Ансгария», написанном учеником Ансгария Римбертом около 870 г. Из этого источника известно, что племя Chori (курши) когда-то подчинялось власти шведов, но задолго до Римберта восстало (*rebellando eis subici dedignabantur*)². Около 853 г. датчане предприняли поход с целью завоевания куршей, но потерпели поражение; тогда против них выступил шведский король Олав, осадил города Себорг (как предполагают, современный Гробине) и Апуоле³ и сжег первый. Осажденные согласились заплатить выкуп и вновь признать шведское господство, а захватчики увезли с собой «неисчислимые богатства» и 30 заложников**. Источник имеет явную тенденцию к преувеличению, говорит о 7 тыс. обороняющихся (*septem milia pugnatorum*) в Себорге и 15 тыс. (*quindecim milia hominum bellatorum*) в Апуоле — цифры, очевидно, во много раз завышенные; преувеличивает он и размеры шведского войска. Да и само известие о давней зависимости куршей от Швеции надо оценивать с большой осторожностью, так же, например, как сообщение Адама Бременского о Болеславе Храбром, который «подчинил себе всех славян, и русских, и пруссов» (*omnen vi Sclavianiam subiecit et Ruziam et Pruzzos*)⁴. В действительности завоевания Болеслава

¹ Nerman B. Die Verbindungen..., S. 51; Balodis F. Op. cit., S. 329.

² Vita Anskarii, cap. 30.

³ С хорошим знанием географических данных разбирал источник А. Биленштейн, локализуя Себорг в Лиенае (Bielenstein A. Le village d'Apoulé (Opoulé) dans le gouvernement de Kowno et la ville finnoise Apulia (853). — Труды IX археологического съезда в Вильне, 1893 г., т. 1. М., 1895, с. 69). Нерман идентифицировал Себорг с Гробине (Nerman B. Funde..., S. 204); эта точка зрения была принята (Hahn J. Der Lyva-Hafen (Libau) im Mittelalter und zu Beginn der neuen Zeit. Liepaja, 1936, S. 14; История Латвийской ССР, т. 1, с. 37, 70). Апуоле, по общему мнению, находилась около пос. Шкуде (совр. Скуодас) на границе Литвы. (Bielenstein A. Op. cit., s. 62; Nerman B. Swedish Viking Colonies, p. 366.) Утверждение Таубе, что Апуоле (или, по его мнению, Ополе) означала землю днепровских полян, противоречит данным источников, особенно «Житию св. Ансгария» (Taube M. Rome et la Russie..., p. 67).

⁴ Adami Bremensis Gesta, II, 33, schol. 24(25).

Храброго были более скромными; видимо, и зависимость куршей от шведов выражалась лишь в периодической уплате дани (кто знает, может быть, это случилось всего один раз). В рассказе Римберта заслуживает внимания то, что победители даже не попытались основать в Куронии собственную крепость или оставить отряд в Себорге для подчинения края и взыскания дани; позднейшие сведения, о которых речь пойдет ниже, показывают, что они и не смогли бы удержаться среди побежденных. Тем не менее известие Римберта является для нас ценным свидетельством экспансии шведов и датчан в IX в. Скандинавские купцы нашли более выгодные условия на Востоке и отказались от балтийских рынков; военные же походы — в то время, когда Киев расширял свою власть на русских землях, — ради добычи и выкупа были сравнительно невелики по масштабам и не могли обеспечить постоянные территориальные захваты. Хотя это наблюдение и не ведет к далеко идущим выводам, тем не менее развитие событий на восточном берегу Балтики не свидетельствует об обширных территориальных завоеваниях скандинавов на Востоке. В конце X в. шведы не имели на противоположном берегу моря никаких владений¹ и не смогли их добыть в последующие столетия. Действительно, во второй половине XI в. можно наблюдать усиление военных и торговых поездок скандинавов на восточное побережье Балтики². Хотя Адам Бременский (1075—1080 гг.) поместил Куронию среди «островов», зависимых от шведов³, однако его сообщение не отражает ни действительных отношений в XI в., ни даже шведских претензий на господство, а скорее является выводом самого автора из известия, почерпнутого в «Житии св. Ансгария», на которое он ссылается⁴, о дани, выплачиваемой куршами шведам. В XI в. курши, напротив, выступали на Балтике как наступательная сторона и предпринимали действия против норманнов⁵; Адам Бремен-

¹ Nerman B. Die Verbindungen..., S. 53.

² Ludat H. Ostsee und Mare Balticum. — Zeitschrift der Gesellschaft für Schleswig-Holsteinische Geschichte, 1952, Bd. 76, S. 17.

³ Adami Bremensis Gesta, IV, 16.

⁴ «Этот остров, как мы полагаем, назван «Кори» [Курлянд] в «Житии св. Ансгария». (Hanc insulam credimus in vita sancti Ansarii Chori nominatam. — Ibid.)

⁵ Johansen P. Kurlands Bewohner zu Anfang der historischen Zeit. — Ostbaltische Frühzeit. Leipzig, 1939, S. 264; Laakmann H. Estland und Livland in frühgeschichtlicher Zeit. — Ibid., S. 242.

ский называл их «жесточайшим народом» (*gens crudelissima*), которых все, включая и шведов, избегают (*fugitur ab omnibus*)¹. Даже покровительствовал миссионерам в Курони не шведский, а датский король². Тем не менее мы не можем утверждать, что в X в. власти датчан подчинялись не только курши, но и самбы, которых Адам характеризует как «добрейших людей» (*homines humanissimi*)³. Сообщение же Саксона Грамматика о завоевании Самбии Хаконом, сыном Харальда⁴, не свидетельствует, что этот датский викинг достиг большого успеха, чем шведский король в походе на Себорг. Хотя Кнут Великий называется «королем Дании, Англии, Норвегии и Самбии»⁵, подлинность последней части этого титула спорна, так как он известен по упоминанию конца XII в. и может выражать современные Книту VI (1182—1202 гг.) политические претензии⁶. Эти претензии были новыми* и еще не возникали в XI в., о чем свидетельствует Адам Бременский, который с легкостью признает

¹ *Adami Bremensis Gesta*, IV, 16.

² *Ibid.*

³ Stender-Petersen A. *Études Varègues*. III. La conquête danoise de la Samlande et les vikingi prussiens. — *Classica et Mediaevalia*, 1942, t. V, fasc. 1, p. 102. Автор пишет о завоевании Самбии и основании там норманнского государства Хаконом, как это описывает Саксон Грамматик. Но такое позднее и не подтвержденное другими достоверными источниками известие не заслуживает доверия, даже если оно опирается (что неизвестно) на народные традиции. В этом известии можно услышать эхо датских набегов на Самбию. Ничто также не доказывает связь прусского названия *вигинги* с собственно викингами, поскольку, как отметил сам автор, этот термин в форме *витязь* определял у славян местных дружинников (*ibid.*, p. 117). Однако распространение этого термина, хотя и заимствованного у восточных славян, но существовавшего и у южных (*vitez*) и у западных (польск. *zwycięzcy*), свидетельствует о его давнем и местном происхождении, о чем писали А. Брюкнер и Я. Первольф (Brückner A. *Preussen, Polen, Witingen*. — *ZSPH*, 1929, Bd. 6, S. 64; Perwolf J. *Slavische Völkernamen*. — *Archiv für Slavische Philologie*, 1885, Bd. 8, S. 13—18).

⁴ Schmid H. F. *Beiträge zur Sprache und Rechtsgeschichte der früheren slavischen Bevölkerung des heutigen nordöstlichen Deutschlands*. — *ZSPH*, 1930, Bd. 7, S. 116—119. Автор связал *vethenici* (*витязи*) Титмара со старославянским институтом дружины. (См. также: *Ludat H. Ostsee...*, S. 22.)

⁵ *Dänische Rechte*, S. 195 (“Hirdskrá” Кнута Великого).

⁶ Было бы, однако, неверно искать обоснование этих претензий в грамоте балтийским землям, помещенной в “*Liber census Daniae*”. См.: Johansen P. *Die Estlandliste des “Liber census Daniae”*. Kopenhagen, 1933, S. 107.

главенство Швеции над Куронией и среди «островов», находящихся под властью Дании, не называет Самбию, хотя он пользовался информацией самого датского короля Свена Эстридсона (1044—1075 гг.). Несмотря на датский поход 1210 г., в начале немецкого завоевания в XIII в. пруссы были так же независимы, как и большая часть балтийских народов¹, а если ливы и латгалы признавали над собой господство, то не заморских варягов, а соседних русских князей из Полоцка и Пскова; Новгород же подчинил себе часть Эстонии². Только XIII в. принес скандинавам заметные успехи; датчане захватили северную часть Эстонии — и то благодаря одновременному нападению немцев на этот край с юга, а шведы с большим трудом завоевали Финляндию³.

Неудачи скандинавов в балтийских землях объясняются сопротивлением, которое оказывало местное население иноземной агрессии. Вооруженные силы, имевшиеся как у славян, так и у жителей балтийских земель, иллюстрируют хронисты XIII в. Когда датский король Вальдемар I (1164 г.) хотел оставить отряд в покинутом местными жителями славянском замке Валогища, он не пошел желающих оборонять крепость из-за опасности, грозящей со стороны славян⁴. Также и в 1206 г., когда Вальде-

¹ Признание скандинавских поселенцев в Пруссии завоевателями не обосновано (Langenheim K. Nochmals "Spuren" der Wikinger um Truso. — Gothiskandza, 1939, Bd. 1, S. 52; рец. см.: Engel C. — Elbinger Jahrbuch, 1941, Bd. 16, S. 180). Автор объясняет неудачу норманнского вторжения на территорию Пруссии более высокой культурой балтов в сравнении со славянами. (Ср. также: Scheel O. Op. cit., S. 199.)

² Arbusov L. Frühgeschichte Lettlands. Riga, 1933, S. 43; Taube M. Russische und litauische Fürsten an der Düna (12. u. 13. Jh.). — Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven, 1935, Bd. 11, S. 373; Hellmann M. Das Lettland im Mittelalter. Münster, 1954, S. 54. Поскольку местное полоцкое летописание не сохранилось, о подчинении части Латвии Полоцку и о создании там русских княжеств мы узнаем из «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского и из ливонской «Рифмованной хроники»; в новгородском летописании есть ряд известий о походах русских против чуди, но лишь с 1030 г. (Łowmiański H. Studia nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego, t. 2, Wilno, 1932, s. 258).

³ Laakmann H. Estland und Livland, S. 247.

⁴ Ob imminētis periculi magnitudinem nec animus ad resistendum nec comites suppetabant. — Saxonis Gesta Danorum, XIV, XXX, 7; Eggert O. Dänisch-wendische Kämpfe in Pommern und Mecklenburg (1157—1200). — Baltische Studien, 1928, N. F. Bd. 30, S. 25; Pieradzka K. Walki Słowian na Bałtyku w X—XII wieku. Warszawa, 1953, s. 80.

мар II напал на о. Сааремаа и построил там замок, чтобы создать на острове свой опорный пункт, никто из рыцарей не осмелился там остаться из страха перед «погаными»¹.

Но прежде чем вернуться к норманнской проблеме на Руси, следует обратиться к попыткам объяснить возникновение некоторых элементов податно-территориальной организации в Балтийских странах скандинавским влиянием. Так, Е. Допкевич доказывала в обширной работе, что так называемая *borchsukunge* (*burchsukunge*)*, или в латинских источниках *castellatura*, представляла в момент немецкого вторжения в Латвию оборонительную организацию народа, унаследованную от викингов, и противопоставила ее исконной замковой организации (сохранившейся на части латышской территории), определяемой в латинских источниках как *castrum* — центр власти местных старейшин². Автор, ссылаясь на сходные по содержанию термины *sókn* в Скандинавии и *sosse* в Англии^{3**}, где осуществлялась экспансия викингов, подошла к исследуемым явлениям формально, что распространено среди историков, особенно историков права, но требует существенных оговорок, поскольку ведет к смешению самостоятельных, хотя и связанных друг с другом явлений: развития терминологии и генезиса институтов (или реалий), обозначаемых при помощи этой терминологии. При этом методе считается, что заимствование иностранного термина является показателем рецепции соответствующего института. Исследования подтверждают, что бывало и так, но неоднократно случалось и иначе, когда иностранными терминами пользовались для определения собственных институтов***. Появление в ливонских документах термина *borchsukunge* (и первая и вторая части слова происходят, видимо, из немецкого языка, а не языка местного населения) не представляется а priori доказательством иноземного происхождения соответствующего

¹ «Но так как не нашлось никого, кто решился бы остаться там для защиты против нападения язычников, то замок сожгли, а король со всем войском вернулся в свою страну» (*Cum non invenirentur, qui contra insultus paganorum ibidem manere auderent, incenso castro rex cum omni exercitu rediit in terram suam.* — *Heinrici Chronicon Livoniae*, X, 13)****.

² *Dopkewitsch H. Die Burgsuchungen in Kurland und Livland vom 13.—16. Jh. — Mitteilungen aus der livländischen Geschichte, 1933—1937, Bd. 25, S. 19—24; Arbusov L. Op. cit., S. 42.*

³ *Dopkewitsch H. Op. cit., S. 25.*

института. Исследовательница не отметила то важное обстоятельство, что организация, отраженная в терминах *castra* и *borchsukungen* (*castellaturae*), представляла собой общее явление, хорошо известное славянам и засвидетельствованное у них уже «Баварским географом»¹. В период борьбы с крестоносцами она существовала и в Литве, и в Пруссии, которые, кстати, знали этот институт уже во времена Вульфстана², когда в некоторых (но не во всех) прусских городах правили «короли», как и в ливонских городах XIII в.* Из жития епископа Войцеха конца X — начала XI в. узнаем, что власть этих правителей ограничивало вооруженное народное вече³; так же было и в ливонских землях, где мы встречаемся с традицией веча⁴. Очевидно, учитывая институт веча, можно скорее заметить и динамику городской организации, поскольку вече было присуще обеим ее формам; однако в *castellatura* этот народный элемент господствовал полностью, а в *castrum* — важную функцию выполнял замковый начальник⁵. Вторая форма, очевидно, является

¹ Источник имеет название «*Descriptio civitatum et regionum...*» (Łowmiański Н. О *pochodzeniu Geografa bawarskiego*. — RH, 1952, t. 20, s. 16). Regio здесь обозначает территорию племени; civitas — город, являющийся центром территориального союза. В сходном значении употребляет термин «город» «Русская Правда» Пространной редакции. (ПРП, вып. I. М., 1952, с. 111.) Определение «град» «Русской Правды» Пространной редакции (ст. 34) соответствует определению «мир» («ополье») Краткой редакции (ст. 13). Термин *civitas* «Баварского географа», таким образом, соответствует славянскому термину «град». Не могу согласиться с высказываемым предположением, будто бы этот термин (*civitas*) мог у «Баварского географа» обозначать что-то иное, чем городскую территорию**.

² Текст Вульфстана см.: *Scriptores rerum Prussicarum*, t. 1. Leipzig, 1861, p. 733. О городских территориях, как прусских, так и литовских, ценные сведения дает хронист крестоносцев Петр из Дусбурга (*ibid.*, p. 147), который многократно упоминает литовские города и их «территории», например в Жемайтии: «город, называемый Бизена» (*castrum dictum Bisenam*); и далее: «территория названного города» (*dicti castris territorium*).

³ Łowmiański Н. *Stosunki polsko-pruskie za pierwszych Piastów*. — PH, 1950, t. 40, s. 156.

⁴ Łowmiański Н. *Studia nad początkami...*, s. 145.

⁵ Следует принять во внимание развитие общественных, в том числе оборонительных, функций городов. Сначала это были укрепленные поселения, где могла жить часть населения данной территории, как это было на Украине еще в XVII в. Потом они стали временными убежищами для местного населения в случае опасности и были постоянно заселены лишь в своей небольшой

более поздней, свидетельствующей о возникновении элементов феодализма. Таким образом, нет пужды искать иностранные истоки института, коль скоро его появление объясняется органическим развитием общества.

Также не представляются удачными поиски скандинавских прототипов погостов, известных как в северной Руси, так и в Латгалии, в которую это название, несомненно, было перенесено русскими князьями после покорения этого края¹. Погостами в Новгородском и Смоленском княжествах, а потом и в Ростовском пазывали княжеские центры для сбора дани*, а также округу, зависимую от этих центров². К мысли о скандинавских истоках погостов приводило их название, которое, без сомнения, следует связать с термином «гость». Поскольку право «гостить» у местного населения принадлежало также германским королям (оно было известно и во Франкском государстве под названием *servitium*)³, то отсюда делался вывод о переносе этого института на Русь варягами. Недоказанность этого вывода очевидна. Институт

части; прежде всего, здесь жил правитель городской территории и его ближайшее окружение. Наконец, в ходе дальнейшего развития правитель мог получить собственные права на город, в котором находился, во всяком случае, город мог получить название от его имени, поскольку знать, находящаяся в городе, вероятно, способствовала его охране, используя доступные ей средства (История Латвийской ССР, т. 1, с. 41). Не думаю, чтобы города строились знатью с использованием несвободных (там же, с. 42), поскольку этот институт был развит слабо. Вероятно, города строились и содержались за счет всего населения городской территории и городская повинность существовала еще долго в эпоху феодализма. Однако на начальном этапе формирования классового общества, когда еще не было антагонизма между знатью и остальной свободной частью населения, она несла городовую службу добровольно. Хеллман, критикуя Допкевич, не учел эволюцию города (Hellmann M. *Das Lettland...*, S. 248—250). Выводы Допкевич ограничил Швабе, полагая, что *borchsukungen* могли появиться под влиянием викингов, но не обязательно свидетельствуют о викингских поселениях там, где существует эта организация. (Svåbe A. *Die Nachwirkungen der Wikingerzeit in der lettischen Rechtsgeschichte.*—CPHB, S. 198.)

¹ Schvabe A. *Grundriss der Agrargeschichte Lettlands*. Riga, 1928, S. 8; *idem*. *Die Nachwirkungen...*, S. 198.

² Пресняков А. Е. Лекции по русской истории, т. I. М., 1938, с. 65; Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. Насонов А. П. «Русская земля»..., с. 96, 109.

³ Heusinger B. *Servitutum regis in der deutschen Kaiserzeit*. Berlin, 1922, S. 29.

«гощения» правителя был необходимым явлением в раннефеодальных государствах с их еще натуральным хозяйством; он встречается и в Польше под названием «стана»¹; Руси не нужно было ждать чужой интервенции, чтобы осознать потребность в нем. И название это, без сомнения, собственное, славянское, коль скоро в Поморье «стан» выступал под названием «гостива»². Более того, на Руси термин получил и расширительное значение, обозначая также территориальную единицу, что следует принимать во внимание.

Наконец, не более, чем предшествующие положения, доказан вывод о создании норманнами территориальной единицы на финских землях, называемой *kiligunda* (эст. *kihelkond*)³. Если это название действительно в своей первой части имеет шведский корень (*kihla* из др.-швед. *gísl* — «заложник»), термин мог проникнуть к эстам через Русь, поскольку русские князья, о чем мы знаем из «Повести временных лет», использовали в своей администрации варягов. В сагах, например, сохранилось известие, что Сигурд, сын Эйрика, находясь на службе у новгородского князя Владимира, от его имени собирал принадлежавшие ему дани в Эстонии⁴. Так что заимствование термина не обязательно соответствует заимствованию института; поэтому нет достаточных доводов в пользу того, что институт *kiligunda* не возник внутри самого эстонского общества.

¹ Balzer O. Narzas w systemie danin książęcych pierwotnej Polski. Lwów, 1928, s. 349.

² Szczaniecki M. Rozwój feodalnego państwa zachodnio-pomorskiego, cz. 1.—Czasopismo Prawno-Historyczne, 1955, t. 7, z. 1, s. 64.

³ Johansen P. Siedlung und Agrarwesen der Esten im Mittelalter. Dorpat, 1925.

⁴ Raftn C. Antiquités Russes..., t. 1, p. 276.

В предшествующей главе сделана попытка осветить проблему проникновения норманнов в русские земли с помощью данных ономастики и археологии, сравнения с норманнской экспансией в Англии, а также исследования деятельности норманнов в Прибалтике. Эти данные убедительно свидетельствуют о том, что на Руси следы, как ономастические, так и археологические, относятся к скандинавским купцам; в Восточной Европе нет следов варяжского завоевания. Теперь обратимся к письменным источникам.

Последовательное (по не полное и детальное) представление о варяго-русских отношениях в IX—X вв. дает только один источник — русские летописи. Иностранные источники зачастую содержат более полные данные лишь о некоторых деталях, но это, особенно для IX в., лишь фрагменты, *membra disiecta*, на основе которых создать связное повествование возможно только благодаря русским источникам. Однако, анализируя их данные, мы не будем проводить подробный разбор «Повести временных лет», т. е. снова следовать путем, которым уже прошли А. А. Шахматов и другие исследователи, которые выявили в этом источнике архаические элементы. Выводы Шахматова тем более ценны для нас, что он был норманистом, и никто нас не упрекнет, что, соглашаясь в основных пунктах (хотя не всегда в деталях) с этим исследователем, мы склоняемся к антинорманизму. Этот исследователь, опираясь на текст Новгородской первой летописи¹, более архаичной, чем «Повесть временных лет», пытался реконструировать протограф, написанный, по его мнению, при Ярославе Мудром в Киеве в 1039 г., дополненный далее в Новгороде в 1050 г. местными из-

¹ НПЛ, с. 106.

вестиями; Д. С. Лихачев приписал старейший свод Никону (1072 г.). Я лично придерживаюсь промежуточной точки зрения, т. е. полагаю, что древнейший киевский свод (без новгородских известий) появился до Никопы, вероятнее всего, во времена Ярослава Мудрого (и был доведен до 996 г.¹, согласно Л. В. Черепнину); вообще же летописный рассказ вплоть до 70-х годов XI в. не был современен описываемым событиям². Гипотеза Шахматова о новгородском своде 1050 г. не убедительна, поскольку новгородские известия — как это аргументированно показал Лихачев — собрал и использовал, скорее, сам Никон³.

После этих замечаний, необходимых для выяснения принципиального отношения к реконструированному Шахматовым тексту древнейшего киевского свода (сознавая всю гипотетичность реконструкции в деталях), приступим к его анализу. В этом тексте находились, очевидно, известия, касающиеся прибытия варягов в три политических центра (и в соответствующие земли восточных славян): Новгород (а точнее, в Новгородскую землю), Смоленск, Киев. Известие, касающееся Новгорода и северных территорий, имеет в реконструкции следующий вид:

Въ си же времена Словене и Кривичи и Меря даху
дяху Варягомъ отъ мужа по белеи веверици; а иже
бяху у нихъ, то ти пасилие деяху Словеномъ и
Кривичемъ и Мери; и отъ техъ Варягъ прозъванъ
ся Новъгородъци Варягы, прежде бо беша Словене⁴.

¹ Он кончался словами: «И живяше Володимеръ по устроению отню и дедню» (ПВЛ, ч. 1, с. 87; Шахматов В. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, с. 570). Поскольку текст кончался общей характеристикой правления Владимира, очевидно, что он должен был появиться не ранее Ярослава.

Вопрос о своде, доведенном до 996 г. и составленном ок. 1030 г., проанализирован в работе: Łowmiański H. Początki Polski, t. 5, s. 9—223. — *Прим. авт.*

² Шахматов А. А. Разыскания..., с. 420.

³ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение, с. 93. Автор полемизирует с Шахматовым в вопросе о происхождении новгородских известий в «Повести временных лет» и отвергает существование новгородского свода 1050 г., что допускал Шахматов, пытаясь реконструировать этот свод. Лихачев приписывает введение новгородских известий Никону, который мог их получить от новгородца Вышаты.

⁴ Шахматов А. А. Разыскания..., с. 544. Ср.: Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов. — ИОРЯС, 1904, т. 9, вып. 4, с. 325.

Нет сомнения, что это известие не содержит еще происходящих из Новгородца и введенных в летопись лишь Никоном сведений о Рюрике и его братьях¹. В Киеве, видимо, не знали предания о Рюрике, как свидетельствует «Слово» митрополита Иллариона, который, пазывая предков Владимира Святославича, не мог не упомянуть первого из них в Русской земле, если бы знал о нем². Шахматов с некоторым колебанием признавал³, что первоначальный текст содержал упоминание только трех местных племен, дополненное затем четвертым — чудью (согласно новгородскому источнику). Это предположение, хотя и убедительное с точки зрения истории текста, не представляется единственно возможным, поскольку новгородский источник в первую очередь назвал бы приморское племя воть, которое по своему географическому положению должно было припимать участие в описанных событиях и которое новгородская летопись упоминала уже под 1069 г.⁴ Упоминание же неопределенной чуди новгородским источником не представляется правдоподобным. Более понятно, что в Киеве, где хуже ориентировались в этнических отношениях на севере⁵, воть и, может быть, весь были определены понятием «чудь», которое в Новгороде прежде всего ассоциировалось с предками современных эстонцев*. С этой поправкой, т. е. поместив чудь рядом со словенцами, кривичами и мерей, реконструкцию Шахматова можно в принципе принять.

¹ Текст расширен новгородскими известиями. См.: Шахматов А. А. Разыскания..., с. 611—612; Лихачев Д. С. Русские летописи..., с. 88; он же. «Устные летописи» в составе «Повести временных лет». — ИЗ, 1945, т. 17, с. 201—224.

² Попомарев А. Н. Памятники древне-русской церковно-учительной литературы, т. I. СПб., 1894, с. 69—70. («Похвалимъ же и мы, по силе нашей, ...великаго кагана пашеа земля, Владимирца, впука старого Игоря, сына же славнаго Святослава...»)

³ Шахматов А. А. Разыскания..., с. 294, 307. Автор указывает, что в других местах Новгородская летопись пазывает только три племена, без чуди (НПЛ, с. 106).

⁴ «О, велика бяше седа Воляномъ, и паде ихъ бещисльное число». — НПЛ, с. 17. Поэтому Никои, работая около 1072 г., должен был бы слышать о воти из новгородского источника.

⁵ Об этническом составе северо-западных Новгородских земель писал В. В. Седов (Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода IX—XIV вв. — СА, 1953, т. 18, с. 211—первое упоминание о воти). Следует отметить, что это племя неизвестно «Повести временных лет» под названием «воть»; полагаю, что оно там скрывается под названием «чудь».

Использование проанализированного текста как исторического источника сопряжено с большими трудностями, поскольку существует разрыв между временем его записи и событиями, о которых в нем говорится, — первыми нападениями варягов, предпринятыми со стороны Финского залива против прибрежной воды и живших рядом финских и славянских племен. В протографе исследуемого известия не было точных датировок: «Повесть временных лет» поместила этот текст в пространном рассказе под 859 и 862 гг.¹ В действительности экспансия началась раньше, поскольку уже в 839 г. шведы, согласно «Бертинским анналам», должны были находиться на русской службе. Таким образом, между событиями и их записью прошло 200 лет или даже больше; возможно ли, чтобы на Руси — и в Киеве — сохранилась память о таких давних событиях? Не является ли известие скорее вымыслом летописца или литературной реминисценцией?

Прежде всего надо исключить возможность литературного источника для исследуемой записи. Позднейшая ее переработка, как утверждал Л. В. Черепнин, благодаря историографическим дополнениям, сделанным в новгородской среде, приобрела облик легенды о призвании варягов на Русь и носит следы литературной обработки². В ней автор дал первоначальное описание событий, причем не видно, чтобы он располагал документальной основой; скорее всего, он черпал известия из киевской устной традиции. Скептически оцениваем мы и поздние, изобилующие подробностями рассказы скандинавских саг о подвигах викингов; здесь же, в «Повести временных лет», мы скорее имеем не эпическое повествование, славящее дела богатырей, а деловое, связное описание неблагоприятных для Руси событий. Киевской традицией об отношениях с варягами нельзя пренебрегать, учитывая северное происхождение династии, а также деятельность ее представителей в Новгороде. Перед переходом на киевский

¹ «Въ лето 6367. Имаху дань варязи изъ заморья на чюди и на словенех, на мери и на всехъ кривичехъ... имяху по беле и веверице от дыма. Въ лето 6368. Въ лето 6369. Въ лето 6370... И отъ техъ варягъ прозвася Руская земля...» (ПВЛ, ч. 1, с. 18). Известие о варяжском гнете было опущено. Слово «всехъ» в перечислении племен — этноним «весь» — является вставкой «Повести временных лет». (Шахматов А. А. Разыскания..., с. 336—337.)

² Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., т. 1. М.—Л., 1948, с. 248.

престол в Новгороде правили Святослав, Владимир и Ярослав, а Игорь и Ольга активно действовали на севере. Трудно даже допустить, чтобы, например, Владимир и Ярослав совершенно не знали истории давних отношений Новгорода с варягами, помощь которых так охотно использовали. Другое дело, что надо считаться с модификацией традиции под влиянием позднейших событий и отношений. Попробуем теперь определить степень «историчности» отдельных фактов, содержащихся в анализируемой записи.

Первый факт — это принуждение четырех северных племен платить дань варягам. Заслуживающих доверия известий о реальной выплате дани новгородцами заморским варягам не сохранилось¹, еще менее это правдоподобно после вступления Новгорода в состав сильного Древнерусского государства^{2*}. В более позднее время новгородцы по собственной воле собирали деньги для оплаты наемных варяжских отрядов, например в 1018 г., желая поддержать своего князя Ярослава Мудрого³; сомнительно, чтобы события такого рода, еще свежие в момент записи исследуемого известия, внушили мысль о дани, выплачиваемой, наоборот, за море. Достоверность описываемого факта, как представляется, подтверждает сравнительный материал Западной Европы. В первой половине IX в. экспансия варягов носит характер прежде всего грабительский; они становятся истинным бедствием приморских стран и территорий по берегам рек. Завоевания во Фризии и Ирландии имеют минимальные размеры, зато с начала IX в. проявляется тенденция вымогать выкупы или дани с подвергавшихся нападениям народов, которые платили денежный выкуп, чтобы оградить себя от убийств, грабежа и поджогов. Так, в 810 г. датский король Годффрид (Готрик) опустошил острова у побережья Фризии, высадился на континенте и вынудил фризов за-

¹ Известие Нестора об Олеге: «устави варягомъ дань даяти от Новагорода гривень 300 на лето, мира деля, еже до смерти Ярославле даяше варягомъ» (ПВЛ, ч. 1, с. 20) — Шахматов признает недоразумением (Шахматов А. А. Разыскания..., с. 330, 305), полагая, что в действительности речь шла о даянях, выплачиваемых Новгородом Киеву, как это постоянно практиковалось. Ярослав платил в Киев 2000 гривен, а 1000 гривен раздавал своим дружинникам — «и тако даяху вси посадници Новъгородьстии» (ПВЛ, ч. 1, с. 89); Ярослав прекратил эту выплату.

² Шахматов А. А. Разыскания..., с. 305.

³ ПВЛ, ч. 1, с. 97.

платить дань¹. После внезапной смерти этого короля датский натиск временно ослаб. Учащаются записи о даях, выплачиваемых норманнам терроризируемыми народами, во второй четверти IX в. Например, в 836 и 837 гг. викинги нападали на Фризию и каждый раз получали дань или «чинш»². Иногда выкуп, выплачиваемый пиратам, достигал значительных размеров. Когда в 845 г. норманнские ладьи поднялись по Сене, опустошая ее берега, до Парижа, Карл Лысый, чтобы склонить нападающих к уходу, не остановился перед выплатой 7 тыс. фунтов серебра³. Известно об уплате выкупа в Бретани в 847 г.⁴; в то же время ирланды согласились на уплату норманнам постоянной дани⁵. О том, что шведы также принуждали

¹ В известии, полученном императором, говорилось: «Победители-датчане наложили на побежденных дань, и в качестве подати фризы уже уплатили сто фунтов серебра» (*Danosque victores tributum victis inposuisse et vectigalis nomine centum libras argenti a Frisonibus iam esse solutas*). — *Annales Regni Francorum*. MGH, SS, Hannoverae, 1895, p. 131.

² «Норманны сожгли город Антверпа и торговый центр Витла близ устья реки Мозы, наложив на фризов дань» (*Nordmanni Anderwepam civitatem incendunt, similiter et Witalam emporium iuxta ostium Mosae fluminis, et a Frisonibus tributum acceperunt*. — *Annales Fuldenses*. MGH SS, t. I. Hannoverae, 1826, p. 360). «В это время норманны, совершая ставший привычным набег на Фризию, на острове Валакра застали наших врасплох, многих перебили, еще больше ограбили. Пробыв здесь некоторое время и взыскав желаемый чинш, они с той же свирепостью обратились против Дорестада, также истребовав дань» (*Ea tempestate Nordmanni irruptione solita Frisiam inruentes, in insula quae Walacra dicitur nostros imparatos aggressi, multos trucidaverunt, plures depredati sunt; et aliquamdiu inibi, commorantes, censu prout libuit exacto, ad Dorestadum eadem furia pervenerunt, et tributa similiter exegerunt*. — *Annales Bertiniani*. — MGH SS, t. 1, Hannoverae, 1826, p. 430). Ср. также нападение норманнов в 842 г. на Квентовик: «Они были столь опьянены грабежами, добытыми пленниками и убийством людей обоего пола, что не оставили в нем ничего, кроме домов, за которые был дан выкуп» (...*depredati onibus, captivitate et nece sexus utriusque hominum adeo debacchati sunt, ut nihil in eo praeter aedificia pretio redempta relinquerent*. — *Annales Bertiniani*, p. 439).

³ *Annales Bertiniani*, p. 441; Lot F. *Naissance de la France*, p. 429.

⁴ «Побежденный Номеногий бежал со своими, а затем отвратил их [норманнов] от своих пределов, послав им с послами дары» (*Nomenogiusque victus cum suis fugit, dein per legatos muneribus a suis eos sedibus amovit*. — *Annales Bertiniani*, p. 442).

⁵ «Скотты, в течение многих лет подвергаясь набегам норманнов, сделались [их] данниками» (*Scotti a Nordmannis per annos plurimos impetiti, tributarii efficiuntur*. — *Annales Bertiniani*, p. 443).

к уплате выкупа или дани в середине IX в., известно из рассказа Римберта о походе короля Олава на куршей¹. Итак, в свете приведенных данных известие о том, что шведы обложили данью северные, финские и славянские племена, приобретает достоверность, что, однако, не должно означать какой-то постоянной зависимости от варягов. Если шведы не смогли подчинить себе куршей на длительное время, то тем менее вероятен их еще больший успех на обширных северных территориях. В дани, о которой сообщает исследуемая запись, надо видеть, вероятно, выкуп или разовый платеж при отдельных разорительных набегах, как это было в Куронии, а также на Западе. Ареал этой агрессии мог охватывать водь и весь, вероятно, словен на близком Ильмене, а также кривичей в окрестностях Изборска и Пскова, куда варяжские отряды добирались по реке Нарве и Чудскому озеру. Более загадочно упоминание племени меря, жившего в верховьях Волги около Ростова. Если шведские «находники» (я говорю не о купцах) действительно добирались сюда, то, очевидно, использовали торговые пути*. Однако вероятнее, что это были отзвуки давней зависимости Ростовской земли, где жило племя меря, от Новгорода². Размеры дани, если верить известию, были скромными (по веверице с дыма) и не свидетельствуют об установлении полного господства нападающих. Это был выкуп, платимый, как и на Западе, во избежание разорений. Если рассмотренные данные не позволяют сделать вывод об установлении варяжского господства, то тем более они не свидетельствуют о захвате власти над местным населением, создании государственных институтов и т. п.

Но не несет ли следа подобного проникновения другой факт, содержащийся в исследуемом известии: о пребывании варягов среди славян и финнов, а также о насилиях, которые они чинили среди местного населения? В этом случае гораздо вероятнее, что речь идет о переносе в прошлое таких позднейших событий, как конфликт между новгородцами и отрядом наемных варягов на службе у Ярослава Мудрого³, или, что более правдоподобно,

¹ Bielenstein A. Le village d'Appoulé (Opoulé) dans le gouvernement de Kowno et la ville finnoise Apulia (853), p. 69.

² См.: Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства, с. 175.

³ ППЛ, с. 174 (1016 г.).

варяжских присздов в Гардарики конца X — начала XI в., которые отразились в скандинавских сагах (об Олаве Трюггвасоне, об Олаве Святом). Эти отряды находились какое-то время в захваченных областях и чинили насилия над их жителями¹. Однако в этом случае не исключен пересказ традиции, восходящей к первой половине IX в. Из западных источников этого столетия известно, что норманнские пираты не всегда удовлетворялись молниеносным набегом и захватом добычи, оставаясь иногда на несколько месяцев в захваченной области для полного ее разграбления. Первый случай зимовки норманнов в Англии датируется, как уже упоминалось², 851 г., но сведения о том, что нападающие какое-то время проводили в захваченном крае, встречаются и раньше, например во Фризии в 837 г.³ Эти примеры показывают, что норманны, остающиеся в захваченных землях, занимались там разбоем и грабежами, но не организацией управления. Это не значит, что случайные нападения не могли повлечь за собой более серьезных результатов. На примере Англии можно утверждать, что зимовка была для нападающих необходимым этапом в процессе завоевания страны. Исследуемое известие летописи не сообщает ясно о покорении четырех северных племен⁴, против этого говорят два обстоятельства: 1) в то время (начало IX в., вероятно до 839 г.) норманнские завоевания на Западе имели минимальные размеры, а крупномасштабные завоевания в Англии начались только с 865 г.; 2) Новгород постоянно выступает как местный, славянский политический центр; и если летописное предание посадило в нем князем Рюрика, то этот факт доказывает добровольное соглашение, заключенное местными властями с варяга-

¹ Rafn C. *Antiquités Russes*, t. I, p. 286. Нападение ярла Эйрика на Ладугу (997 г.), а после ее завоевания опустошение Гардарики («Сага об Олаве Трюггвасоне»); поход Свейна на Гардарики, где он пробыл лето, а осенью вернулся в Швецию и там умер («Сага об Олаве Святом»); и этот второй поход был, очевидно, в окрестностях Ладogi (Ibid., p. 293). См. подробнее: Рыдзевская Е. А. Сведения о Старой Ладогe в древнесеверной литературе. — КСИИМК, 1945, т. 14, с. 53—57.

² Kruse F. *Chronicon Nortmannorum...*, p. 204; Stenton F. *Anglo-Saxon England*, p. 241.

³ *Annales Fuldenses*, p. 361; *Annales Bertiniani*, p. 430.

⁴ На то, что варяги, жившие среди славян и финнов, не были, по мнению источника, завоевателями, указывает известие, что четыре племени платили одновременно дань заморским варягам.

ми *. Тогда можно предположить, что сообщение о варягах, паходящихся па Руси («у пих») и совершающих насилия над местным населением, имеет в виду не отряды захватчиков, временно свирепствующих среди финнов и славян, а какую-то варяжскую базу, которую надо локализовать в Ладоге, откуда завоеватели могли совершать походы на северные племена для взыскания выкупа. Еще в первой половине XI в., согласно сведениям саг, Ладога вызывала особый интерес норманнов **; одни из них пападали на нее, другие получали в лен от русских князей¹. Прежде всего это был важный торговый пункт, но купеческая деятельность переплеталась с разбойничьей и захватнической; поэтому нельзя исключать попытку варягов закрепиться в этом пункте вооруженным путем. Если так было в действительности, то попытка варягов создать собственную базу была быстро ликвидирована, и этому есть доказательства как в славянском характере археологических находок в самой Ладоге, так и в сагах о походах Эйрика на Ладогу или Свейна на Гардарики², а также в летописном повгородском рассказе, который был как бы ответом (и при этом полемическим) на киевскую традицию о данничестве северных племен, а также дополнением этой традиции. Как только новгородцы начали собственную летопись, они сразу ввели записанное Никоном известие об изгнании варягов за море³:

И въсташа Словене и Кривичи и Меря и Чюдь па Варягы, и изгънаша я за море, и начаша владети сами себе.

В этом варианте традиция была подкреплена данными информаторов Никона, который вынес из нее убежде-

¹ Stender-Petersen A. *Études Varègues. II. La tradition Hellespontique chez Saxo.* — *Classica et Mediaevalia*, 1940, v. 3, p. 161.

² Рыдзевская Е. А. Сведения о Старой Ладоге..., с. 56; В. Равдоникас (Raudonikas W. J. *Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet*, S. 139).

³ Шахматов А. А. Разыскания..., с. 611. Это известие Верпадский (Vernadsky G. *Ancient Russia*, p. 335) неверно связывает с сообщением «Жития св. Ансгария» о датском походе на славянский город: «Выпал жребий, что им надо было идти на пекий город, расположенный далеко оттуда в земле славян» (*Ceciditque sors, quod ad urbem quamdam longius inde positam in finibus Slavorum ire deberent*) — *Vita s. Anskarii*, 19. Не известно, чтобы датские походы тогда распространялись па восток от Куронии. Представляется болес удачным предположение польских историков, которые считали этим городом Волип.

ние, что северные племена были самостоятельными и не знали над собой чужеземной власти. Подлинность этой традиции не вызывает сомнений: целью варягов был захват власти (если понимать под ней установление даннической зависимости), чему воспротивилось местное население; именно того же — получения выкупов — добивались норманны и в Западной Европе в это время. Подкрепляет традицию о самостоятельности новгородских племен и сообщение о восстании четырех племен для низвержения чужой власти; они могли вести совместную борьбу только против какого-то временного вторжения варягов, вопрос лишь в том, могла ли традиция сохранить память о таком мелком событии на протяжении 200 лет.

Наиболее загадочным представляется последнее сообщение в разбираемом известии: о принятии новгородцами названия варягов, в то время как прежде они именовались славянами. Это известие вызывает удивление, так как противоречит практике тогдашних наименований. Ведь источники, как правило, называют жителей Новгорода и Новгородской земли «люди новгородские», а для более раннего времени «словене», но не «варяги». Такое несоответствие сообщения исторической действительности указывает на то, что мы имеем дело с какой-то конструкцией летописца или же ошибкой, тем более что непонятно, почему лишь новгородцы приняли повое наименование, а три других племени не сделали того же. Возникает предположение, не назывались ли новгородцы в других русских землях в обиходной речи варягами, поскольку среди них был варяжский элемент, в особенности же поскольку у них были варяжские паемпики*. Не раскрывает ли именно это обстоятельство сути исследуемого известия? Точно так же воевода Святополка упрекал новгородцев, что они плотники, поскольку в их войске, вероятно, находились многочисленные плотники (среди рядовых воинов, частично — ремесленников)¹. Однако это известие можно понимать и иначе (особенно, если его объяснять исходя из грамматической формы: «прозвашася» = «прозвали себя»): не соседи новгородцев, а сами они называли себя варягами. А поскольку такое название новгородцев, как отмечалось, не засвидетельствовано источниками, следовало бы признать его не постоянным определением или прозвищем, а следом случайных ссылок новгородцев

¹ ПВЛ, ч. 1, с. 96 (1016 г.).

на их связи с варягами. Эти связи органически вытекали из инфильтрации скандинавского элемента, в особенности в результате женитьбы варяжских пришельцев на славянках. Тогда не один новгородец мог бы сослаться на родство с семьями варяжского происхождения. Подобная ситуация создалась, вероятно, и в Киеве¹ *.

Итак, известие о древнейших отношениях с варягами, видимо, свидетельствует о варяжских нападениях на северные финские и славянские племена в первой половине IX в., о попытках брать выкуп или дань с местного населения, может быть, и о попытках создать базу в Ладоге (кстати, ликвидированную), наконец, о возможности мирного проникновения норманнов в среду местного населения, вероятнее всего, в процессе торговых контактов.

Другое летописное известие, касающееся Смоленска, звучало в древнейшей форме, по реконструкции Шахматова, следующим образом:

«И бысть у нихъ кнѣзь именѣмъ Ольгъ, мужъ мудръ и храбръ. И начаша воевати вьсюду и палеша Днѣпръ реку и Смольнскъ градъ»².

Реконструкция в этом случае не вызывает сомнений, поскольку Новгородская первая летопись содержит этот текст лишь с небольшими изменениями³. В сравнении с предшествующим это известие касается поры более близкой, скажем, конца IX в., т. е. на какие-то 150 лет уда-

¹ Ключевский В. О. Боярская дума в Древней Руси. СПб., 1919, с. 57. Автор обращает внимание на то, что русская знать гордилась родством с варягами, убитыми в Киеве при Владимире Святославиче, и считает, что она была или считала себя в большинстве своем скандинавского происхождения. Первое предположение было обусловлено господством норманнской теории в то время, когда он писал, второе — свидетельствует о его критическом отношении к этой теории. Полагаю, однако, что, даже допуская вторую возможность, Ключевский занимал ошибочную позицию, поскольку его примеры указывают не на этническую, как он думал, общность, а скорее на единое родовое происхождение** (все роды, занимавшие вершину феодальной иерархической лестницы, находились в родстве друг с другом) или же принадлежность к одному и тому же слою общества.

² Шахматов А. А. Разыскания..., с. 541.

³ «И бысть у него [Рюрика] воевода, именемъ Олегъ, мужъ мудръ и храбръ. И начаша воевати, и палеша Днѣпръ реку и Смольнскъ градъ». — НПЛ, с. 107. «Воеводой», который не принадлежал к правящей династии, вместо первоначального «князь» называет Олега только свод 1093 г. (Шахматов А. А. Разыскания..., с. 317).

ленной от времени записи. При этом деятельность Олега охватила Киев и события приблизились к киевскому центру летописания не только во времени, но и в пространстве. Поэтому существовало еще больше возможностей почерпнуть из традиции подлинные детали. И все же это известие не отличается точностью. Источник выводит Олега с севера, где он правил; однако примечательно, что его столица не названа, хотя Олег должен был иметь главный город, если осуществлял княжеские функции; более того, в самом источнике часто упоминаются названия городов: Смоленск и далее (кроме Киева и Царьграда), Новгород, Псков, Пересечень, Искоростень и т. п.¹; отсутствие названия столицы Олега не находит объяснения. Трудно поверить, чтобы источник не упомянул в этом контексте Новгорода, если бы, по традиции, Олег имел в нем главный центр власти. И еще одна деталь может указать на то, что помещение Олега в Новгород произошло под влиянием более поздних историографических комбинаций, в которых, между прочим, была установлена связь Олега с Рюриком, а Рюрик посажен в Новгороде². Речь идет о месте захоронения Олега. По древнейшей редакции летописи, реконструированной Шахматовым, Олег умер от укуса змеи за морем³. Эта легенда

¹ Там же, с. 543—544.

² Первая новгородская летопись еще не сажает Олега в Новгороде, называя его лишь воеводой Рюрика, правящего в Новгороде. Более определена «Повесть временных лет», которая говорит о передаче Рюриком «княжения» Олегу, а также называет среди воинов Олега славян (ПВЛ, ч. 1, с. 20. Ср.: Шахматов А. А. Разыскания..., с. 612).

³ Шахматов А. А. Разыскания..., с. 543. Идентификация Олега с норвежцем Оддом, известным по исландской саге, фантастична (см.: Лященко А. И. Летописные сказания о смерти Олега Вещего. — ИОРЯС, 1924, т. 29, с. 254—288; Беляев Н. Т. Рюрик Ютландский и Рюрик начальной летописи. — СК, 1929, т. 3, р. 256), поскольку в ней применен ненаучный метод (отождествление героев разных вариантов одного фольклорного мотива), а также в свете анализа саг, который выявляет больший архаизм сказания об Олеге по сравнению с сагой об Одде (Stender-Petersen A. Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. Aarhus, 1934, S. 182—188). Этой фантазии не спасает и известие Иоакимовской летописи, приведенное В. Н. Татищевым, об Олеге как «урманипе» (Vernadsky G. Ancient Russia, p. 366). Татищев имел в виду норманна, а не норвежца, и его сообщение, кстати, не доказывает достоверности факта. Гипотеза о легендарности самого Олега основывается на произвольном толковании его имени* (Grégoire H. Miscellanea epica et etymologica. — Byzantion, 1936, vol. 11, p. 603.)

(по не редакция) киевская. В то же время северная редакция (при участии Никона) сообщает, что могила Олега находится в Ладоге¹. Истинность этой информации* не вызывает сомнений²; правда, позднее в самом Киеве показывали две могилы этого князя: одну на Щековице, известную уже по «Повести временных лет», другую около Жидовских ворот³, но эти легендарные, противоречащие исторической действительности вымыслы о захоронении князя вне его столицы станут понятны, если учесть популярность Олега. Если Олег умер на севере и был похоронен не в Новгороде, а в Ладоге, не является ли это указанием на его тесную связь с этим городом, а не Новгородом? Ладога была важным торговым центром, каким позднее стал Смоленск. Эти данные не дают оснований согласиться с летописью, что Олег двинулся с севера на юг как завоеватель. В летописной трактовке скорее видны отзвуки позднейших событий времени Владимира и Ярослава, которые завоевали Киев из Новгорода. Тогда вызывают сомнение слова «начаша воевати всюду». Прибытие Олега в Смоленск определяется словом «налезоша», что может означать в равной степени и «захватили» и «нашли»⁴, — может быть, летописец не решался употребить более определенное выражение, не находя подтверждений в традиции о Смоленске**. Наши наблюдения приводят к выводу, что утвердившееся в научной литературе, благодаря летописным комбинациям и позднейшим посягательствам на Киев с севера, мнение о первоначальном правлении Олега в Новгороде и его походе на Киев как завоевательном, хотя и во главе по большей части славянского войска, сомнительно. Ничто, однако, не мешает признать упоминание о смоленском этапе деятельности Олега отражением традиции, подлинность которой подтверждается отсутствием аналогий в более поздних

¹ «И иде Ольгъ Новугороду и отътуда въ Ладогу, есть могила его Ладозе» (Шахматов А. А. Разыскания..., с. 612). Ср.: НПЛ, с. 109. А. И. Лященко для подтверждения своей гипотезы хотелось бы похоронить Олега-Одда за морем в Норвегии (Лященко А. И. Указ. соч., с. 272), поэтому он считает, что «могила» обозначала курган, под которым не обязательно хоронили умершего. Но летописные тексты не оставляют сомнения, что под могилами имеются в виду места погребения. (ПВЛ, ч. 1, с. 30).

² Шахматов А. А. Разыскания..., с. 334.

³ Грушевський М. Історія України—Русі, т. 1, с. 365.

⁴ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 2. СПб., 1902, с. 297.

событиях. Из анализа источников возможно предположение, что Олег происходил из важного и более древнего, чем Смоленск, торгового центра, каким была Ладога (в которой он и был похоронен), а потом перешел в Смоленск¹, который вскоре (в начале X в.) превратился в еще более важный центр Руси. Отсюда вытекает, что к Киеву его толкали торговые цели. С этой точки зрения он скорее напоминал Само, а не Свена Вилобородого или Кнута. Не отражением ли торговых интересов Олега стало упоминание в традиции (которой мы скоро займемся) взятия Киева, по прибытии в который его люди выдали себя за купцов*. Торговые интересы продолжали занимать его и в Киеве, ими определились походы на византийские владения и договор, заключенный с Византией. Этот князь имел скандинавское имя, но трансформировавшееся под славянским влиянием², что свидетельствует об ассимиляции, вероятно, уже не первого поколения скандинавов в славянской среде.

Признавая «новгородское происхождение» Олега, нельзя забывать, что предположение о его деятельности в Ладоге носит гипотетический характер, и не исключено, что уже в середине XI в. летописцы считали его (другое дело, насколько правильно) новгородским князем, ведущим политику завоевания из своего города.

Наконец, третье известие касается появления варягов в Киеве и, согласно реконструированной Шахматовым древнейшей редакции, звучит так **:

«И отътоле поидоша вънизъ по Дънепру, и придоша къ горамъ Кыевскимъ, и узреша городъ Кыевъ, и испыташа, кѣто въ немъ кѣняжить. И реша: «дѣва брата, Асколдъ и Диръ». Олегъ же потай воя своя въ лодияхъ, и съ малѣмъ дружины излезоша на брегъ подѣ Угърскимъ, творящеся гостѣми, и съзъваша Асколда и Дира. Сълезъшема же има, выскакаша прочии вои из лодии на брегъ и убиша Ас-

¹ Мое предположение о пребывании и деятельности Олега в Смоленске имеет слабую сторону, так как этот город отсутствует в списке «Повести временных лет» (907 г.) городов, зависимых от Киева. — Łowmiański H. Początki Polski, t. 5, s. 208). *Прим. авт.*

² О том, что оно имело славянскую форму уже в IX—X вв., говорит договор с Византией 911 г. (ПВЛ, ч. 1, с. 25). Первоначальная форма у славян, очевидно, была *Альг*. — Томсен В. Начало русского государства, с. 125.

когда и Дира, и песоша на гору и погребоша я.
И седе Ольгъ кнѣжа Кыеве; и беша у него мужи
Варязи, и отътоле прозъвашася Русию»¹.

Этот текст в Новгородской первой летописи был передан со вставками, вызванными интересами правящей династии и заключающимися во введении на сцену Игоря. Их исключение Шахматовым не вызывает сомнений².

В этом известии, датировка которого не отличается от предшествующего, место действия переносится в Киев, в среду, из которой летопись черпала позднее свои данные. Отсюда проистекает больший интерес источника к событиям и включение большего числа подробностей. Прежде всего, следует установить, из кого состояло войско, бывшее под командованием Олега. Шахматов предполагал, что из варягов, но в том смысле, какой это понятие имеет в первом из рассматриваемых известий, т. е. не только варягов, но и славян, которые приняли название варягов³. Действительно, в понимании летописцев, начиная с Никона, Олег стоял во главе разноплеменных сил, поскольку «Повесть временных лет» утверждает, что, выходя из Смоленска, он взял с собой «воев многих: варягов, чудь, словен, мерю, весь, кривичей»⁴. Информаторы Никона считали, что под командованием этого князя были, кроме варягов, по крайней мере словене⁵. Однако как летописные данные, так и интерпретация названия варягов у Шахматова опираются на представление, что Олег был новгородским князем, хотя это и не доказано. Исследуемое известие коротко называет в его войске только варягов, под которыми источник XI в. (Никон) понимал норманнов, не включая в это понятие славян⁶. Поэтому интерпретация названия «варяги», данная Шахматовым, не верна. Думаю, что в исследуемом известии под варягами в войске Олега понимались не все воины, во главе которых он прибыл в Киев, а только те, которые,

¹ Шахматов А. А. Разыскания..., с. 541—542.

² НПЛ, с. 107; Шахматов А. А. Разыскания..., с. 323.

³ Там же, с. 319.

⁴ ПВЛ, ч. 1, с. 20. В Начальном своде было: «и беша у него [Игоря, которого сопровождал как воевода Олег.— Х. Л.] Варязи мужи Словене» (НПЛ, с. 107; ср.: ПВЛ, ч. 1, с. 20).

⁵ Шахматов А. А. Разыскания..., с. 612.

⁶ Иначе не объяснить, зачем Никон вписал славян рядом с варягами. Что касается Степдер-Петерсена, который полагал, что варяги — это вообще дружинники, см. ниже.

не будучи *русью*, приняли это название в Киеве, оставшись в нем, так же как сто лет спустя часть варяжского отряда Владимира Святославича осталась после захвата Киева под его непосредственным командованием, хотя хотели остаться практически все¹. Славянские воины, вероятно смоленские кривичи, вернулись после окончания похода в родные места, а название *русь* взяли в основном варяги, и только о них вспоминает источник.

Однако самое важное для нас то, что исследуемое известие не содержит указаний на столкновение между войском Олега и киевскими силами. Это молчание симптоматично, и для лучшего его понимания припомним случаи насильственного вокняжения в Киеве, хорошо знакомые автору этого известия, писавшему во времена Ярослава². Известны два основных способа захвата Киева новым князем: 1) путем военного столкновения, 2) без битвы, при помощи заговора против предшествующего князя. Первый способ характеризует борьбу за Киев, которая происходила после смерти Владимира между Ярославом и Святополком. Киев три раза переходил из рук в руки, и позднейший летописец подробно описывал кульминационные моменты борьбы — битвы между противниками³. Второй способ, описанный в древнейшем своде, был применен в борьбе между Владимиром, тогда еще новгородским князем, и Ярополком, киевским князем, в 978 г. (позднее дата изменена на 980 г.). В этом случае до битвы не дошло. Ярополк бежал из Киева, а позднее был коварно убит. Автор древнейшего свода всю вину за

¹ ПВЛ, ч. 1, с. 56.

² М. Н. Тихомиров полагал, что свод составлен при Святополке (1015—1019), поскольку в нем видно отрицательное отношение к Владимиру (но лишь до крещения). Между этой датой и предложенной нами нет большой разницы. Против времени правления Святополка говорит то обстоятельство, что оно было очень неспокойным и не способствовало развитию историографии.

³ В 1015 г. Ярослав идет походом на Святополка: «...и поидоша противу собе и съступишася на месте близъ Любъча. Бысть сеча зъла... и одалати нача Ярославъ» (Шахматов А. А. Разыскания..., с. 576). В 1018 г. Болеслав Храбрый идет вместе со Святополком на Ярослава: Болеслав «въседъ на конъ, въбръде въ реку, и по немъ вои его. Ярославъ же не утягну испълчитися, и победи Болеславъ Ярослава» (там же, с. 577). После выхода Болеслава из борьбы Ярослав возобновил войну со Святополком (1019 г.): «...бысть сеча зъла, якакже не была въ Руси; и за руки емлющеся сечахуся... къ вечеру же одоле Ярославъ, а Святопѣлкъ бежа» (там же, с. 578).

неудачи Ярополка перекладывает на предателя-советника, его воеводу Блуда, однако это объяснение неудачно. Из описания событий мы убеждаемся, что победу Владимиру принес перевес сил, а также колебание киевлян, которые хотя и не хотели выступать открыто против Ярополка, но и не оказали ему решительной поддержки¹. В случае с Олегом очевиден второй способ захвата Киева. Ни древнейшая редакция, ни следующие, вплоть до «Повести временных лет» включительно, ни словом не упоминают о битве, хотя свежая память о борьбе Ярослава со Святополком подсказывала введение соответствующего эпизода в рассказ об Олеге. Препятствием для такого дополнения, вероятно, служила традиция, хотя в других случаях различные детали, биографические (об Игоре), топографические (о могилах Аскольда и Дира), а также анекдотические², охотно включались в рассказ. О битве не помнили, тогда как ее следовало бы помнить прежде всего, если бы она имела место. Но если не битва решила успех, то какие же факторы обеспечили Олегу не только безнаказанность за убийство князей, но и киевский трон? Так же, как в случае Владимира и Ярополка, теоретически было две возможности. Во-первых, Олег мог располагать настолько превосходящими силами, что киевские князья не смогли ему противостоять, а киевляне предпочли сохранить нейтралитет. Во-вторых, Олегу могла сочувствовать какая-то часть киевлян, враждебно настроенная к предшествующим князьям. «Повесть временных лет» придерживается первой из этих возможностей, говоря, что у Олега были значительные славяно-финно-варяжские силы. Однако этому противоречит сообщение, что для захвата власти Олег был вынужден прибегнуть к хитрости, а не одержать верх в битве. Силы князя должны были быть скромными, и это одна из причин, почему мы не можем связывать его с Новгородом, который в случае нужды мог предоставить своим князьям значительное войско. Но не следует и ограничивать войско Олега, с которым он пошел на Киев, только варяжскими наемниками, вероятно, его сопровождали также смоленские кривичи. Однако они, как свидетельствуют поздней-

¹ Там же, с. 552—554; ПВЛ, ч. 1, с. 54—55.

² Таковым является упоминание о военной хитрости Олега. Этот сюжет, известный еще на Древнем Востоке, пришел на Русь из Византии при посредстве варягов (Stender-Petersen A. Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik, S. 105—126)*.

шие события, не играли большой политической роли в русском раннефеодальном государстве, поэтому нельзя приписывать успех Олега их помощи, не говоря уже о том, что этому противоречит источник. Тем более не мог этот князь господствовать в Киеве, опираясь лишь на подчиненных ему варягов, после того, как помогавшие ему славянские отряды вернулись домой. Вероятнее другое объяснение: Олег добился киевского трона, договорившись с местным обществом, которое имело поводы к недовольству своими князьями. После того как Олег утвердился на Руси, его варяжские воины взяли себе новое название («прозвываясь русью»), что подтверждается и другими источниками, т. е. выступали не как завоеватели, а, наоборот, ассимилировались, были поглощены окружающей средой. И сам Олег, в свете исторических данных, выступает не как узурпатор, а пользуется необычайной симпатией и почетом уже в языческие времена, он представляется народным богатырем¹*. Такую популярность мог получить князь, не только защищающий интересы Руси в победных походах, но также близкий ее славянской культуре, на что уже обращалось внимание. Он, без сомнения, принимал участие в формировании раннефеодального государства. По традиции, в его время произошло объединение двух главных политических центров Руси — Киева и Новгорода, однако исходный пункт находился не на севере, а на юге — в Киеве².

¹ О легендах, связанных с Олегом, см.: Лященко А. И. Указ. соч., с. 254—288; Stender-Petersen A. Die Varägersage..., S. 91—104. С нашей точки зрения, для исторической роли Олега существенен не мотив, вплетенный в легенду о нем, а сам факт очень раннего появления самой легенды. Источник времени Ярослава говорит о нем: «...и прозваша и Ольгъ вещи; бяху бо людие погани и невегласи» (Шахматов А. А. Разыскания..., с. 543). Отсюда вытекает, что «культ» Олега появился в языческие времена, т. е. в X в., и в славянской среде.

² «Сии же Ольгъ нача грады ставити и дани устави Варягомъ и Кривичемъ и Мери» (Шахматов А. А. Разыскания..., с. 542) уже после захвата Киева, от которого стали зависеть северные племена. Шахматов признавал, что главный государственный центр был создан в Киеве, а государственные организации на севере развивались в замедленном темпе (Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов, с. 342; Разыскания..., с. 327). Он только ошибочно приписывал роль «государствообразующего» фактора варягам.

Позднее я предложил другое решение этого вопроса. В тексте 907 г. название Новгорода отсутствует, что указывает на объединение Киева и Новгорода, скорее всего, после смерти Олега, при Игоре. — *Прим. авт.*

Таким образом, анализ исследуемой записи приводит к выводу, что нельзя говорить о норманнском завоевании Киева под предводительством Олега*. Это известие содержит и другие важные исторические факты, называя имена предшественников Олега в Киеве, Аскольда и Дира¹. Трудно сомневаться в подлинности этих имен, сохранных киевской традицией; можно только задуматься над тем, правили ли оба князя одновременно, или один за другим; вторая возможность представляется более правдоподобной, поскольку на нее указывают как традиция, которая называет их могилы в разных местах, так и арабский источник середины X в. — сочинение ал-Масуди, где приведено только одно из этих имен — Дир. Очевидно, Дир правил один, коль скоро его именем обозначено государство.

Масуди, известия которого о государстве Дира, без сомнения, относятся к периоду на несколько десятков лет более раннему, чем дата создания его произведения, сообщает ценные сведения, дополняющие исследуемое известие. Он назвал первым славянским государством (очевидно, к западу от границ Хазарии) государство ад-Дира, восхваляя его города, хозяйственное развитие, военную силу и вооружение; кроме того, он отметил, что мусульманские купцы посещают столицу этого края с различными товарами². Не исключено, что информация Масуди,

¹ Там же, с. 320. Шахматов считал возможным, что устное сказание приписывало Олегу убийство Кия, Щека и Хорива, а не Аскольда и Дира. Это невозможно, если принять во внимание, что источник взял имена Кия и его братьев не из исторических преданий, а создал их из названия Кисва**. На то, что Олег взял Киев без сопротивления и кровопролития, обращал внимание еще Эверс (Ewers J. Das älteste Recht der Russen. Dorpat, 1926, S. 28).

² См.: Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, S. 102. Хотя труд ал-Масуди «Золотые луга» создан в 947 г., содержащиеся в нем известия о славянах скорее восходят к времени пребывания писателя на южном берегу Каспийского моря до 926 г. (Brockelmann C. Al-Masudi. — In: Enzyklopedie des Islam. Leipzig, 1936, S. 464). Нельзя согласиться с мнением Левицкого (Lewicki T. Państwo Wiślan-Chorwatów w opisie al Masudiego. — SAU, 1948, t. 49, s. 26), который отвергает принятую и верную, опирающуюся на русское летописание, интерпретацию, отождествляющую ад-Дира Масуди с Диром летописи, а взамен выдвигает необоснованную гипотезу: вместо *ad-Dir* он читает [A]d[a]r и видит в этом осетинское определение (*aeldar* — «начальник, князь») князя висяп или Белой Хорватии Константина Багрянородного (Ibid., S. 31, 34). Это толкнуло Пашкевича на

почерпнутая из разных источников, не относится к одному и тому же времени и что некоторые детали в описании государства ад-Дира могли быть заимствованы из источников более позднего времени; однако остается фактом существование в конце IX — начале X в. могучего государства на Днепре, возникновение которого должно было относиться к более раннему периоду. Государство Дира, скажем, около 875 г. можно смело признать одним из важных политических центров тогдашней Восточной Европы. Подтверждением существования этого государства, более подробные данные о котором мы приведем ниже, закончим анализ трех известий древнейшего киевского свода, касающихся русско-варяжских отношений до момента вступления на киевский стол Олега.

Однако скандинавы посещали Киев, как видно, задолго до Олега, о чем свидетельствуют сами имена Аскольд и Дир, по мнению языковедов, скандинавские*. Откуда они прибыли и каким способом осели в этом днепровском городе, древнейший киевский свод не говорит. Очевидно, не могли знать этого и новгородцы, и Никон не дает объяснения этой загадке. Только в «Повести временных лет» появилось указание, что Аскольд и Дир были дружинниками Рюрика новгородского, которые по пути в Царьград задержались в Киеве и остались там править полянами¹. Можно признать комбинаторский талант Нестора, но трудно доверять таким домыслам.

Но как бы ни обстояло дело с прибытием Аскольда и Дира в Киев, в древнейшем киевском своде содержится указание еще на доаскольдово государство с центром в Киеве. Этот источник знал, что до Аскольда и Дира на земле полян господствовала местная династия, происходящая от эпонимов Киева: Кия**, Щека и Хорива:

«И по сихъ братии държати почаша родъ ихъ кѣняжение въ Поляхъ; и беша ратьни съ Деревляни и съ Угличи»².

еще более смелое чтение: l.d.j.r он читает как l.(e)d(z)j(anie). (Paszkievicz H. The Origin of Russia, p. 371). С таким же основанием можно предложить чтение *dj(e)r(ewa)*, или *деревляне*.

¹ ПВЛ, ч. 1, с. 18—19.

² Шахматов А. А. Разыскания..., с. 540. О том, что Древнерусское государство («Русская земля») существовало до Рюриковичей, см.: Насонов А. Н. К вопросу об образовании древнерусской государственной территории. — ВИ. 1953, № 12, с. 112; реп.; Пашуто В. Т. — ВИ, 1954, № 8, с. 165—169.

В подлинность существования Кия и его братьев можно верить или нет¹, для нас это безразлично. Важно то, что приведенное сообщение свидетельствует, что в первой половине XI в. в Киеве существовало представление о внутреннем возникновении Древнерусского государства, истоки которого были более древними, чем появление на Среднем Днепре норманнов. Исследуемое известие могло частично опираться на вымышленные предположения благодаря существованию в киевских топографических названиях имен этих трех эпонимов, подобно тому как изобретательность хронистов создала Крака, Леха, Чеха, Руся и много других фикций. Труднее признать фикцией упоминание о борьбе полян с соседними племенами древлян и уличей. Против подлинности этого упоминания говорит тот факт, что, согласно древнейшему киевскому своду, Игорь, вероятно, «примучил» своих соседей древлян и уличей²; тогда напрашивается предположение, не перенес ли источник в глубь истории более позднюю борьбу с этими племенами. Однако не менее правдоподобно, что продолжение борьбы с ними вплоть до X в. могло способствовать сохранению памяти о давнем происхождении этой вражды, восходящей к первой половине IX в. Понятно, что важный политический центр, имеющий богатое историческое прошлое, сохраняет его в памяти. Если киевская династия смогла пересказать отвечающие действительности, хотя сформулированные в об-

¹ Легенду о Киеве на Днепре усложняет введенный в «Повесть временных лет» дунайский элемент (ПВЛ, ч. 1, с. 11), возникший из-за существования города Киевец на Дунае. Отсюда известие о царьградском походе Кия. Здесь — источник создания летописцем легенды. Однако известие о перевозчике Кие тоже вымысел, ему напрасно доверял А. Брюкнер (Брюкнер А. Раздел из «Нестора». — Записки наукового товариства ім. Шевченка, 1925, т. 141—143, с. 4).

² Шахматов А. А. Разыскания..., с. 543; ПВЛ, ч. 1, с. 39; Рыбаков Б. А. Уличи. — КСИИМК, 1950, в. 35, с. 3—17. Б. А. Рыбаков локализует древнейшие поселения уличей в излучине Днепра (позднейшее правобережное Запорожье), откуда и пошло их первоначальное название: уленчане. Из этих поселений они под напором печенегов отошли на Стугну и заняли город Пересечень, который, по летописи, был их владением. Однако остается вопрос, могли ли уличи в конце IX — начале X в. отнять этот город у мощного Киева? Скорее, рядом с Пересечнями на Стугне и на Днестре существовал еще третий Пересечень, где-то на юге от первого. На этой территории неоднократно повторяются названия Киев и Киевец (ПВЛ, ч. 1, с. 13), Переяславль и Переяславец.

щих чертах и не всегда точные сведения об отношениях славян с варягами в IX в., нет повода сразу отбрасывать местную киевскую традицию и о борьбе с соседними племенами примерно в то же самое время. Принимая во внимание политическую роль Киева в позднейшее время, скорее можно допустить, что эта борьба была вызвана тенденцией к объединению восточнославянских земель под властью Киева. Это предположение подтверждается следующими фактами.

Около 833 г. хазары обратились к императору Теофилу с просьбой прислать зодчих для строительства крепости, ограждающей хазар от их врагов; так возник Саркел на нижнем Дону, позднейшая Белая Вежа. К сожалению, источники не указали, с чьей стороны хазарам грозила опасность, а историки не могут прийти к одному мнению по этому вопросу¹. Сомнительным представляется строительство этой крепости против печенегов², которые в первой половине IX в. находились еще на востоке от Волги³. Мало вероятно, чтобы хазарам грозили венгры⁴, поскольку они находились в зависимости от Хазарии⁵ и активно выступили на международной арене только в более позднее время. Не была противником Хазарии — из-за географического положения Саркела — и азовская Русь⁶, само существование которой в это время, кстати, представляется весьма проблематичным. Поэтому заслуживает особого внимания точка зрения Васильева, что строительство Саркела имело целью затормозить русскую экспансию⁷, с той оговоркой, что под *русью* нельзя понимать — как это делает автор-норманист — варягов, которые свирепствовали в это время на Финском заливе и которые не имели возможности выступать как самостоятельная политическая сила на Нижнем Днепре. Итак, это сообщение может служить указанием на завоевательную политику

¹ См.: Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. Cambridge, 1936, p. 109; Vernadsky G. Ancient Russia, p. 304.

² Так считал Вестберг (Вестберг Ф. К анализу восточных источников, с. 51), полагая, что уже во время строительства крепости усиливались нападения печенегов на венгров.

³ Macartney C. M. The Magyars in the Ninth Century. Cambridge, 1930, p. 72; Marquart J. Op. cit., S. 28.

⁴ Macartney C. M. Op. cit., p. 74.

⁵ Homan B. Geschichte des ungarischen Mittelalters, Bd. 1. Berlin, 1940, S. 49.

⁶ Vernadsky G. Op. cit., p. 304.

⁷ Vasiliev A. Op. cit., p. 110.

Киева в первой половине IX в. не только по отношению к другим славянским племенам, но и хазарам*. Нельзя ли допустить, что тогдашние отношения Киева с хазарами отражены в легенде¹, вероятно хазарской, внесенной в летопись Никоном, который бывал в Тмутаракани и собирал там материалы для своего труда²? Согласно этой легенде, хазары потребовали с полян дань и получили в ответ меч. Во времена Никона этот факт объясняли как предсказание будущего господства Руси над хазарами, но такая интерпретация стала актуальной только после победы над ними Святослава. Если легенда была древней и в ней отражался исторический факт, то она свидетельствовала бы о каком-то конфликте между полянами и Хазарией, с которым было бы связано строительство укрепления в Саркеле.

О причинах конфликта можно лишь строить предположения. «Повесть временных лет» сообщает о дани, выплачиваемой хазарам полянами, северянами и вятичами³, достоверный источник хазарского происхождения под-

¹ Шахматов А. А. Разыскания..., с. 539—540; НПЛ, с. 105—106.

² Об этой хазарской легенде см.: Шахматов А. А. Разыскания..., с. 426—428. Хазарский источник—«Письмо царя Иосифа»—отразил хазарскую легенду о выплате дани некоторыми славянскими племенами, в частности вятичами и северянами** (Кокорев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в., Л., 1932, с. 98). Некоторые исследователи, такие, как Гаркави, Вестберг, Шахматов, соглашались с этой интерпретацией; ее отвергает Маркварт (Markwart J. Op. cit., S. 200). Однако выплату дани вятичами подтверждает достоверный русский источник (ПВЛ, ч. 1, с. 18; Шахматов А. А. Разыскания..., с. 547). Мощь Хазарии признает Б. А. Рыбаков (Рыбаков Б. А. Русь и Хазария. — Академику В. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952, с. 76—88). Это правильный взгляд; если говорить о Хазарии третьей четверти IX в., то она была мощной державой в военном и политическом отношениях***, как это видно из византийских источников.

Принятое здесь мнение Шахматова о тмутараканском происхождении эпизода с хазарской данью в виде меча от каждого дыма требует известных оговорок. Вряд ли в Тмутаракани могло сохраниться в XI в. предание о дани, вносимой полянами, т. е. об этом факте не упоминается уже в письме царя Иосифа X в. Липы в Киеве могли помнить об этом факте. В Тмутаракани, вероятно, это конкретное известие слилось с независимым от него сюжетом о дани в виде мечей, а результатом этой контаминации был эпизод, внесенный Никоном в русское летописание. — *Прим. авт.*

³ ПВЛ, ч. 1, с. 18 (859 г.). Дань состояла из белой веревки (белки) с дыма, столько же, сколько платили варягам северные племена. Это сообщение, очевидно, следует приписать Нестору.

тверждает зависимость только двух последних племен. О зависимости полян автор «Повести временных лет» узнал, вероятно, из приведенной хазарской легенды. Есть заслуживающее доверия известие, что вятичей освободил от хазарской дани Святослав, зато об освобождении от этой дани северян древнейшие источники не сообщают, только Нестор высчитал, что это сделал Олег¹, но его известие не вызывает доверия. Хотя хазарский источник считает северян еще в середине X в. народом, платящим дань хазарам², они должны были освободиться раньше, поскольку русские источники, такие обильные со второй половины X в., не содержат этого известия. В особенности неправдоподобно, чтобы могучий Киев мог терпеть хазарское господство на противоположном берегу Днепра, во всяком случае в непосредственной близости от полян³. Тогда мы имеем право отодвинуть этот факт в IX в. Если Киев в первой половине этого столетия боролся с двумя соседними славянскими племенами на правом берегу реки, то его участие в конфликте с Хазарией на левом представляется весьма правдоподобным. В этом могла за-

¹ Очевидно, «Повесть временных лет» взяла за образец известия древнейшего свода о походах Святослава (964—966 гг.)

ПВЛ, ч. 1, с. 20

Шахматов А. А. Разыскания..., с. 547 (Ср.: ПВЛ, ч. 1, с. 47).

В лето 6392. Иде Ольгъ на Северяне, и победи Северяны, и възложи на нь дань легъку, и не дасть имъ Козаром дани платити, рекъ: «азъ имъ противенъ, а вамъ не чему».

В лето 6393. Посла къ Радимичемъ, рька: «Кому дань даєте?». Они же реша: «Козаромъ». И рече имъ Олегъ: «Не дайте Козаромъ, по мне дайте». И въдаша Ольгови по щялягу, яко же и Козаромъ даяху.

² См. выше прим. 2 к с. 147.

³ Рыбаков Б. А. Поляне и северяне (к вопросу о размещении летописных племен на Среднем Днепре). — СЭ, 1947, т. VI—VII, с. 81—105. На основании данных археологии автор передвигает поселения северян на северо-восток, на Сейм и верхнюю Ворсклу. Березовец считает, что культура с захоронениями ромепского типа относится к северянам и что это племя жило между Днепром и Десной (Berезovéc D. T. Do pytanija pro litopysnych siverjan. — Archeolohije, 1953, t. 8, s. 40)*.

И налезе Вятиче, и рече Вятичемъ: «кому дань даєте?» Они же реша: «Козаромъ по щялягу отъ рала дань даемъ» ...и приведе къ Киеву Вятиче и дань на ня възложи.

ключаться одна из причин опасности, грозящей Хазарии со стороны Киева, а также строительства крепости Саркел. Кроме того, следует считаться с военной экспансией киевлян, сопутствующей процессу формирования раннефеодального государства.

К сожалению, вышесказанное носит гипотетический характер и не может приниматься как самостоятельное свидетельство политической роли Киева в первой половине IX в. Но есть другое, значительно более выразительное указание, также свидетельствующее об активности Киева на востоке в середине IX в. Арабский историк и географ ал-Якуби (ум. в 897 или 905 г.), который провел молодость в Армении и там начал свою «Историю» (мира и халифата), доведенную до 872 г., говоря о делах наместника халифа в Армении, сообщил среди прочего о бегстве противников этого чиновника и завязанной им переписке с правителем ромеев, правителем хазар и правителем славян. Оппозиция стала собирать крупные силы, но пришла к соглашению с вновь назначенным наместником¹. Среди нескольких гипотез о том, где находился правитель славян, упомянутых ал-Якуби, представляется наиболее вероятным, что арабский автор имел в виду киевского князя² местной династии, о кото-

¹ Marquart J. Op. cit., S. 413; Lewicki T. Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny, t. 1, s. 243, 246.

² Эту удачную мысль высказал Маркварт (Marquart J. Op. cit., S. 200), однако, он заметил несоответствие этой концепции норманнской теории еще в процессе печатания работы, поэтому в конце ее (Ibid., S. 509) отождествил славянского владыку со Святополком, правившим в Хорватии с резиденцией в Кракове (См.: Macartney C. Op. cit., p. 66), не принимая во внимание, что помощь армянской оппозиции из Кракова неправдоподобна, нет также указаний об армяно-краковских отношениях в раннем средневековье. Автор мотивировал отказ от своей прежней концепции тем, что Киев в середине IX в. якобы не мог создать государства из-за венгерских нападений, а затем должен был платить дань хазарам. Эти причины не представляются обоснованными. Известие о дани, выплачиваемой полянами хазарам — и к тому же мечами, — в летопись ввел лишь Никон на основании услышанных в Тмутаракани легенд. Оно, очевидно, является эхом хазарского главенства над другими племенами, ссверянами и вятичами, а также какого-то конфликта с Киевом. Кстати, дань хазарам была небольшой и не сковывала внутренней деятельности славянских племен. Что касается мнения о якобы главенстве венгров над полянами, оно признается некоторыми историками (Vernadsky G. Ancient Russia, p. 332), однако трудно признать убедительными события, на которые при этом ссылаются. «Повесть временных лет» говорит

только о появлении венгров под Киевом во время похода на запад: «Идоша Угри мимо Киевъ горою, еже ся зоветь ныне Угорское, и пришедше къ Днепру, стаща вежами; беша бо ходяще акы се Половцы. Пришедше от востока и устремившася чересь горы великия яже прозвашася горы Угорския» (ПВЛ, ч. 1, с. 21). Упоминание о венграх под Киевом является, по Шахматову, интерполяцией утраченного и использованного Нестором западославянского источника, описывающего приход венгров в Паннонию (Шахматов в А. А. Сказание о переложении книг на славянский язык. — *Zbornik u slavu V. Jagića*. Berlin, 1908, s. 172). Эта вставка без сомнения, носит литературный характер; автор, узнав из своего источника о походе венгров на запад, связал этот факт с названием Венгерской горы под Киевом; доказательство этой связи нет. — Хотя венгерский источник, созданный по мнению некоторых исследователей в XII в., много говорит о зависимости Руси от венгров, но приводит фантастические и не заслуживающие доверия факты. (*Magistri, qui Anonymus dicitur. Gesta Hungarorum*. Budapestini, 1937, p. 42.) Венгерского вождя Альма никак нельзя отождествлять с киевлянином Олмой, который в XI в. основал церковь в Кисеве на Угорской горе (ПВЛ, ч. 1, с. 20). Олма мог происходить из венгров, отсюда могло взять начало название этого места. Но это не свидетельствует о главенстве над Киевом ни хазар, ни венгров. К сожалению, изучение русско-венгерских отношений в IX в. затрудняется не исследованностью ареала венгерского расселения этого времени*. Эти исследования продвинулись вперед, когда установили идентичность двух якобы различных территорий, которые должны были находиться на восток (Этелькёза, или «Район рек») и на запад до Днепра (Левёдия**, название, берущее начало от имени одного из вождей). Возникают трудности при локализации этой местности. Макартни локализовал ее на Азовском море, а Грегуар помещает венгерские поселения между Днестром и Серетом (*Grégoire H. Le nom et l'origine des Hongrois. — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, 1937, Bd. 91, S. 630—642) и доказывает, что в них жили около 300 лет (что проблематично). Во всяком случае, если они находились даже в черноморских степях на запад от Днепра, то граничили не с полянами, а с уличами, которые, очевидно, после ухода венгров на запад (под натиском Киева и печенегов) обосновались между Бугом и Днестром. Не представляется правдоподобным предположение, что ал-Якуби имел в виду владыку камских булгар или буртасов (*Validi Togan A. Z. Ibn Fadlan's Reisebericht*. Leipzig, 1939, S. 309), поскольку распространение на них названия славян в середине IX в. неправомочно. Они не развивали политической экспансии в широком масштабе, из которого без сомнения был принят поход в Византию уже в 860 г. Более близок к истине Левинский (*Lewicki T. Swiat slowiański w oczach pisarzy arabskich. — SAnt*, 1949/50, t. 2, s. 349), который ищет «славян» ал-Якуби среди славян, но, полагаю, несправедливо видит в них «вятичей или северян, даже западнокавказских славян, о которых говорил Ибн ал-Факим». Неизвестно, были ли у этих племен настоящие государственные образования, а северяне в середине IX в., хотя бы частично могли входить в состав Древнерусского государства.

рой упоминал древнейший киевский свод. Теоретически это мог еще быть князь подунайской Болгарии Борис¹. Однако обращение к нему армянской оппозиции вызывает сомнения: он не мог ей помочь, принимая во внимание географическое положение Болгарии (отдаленность от Кавказа) и его полную занятость другими делами — войной с Людовиком Немецким, в которой он потерпел поражение (853 г.)², а затем сербской войной³. Более того, арабские источники этого времени не называли дунайских болгар славянами⁴. Тогда сторонника армянской оппозиции надо искать не на Дунае, а, скорее, на Днепре. Развитие русской торговли в IX—X вв. в Прикаспийских странах⁵, а также активное участие армянских купцов в средневековой торговле проложили дорогу политическим отношениям между Русью и Арменией. С этой точки зрения интересно второе название Киева, переданное только одним источником (Константином Багрянородным) в форме *Σαμβάτας*^{6*}. Среди многочисленных попыток установить его этимологию⁷ самой удачной представляется гипотеза Б. А. Рыбакова, соотносящая топоним со сходным по звучанию личным именем. Не думаю, однако, что название Самбатас произошло от имени Самбат (отца

¹ О давних отношениях придунайской Болгарии с Арменией — оба государства были соседями Византийской империи — свидетельствует армянское происхождение династии Самуила (Ivanov J. Proischoď na car Samuilovija rod. — Sbornik v čest na Vasil N. Zlatarski. Sofija, 1925, S. 55—62); прибытие предков Самуила на Дунай датируется VIII в.

² «Болгары... жестоким образом двинулись против Людовика, короля Германии, но были побеждены Божьей помощью» (Bulgari... adversus Lodovicum Germaniae regem acriter permoventur, sed Domino pugnante vincuntur. — Annales Bertiniani, p. 448).

³ См.: История Болгарии, т. I. М., 1954, с. 71.

⁴ Табари, говоря в 896—897 гг. о славянах, скорее имеет в виду вообще балканских славян (Lewicki T. Świat słowiański..., s. 353). Зато позднее Масуди называет болгар уже ветвью славян (Maqart J. Op. cit., S. 342).

⁵ Рыбаков Б. А. Торговля и торговые пути. — История культуры Древней Руси. М. — Л., 1948, с. 337.

⁶ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, cap. 9.

⁷ См.: Ильинский Г. *Σαμβάτας* у Константина Багрянородного. — Юбилейний збірник на пошану академика М. С. Грушевського, т. 2. Київ, 1928, с. 166—177; Лященко А. И. Киев и *Σαμβάτας* у Константина Багрянородного. — Доклады АН СССР, 1930, № 4. Что касается хазарской «этимологии» Самбата, предложенной Бруцкусом, см.: Zajaczkowski A. Ze studiów nad zagadnieniem chazarskim. Kraków, 1947, s. 42.

Хильбудия, апта, умершего в 529 г.)¹, поскольку отсутствие на месте Киева значительного экономического и политического центра до IX в. затрудняло бы сохранение этого имени до времени Константина Багрянородного, не говоря уже о неустойчивости связи между этим аптом и Киевом. Зато привлекает внимание частое появление имени Самбат (Сумбат) среди членов армянской династии Багратидов². Поскольку Константин Багрянородный упомянул второе название Киева при описании русской торговли, представляется обоснованным допустить, что армянин Самбат осуществлял в Киеве значительные торговые операции³ и что именно купцы называли город его именем. Тогда это определение могло не распространиться в русской среде, не попасть в местные источники и со временем быть полностью забыто. Наконец, надо вспомнить, что о давних связях Киева с Арменией говорят и некоторые источники XII—XIII вв., содержащие сведения более раннего времени (X—XI вв.)⁴.

Наконец, третье и, я сказал бы, решающее указание на существование Киева как значительного политического центра уже до середины IX в. содержится в факте

¹ Рыбаков Б. А. Ранняя культура восточных славян. — Исторический журнал, 1943, № 11—12, с. 79. Позднее автор отказался от этого положения. (См.: Он же. Образование Древнерусского государства, с. 43).

² Marquart J. Op. cit., S. 434. Уже Брим связал второе название Киева с именем Самбата, однако он выдвинул неправдоподобную гипотезу о конкретных условиях, в которых произошло изменение названия: при участии Леона Армянина (ум. 814 г.) и строительстве оборонительных сооружений хазарами (Ильинский Г. Указ. соч., с. 171).

³ Это предположение считаю более правдоподобным, чем выдвинутое мной раньше, будто Самбат был основателем одного из киевских городов. (Łowmiański H. Geneza państwa kijowskiego. — SAU, 1949, t. 50, № 10, s. 596.)

⁴ Упоминание Идриси о путешествиях мусульманских купцов из Армении в Киев, без сомнения, касается более раннего времени (Lewicki T. Świat słowiański..., s. 373). Автор полагает, что оно взято у Ибн Хаукаля (X в.); Поликарп в «Печерском патерике» вспоминает о печерском монахе Агапите, современнике Антония (ум. 1072 г.), который победил в Киеве ученого армянского лекаря. Нет повода сомневаться в реальности этого известия, поскольку оно восходит к «Житию Антония» (конец XI в.), хотя и окружено легендарными подробностями (Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, с. 196; ср.: Присьелков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII в. СПб., 1913, с. 259).

большого русского похода 860 г. на Константинополь и вообще в русской экспансии на Черном море, развивавшейся, очевидно, уже в первой половине IX в. Поскольку сильный государственный центр обычно создается в результате длительного процесса концентрации власти в руках господствующих в нем сил, то истоки государственной организации в Киеве уходят, вероятно, вглубь, по времени не позднее конца VIII — начала IX в., т. е. раньше, чем началась норманнская экспансия в Европе. Не Киев обязан норманнам началом своей государственной организации, а норманны благодаря развитию государственного устройства на Руси, особенно на Среднем Днепре, нашли условия для участия в этом процессе главным образом в качестве купцов и наемных воинов.

Мы подробно рассмотрели факты, которые сохранила древнейшая русская традиция об отношениях с варягами и возникновении политического центра в Киеве. Естественно, что наши предположения, когда дело шло о деталях событий, были гипотетичны, зато твердо установлено одно общее негативное положение: варяги на Руси не выступали в роли завоевателей и создателей государства. На это указывает не только анализ источников, но и соответствие его результатов результатам исследования проникновения норманнов на земли западных славян. Об истинности этого предположения говорит также учет общих условий и сравнение деятельности норманнов в Восточной и Западной Европе, особенно в той стране, где они достигли наибольшего, хотя и временного успеха, — в Англии. Географические условия были совершенно различными. Там — страна, со всех сторон окруженная морем и тем самым со всех сторон доступная для мореплавателей, занимала небольшую территорию, немногим больше 150 тыс. кв. км (вместе с Уэльсом), и по тогдашним условиям имела большую плотность населения (1500 тыс. жителей около 1000 г.); но оставались и обширные открытые пространства, облегчающие движение отрядам нападающих; наконец, грабительскую и завоевательную деятельность облегчало отсутствие крепостей*. Иное дело на Руси; здесь край гораздо более обширный, поскольку государство занимало около 1 млн. кв. км, с гораздо меньшей плотностью населения (4,5 млн. жителей), и более лесистый, особенно на севере, откуда могло идти завоевание. Не менее существенное значение имела транспортная (речная) сеть края, выходящего на

берега Балтики только северными окраинами в районе устья Невы. В этих условиях следовало бы ожидать, что государство, основанное норманнами, будет иметь свою главную политическую базу и одновременно центр экспансии на севере, если не в Ладоге, то в Новгороде, в то время как центр государства возник в Киеве¹, в другой части восточнославянской территории, на расстоянии около 1000 км от Ладоги и на таком же от устья Двины (через Смоленск). Внутри страны варягам могла облегчить передвижение система рек, однако завоевание края с судов на практике было невозможно; в Англии мореплаватели, прибыв на остров, на месте обзаводились лошадьми и предпринимали конные захватнические походы*. Представляется справедливой точка зрения², что на Руси походы в ладьях организовывались в основном против дальних соседей: в Византию, на Каспийское море, против булгар (вожских)³, в Мазовию⁴; во время местных войн чаще проводили конные или пешие походы^{5**}. Святослав еще ребенком выступил против древлян во

¹ Пашкевич утверждает, что столицей Руси в первой половине X в. был Новгород, и только в середине века столица была перенесена в Киев (Paszkiewicz Н. Op. cit., p. 161, 171); при этом он ссылается на сведения Константина Багрянородного, который якобы называет Святослава Игоревича, сидящего в Новгороде, князем Руси. Автор в этом случае стал жертвой ошибочной интерпретации, может быть, не слишком точного английского перевода. Греческий текст не оставляет сомнений, что, по Константину, князем Руси был Игорь, а его сын Святослав правил в Новгороде (Constantine Porphyrogenitus, cap. 9). Поэтому Новгород не был столицей Руси. Из дальнейшего текста Константина Багрянородного без сомнения вытекает, что главным центром Руси был Киев, в котором *русь*, как правящая верхушка, пребывала летом, а в октябре выезжала в зависимые от нее земли, и возвращалась в Киев в апреле, после ледохода на Днепре. Обращает внимание, что император говорит о пребывании Святослава в Новгороде в прошедшем времени; это может свидетельствовать о том, что об этом факте император узнал при заключении русско-греческого договора 944 г., а в момент написания труда не был уверен, действительно ли Святослав еще правит в Новгороде.

² Рыбаков Б. А. Военное дело (стратегия и тактика). — История культуры Древней Руси, т. 1. М.—Л., 1948, с. 400.

³ Шахматов А. А. Разыскания..., с. 557. («Иде Володимерь на Българь... въ лодьях, а Торъки берегомъ приведе на конихъ...» — ПВЛ, ч. 1, с. 59.)

⁴ Шахматов А. А. Разыскания..., с. 623; ПВЛ, ч. 1, с. 103.

⁵ Очевидно, бывали исключения: воевода Претич на ладьях прибыл на помощь осажденному печенегами Киеву (ПВЛ, ч. 1, с. 48. — 968 г.).

главе конницы, и он был прекрасным наездником¹. Очевидно, конница принимала участие в межкняжеских войнах², а Владимир, готовя поход из Киева на Новгород, приказал: «требите путь и мостите мость»³, не рассчитывая на водный днепровский путь. Итак, географические условия в раннесредневековых славянских странах (где населенные местности являлись как бы островами среди моря межплеменных пустошей, покрытых лесом и болотами) облегчали оборону и затрудняли агрессию; кроме использования естественных условий в форме засек или валов для оборонительных целей, население укрепляло край сетью городов, и не зря Русь получила в рунических надписях и сагах название «страны городов», Гардарики*. Это были труднопреодолимые препятствия даже для противника, имеющего безусловный технический и численный перевес; ведь Германской империи потребовались долгие столетия, чтобы овладеть землями северо-западных славян, которые не смогли создать сильной политической организации. Только колонизация межплеменных лесов, начатая в период раннефеодальной монархии и продолженная в период феодальной раздробленности, привела к существенным изменениям в условиях ведения войн. Непонятно, каким чудом смогли бы варяги на протяжении нескольких десятилетий не только захватить путь Ладога — Новгород — Смоленск — Киев, но и подчинить прилегающие земли власти одного политического центра — Киева. Норманисты издавна пытались объяснить эту загадку старой концепцией об отсутствии политического честолюбия у славян, которые якобы охотно признавали всякую чужую власть, чтобы иметь условия для мирного существования; таким образом, норманнские завоеватели не встречали якобы отпора со стороны покорных славянских пахарей, «лапотников»⁴. Это мнение противоречит по меньшей мере ходу политических событий на западной границе славян, где они оказывали упорное сопротивление немецким феодалам; так же и восточнославянские племена в длительной борьбе обороняли свою политическую независимость от нападений извне. Мы уже приводили летописное известие о борьбе киевлян с древлянами

¹ Шахматов А. А. Разыскания..., с. 544, 546; ПВЛ, ч. 1, с. 42.

² Например, борьба Ярополка с Олегом (Шахматов А. А. Разыскания..., с. 551; ПВЛ, ч. 1, с. 53).

³ ПВЛ, ч. 1, с. 89.

⁴ Brückner A. Dogmat normański, S. 674.

и улицами; можно назвать и другие, более поздние случаи сопротивления, на которое наталкивались киевские князья в своих попытках завоевать отдельные племена¹. «Повесть временных лет» считала правилом зависимость восточнославянских племен от Киева, установленную путем завоеваний, и даже приписала Олегу ряд побед, быть может, не всегда в соответствии с исторической действительностью². Однако в принципе концепция этого источника о становлении киевской монархии при посредстве завоевания представляется частично верной, по очевидно при этом, что Киев обязан своими успехами не столько военному превосходству, сколько политике местной знати, которая, хотя бы в отдельных землях, отказывалась от самостоятельной политики, желая создать государственный аппарат с помощью Киева³. Там, где

¹ Как пример можно привести длительную борьбу киевских князей с древлянами. Она началась, по древнейшей летописи, еще до Аскольда и Дира, продолжалась в X в. Игорем, который был ими убит, как позднее писал Лев Диакон, ошибочно называя древлян германцами (*Leonis Diaconis Caloënsis Historiae libri decem*, VI, 11, PG, t. 117, 1828), и закончилась после его смерти победой Ольги над древлянами (Шахматов А. А. Разыскания..., с. 544). Вокруг борьбы с древлянами был создан цикл легенд о мести Ольги за смерть мужа (ПВЛ, ч. 1, с. 40—43). Менее громкой из-за отдаленности Киева, но может быть более упорной была борьба с вятичами. Первым их подчинил Киеву Святослав, но после его смерти они без сомнения разорвали эту связь, поскольку Владимир Святославич должен был их завоевывать снова (Шахматов А. А. Разыскания..., с. 547, 556; ПВЛ, ч. 1, с. 58). Хотя летописи молчат о ходе дальнейшей борьбы Киева с вятичами, без сомнения, она продолжалась еще долго; Владимир Мономах в своем «Поучении» вспоминает о походах против этого племени. Так же Владимир завоевал радимичей (Шахматов А. А. Разыскания..., с. 556; ПВЛ, ч. 1, с. 59), хотя киевские князья еще перед этим должны были распространить на них свою власть из-за того, что их поселения располагались на днепровском пути. Правдивость этого известия иногда несправедливо отвергается на основании того, что они были завоеваны Олегом; это возможно, но, очевидно, после смерти Святослава радимичи, как и вятичи, вышли из-под власти Киева. Наконец, перед эпохой викингов славянские племена яростно сопротивлялись кочевникам, как показывают исследования Г. Ф. Корзухиной, опирающиеся на интерпретацию археологических материалов, особенно кладов, очевидно скрываемых населением перед хазарскими наездами (Корзухина Г. Ф. К истории среднего Поднепровья. — СА. 1955. т. 22, с. 61—62).

² ПВЛ, ч. 1, с. 20; Шахматов А. А. Разыскания..., с. 395.

³ Аналогичное явление можно наблюдать, например, в отношении Новгорода и таких подвластных ему финских племен, как емь (Шаскольский И. П. Емь и Новгород в XI—XIII вв. — Ученые записки ЛГУ, 1941, вып. 10, с. 107).

зпать не соглашалась покориться, борьба с Киевом приобретала длительный и ожесточенный характер, свидетельствующий о воинственности восточнославянских племен. Такого типа борьбу, связанную с формированием раннефеодального государства, иллюстрирует летописный рассказ о Добрыне, который, увидев, что все болгарские пленные в сапогах, сказал своему племяннику Владимиру Святославичу: «Сим дани намъ не даяти, пойдемъ искать лапотниковъ»¹. Крестьяне, которые шли на войну в лаптях и не имели хорошего вооружения, были также лишены собственной организации, поэтому решающее значение в борьбе отдельных племен с центром формирующейся раннефеодальной монархии имела дружина. Но было бы ошибкой говорить на этом основании о «покорности лапотников», об отсутствии воинственного духа у славян или пренебрегать участием в борьбе, особенно с иноземными захватчиками, широких масс населения. Этому взгляду противоречат источники, сообщающие о восточных славянах и об ожесточенной борьбе за свободу у западных славян, о чем говорят немецкие хронисты, в особенности Видукинд².

Норманисты, хорошо знакомые с русскими источниками, такие, как А. Куник, высказали суждение о меньшей храбрости славян, в особенности четырех племен, зависимых от хазар (полян, радимичей, северян, вятичей), по сравнению с норманнами³. Но и это мнение вызывает серьезные сомнения: «зависимость» от хазар никоим образом нельзя представить в виде татарского ига; она не носила — судя по сведениям источников — правового и политического характера, а состояла в выплате небольшой дани типа поздних «посольских даров». Выяснилось также⁴, что военное преимущество норманнов на севере состояло в географическом положении их местожительства и в навигационных способностях; следует еще прибавить, что они приобрели богатый опыт в подготовке и проведении разрушительных и грабительских нападений. Утверждение же об их большей личной храбрости по сравнению со славянами представляется голословным. Если славяне

¹ ПВЛ, ч. 1, с. 59; Шахматов А. А. Разыскания..., с. 175.

² Grundmann H. Freiheit als religiöses, politisches und persönliches Postulat im Mittelalter. — HZ, 1957, Bd. 183, S. 34.

³ Куник А., Розеп В. Известия ал-Бекри, т. 2, с. 112.

⁴ См. выше.

уступали норманнам в опыте, то бесконечно превосходили их числом, и уже поэтому завоевание восточных славян, рассеянных среди неизмеримых лесных массивов, превышало возможности небольших отрядов, состоящих из нескольких десятков или сотен и в исключительных случаях — тысяч человек. Поэтому ведущие норманисты прошлого столетия, Погодин и Куник, высказались (хотя и нерешительно) против возможности завоевания, признавая, что варяги обосновались на Руси благодаря договору со славянами. По мнению Куника, договор был заключен не только на севере, в Новгороде, но и в Киеве; «Аскольд и Дир со своей небольшой дружиной были *сначала* слишком для того слабы, чтобы положить основание прочному господству»¹, не говоря о борьбе с хазарами. Им грозила бы опасность уничтожения в результате численного превосходства славян, прежде чем они получили бы помощь из Скандинавии. Куник признает, что киевляне по примеру словен и кривичей договорились с Аскольдом и Диром, видя в этом лучший выход из положения, чем признание власти «азиатского деспота» (аварского хана). В этой концепции есть зерно истины: приглашение на киевский стол Аскольда и Дира произошло по воле славян*, хотя автор, идя вслед за «Повестью временных лет», приписал слишком большое значение хазарам. В дальнейшем, согласно Кунику, роль норманнов на Руси возрастает. В походе на Царьград (860 г.) приняли участие *русь* (по Кунику — норманны, осевшие на Руси), заморские варяги и славяне; автор полагал, что *русь* составляла в этом войске меньшинство, но он и не утверждал, что славяне находились в большинстве. Наконец, воины *русь* создали тип «воинской касты», из которой позднее сформировалось служилое дворянство². Таким образом, автор принимал за исходный

¹ Куник А., Розен В. Указ. соч., с. 107; Погодин М. П. Исследования, замечания... и лекции по русской истории, т. 3. М., 1846, с. 21. Автор заметил: «Завоевание везде оставляло по себе следы, каких у нас не примечается, следа его не было».

² Куник А., Розен В. Указ. соч., т. 2, с. 112. Согласовать численную слабость варягов с тезисом норманнской теории о решающей роли норманнов пытался Н. Ламбин (Л а м б и н Н. Источник летописного сказания о происхождении Руси.—ЖМНП, 1874, июнь, с. 225—263; июль, с. 53—119). С одной стороны, он считал, что варяги составляли корпорацию, которая, пазываясь *русью*, эксплуатировала славян и основала государство, а с другой стороны, что это государство образовалось при помощи славян, которые

пункт деятельности норманнов на Руси заключение договора, а за конечный пункт — захват ими власти в качестве господствующего класса; норманны сыграли роль создателей киевского государства; аналогичное мнение о приходе к власти варягов изнутри высказывал и Ключевский, и многие другие авторы.

Этот вывод вызывает сомнения по двум причинам. Во-первых, он не учитывает роль знати-«мужей» в славянском обществе. Власть фактически была в их руках, без их решительного участия нельзя было прийти к соглашению с норманнами; отстранение от власти местного господствующего класса иноземцами невозможно представить себе без борьбы, а в ней «мужи» имели бы поддержку широких масс общества, которые (как показывают многочисленные примеры), как правило, выступали против завоевателей. Итак, концепция о захвате власти норманнами изнутри фактически представляет модификацию внешнего завоевания; и если мы отвергаем одну, то трудно признать другую, тем более что источники не дают ни прямых, ни косвенных указаний на внутренний норманно-славянский конфликт в Киеве; они свидетельствуют, что деятельность Аскольда и Дира, Олега, Игоря была направлена — кроме организации государственного аппарата и осуществления власти — на борьбу с другими славянскими племенами с целью их подчинения Киеву или на походы в другие страны, Византию, к Каспийскому морю.

Во-вторых, против этой концепции говорят также аналогии. Норманны имели широкое поле для организационно-политической деятельности на начальном этапе экспансии в Англии (IX в.). Но они не обнаружили тенденции к объединению Дэнло в единый государственный организм и созданию монархии. В различных пунктах Нортумбрии, Мерсии, Восточной Англии различные «короли» и норманнские ярлы* осуществляли власть каждый сам по себе. Тенденцию к государственному объединению проявляли местные силы, возглавляемые королями Уэссекса. Почему же норманны на востоке должны были

вступали в варяжские дружины, а сами варяги славянизировались. Автор видел в дружине варяжский институт. После всего этого представляется неожиданным вывод автора о славянском происхождении Древнерусского государства (там же, июнь, с. 234, 238; июль, с. 74).

иметь более зрелые политические способности? Следует признать, что идея государственного объединения восточных славян выросла на местной основе.

Это подтверждается сравнением второй фазы норманнской экспансии в Англии и на Руси, поскольку оно показывает, что идея политической централизации проявилась в датской экспансии на Западе, а не в шведской на Востоке. В Англии эта фаза принесла норманнам наивысший успех, который выразился в возведении на английский трон Кнута Великого. Датчане действовали уже не стихийно, как в предшествующий период, а планомерно, под эгидой государственной власти. На Руси варяжская экспансия в этот период иногда выражалась в форме нападений, организуемых на собственный риск некоторыми предприимчивыми ярлами, как это видно на примере Эйрика и его брата Свейна, которые действовали по крайней мере без официальной поддержки со стороны шведского короля, остающегося скорее в хороших отношениях с Русью¹. Эта форма экспансии носила характер, сходный с датской стихийной экспансией в Англии в IX в., отличаясь от нее несравненно меньшим размахом. Другая форма шведской экспансии на Руси во второй фазе была целиком подчинена инициативе русских князей, в особенности новгородских, которые использовали наемных варягов в своих войнах для захвата киевского стола, подобно тому как другие русские князья пользовались помощью печенегов или поляков². Военственным варягам были чужды политические мотивы, они имели целью немедленную выгоду, а жадностью к серебру и буйным поведением доставляли своим предводителям много забот, провоцировали против себя и русских горожан^{*}; однако князья и горожане умели умирять их своеволие³.

¹ Рыдзевская Е. А. Сведения о Старой Ладоге..., с. 53.

² Ярополк Святославич имел возможность использовать печенегов в борьбе с Владимиром, как ему советовал его верный слуга Варяжко, однако этого не сделал. Только после его поражения и смерти Варяжко бежал к печенегам и начал с их помощью бороться с Владимиром (Шахматов А. А. Разыскания..., с. 554; ПВЛ, ч. 1, с. 55.—980 г.). Иначе поступил Святополк, который в борьбе с Ярославом использовал помощь не только печенегов, но и Болеслава Храброго. Из трех соседей, помогающих русским князьям, только у Болеслава была определенная политическая цель.

³ Так, Владимир не согласился заплатить выкуп за захваченный Киев (ПВЛ, ч. 1, с. 56; Шахматов А. А. Разыскания..., с. 554). Подлинность этого сообщения опроверг Шахматов (там

Итак, обе формы шведской экспансии на Руси во второй фазе свидетельствуют о полном отсутствии инициативы со стороны шведской государственной власти*; можно ли допустить, чтобы она смогла осуществить покорение восточных славян в первой половине IX в. и сыграть в Восточной Европе роль государствообразующего фактора? С допущениями такого типа мы встречаемся в научной литературе, и как довод приводится поход короля Олава на Куронию, описанный Римбертом¹. Аргумент не представляется убедительным. Если походы организовывали отдельные ярлы, почему не мог и король организовать подобное предприятие?*** Но отсюда еще не вытекает, что вся экспансия варягов находилась под централизованным руководством, а тем более что Древнерусское государство оказалось в зависимости от Швеции. Результаты завоевательной деятельности шведов в Балтийских странах определяют и пессимистическую оценку их возможностей на Руси. И в русских, и в иных источниках господствует глухое молчание о скоординированной королевской властью деятельности варягов и вообще о какой-то активности этой власти на землях восточных славян. Характерно, что на Руси мало известным было даже название Швеции и шведов, которое было заменено названием «варяги», определяющим купцов и наемных воинов шведского происхождения, а не отряды шведского короля.

же, с. 482)***. Действительно, известие об обмане варягов князем имеет характер хотящего анекдота (см.: Stender-Petersen A. Die Varägersage..., S. 38). Не вызывает доверия и хронология (1980 г.), поскольку посылка дружинников к императору могла произойти только в период дружественных отношений с Византией, а очевидно, после войн Святослава и его смерти от рук печенегов между империей и Киевом были враждебные отношения, и еще в 987 г. Владимир считался ее врагом, как это утверждал Яхья ал-Антаки (Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца. — ЗАН, 1883, № 44, с. 23). Однако в летописном рассказе есть историческое зерно — посылка Владимиром вспомогательного отряда в Царьград, что было в 988 г. Это событие в повествовании летописца скорее и было объединено с анекдотом, который отразил недоразумения, возникавшие между русскими князьями и варяжскими наемниками. Владимир отказался от бунтующих варягов, направив их во вспомогательный отряд. Другой пример — варяжская дружина Ярослава Мудрого в Новгороде. Выведенные из терпения ее поведением, новгородцы сами расправились с ней (НПЛ, с. 174; Шахматов А. А. Разыскания..., с. 177).

¹ Nerman B. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit, S. 49.

Если датчане выступали в Англии прежде всего как колонисты и захватчики, а шведы на Руси — как купцы и наемные воины, причины этого различия форм деятельности следует искать в местных условиях, которые были не одинаковыми в обеих зонах норманнской экспансии. В Англии были открыты возможности для завоевания, но не для широкой торговли; на Руси было совсем наоборот. Викинги и варяги приспосабливались к местной конъюнктуре и на каждой из этих территорий сыграли различную роль.

Сформулированная в названии этой главы проблема ставит два вопроса: один касается происхождения названия *Русь*, т. е. его скандинавской, славянской, или иной этимологии¹, другой — значения термина *Русь*, *русин* в период формирования Древнерусского государства, поскольку не вызывает сомнений, что этот термин был многозначным и имел широкое, в том числе и территориальное, значение.

а) Происхождение названия *Русь*

Сразу следует оговорить, что если рассматривать происхождение Русского государства как результат завоевания, то и в этом случае возможность его иноземного названия нельзя преувеличивать². Происхождение назва-

¹ Дополнительная аргументация с привлечением литературы, вышедшей после публикации данной книги, содержится в статье: Ловмянский Х. Руссы и руги. — ВИ, 1971, № 9, с. 43—52. — *Прим. авт.*

Давно забытое положение о греческом происхождении названия *русь* (Мошин В. А. Варяго-русский вопрос, с. 110) недавно опять появилось в литературе. (Paszkiewicz H. The Origin of Russia, p. 143). Это название якобы происходит от слова *русый*, обозначающего цвет волос, так же как *половцы* — от *половый*. Однако эта точка зрения противоречит как языковым ('Рѹс не является исконно греческим словом), так и историческим данным, которые указывают на исконно местное происхождение названия, а не на греческое заимствование, как вытекало бы из этого положения.

² Другое дело, что установление этимологии слова *русь* значительно облегчило бы выяснение норманнского вопроса. Брюкнер выразил убеждение: «Кто верно объяснит название Руси, найдет ключ к выяснению ее первоначальной истории». Однако в ожидании этого он сам дал пример неверного истолкования этого назва-

ний — явление сложное; из-за влияния случайных факторов в истории неоднократно случалось, что завоеватели навязывали свое название покоренной стране, но часто встречаются и противоположные случаи: название завоеванной страны принималось завоевателями¹. Более того, в истории названий бывали вещи совсем неожиданные; например, средневековые авторы называли Русь Грецией, очевидно из-за общей религии и сходных знаков алфавита².

С точки зрения норманнской теории нужно считаться с двумя возможностями: или название *русь* первоначально определяло норманнов, которые действовали в Восточной Европе, а затем было перенесено также и на славян в силу их политических связей с норманнами, или же оно было местного происхождения и в определенный момент стало обозначать и тех норманнов, которые вступили в союз со славянской русью. Вторая возможность полностью согласуется с теорией внутреннего генезиса Русского государства, первая — не свидетельствует как таковая о решающей роли норманнов в этом процессе*. Можно предположить, что местное государство стало называться Русью, например, от династии норманнского происхождения, призванной местными силами, выражающей их стремления и ими же контролируемой. Тем не менее скандинавское происхождение обсуждаемого названия подчеркивало бы пусть и второстепенную, но в этом случае очень важную роль норманнов в процессе создания восточнославянского государства, в то время как доказательство древнего и местного происхождения этого

ния: «Название *русь* выводится от названия *ruotsi*, которое финны дали шведам, поскольку имена русской династии и дружинников, названия днепровских порогов являются исключительно шведскими». Таким образом, автор пытается не разъяснить древнюю историю страны, исходя из этимологии названия *русь*, а, напротив, установить происхождение названия, исходя из норманистской концепции истории страны. (Brückner A. O nazwach miejscowych. Kraków, 1935, s. 41).

¹ Например, англосаксы усвоили название Великобритании, включающее обозначение древнего этноса (бриттов); немцы же употребляли название Пруссия.

² Уже Байер обратил внимание, что Адам Бременский называл русских греками. И Матильда в известном письме к Мешко II, когда писала, что восхваляет бога по греческим текстам, очевидно, имела в виду русские тексты. (См.: Bayer G. S. Geographia Russiae. — CAS, 1747, t. 10, p. 405; Monumenta Poloniae Historica, t. 1. Lwów, 1864, p. 322.)

названия и принятия его норманнами от славян, а не славянами от норманнов развеяло бы еще одну иллюзию норманистов о вкладе скандинавских пришельцев в историю строительства Русского государства. Поэтому представляется существенным — перед обсуждением роли скандинавов в составе господствующего класса славянского общества — заняться вопросом о происхождении названия *русь*.

Одним из главных оснований концепции о скандинавском происхождении названия *русь* является известная легенда «Повести временных лет» о призвании варягов во главе с братьями Рюриком, Синеусом и Трувором северными славянскими и финскими племенами*. Исследование этой легенды значительно продвинулось вперед, подтверждено ее литературное происхождение¹; тем не менее норманисты и сейчас охотно признают, что летопись облекла в литературную форму историческое предание о происхождении *руси* из Скандинавии^{2**}. Тогда снова следует припомнить анализ этого источника, проведенный Шахматовым (позднее отвергнутый некоторыми учеными³) и доказавший, что упоминание о приглашении руси из-за моря в легенду включила «Повесть временных лет». Приведем тексты:

Новгородская первая
летопись

Идоша за море к Варягомъ и ркоша: «земля наша велика и обилна, а наряда у нас нету; да

«Повесть временных лет»

И идоша за море къ варягомъ, к руси. Сиде бо ся зваху ты варязи русь, яко се друзии зовутся

¹ Stender-Petersen A. Die Varägersage als Quelle der alt-russischen Chronik, S. 42—76. Автор вслед за Рожнецким доказывает, что на Русь эта легенда попала довольно поздно, после 1041 г. (Ibid., S. 66). Действительно, этот рассказ появился лишь в своде Никона (см. Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение, с. 93). Однако исследователи часто ссылаются на эту легенду как историческое свидетельство (Мошин В. А. Начало Руси. Норманны в Восточной Европе, с. 35; Cross S. Scandinavian Infiltration into Early Russia, p. 506; Anderson J. Schwedische Geschichte. München, 1950, S. 36).

² Stender-Petersen A. Die vier Etappen des russisch-varägischen Beziehungen, S. 141. Иного мнения придерживается Пашкевич (Paszkiewicz H. Op. cit., p. 141).

³ Stender-Petersen A. Die Varägersage..., s. 46.

пойдете к намъ княжить и владеть нами». Избравъ 3 брата с роды своими, и пояша со собою дружину многу и предивну, и приидоша к Новугороду. И седе старейший в Новогороде, бе имя ему Рюрикъ; а другой седе на Белеозере, Синеусъ; а третий въ Изборьске, имя ему Труворъ. И от тех Варягъ, находникъ техъ, прозвашася Русь, и от тех словъ Руская земля; и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжска¹.

свие, друзии же урмане и англыне, друзии гъте, тако и си. Реша русь, чюдъ, словени и кривичи и вси: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нетъ. Да поидете княжить и володети нами». И избравъ 3 братья с роды своими, и пояша по себе всю русь, и придоша; старейший, Рюрикъ, седе Новогороде, а другой, Синеусъ, на Белеозере, а третий Изборьсте, Труворъ. И отъ техъ варягъ прозвася руская земля, новгородьци, ти суть людье новгородьци от рода варяжска, преже бо беша словени².

Прежде чем приступить к рассмотрению интересующего нас известия, уделим немного внимания самой легенде, тем более что нашей обязанностью является выяснить, какие вообще данные она содержит о норманнском происхождении Руси. Об истоках этой легенды высказаны два различных мнения. По А. А. Шахматову, она была создана в славянской среде и представляла синтез местных сведений: новгородских — о Рюрике, белозерских — о Синеусе, изборских — о Труворе, оформленных эпическим мотивом, который вывел на сцену трех братьев-кня-

¹ НПЛ, с. 106.

² ПВЛ, ч. 1, с. 18; по Шахматову, третья редакция «Повести временных лет» (Ипатьевская летопись) ввела ладожскую местную легенду: «И избравъ три брата с роды своими, и пояша по себе всю Русь, и придоша къ Словеномъ первое, и срубиша город Ладого, и седе старейший в Ладозъ Рюрикъ, а другой Синеусъ на Белеозере, а третий Труворъ въ Изборьске. И отъ техъ Варягъ прозвася Руская земля. По дѣвою же лету умре Синеусъ и братъ его Труворъ, и прия Рюрикъ власть всю одинъ. И пришед къ Ильмерю, и сруби городъ надъ Волховом, и прозваша и Новъгород, и седе ту княжа, и раздая мужемъ своимъ волости, и города рубити» (ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, стб. 14).

зей¹. А. Стендер-Петерсен полагал, что легенда возникла в варяжской среде², в иноземных правящих слоях, которые в XI в.* стремились обосновать свое право на власть на Руси, доказав, что она была не узурпирована, а основана на договоре с местным обществом³. Легенда, по мнению этого автора, использовала два мотива: скандинавский, восходящий к готландской «Гута-саге»**, где рассказывается о выселении с острова трех братьев, и англосаксонский — о призвании иноземных правителей***. Соединение этих двух мотивов произошло в норманнской среде⁴, в которой были созданы сходные легенды в южной Италии (XI в.) и Ирландии (XII в.).

Хотя исследование фольклорных и литературных «бродячих мотивов» достойно внимания историков культуры и литературы, однако литературные образы не должны заслонять историческую действительность. Более близким действительности представляется взгляд, что летописание восприняло легенду не от норманнов, путешествующих между Русью, Англией, Ирландией, Сицилией, наконец, Византией, а от новгородских информаторов Никона, которые могли использовать предания норманнов, часто посещавших Русь во времена Ярослава Мудрого. На определенном этапе обобщения местный материал иногда соответствовал исторической действительности, а иногда представлял вымыслы и легенды. Связь Рюрика с Новгородом представляется сомнительной⁵, хотя поводов, чтобы отвергать историчность самого имени, как кажется, нет. Очевидно, предание (записанное лишь в 1118 г.), локализирующее деятельность Рюрика в Ладоге, согласуется с действительностью; о его достоверности говорит также связь Олега с Ладогой, что дает основание предположить, что и Рюрик, и Олег принимали участие в русско-скандинавской торговле. Не исключено, что Синеус выполнял какие-то функции в Белоозере, а Трувор — в Изборске****;

¹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, с. 311—314.

² Stender-Petersen A. Die Varägersage..., S. 56.

³ Ibid., S. 62.

⁴ Ibid., S. 75.

⁵ Ibid., S. 44; Рыдзевская Е. А. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе, с. 52. («Можно думать, что отправка Рюрика в Новгород после Ладоги — результат литературной обработки ладожского предания... первоначальное ладожское предание скорее всего вовсе не говорило о Новгороде, а носило чисто местный характер»).

не обязательно видеть в них купцов, они могли принадлежать к тем варягам, которым русские князья иногда давали города в кормление. Что касается упоминания в легенде о договоре между норманнами и местным обществом, то оно не было нужно господствующей династии* (как считает А. Стендер-Петерсен), поскольку ее законного права на власть на Руси в XI в. никто не отвергал и она никогда не выступала в роли завоевателей, как норманны в Италии или в Ирландии.

Перейдем теперь к известию о прибытии руси из-за моря. Исходя из сравнения текстов, мы считаем, вслед за Шахматовым, что известие о скандинавском племени русь ввела в текст только «Повесть временных лет»; его не было в предшествующих сводах (в так называемом древнейшем киевском своде Никона около 1072 г. и в начальном — 1093 г.). Отсюда вытекает, что слова новгородской летописи «прозвашася Русь, и от тех словес Руская земля» являются позднейшей интерполяцией, внесенной в текст только новгородским летописцем, который использовал свод 1093 г., но, как доказал Шахматов, многие места «Повести временных лет» изменял по своду 1167 г.¹ Интерполяция цитированных выше слов подтверждается упоминанием летописи о том, что варяги приняли название *русь* только в Киеве² **, которое сохранилось уже в древнейшем киевском своде и перешло от Никона в свод 1093 г., а также в Новгородскую первую летопись.

Но существует и иное истолкование рассматриваемого текста. А. Стендер-Петерсен полагал, что первоначальный текст легенды (записанный Никоном около 1072 г.) содержал как известие о приглашении руси, так и следующее далее в «Повести временных лет» географическое пояснение («яко се друзии зовутся Свие» и т. д.). Но позднейший новгородский летописец, переписывая легенду из начального свода 1093 г., отредактировал текст и, поскольку его поразило непонятное призывание руси из-за моря, исключил и его, и следующий далее список северных народов как излишний после этого сокращения.

¹ Шахматов А. А. Разыскания..., с. 396.

² НПЛ, с. 107: «И седе Игорь, княжа, в Кыеве; и беша у него Варязи мужи Словене, и оттоле прочии прозвашася Русью». Слово *прочии* — вставка на поле — в этом тексте лишнее. (См.: Шахматов А. А. Разыскания..., с. 299.) В своде 1093 г. имя Олега заменено здесь из династических соображений именем Игоря.

Редакторский талант (Emendationstalent) подвел его только в одном месте, в том самом, которое мы признаем интерполяцией. Почему летописец не исключил и этих слов, Стендер-Петерсен не объяснил. Более того, он даже не отметил, что Шахматов считал эти слова интерполяцией, и не обратил внимания на противоречие между этими словами и последующим упоминанием о принятии варягами названия *русь* только в Киеве. Сравнивая концепцию Шахматова, полностью объясняющую текст, и Стендер-Петерсена, не раскрывающую причины незавершенности переработки текста и возникающих вследствие этого противоречий, надо признать, что первая из них более убедительна.

Правда, Стендер-Петерсен привел один аргумент против концепции Шахматова: неясность причин, заставивших летописца конца XI — начала XII в. приписать варягам название *русь*, которое в то время относилось исключительно к государству со столицей в Киеве. На этой загадочной для автора детали мы остановимся ниже.

Далее встает вопрос: какая из двух летописных редакций отвечает действительности, та ли, которая говорит о скандинавском происхождении названия *русь*, или та, которая признает это название киевским. Новгородская традиция, записанная Никоном, ничего не сообщала о скандинавском происхождении этого названия; по киевской же традиции, записанной при Ярославе Мудром, варяги войска Олега приняли это название только в Киеве. Откуда получил свои сведения Нестор? Ясно, что не из киевской среды, но также нет данных об использовании в этом своде и новгородской традиции. Поэтому следует признать киевские известия достоверными, а скандинавское происхождение названия *русь* — собственной концепцией автора «Повести временных лет», где она появилась впервые. Об этом говорит и еще одна деталь, которой не учел Стендер-Петерсен¹. Нестор, хорошо знакомый с этнической географией тогдашней Европы, особенно Восточной и Северной, в географическом вступлении к «Повести временных лет» совершил явную ошибку, помещая *русь* среди германских и романских^{2*} народов. Очевидно,

¹ Stender-Petersen A. Die Varägersage..., S. 46.

² ПВЛ, ч. 1, с. 10: «Афетово бо и то колено: варязи, свец, урмане (ср.: «дочь царя из Урвегии» — filia regis de Urwege. — Annales Pegavienses. MGH SS, t. XVI. Hannoverae, 1854, p. 234), готе,

он дополнил имеющийся географический материал в соответствии со своей концепцией. Поскольку ни в первом, ни во втором случае мы не знаем источника, которым бы он мог воспользоваться, то, видимо, вся она — его собственный вымысел.

Не думаю, что Нестор, говоря о скандинавском происхождении руси¹, руководствовался политическими целями*, хотя политическая тенденциозность не раз проявлялась в русском летописании. В особенности же маловероятным представляется стремление Нестора с помощью этой версии доказать скандинавское происхождение династии, поскольку оно и так было известно и предшествовавшие летописные своды указывали на приглашение Рюрика из-за моря. С точки зрения династических целей эта версия была излишней. Вряд ли также можно говорить о желании летописца противопоставить норманнскую теорию греческим претензиям на политическое господство на Руси, так как, насколько известно, эта теория не использовалась в борьбе с Византией. Думается, что нельзя любое соображение Нестора объяснять политической тенденциозностью; при анализе трудов каждого историографа, включая и средневекового хрониста, надо принимать во внимание и такое обстоятельство, как стремление осветить прошлое при помощи логической конструкции. Очень распространенным приемом средневековой историографии было объяснять происхождение отдельных народов их миграцией из чужих краев, часто путем искусственных построений, основанных на созвучиях этнонимов**. Сама идея миграции опиралась на исторический опыт и предания; сохранялись воспоминания об общем юго-западном направлении переселения народов в конце античности; как писал Аноним из Равенны, «западные народы» (*gentes occidentales*) вышли с древнего острова Скифия, на-

русь, агняне, галичане, волхьва, римляне, немци, корлязи, вендици, фрягове и прочии...». Браун интерпретировал корлягов как *Kerlinge* (карولينги), т. е. французы. См.: Braun F. *Russland und die Deutschen in alter Zeit*. — In: *Germanika*, E. Sievers zum 75. Geburtstag. Halle (Saale), 1925. Тихомиров М. Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля», с. 69.

¹ О том, что легенда о призвании руси из-за моря была создана редактором первой редакции «Повести временных лет», т. е. Нестором, писал еще А. А. Шахматов (Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов, с. 334). Это же справедливо отметил Лихачев (Лихачев Д. С. — В кн.: ПВЛ, ч. 2, с. 94, 115). В своей статье «Руссы и руги» я доказывал, что русами назывались жители о-ва Рюген. (Ловмянский Х. Руссы и руги.) — *Прим. авт.*

зываемого Сканза (Скандинавия) ¹. Происхождение народов из другой земли считалось правилом; и поиски предков данного народа, истоков его названия, основателей его городов и т. п. из-за примитивности методов иногда приводили к фантастическим результатам. Видукинд, современник создателей русского летописания, включил в свою хронику известие о происхождении саксов от остатков македонского войска, распавшегося после смерти Александра Великого²; по Галлу, пруссы вышли из Саксонии³; Юлию Цезарю и его сестре Юлии различные авторы (Титмар, Эббон, Кадлубек) приписывали основание нескольких городов в Средней Европе, в особенности

¹ «Ее [Скифию] и Иордан, весьма сведущий космограф, именует Сканзою. Равным образом с этого острова вышли западные народы, ибо сказано в книгах, что готы и даны, а также и геицы в древности вышли из нее». (Quam (scilli. Scythiam) et Jordanus sapientissimus cosmographus Scanzan appellat. Ex qua insula pariterque gentes occidentales egressae sunt: nam Gotthos et Danos, imo simul Gepidos, ex ea antiquitus exisse legimus.—Ravennatis Anonymi Cosmographia et Gvidonis Geographica. Berolini, 1860, p. 29.)

² «К тому же об этом существуют разные мнения: согласно одним, саксы берут свое начало от датчан и норманнов, а согласно суждению других, как я слышал в юности от одного человека, говорившего об этом, от греков, либо, как говорят подобные [толкователи], саксы суть остаток Македонского войска, которое, следуя за Александром Великим, вследствие внезапной смерти последнего, рассеялось по всему миру». (Nam super hac re varia opinio est, aliis arbitrantibus de Danis Northmannisque originem duxisse Saxones, alii autem aestimantibus, at ipse adolescentulus audiivi quendam praedicantem, de Graecis, quia ipsi dicerunt, Saxones reliquias fuisse Macedonici exercitus, qui secutus Alexandrum immatura morte ipsius per totum orbem sit dispersus. — Widukindi Res gestae Saxonicae, I. 1.)*

³ «Именно, во времена Карл Великого, короля франков, когда Саксония была по отношению к нему мятежна и не принимала ни ярма его власти, ни христианской веры, народ этой страны переправился на кораблях из Саксонии и занял эту область и получил имя страны этой» [т. е. Пруссии]. (Tempore namque Karoli Magni, Francorum regis, cum Saxonia sibi rebellis existeret, nec dominacionis iugum nec fidei christiane susciperet, populus iste cum navibus de Saxonia transmeavit et regionem istam et regionis nomen occupavit. — Galli Anonymi Chronica II, 42)** Автор пишет, что взял сведения из местной традиции. Полагаю, что эта традиция состояла в переносе названия саксов на название прусского племени сасинов (см.: Plezia M. Kronika Galla na tle historiografii XII wieku. Kraków, 1947, s. 131), откуда появилось сведение о происхождении сасинов и вообще пруссов из Саксонии, как об этом писал Кентшинский (Kętrzyński W. O ludności polskiej w Prusiech niegdyś krzyżackich. Lwów, 1882, s. 21). Остальное, т. е. связь воинов Карла Великого с саксами, вероятно, принадлежит самому Галлу.

польских, таких, как Любиш, Волин, Люблин¹. Одна из характерных для схоластики этимологий встречается в труде Адама Бременского, где Русь названа (в скандинавской форме) Хунгардом, от наименования ее столицы Киева, с возведением этого названия к гуннам, которые якобы имели в Киеве свое местопребывание². Такие примеры можно увеличивать бесконечно. Подобный прием был использован и в русском летописании. Уже древнейший киевский свод приписал радимичам происхождение «от рода Ляховъ»³. Нестор не только принял эту редакцию, но и расширил ее, приписав то же происхождение и вятичам⁴. В «Повести временных лет» прежде всего находим обширные рассуждения, стереотипные для средневековой историографии, возводящие народы всего известного мира, согласно библейскому преданию, к потомкам Ноя; при этом русский летописец умело включил и славян в эту «генеалогию» народов, выделив им родину «по Дунаеву»⁵; очевидно, он полагал, что они пришли из Азии не через Кавказ, а через Балканы, поскольку в то время на этом полуострове жила значительная часть славян. Л. Нидерле справедливо утверждал, что это было ученое построение⁶, может быть заимствованное из западнославянского источника, что и доказывал Шахматов⁷. Подобную же ученую основу, без сомнения, имеет и скандинавская концепция происхождения названия *русь*. Можно представить, как формировалась эта концепция. Собирая материалы для своего труда и, очевидно, имея доступ к княжескому архиву, Нестор обнаружил и пересказал один из важнейших источников — русско-византийские договоры 911, 944 и 971 гг. в древнерусском

¹ Balzer O. Studium o Kadłubku. — In: Balzer O. Pisma pośmiertne, t. I. Lwów, 1934, s. 286.

² «Она [Русь] также называется Хунгардом, так как гунны первыми имели там местопребывание» (Haec (scil. Rus') etiam Chungard appellatur, eo quod ibi sedes Hunnorum primo fuit. — *Adami Bremensis Gesta*, Schol. 120 (116). Предполагается, что эта схолия не принадлежит Адаму.

³ Шахматов А. А. Разыскания..., с. 557.

⁴ ПВЛ, ч. 1, с. 14.

⁵ Там же, с. 11. О средневековой библейской «генеалогии» народов см.: Kürbisówna B. *Studia nad Kroniką Wielkopolską*. Poznań, 1952, s. 126.

⁶ Niederle L. *Najdawniejsze siedziby Słowian*. — *Początki kultury słowiańskiej*. Kraków, 1912, s. 3.

⁷ Шахматов А. А. Сказание о переложении книг на словенский язык. — *Zbornik u slavu V. Jagića*. Berlin, 1908, s. 172—188.

перевод¹. Он не только включил полные тексты этих документов в «Повесть временных лет», но и использовал их для сопоставления с другими источниками, коль скоро с их помощью исправил титул воеводы, ошибочно данный Олегу в начальном своде 1093 г., на правильный — князь²; более того, он попытался, как видно, реконструировать и текст договора 907 г.³* На основе тех же договоров, вероятно, он пришел к выводу о скандинавском происхождении руси. В интитуляции договоров 911 и 944 гг. Нестор прочел: «Мы от рода рускаго»...⁴ — и далее список русских послов, имена которых по преимуществу скандинавские. Пояснить эти имена ему могли потомки тех варягов, которые еще во времена Ярослава Мудрого были приглашены на службу и иногда достигали высокого положения, как, например, потомки варяга Шимона, оставшиеся в близких отношениях с Печерским

¹ Лихачев Д. С. Русские летописи..., с. 162.

² Шахматов А. А. Разыскания..., с. 338.

³ Русский поход 907 г. и русско-византийский договор того же года представляют один из наиболее темных и спорных вопросов в истории Руси X в. Достоверность самого похода была оспорена А. Грегуаром в ряде статей; напротив, Г. Острогорский пытался показать, что отсутствие известий об этом событии в византийских источниках не дает достаточных оснований для сомнений в его достоверности (Ostrogorsky G. L'Expédition du prince Oleg contre Constantinople en 907. — SK, 1940, t. 11, p. 47—61). Р. Дженкинс даже отметил возможные упоминания этого похода в хронике Симеона Логофета (Jenkins R. J. H. The Supposed Russian Attack on Constantinople in 907. — Speculum, 1949, v. 24, p. 403—406). Большое внимание походу и договору уделил Левченко (Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений, с. 97—127), доказывавший существование и похода Олега, и договора. Полагаю, что достоверность похода Олега, независимо от сведений византийских источников, не может быть опровергнута, если не доказано, что русская редакция, записанная при Ярославе Мудром, не аутентична**. Более спорной представляется конечная цель его похода на Константинополь, поскольку нападение на столицу должно было бы отразиться в византийских источниках. (Grégoire H. Réponse à l'article de G. Ostrogorsky. — Byzantion, 1939, t. 14, p. 380.) Однако указания Нестора на дату похода — 907 г. — и перечисление правивших тогда императоров (Левченко М. В. Указ. соч., с. 120) скорее свидетельствуют, что летописец нашел, — вероятно, в княжеском архиве — какие-то сведения о походе Олега. Не исключено поэтому, что в 907 г. был заключен договор (там же, с. 119), хотя бы временный, как считает Левченко***. Вместе с тем сомнительно, чтобы приведенный Нестором текст договора был подлинным: он представляет собой искусственное соединение статей, взятых из договоров 911, 944 и 971 гг.

⁴ ПВЛ, ч. 1, с. 25, 34.

монастырем¹. Выше мы уже говорили, что Нестор отнесся к договорам, хранящимся в княжеском архиве, с большим доверием и что на их основе исправлял другие источники; поэтому неудивительно, что и в этом случае он пошел по тому же пути и сделал вывод об идентичности варягов и руси, а также о прибытии руси со скандинавами и внес соответствующую поправку (или дополнение) в повесть о призвании князей вместе с дружиной из страны варягов, из-за моря.

В истории русской общественной мысли это был не единственный случай создания легенд об иноземных корнях господствующей династии. Значительно позже под влиянием не умозрительных рассуждений, как у Нестора, а политических потребностей времени появилась повесть, устанавливающая происхождение Рюрика от императора Августа. Ее целью было показать столь же блестящую генеалогию московской династии, как и Гедиминовичей, которые также якобы вели свой род из Рима².

Итак, отпадает единственный исторический довод, будто бы основанный на собственно русской традиции, о приходе руси из Скандинавии и усвоении славянами ее названия. Против северного, а в особенности шведского происхождения руси говорят и другие свидетельства источников. В письменных памятниках не только господствует глухое, но красноречивое молчание о существовании в Скандинавии племени с таким названием, но есть и прямое указание на то, что племя рос* следует искать вне Швеции. Древнейший источник, приводящий это имя в форме *rhos*, «Бертинские анналы»**, пользующийся полным доверием у исследователей, сообщает о неизвестных

¹ Патерик Киево-Печерского монастыря, с. 187. См.: Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси, с. 249; Stender-Petersen A. The Varangians and the Cave Monastery. — In: Stender-Petersen A. Varangica, p. 147.

² Эта редакция, которая возникла в 1511—1521 гг. (Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955, с. 82—109), была использована, чтобы поднять престиж великокняжеской власти, доказав ее древнее и знатное происхождение. Вероятно, редакция, составленная монахом Спиридоном (по прозвищу Сатана), который какое-то время был в Литве и находился там в заключении, противопоставлена литовской историографической традиции, выводившей литовскую шляхту вместе с правящим домом Гедимина также из Рима. Это предание было известно уже Длугошу (Jakubowski J. Studia nad stosunkami narodowościowymi na Litwie przed unią lubelską. Warszawa, 1912, s. 30—35). Такое противопоставление являлось формой литературно-политической полемики.

людях (*quosdam*), прибывших вместе с греческим посольством в Ингельгейм (на Рейне) в 839 г., «которые утверждали, что они, то есть народ их, зовутся рос» (*«qui se, id est gentem suam Rhos vocari dicebant»*). Император, выяснив причины их прибытия, установил, что «они принадлежали к народу свеонов», т. е. шведов (*«eos gentis esse Sueonum»*), и высказал подозрение, не прибыли ли они скорее с разведывательными целями, чем для установления дружбы¹. Из этого известия вытекает, что шведы появились в Ингельгейме под необычным именем, неизвестным при императорском дворе, хотя здесь и имелась информация не только о датчанах, которые уже несколько десятилетий нападали на империю, но и о шведах, посольство которых было у Людовика в 829 г. и к которым была направлена миссия св. Ансгария; император знал отчеты этой миссии². По мнению императорского двора, шведы назвались чужим именем, чтобы скрыть свои намерения; вызвало сомнение и утверждение прибывших, что они не могли возвратиться на родину из Константинополя обычной дорогой, захваченной варварами. Интересно, что в Ингельгейме не получили от грече-

¹ *Annales Bertiniani*, p. 434. Норманисты считают, что этот источник отождествляет шведов с народом *rhos* (Томсен В. Начало русского государства..., с. 41), но это неточное отождествление, поскольку в источнике говорится лишь, что люди, выдающие себя за росов, в действительности были шведами, и император пытался выяснить, почему они взяли чужое название. Гедеонов не без оснований считал, что название *rhos* определяло не шведов вообще, а тех из них, которые были посланы из Руси в Константинополь с посольством (Гедеонов С. А. Орывки из исследований о варяжском вопросе, с. 109). Куник считал это соображение Гедеонова самым веским аргументом, когда-либо приведенным против школы норманистов (Куник А., Розен В. Известия ал-Бекри, ч. 2, с. 99), однако он уклонился от дискуссии на эту тему. См.: Тивериадский Л. С. К вопросу о происхождении Руси в связи с этногенезом славян. — *ИЗ*, 1942, т. 13, с. 210.

² «Между тем, случилось так, что послы шведов пришли к известному императору Людовику». (*Interim vero contigit legatos Sueonum ad memoratum principem venisse Hludovicum. — Vita S. Anskarii*, cap. 9). Миссия направилась в Бирку, т. е. в ту область, которая поддерживала связи с Русью: «...они [Ансгарий и его спутники] пришли в порт их королевства, который называется Биркой, где были милостиво приняты их королем по имени Бьёрн». (*...ad portum regni ipsorum qui Birca dicitur, pervenerunt, ubi benigne a rege eorum, qui Bern vocabatur, suscepti sunt. — Ibid.*, cap. 11.) По возвращении миссионеры приехали к Людовику «...и с величайшим почетом принятые, рассказали...» (*et cum maxima pietatis benevolentia ab eo suscepti narraverunt... — Ibid.*, cap. 12.)

ского посольства разъяснений, которые бы могли рассеять сомнения, возникшие при императорском дворе¹. Очевидно, и в Византии название *рос*, как определение шведов, еще не укоренилось. Ни германский двор на основании своего знакомства со Скандинавией, ни византийский двор на основании своего знакомства со странами, расположенными к северу от Черного моря, не смогли объяснить, почему это название обозначало шведов. Очевидно, шведы получили его где-то на территории Восточной Европы, между Балтикой и Черным морем, причем сравнительно недавно, поскольку более удаленные соседи еще не знали об этом. Где следует локализовать русь — *ghos* первой половины IX в., мы узнаем из «Баварского географа», сочинения, составленного в середине этого столетия² *. Этот источник (вопреки Шафарику и последующим исследователям) знает лишь народы, заселявшие Среднюю и Юго-Восточную Европу, и не приводит ни одного достоверного названия на север и восток от линии Пруссия — Хазария. Непосредственно после хазар (*Caziri*) он называет *Ruzzi* **. Этот народ следует искать на границах восточных славян, где-то на север от Черного моря. Таким образом, сообщения «Бертинских анналов» и «Баварского географа» согласуются с известием «Повести временных лет» о принятии варягами названия *русь* в Киеве. Одновременно они указывают на то, что шведы начали использовать это название незадолго до 839 г.

Более поздние русские источники также подтверждают вывод, что *русь* в своем точном значении находилась на юге. Как хорошо известно, кроме более широкого понятия *русь*, охватывающего всех восточных славян, существовало более узкое, относимое к территории на Среднем Днепре с главными центрами Киевом, Черниговом и Переяславом³. Даже Новгород не принадлежал к Руси в узком смысле, когда новгородский архиепископ направлялся

¹ Хотя в ходе расследования оно оставалось в Ингельгейме, Людовик сообщил императору Теофилу о возникших сомнениях. Император обещал собрать дополнительную информацию (*Annales Bertiniani*, p. 434).

² Łowmiański H. О pochodzeniu Geografa bawarskiego, s. 31—45. Об этом названии см. выше.

³ Тихомиров М. Н. Происхождение..., с. 61; Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства; Третьяков П. Н. Восточнославянские племена, изд. 2, М., 1953, с. 210.

в Киев, о нем говорили: «Иде въ Русь»¹. Поэтому и названия от корня *рус-*, имеющиеся в Новгородской земле, анализированные Экблумом и признанные доказательством расселения скандинавов на этой территории, в действительности являются следами проникновения населения на север из Руси в узком смысле*. Может возникнуть вопрос, правильно ли предположение, что первоначальное значение названия *Русь* имело локальный характер, когда теоретически скорее можно допустить обратное, а именно что его значение сузилось**. В литературе этот вопрос поставлен; мы займемся им позднее и постараемся показать, что скорее правильна наша точка зрения.

Существует предположение, что южная Русь в момент захвата Киева Олегом была недавним образованием, причем норманнским. Оно было высказано А. А. Шахматовым, который благодаря тщательному анализу древнейшего русского летописания выявил особенно важные данные для опровержения норманнской теории, но, не осознав их истинного значения, пытался интерпретировать их в духе норманизма. Установив, что летопись не говорит ни об основании варягами государства на землях восточных славян, ни о завоевании ими словен и кривичей², Шахматов, неосознанно следуя за Куником, обратился к иностранным источникам, в первую очередь арабским (Ибн Русте и др.), говорящим об острове Рус, который он признал норманнским и локализовал в Старой Руссе (на юг от озера Ильмень), а также о правящем там кагане. Из этого сообщения был сделан вывод об образовании государства разбойничье-купеческой организацией скандинавов. Это якобы и было первое русское государство***. Необходимость обеспечить дружинников зерном заставила русов захватить Днепр, а поскольку тамошние славянские племена подчинялись хазарам, русский каган

¹ НПЛ, с. 24. Данным русских источников соответствуют известия карты ал-Кашири 1074 г. (Miller K. *Maprae Arabicae. Arabische Welt- und Länderkarten*. Stuttgart, 1931, S. 42), хотя во многих случаях она фантастична. На запад от р. Урал и на север от Каспийского моря находятся поселения *руси*, на северо-запад от нее — *сакалиба*, а от *сакалиба* на север — *араник*. На запад от *рус* и юго-запад от *сакалиба* находится *багинак* (печенеги). Эту часть карты можно считать достаточно точной, если признать, что *русь* занимает окрестности Киева, а *сакалиба* (славяне) — Новгорода.

² Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919, с. 54. Далее мы приводим выводы, касающиеся образования Древнерусского государства (там же, глава 5).

искал союза с Византией, о чем свидетельствует приезд туда русского посольства, известного по «Бертинским анналам» (839 г.). Вероятно, ради союза с Византией, русы захватили этот путь и таким образом около 840 г. основали в Киеве Древнерусское государство, второе по счету¹. Тем временем северные племена изгнали свою русь; однако, когда возникла угроза со стороны русского Киева, вызвали на помощь уже не русов, а варягов. В ходе борьбы с киевской русью образовался союз северных племен с центром в Новгороде под властью Рюрика, а во второй половине IX в. в Новгороде сформировалось варяжское государство, но при участии местной знати; благодаря поддержке славян это варяжское государство под предводительством Олега победило русское государство на юге, и в Киеве образовалось не варяжское, а третье русское государство. Таким образом, Шахматов понимал летописное известие о принятии варягами названия *русь* в Киеве как передачу названия предшествующего государства последующему². Такой вывод надо понимать как попытку Шахматова согласовать норманнскую теорию с результатами нового анализа летописей. Трудно признать ее удачной. То, что в выводах Шахматова есть гипотетические элементы, понятно, поскольку число источников IX в. невелико. Слабую сторону построения Шахматова составляют ошибочные или неправдоподобные положения, играющие существенную роль. Мало правдоподобно основание норманнами — русами государства в Киеве после его захвата около 840 г., а затем начало их борьбы с новгородскими варягами. Непонятно, почему норманны называются то русами, то варягами. Автор преувеличил роль норманнов в Восточной Европе, основываясь на данных археологии, которые, по его мнению, свидетельствовали о существовании сети скандинавских колоний³. Таким образом, нельзя признать удовлетворительным предложенное Шахматовым норманистское объяснение, почему название *русь* в момент прибытия Олега в Киев существовало на юге, а на севере его не было, хотя именно на

¹ Нельзя согласиться с доверием автора к известиям Никоновской летописи (XVI в.) о войне Аскольда и Дира против Полоцка. (Там же, с. 60.)

² Шахматов А. А. Разыскания..., с. 324. Это противопоставление давно осевшей руси вновь прибывшим варягам есть и в ранней норманистской литературе. (Томсен В. Указ. соч., с. 107)*.

³ Шахматов А. А. Древнейшие судьбы..., с. 44.

севере сохранялись названия *ruotsi* или *Roslagen*, с которыми норманисты связывают русь. К этому вопросу и надлежит теперь обратиться.

Классическая схема норманистов может быть выражена формулой: *Ro(d)slagen* → *Ruotsi* → *русь* → *Rhos*; считается, однако, что финское название Швеции — *Ruotsi* происходит не непосредственно от *Roslagen* (лежащего напротив Финляндии участка шведского побережья в Упланде), а от наименования жителей этой территории. Считается также, что *Roslagen* заменило древнейшее название области *Rother*¹, а жители этой местности назывались *rothskarlar*, *roths-maen*, *roths-byggjar*², что, по мнению одних, означало «гребцы», «мореходы», а по мнению других — «жители морских проливов»³. В финском языке, согласно правилам его развития, это название должно было приобрести сокращенную форму *Ruotsi*⁴. Трудно сомневаться, что этот вывод правилен с точки зрения языковой *, однако это не свидетельствует, что исключена возможность иной этимологии слова *русь* **. Случайности затемняют закономерности, и поэтому любое построение, стремящееся раскрыть факты прошлого как закономерности, требует учета исторической обстановки. И именно в данном случае особенно важно соотнесение с историческими данными.

Шведы не могли выступать под названием *roths-karlar* и т. п., поскольку в противном случае остались бы какие-то следы в топонимике Восточной Европы ***, а также в исторических источниках, подобно тому как существуют многочисленные следы сходных названий на Руси: варяги, кюльфинги, буряги. Между тем о *roths-karlar* письменные источники хранят глухое молчание, и материал топонимики не более красноречив. Неправдоподобно, чтобы в этот исторический период название *roths-karlar*, определяющее шведов, было передано финнами славянам в финнизированной форме *Ruotsi* → *русь*, коль скоро в это время на финских землях отсутствовала как шведская колонизация, так и торговля ****, а русско-скандинавские отношения были оживленными. В этих условиях финское

¹ Томсен В. Указ. соч., с. 84.

² Там же, с. 86; Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. 16. Heidelberg, S. 551.

³ Stender-Petersen A. Die vier Etappen..., S. 141. Автор присоединяется к точке зрения Экблума.

⁴ Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch, S. 551.

посредничество исключено. Тем самым схема *rōths-karlar* и т. п. → *Ruotsi* → *русь* не достоверна для периода викингов¹. До эпохи викингов название Рослаген не могло существовать, поскольку означало округ, несущий определенные повинности в военное время² и поэтому возникший только в условиях развитой государственной власти*. Тогда в схеме *Rodslagen* → *Ruotsi* → *русь* первая часть неправомерна. По предположению В. Томсена, первоначальное и подтвержденное источниками название этого участка побережья — *Rōther* или *Rōthin*³, но и это название, вероятно, связано с военной организацией и обозначало, по Розенкампфу, «воинов, плывущих на веслах» (*milites remigium agentes*)⁴. Допустим, однако, что название шведского побережья, от которого якобы произошло финское *Ruotsi*, первоначально имело другое значение, независимое от организационных функций государства, и посмот-

¹ Pogodin A. Les Rossi: un peuple imaginaire. — RES, 1937, v. 17, p. 77. Автор считает, что термины *rōther*, *rōths-karlar* и др. созданы самими исследователями и отрицает происхождение от них названия *русь*; зато он связывает название непосредственно со старшведской формой *Rōths* и считает, что оно должно было появиться еще до «призвания» варягов, в IV—V вв. (Погодин А. Вопрос о происхождении имени Русь. — Сборник в чест на Васил Н. Златарски. София, 1925, с. 273). Не находил прямой связи между *Roslagen* и *Ruotsi* также и Карстен. (Karsten T. E. Die Germanen. Eine Einführung in die Geschichte ihrer Sprache und Kultur. Berlin, 1928, S. 106).

² Ihre J. Glossarium Suiogothicum in quo tam hodierno usu frequentata vocabula, quam in legum patriarum aliisque aevi medii scriptis obvia explicantur..., v. 2. Upsala, 1769, col. 448. См.: Hellquist E. Svensk etymologisk ordbok, b. 2. Lund, 1939, s. 845. *Rōthin*, округ на побережье моря, называет упландский областной судейник (*Upplandslag*), составленный в 1296 г. при Биргере Магнуссоне. (Schwerin C. v. Schwedische Rechte. Weimar, 1935, S. 105). О «корабельных округах» в Скандинавии см.: Schwerin C. v. Schiffbaupflicht. — In: Reallexikon der Germanische Altertumskunde, 1918, Bd. 4, S. 115—116. Подробно этот вопрос разобрал Розенкампф (Розенкампф Г. Объяснение некоторых мест в Несторовой летописи в рассуждении вопроса о происхождении древних руссов. — Труды и летописи ОИДР, 1828, кн. 4, с. 139—166). Для норманского вопроса безразлично, содержит или нет руническая надпись на мраморном льве из Пирея (теперь в Венеции) упоминание о Рослагене (*Rōthsländ*). См.: Брим В. А. Путь из Варяг в Греки, с. 209; Arntz H. Handbuch der Runenkunde. Halle, 1935, S. 211**.

³ Томсен В. Указ, соч., с. 85.

⁴ Розенкампф Г. Указ, соч., с. 152. Автор указывает вместе с тем на источник взаимосвязи слов *Ruotsi*—*русь* с Рослаген. Й. Лодениус определял повинности округа *Rōthin* следующим образом: «Обязанность роксоланов—морские походы».

рим, какие последствия должна была повлечь за собой передача его славянам.

Восточные славяне, приближаясь к Балтике, очевидно, за несколько столетий до эпохи викингов*, переняли бы от финнов название *Ruotsi*, используемое последними для обозначения Швеции в форме *русь*¹. Исходя из этого, название *русь* служило бы им первоначально как обозначение Швеции и шведов и только в IX в. (согласно выводам Шахматова) было бы перенесено на юг и связано с окрестностями Киева. Таким образом, это название имело бы у славян, начиная с середины IX в., двойное значение: 1) Швеции и шведов, 2) территории на Среднем Днепре, а позднее — всех восточных славян. Подобные раздвоения значений встречаются не раз, как показывают, например, названия Франконии и Франции, пруссы и пруссаки и т. п. В то же время в русских источниках *русь* обозначает исключительно восточнославянские земли, исключая неудачное построение Нестора, который, однако, под русью понимал не шведов вообще, а только какую-то неопределенную их часть. Сами шведы, остающиеся на восточнославянской и даже византийской службе, охотно выступали под именем росов или русов, что и отразилось в какой-то момент в византийской и даже в арабской номенклатуре; однако восточные славяне, включая новгородцев, среди которых должны были быть сильнейшие традиции шведской *руси*, называют шведов *свеями* или чаще *варягами*. А ведь еще в первой половине IX в., согласно норманнской теории, *русь* должна была быть у восточных славян единственным однозначным термином, определяющим исключительно шведов. Такое молниеносное исчезновение названия невозможно, так как русское летописание уходит своими традициями именно в IX в. Поскольку нет каких-либо следов того, что у восточных славян слово *русь* первоначально обозначало шведов, представление о нем как об ославяненной форме *Ruotsi* не находит подтверждения, а, скорее, вступает в противоречие с историческими фактами. Таким образом, эта концепция, на вид убедительная и являющаяся одним из краеугольных камней норманнской теории, основана на этимологическом анализе и не согласуется с исторически-

¹ Оставим в стороне вопрос о семантике слова и причинах, по которым заимствованное у финнов слово *Ruotsi*, определяющее страну (Швецию), приобрело у славян значение этническое (шведы)**.

ми данными источников. Языковеды убедительно показали родство слов *русь* и *Ruotsi*¹, обоснованно считая второе более древним (аффриката -ts в эпоху викингов была неизвестна славянам²); они доказали, что переход *Ruotsi*→*русь* возможен (ср.: *Suomi*→слав. сумь)*. Но они превысили границы своих исследовательских возможностей, утверждая, что слово *русь* должно было непременно произойти из *Ruotsi*. Ведь следует еще считаться с тем, что оба названия, хотя и родственные, могли развиваться независимо одно от другого из одной основы**. Именно к такому выводу можно прийти, если отказаться, согласно историческим данным, от выведения слова *русь* из *Ruotsi*³.

Проникновение в финские языки исходной формы, из которой произошли названия и *русь* и *Ruotsi*, должно было произойти очень давно, на что справедливо указывал А. Куник⁴; причем эту форму финнам могли передать и не сами славяне. Достаточно вспомнить, что финское название Руси — *Venäjä* или «страна венедов»***, — первоначально обозначавшее, скорее всего, территорию

¹ Если бы сходство слов *русь* и *Ruotsi* было случайно, как не раз утверждали исследователи (см.: Рыбаков Б. А. Образование Древнерусского государства. М., 1955, с. 17), то норманнская теория автоматически потеряла бы один из своих аргументов; но и родство этих слов не является доказательством норманнской теории.

² Ошибочная концепция Якобсона не спасает положения (Jakobson H. Die ältesten Berührungen der Russen mit den nordostfinnischen Völkern und der Name der Russen. — Nachrichten von der königlichen Gesellschaft der Wissenschaft zu Göttingen. Philol.-hist. Kl. 1918, S. 309—312). Автор полагал, что скандинавы, продвигаясь из Руси, передали северо-восточным финским народам названия *Rots*, *Džut* в исходной форме (с -ts); в действительности же эти названия тамошним народам передали не скандинавские посредники, а их западнофинские соседи. (Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. — SBPA, 1936, Bd. IV, S. 258.)

³ Теоретически славяне могли передать финнам -и-, которое в финских языках заменяло -ou- или -ō- (Mikkola J. Die älteren Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch. Helsinki, 1938, S. 31). Однако славянское -s не могло дать в финском -ts. Поэтому переход *русь*→*Ruotsi* невероятен.

⁴ Дорн Б. Каспий, с. 437; Куник А., Розен В. Указ. соч., ч. 2, с. 99. «Имя Шведов у всех отраслей балтийских Феннов — Rotsi (диалект. Ruotsi, Ruotti, Ruossi и т. д., см. Каспий, с. 672), по всей вероятности, столь же древне, как имя «Венды» у Готов, Скандинавов и балтийских Феннов; во всяком случае, оно не позднего происхождения и в самом финском языке является иностранным словом».

западных славян¹ и, наверное не родственное этнониму *вятичи*², заимствовано финнами не от славян, а, как допускают некоторые, от готов с Вислы³, поддерживавших с балтийскими финнами оживленные торговые отношения⁴. В начале нашей эры финны, вероятно, не сталкивались непосредственно со славянами, поскольку между поселениями, занятыми обоими народами, должна была лежать область расселения балтов⁵. Только войдя в близ-

¹ На территории Польши, вероятно, жили венеда, название которых заимствовали германцы, распространяя его нередко как Иордан на всех славян; на протяжении всего средневековья это название использовалось в немецком языке для обозначения соседних славянских народов.

² Данные о венедах—венетах см.: Lehr-Splawiński T. O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian. Poznań, 1946, s. 15—18, 89; Tymieniecki K. Wenetowie, nazwa i rzeczywistość historyczna.—SAU, 1948, t. 1, s. 248—259. Нет сведений, чтобы славяне когда-либо называли себя сами венедами; сходство названий *венеда* и *вятичи* только фонетическое (а не этимологическое); второй этноним был местного, а не иностранного происхождения.

³ Так полагал Миккола (Mikkola J. L'avance des Slaves vers la Baltique.—RES, 1921, t. 1, p. 201). О пребывании готов на нижней Висле см.: Kostrzewski J. Ślady archeologiczne pobytu drużyn germańskich w Polsce w pierwszej połowie I stulecia naszej ery.—PZach, 1951, № 5/6, s. 100.

⁴ Schmiedehelm M. Über die Beziehungen zwischen dem Weichselgebiet und Estland zur römischen Eisenzeit.—CSAB, S. 395—405; Moora H. Die Vorzeit Estland. Tartu, 1932, S. 38; idem. Die Eisenzeit in Estland bis etwa 500 n. Ch.—Verhandlungen der Gelehrten estnischen Gesellschaft, 1938, Bd. 29, S. 664.

⁵ Об этом свидетельствуют в первую очередь гидронимы (См.: Buga K. Die Vorgeschiedte der aistischen (baltischen) Stämme im Lichte der Ortsnamenforschung.—Streitberg Festgabe. Leipzig, 1924, S. 22—35; Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas.—SBPA, 1932, Bd. 24, idem. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in der heutigen slavischen Ländern.—Ibid., 1934, Bd. 26). По сведениям античных авторов, балты занимали территорию между венедами-славянами и финнами, с одной стороны, выходя на Балтику, а с другой — гранича на востоке от Днепра с кочевниками, в частности антами (Тымieniecki K. Ziemie polskie w starożytności—ludy i kultury najdawniejsze. Poznań, 1951, s. 582, 591, 620). Против передвижения границы расселения балтов на восток за Днепр высказался Брюкнер (Brückner A. Budorgis.—SO, 1925, t. 3/4, p. 15), указывая на обманчивость этимологии гидронимов и связывая название *голядь* (племя, жившее на Оке) с поселением пленных, захваченных русскими в походе 1058 г. и переселенных на Оку. Последнее утверждение представляется неправдоподобным. Русь не граничила с пруссами, и поход Изяслава в 1058 г. против пруссов был случаен (ПВЛ, ч. 1, с. 109). О восточной голяди сообщается лишь в 1147 г.: «... и шедь Святославъ взя люди Голядь» (ПСРЛ, т. II, стб. 339). Сомневаюсь, чтобы груп-

жие контакты со славянами*, финны распространили название *Venäjä* на своих непосредственных соседей, восточных славян. Не исключена и другая возможность, а именно что роль посредника в передаче этого названия сыграли черноморские готы, которые могли называть венетами всех славян. Во всяком случае, финские народы окончательно совместили определение *Venäjä* с территорией восточных, а не западных славян. Можно допустить, что при посредничестве черноморских готов в финские языки попало также название, определявшее в начале нашей эры, если не раньше, округу позднейших Киева, Чернигова, Переяславля и получившее у финнов название *Ruotsi***. В пользу этого предположения говорит следующее: 1) названия *русь*, обозначающее некую славянскую территорию, и *Ruotsi*, обозначающее Швецию, восходят, скорее всего, к довикингскому времени, как это справедливо предполагал Куник; по мнению лингвистов, они генетически связаны и, как мы пытались показать выше, происходят не одно от другого, а от какого-то первичного названия; 2) территория, определяемая первичным названием, теоретически должна находиться или в Швеции, или в окрестностях Киева, а так как первая возможность исключается, следует принять другую; 3) поскольку название первоначально обозначало территорию в Среднем Поднепровье, то очевидно, что финны перенесли его на Швецию, узнав о нем от скандинавов, которые, видимо, в момент передачи названия находились на Руси в качестве воинов или купцов, что в данном случае безразлично.

Черноморские готы, которые включились в местные этнические процессы¹, участвовали в торговле, особенно с па пленных могла 89 лет сохранять обособленность и быть многочисленной. Поселение пленников скорее носило бы рассеянный характер. Также и термин «люди» по отношению к голяди указывает скорее на свободное население. Таким образом, расселение балтов также и на восток от Днепра вполне вероятно. Горюнова на основании археологических данных приходит к выводу, который соответствует данным языка, что еще в первой половине I тыс. н. э. на берегах Западной Двины и Ловати жило смешанное финно-балтское население (Горюнова Е. И. Об этнической принадлежности населения Березняковского городища. — КСИИМК, т. 65, 1956, с. 3—30). Славяне же появились на этой территории не раньше VI в.; о появлении славян в верховьях Волги до первой половины IX в. данных нет. (Там же, с. 21.)

¹ Третьяков П. Н. Восточнославянские племена..., с. 144. К сожалению, именно об остготах, которые были политически активны в Восточной Европе, сведений в источниках мало***.

Боспором и городами южного берега Черного моря¹. Многочисленные археологические находки, особенно III в. н. э., в районе Киева, Чернигова и Полтавы * свидетельствуют о торговых отношениях этого региона с империей². Однако торговые связи развивались не только в южном направлении. По археологическим данным (фибулы с эмалью) **, Эстония в римский период поддерживала торговый обмен с Поднепровьем, в особенности с окрестностями современного Киева, очевидно экспортируя на юг меха³. Грабительские набеги готов или их политические завоевания отражены, без сомнения в преувеличенной форме, в известии Иордана о государстве Германариха, включившем и территории, заселенные финскими племенами⁴ ***. В этих условиях знакомство в Эстонии с названием окрестностей Киева естественно; менее ясны причины переноса названия *Ruotsi* на Швецию. Возможно, что купцами, посредничающими между Средним Поднепровьем (Русью) и Эстонией, были готы, которых финны считали представителями *Ruotsi*. Более того, если Русь в

¹ Rostovtzeff M. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, 1922, p. 217.

² Ibid., p. 215. См. также карту распространения римских монет, которые, кстати, часто встречаются и на Волыни. См.: Третьяков П. Н. *Восточнославянские племена...*, с. 171; Brajčević M. *Cas obigu gumbškoj monety v antškomu suspi'stvi*. — *Archeologija*, 1952, t. 6, s. 74—78. Автор указывает, что с начала III в., т. е. после расселения готов в Причерноморье, римские монеты на современной Украине исчезают; однако вместе с тем он утверждает, что употребление римских монет здесь продолжалось. Можно добавить, что отсутствие в археологических находках иностранных монет еще не свидетельствует об отсутствии торговли, которая могла быть и меновой.

³ Моога Н. *Die Vorzeit Estlands*, S. 40.

⁴ Германарих «...покорил же племена: гольтескифов, тиудов, инаунксов, васинабронков, меренс, морденс, имнискаров, рогов, тадзанс, атаул, навего, бубегенов, колдов» (...habebat si quidem quos domuerat Goltthescytha Thiudos Inaunxis Vasinabroncas Merens Mordens Imniscaris Rogas Tadzans Athaul Navego Bubegenas Col-das.—Jordanis Getica, § 116). Название *Thiudos Inaunxis* может указывать на олонеккую чужд (восточный берег Ладожского озера); в *Vasinabroncas* сохранились известные по другим документам названия веси и биармов; бесспорно названы меря (*Merens*) и мордва (*Mordens*); *Imniscaris* может обозначать черемисов; остальные названия не ясны. Это известие обрисовывает территорию, не управляемую, как считал Иордан, но знакомую готам, хотя весь отрывок и в особенности определение *Thiudos* вызывает у ученых много споров (Frankе A. *Thiudi*. — In: Pauly—Wissowa. *Real-Encyclopedie*, Hbd. 11, 2 h. Stuttgart, 1936, col. 293).

готский период лежала на северных окраинах владений готов, финны могли называть все готское государство по имени этой наиболее близкой им области. Затем это название было перенесено на заморских купцов готского и вообще скандинавского происхождения и в конечном результате локализовано в Швеции, когда торговые отношения с приднепровской Русью прервались*.

Зато в устах шведов первоначальное название Руси, которое должно было иметь еще сочетание -тс (возможно, -дс)**, утраченное в славянских языках в результате ассимиляции¹, сохранило исконное значение территории славян. А. Куник выдвинул предположение, что это название первоначально определяло у шведов правящую династию на Руси, а потом, когда исчезли топонимы Гардарики и Кюльфингaland, обозначавшие Русское государство, а династия ассимилировалась в славянской среде, было перенесено на восточных славян в целом. Этому предположению противоречат такие исторические факты, как появление названия *русь* в Киеве еще до Рюриковичей, а также перечни представителей Руси в русско-византийских договорах 911 и 944 гг., позволяющие установить более широкое значение слова *русь*, не ограничивающееся одной династией. Вероятнее, что обсуждаемое название появилось в Швеции после готского периода. Черноморские готы не прерывали отношений со своей прародиной². И раз они передали название *русь* финнам, то это могло быть известно и их шведским сородичам; это название могло сохраняться в фольклорной традиции, песнях и, быть может, благодаря хотя бы случайным контактам с Причерноморьем получило новое, живое содержание в IX в. Есть две возможности происхождения таких немецких форм, как *Rûz*, *Riuz*³, явственно сходных со шведскими: или название заимствовано немцами у шведов***, или проникло в немецкий язык континентальными торговыми путями. Первая возможность представ-

¹ Vondrack W. Vergleichende slavische Grammatik. Göttingen, 1906, S. 278.

² Oxenstierna E. C. Die Urheimat der Goten. Leipzig, 1948. S. 189—191.

³ Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch, Bd. 8. Leipzig, 1893, col. 1539.

ляется более вероятной¹. Однако решение этого вопроса не имеет для нас существенного значения, оно принадлежит языковедам. Не наша задача устанавливать исходную форму и значение названия, и мы ограничимся только постановкой вопроса, не могло ли оно восходить к корню *raud* («красный», «рыжий») и указывать на какую-то особенность территории. Первоначальное название могло быть славянским², но следует считаться с тем, что в его распространении на север сыграли роль готы, а в южном направлении, может быть, иранцы³.

Греческое соответствие названия — *Ῥως* — принадлежит к его южному варианту, особенностью которого является гласный *ω*. К сожалению, в византийских источниках это название появилось поздно, только в IX в.; из античных авторов только Птолемей (II в. н. э.) называет роксоланов, связь которых с народом *Ῥως* представляется весьма проблематичной с точки зрения и языка⁴, и исторических условий, поскольку сомнительно, чтобы кочевой народ, который быстро прошел от Меотиды (Азовского моря) к нижнему Днестру⁵, мог оставить после себя такой длительный топонимический след, как название *Русь*. Не имеет отношения к данному вопросу еще более древнее

¹ Адам Бременский, тесно связанный со скандинавским миром, постоянно употребляет форму *Ruzzi*, *Ruzzia*, но также, может быть, по аналогии, употребляет и форму *Pruzzi* (*Adami Bremensis Gesta*, Schol. 14). В немецких хрониках X—XI вв. и в других немецких источниках встречается форма *Ruscia*, реже — *Rucia* («пришли послы народа Руссии» — *venerunt legati Rusciae gentis*.—*MGH SS*, t. III, p. 60; «Болеслав подчинил себе Рудию с помощью саксов» — *Bolitzlavus Ruciam auxilio Saxonum sibi subegit*. — *Ibid.*, p. 84). «Баварский географ» упоминает *Ruzzi* и *Bruzi*.

² Однако не исключено его иранское происхождение. Проф. Л. Забродский считает, что необходимо установить территорию, где находится «семья» родственных названий. Трудность состоит в том, что в результате миграции в Поднепровье исчезло много первоначальных топонимов. Гипотетический след руси мог сохраниться в названии реки Рось, упоминаемой в «Повести временных лет»: «въ граде Родни на усть Рси» (ПВЛ, ч. 1, с. 55). Поскольку русские названия с корнем *рад-*, *род-*, *руд-* могут быть связаны со словом *русь**, положение Родни на Роси, указывающее на общее происхождение обоих названий, представляется симптоматичным**.

³ Bartholomae C. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, 1904; col. 1495; *raoidita* — прилагательное «красный», «красноватый» — могло выступать в топонимах.

⁴ König E. *Zur Vorgeschichte des Namens "Russen"*. — *Zeitschrift der Deutschen Morgenländer Gesellschaft*, 1916, Bd. 70, S. 92—96.

⁵ Vernadsky G. *Ancient Russia*, p. 87.

упоминание народа *рош* в Причерноморье в «Книге Иезекииля»¹ (VI в. до н. э.), которое некоторые исследователи связывают с *русью*. Но это толкование библейского текста вызывает серьезные сомнения², а отсутствие на протяжении следующего тысячелетия сведений о руси в греческих и латинских источниках, лучше, чем Библия, информированных о ситуации в Северопричерноморском регионе, делает отождествление *рош* и *русь* еще менее вероятным*. Также слишком смелой и не соответствующей историческим данным представляется связь этого названия с одним из обозначений Волги (Ra)³. Зато первым подлинным упоминанием о руси, не вызывающим оговорок, мы готовы признать название *hros* (или *hrus*, хотя на юге первая форма более вероятна), в сирийском источнике VI в. «Церковной истории» Псевдо-Захарии^{4**}. Название *hros*, попавшее в этот источник из армянской традиции⁵, фигурирует там в конце списка кавказских народов. Упоминание об участии русов в борьбе на Кавказе 643 г. во «Всемирной истории» ат-Табари (923 г.), дошедшей до нас в персидской обработке Бал'ами (X в.), некоторые исследователи считают позднейшей вставкой⁶. Не связано с названием *русь* и упоминание *та роуσία хеландиа*, на которых император Константин Копроним совершил поход против болгар в 773 г.⁷, поскольку это были скорее «красные» а не «русские» (*роуσία*) хеландии — суда больших размеров***, тогда как *русь* использовала легкие ладьи, более того, маловероятно, чтобы

¹ Gesenius W. Thesaurus philologicus criticus linguae hebraicae et chaldaee veteris testamenti, t. 3. Lipsiae, 1853, p. 1253.

² König E. Op. cit.; Флоровский А. «Князь Рос» у пророка Иезекии (Из заметок об имени Русь). — Сборник въ чест на Василь Н. Златарски: с. 505—520.

³ Knauer F. Der russische Nationalname und die indogermanische Urheimat. — Indogermanische Forschungen, 1912—1913, Bd. 31, S. 67—88.

⁴ Die sogenannte Kirchengeschichte des Zacharias Rhetor in deutscher Uebersetzung. Leipzig, 1899, S. 253.

⁵ Пигулевская Н. В. Имя «Рус» в сирийском источнике VI в. н. э. — Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952, с. 47.

⁶ Lewicki T. Świat słowiański, s. 353; idem. Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny, t. 1, s. 127; Дорн Б. Каспий, с. X—XIV.

⁷ Theophanes Chronographia, c. 359. — Corpus scriptorum historiae byzantinae, Bonnæ, 1839, p. 691.

русь в это время доставляла подкрепления Византии¹. Таким образом, в византийских, арабских и вообще южных источниках название *русь* распространяется только с IX в. Но на этой основе было бы рискованно делать вывод, что прежде это название было неизвестно на юге или вообще не существовало. Достаточно вспомнить, как поздно появились упоминания славян (точнее, славянских этнонимов, употреблявшихся и позднее) в греко-латинском мире. О венедах в Риме узнали или по крайней мере стали писать в I в. н. э. (Плиний, Тацит); а под названием *славяне* они выступают в греческих и латинских источниках только с VI в., хотя трудно сомневаться в их древнем происхождении². Византийские источники, кроме общего названия *анты*, которое, кстати, уже в VII в. исчезло, вообще не знали восточнославянских раннесредневековых этнонимов, и только в середине X в. Константин Багрянородный перечислил ряд из них*. Это объясняется, вероятно, отсутствием политических связей и очень слабыми, скорее опосредованными, торговыми контактами; кочевники, распространившиеся в черноморских степях, затрудняли установление тесных отношений между Византией и восточными славянами. Кстати, только формирующееся феодальное государство обеспечило постоянный экспорт мехов, меда, воска, невольников. И понятно, что раннесредневековая Византия, как и арабский Восток, так поздно зафиксировали название *русь*, исключая случайное упоминание Псевдо-Захарии. Это не значит, что название *русь* не было известно до IX в. на зависимых от Византии землях, по крайней мере в Крыму. На давнее знакомство с этим названием указывает сама его греческая форма 'Ρω̃ς, которая не могла появиться в IX в., поскольку не была заимствована ни из скандинавского (раз слово *русь* не скандинавского происхождения), ни из славянского языков** (замена -у- на -ω- не имеет объяснения). Тем более исключено происхождение слова 'Ρω̃ς из финского *Ruotsi*. Тогда остается единственная воз-

¹ Томсен В. Указ. соч., с. 21. Автор обратил внимание, что слово *ρω̃σιος* в значении «русский» появилось в византийских источниках только с середины X в.

² Геденов С. Оtryвки..., с. 79. До авторов VI в., писавших о славянах или склавиниях, Иордана и Прокопия, их называл Псевдо-Цезарь, живший около V в. См. сопоставление источников, касающихся славян: Plezia M. Greckie i słowiańskie źródła do najstarszych dziejów Słowian, cz. 1. Poznań, 1952, s. 54.

мжность: Византия обязана знакомством с этим названием кочевым народам, передвигавшимся в черноморских степях *. Но эти посредники не могли быть тюркского происхождения, поскольку в их языках перед начальным *г-* появлялось *и-* (например, *Ugus*) ¹, которого нет в греческом *Ῥως*. Не могло ли поэтому слово *русь* попасть в греческий язык от одного из иранских народов в еще более раннее время (т. е. до IV в., когда в черноморских степях появились тюркоязычные гунны). В этом случае название, распространенное на протяжении столетий у греков в Северном Причерноморье, проникло бы в Византию только в IX в., в период формирования Древнерусского государства и сопутствующей этому процессу военной экспансии ².

Проблема происхождения названия *русь* требует дальнейших исследований, в особенности лингвистических. В этом этюде мы хотели лишь обратить внимание на односторонность схемы *Roslagen* (или ему подобное) → *Ruotsi* → *русь* и ее несоответствие исторической обстановке, а также на возможность локализации первоначальной руси на Днепре.

б) Значение названия *русь*

О первоначальном значении названия *русь* у восточных славян можно только делать предположения. В соответствии с нашими предшествующими наблюдениями,

¹ К науэр Ф. О происхождении имени народа русь. — Труды XI археологического съезда в Киеве, т. 2, с. 17; Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, S. 354; Томсен В. Указ. соч., с. 89.

² В своих выводах мы исходим из того, что названия *Ruotsi*, *русь*, *Ῥως* имеют общий источник; это отождествление наиболее обосновано в отношении форм *русь/рос*, поскольку их самостоятельное развитие, на возможность которого указали Брим (1923 г.) и Смал-Стоцкий (Smal-Stocky) R. Die Germanisch-deutschen Kultureinflüsse im Spiegel der ukrainischen Sprache. Leipzig, 1942, s. 79) требует счастливого стечения обстоятельств: два слова различного происхождения не только созвучны, но и определяют один и тот же объект. Это предположение смелое, но не окончательное, и мы предпочитаем искать другое объяснение. Не представляется убедительной и гипотеза, что слово *русь* было именем нарицательным и обозначало светловолосых (русых) норманнов. Зачем бы тогда его восприняли темноволосые днепровские славяне?

оно должно было быть не этническим (племенным)¹, а географическим понятием, как позднейшие Подолия, Полесье, Волинь². В период формирования Древнерусского государства на территории Руси (в географическом смысле), кроме полян, очевидно, жили и другие племена, в частности северяне³. На совместную деятельность этих двух племен указывает отсутствие в источниках достоверных известий о конфликтах между ними⁴, как между полянами, уличами и древлянами. Когда в Киеве появился «государствообразующий» центр не только полян, но и северян, он получил название не от полян, поскольку это не отвечало реальной политической ситуации, но от территории, на которой жили оба эти племени, от Руси в географическом смысле. Только тогда исконное географическое значение названия *Русь* сменилось на политическое, охватывающее сначала древнюю территорию, но проявляющее тенденцию к распространению на другие земли, подчиненные этому центру*. Процесс формирования Древнерусского государства шел довольно быстро и вел к подчинению всех восточных славян, которые стали входить в понятие *Русь*. Эти политические преобразования нашли отражение уже в источниках X в., как, напри-

¹ В этом пункте мы расходимся с интересной гипотезой Б. А. Рыбакова, который на основании археологических данных поместил на р. Рось (к югу от Киева) племя росов, ссылаясь также на упоминание Иорданом «вероломного племени росомонов» (*Rosomorum gens infida.*—*Jordanis Getica*, § 129)**. Рыбаков Б. А. Древние русы. — СА, 1953, т. 17, с. 99, 95***. Однако среди восточнославянских племен не встречается племя с таким названием. Шмидт (*Schmidt L. Die Ostgermanen. München, 1941, S. 241*), так же как и другие исследователи, скептически относился к известию Иордана о росомонах («Этот народ представляется эпически-фиктивным, так же как и его отдельные представители»); их название требует специального исследования. Не исключено, что в нем отразилась первоначальная днепровская русь, что подтвердило бы нашу гипотезу.

² От такого названия, определяющего страну (а не от идентично звучащего названия города на Буге), взяли имя воляныне—племя, известное Нестору (ПВЛ, ч. 1, с. 13). Название Волинь в территориальном значении впервые появилось в «Повести временных лет» под 1077 г.: «Всволодъ же иде противу брату Изяславу на Волинь...» (ПВЛ, ч. 1, с. 132). Трудно сомневаться в древности этого территориального названия, от которого произошел ойконим Волинь.

³ См.: Рыбаков Б. А. Образование Древнерусского государства, с. 40.

⁴ Сообщение о завоевании северян Олегом в 884 г. (ПВЛ, ч. 1, с. 24) — одна из поздних вставок «Повести временных лет».

мер, в сообщении Ибн Якуба (966 г.), а также в документе «*Dagome iudex*» (ок. 991 г.), которые указывают, что Польское государство на востоке граничит с Русью, и тем самым признают Русью не только «Русскую землю» в узком значении, но и прилегающие к ней пространства на польской границе¹. Раннее расширение понятия Русь вызвало гипотезу, будто исконно оно обозначало всех восточных славян, а его локальное значение, ограниченное ядром Русского государства (Киевской землей), было вторичным² и появилось в связи с процессом государственной децентрализации в XII—XIII вв. Однако многочисленные примеры показывают, что чаще политический центр навязывал свое название зависимым странам, даже иноэтничным (название Римской империи сохраняла еще средневековая Византия; то же подтверждают более близкие примеры Венгрии и Литвы). Еще ярче это проявлялось в раннефеодальный период, когда создавались этнически однородные государственные организмы: во Франции*, Чехии, Польше и т. п. Труднее объяснить сужение понятия *Русь* до обозначения Киевской земли (включая Черниговскую и Переяславскую) в период феодальной раздробленности, т. е. в то время, когда Киев утратил главенствующее положение и политическое первенство перешло к Ростово-Суздальской Руси. Если бы произошло ограничение понятия, то название *Русь* в узком смысле скорее появилось бы на Клязьме. Есть также ряд древнейших источников, употребляющих название *Русь* в уз-

¹ Kowalski T. *Relacja Ibrahima ibn Jakuba*. Kraków, 1946, s. 50: «С Мешко соседствуют на востоке Русь, а на севере Бурус». Сходным образом очерчивает пределы Польши «*Dagome iudex*»: «Область Пруссос, как говорят, простирается вплоть до места, которое называется Руссией, а область Руссов простирается вплоть до Кракова» (*fine Pruzzie usque in locum, qui dicitur Russe, et fine Russe extendente usque in Craccoa*. — Łowmiański H. *Imię chrzestne Mieszka I*, s. 238). С этими известиями согласуется сообщение «Кведлинбургских анналов» о смерти св. Бруно от рук язычников в 1009 г. («на пограничье России и Литвы» — *in confinio Rusciae et Lituae*. — *Annales Quedlinburgenses*. MGN, SS, t. III, p. 80). Из этих записей видно, что Русь доходила до территории пруссов, и, таким образом, земля дреговичей должна была входить в нее; с другой стороны, Владимир Святославич в 981 г. занял города Червенской Руси и Перемышль, следовательно, земли по Бугу тогда относились к Руси.

² Лихачев Д. С. — В кн.: ПВЛ, ч. 2, с. 239—244; Soloviev A. *Der Begriff Russland im Mittelalter*. — In: *Studien zur älteren Geschichte Osteuropas*, Bd. 1. Graz-Köln, 1956, S. 148.

ком смысле. К ним принадлежит в первую очередь «Баварский географ»; его термин *Ruzzi*, без сомнения, определяет не всех восточных славян, поскольку некоторые из племен фигурируют в самом списке, например, *Busani* — бужане, *Unlizi* — уличи¹. В русской традиции название Русь также соединялось с Киевом, как следует из нашей гипотезы о принятии этого названия варягами только в Киеве. Характерны упоминания летописей, противопоставляющие русь отдельным восточнославянским племенам. По новгородскому известию, Олег велел руси сделать паруса из паволок, а словенам из простого материала; когда ветер разорвал тонкие паруса, словене вернулись к старым, из грубого полотна, но более мощным². Шахматов не без основания приписал этот рассказ новгородцам³, которые, вероятно, шутливо критиковали киевлян за склонность к роскоши*. В 1018 г. летопись называет в рядах войска Ярослава: «Русь, и варягы, и словене»⁴. В легенде, записанной в XI в., древляне, убив Игоря, го-

¹ Существующие мнения о локализации этих названий см.: Horák B., Trávniček D. Descriptio civitatum ad septentrionalem plagam Danubii. — Rozprawy Československé Akademie Věd, 1956, t. 66, S. 26, 30, 44. Название *Ruzzi* авторы поместили на юге, видя в них или киевскую русь, или какой-то норманнский пункт в Крыму (что маловероятно). Русская колония (но не исключительно норманнская) должна была существовать в середине IX в. где-то в районе Крыма или вообще на северном побережье Черного моря. Однако народ *Ruzzi* я бы локализовал ни там, ни на Азовском море (Łowmiański H. Kilko uwag krytycznych o początkach Polski. — RH, 1949, t. 18, s. 364), а скорее на Среднем Днепре. Это был один из народов, живших на торговом пути из Кракова через Киев к Каспийскому морю и перечисленных источником; если расположить названия в порядке следования, то этот список таков: *Uislane*, *Lendizi* (лендзяне), *Busani*, *Unlizi*, *Ruzzi*, *Ungare*, *Caziri*. Это были крупные племена, и трудно допустить, чтобы *Ruzzi* обозначали какую-то мелкую «русскую колонию» в Причерноморье. Что касается *Unlizi*, то вряд ли их можно локализовать на территории полабских древлян (Horák B., Trávniček D. Op. cit., s. 30), поскольку ни одно из достоверных названий «Баварского географа» не относится к нижнему Полабью. Столь же неубедительна их локализация в Венцлаве на о-ве Узнам, поскольку его размеры невелики.

² Шахматов А. А. Разыскания..., с. 612; ПВЛ, ч. 1, с. 25. Лихачев Д. С. — В кн.: ПВЛ, ч. 2, с. 241. Лихачев считает, что значение названия *русь* в этом рассказе не ясно; как нам кажется, *русь* здесь означала территориальное ядро Древнерусского государства.

³ Шахматов А. А. Разыскания..., с. 334.

⁴ ПВЛ, ч. 1, с. 96.

ворят: «Се князя убихомъ рускаго...»¹ Так не могли сказать люди, считающие себя русскими.

Итак, мы согласны с теми исследователями, которые, как М. Н. Тихомиров, А. П. Насонов, Б. А. Рыбаков², считают, что название *русь*, первоначально узкое, расширяло свое значение по мере формирования Древнерусского государства.

В изменяющихся условиях формирования государства основное политическо-территориальное название, Русь, не только включало новые земли, но и обогащало свое этническое содержание; кроме полян и северян, оно охватило другие восточнославянские племена, а также те ипоэтнические элементы, которые вошли в Древнерусское государство, в том числе и шведов*. Однако в состав русского господствующего класса, длительное время сохранявшего обособленность и политическое преимущество на территории восточных славян, без сомнения, проникали многочисленные представители других восточнославянских племен, а также скандинавы. Для поддержания в повиновении зависимых земель создавались центры власти. Источники, как русские, так и иностранные, позволяют установить хотя бы некоторые из этих центров, также включаемые в понятие Русь.

Древнейший и главный центр исторически сложился в Киеве. Его происхождение освещает несколько сообщений, прямых и косвенных, о которых говорилось выше.

Согласно уже сделанным выводам, посольство некоего народа рос, которое в 839 г. паходилось в Ингельгейме, представляло Киев. На это указывает также титул пра-

¹ НПЛ, с. 110; ПВЛ, ч. 1, с. 40 (945 г.)

² Рыбаков Б. А. Древние русы, с. 28. Х. Пашкевич пришел к неожиданному выводу, что название *Русь* в X—XIII вв. обозначало лишь Киевскую, Черниговскую и Переяславскую земли, а кроме того, имело религиозное значение, обозначая признающих православие (Paszkiewicz Н. Op. cit., p. 1—25, 333—335). Мнение автора опровергает утверждение Галла Анонима, который пишет: «Полония — северная часть Славии, с востока соседствующая с Русью» (Igitur ab aquilone Polonia septentrionalis pars est Sclauonie, que habet ab oriente Rusiam. — Galli Anonymi Chronicon, I., Intr.)**. Ясно, что Русь имеет здесь политико-географическое, а не религиозное значение. Подробнее см.: Łowmiański Н. O znaczeniu nazwy «Ruś» w wieku X—XIV, s. 84—101.

вителя росов: хакан¹. Именно киевских князей титуловали «хаканом» еще в XI в.² * Вообще, в первой половине IX в. существовал только один центр Руси — Киев (если исключить небольшой черноморский центр, о котором речь дальше). Употребление титула «хакан» в 839 г. может свидетельствовать об уже развитой государственной организации³ и одновременно указывать на то, что Древнерусское государство формировалось в соперничестве с хазарским каганатом. Наименование киевского князя хаканом в 839 г. подтверждается дипломатической перепиской Людовика Немецкого с императором Василием (871 г.), из которой явствует, что, по византийскому протоколу, титул «хакан» принадлежал верховным правителям авар, хазар и норманнов⁴, под последними, очевидно, следует понимать тогдашнюю киевскую династию скандинавского происхождения, представленную Аскольдом и Диром.

¹ ...«По их словам, они были направлены к нему царем их, называемым хаканом, ради дружбы» (...quos rex illorum chasanus vocabulo ad se amicitiae, sicut asserebant, causa direxerat.—Annales Bertiniani, p. 434); Гегедеонов С. Варяги и Русь, т. 2, с. 487.

² Этот титул в середине XI в. употребил митрополит Иларион в своем «Слове о законе и благодати»: «Похвалимъ же и мы по силе нашей, малыми похвалами... великаго кагана нашеа земля Владимира...» Титул «хакан» раньше ошибочно читался как имя Хакон; эта точка зрения теперь отвергнута; чтобы доверителем посланства был швед, представляется столь же малообоснованным, как и хазарский хакан, как это предполагал Лаер (Laehr G. Die Anfänge des russischen Reiches..., S. 16, 122). О том, что хазары использовали варягов в дипломатических отношениях с Византией, как киевские князья, ничего не известно.

³ Этот титул тюркского происхождения был в то время хорошо известен на Западе (Steinmann von Pritzwald K. Der Einfluss des Autoritätsbegriffs. — Wörter und Sachen, 1929, Bd. 12, S. 241), поскольку он употреблялся аварами, как свидетельствует так называемая «Хроника» Фредегара: «Короля их, хакана» (regem eorum gaganu.—Fredegarii Chronicon, IV, 48.—MGH SRM, t. II, 1888). Но из этого сообщения не следует, что в то время в Византии титул «хакан» был признан, как считает Стендер-Петерсен (Stender-Petersen A. Das Problem der ältesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen, S. 176; idem. Die vier Etappen, S. 143); о признании этого титула Византией известно только с 871 г.

⁴ Из этой переписки известно только послание императора Людовика Немецкого, приведенное в «Chronicon Salernitanum»: «Нам неизвестно, чтобы вождя авар, хазар или норманнов или князя болгар звали хаканом, но королем или государем болгар» (Chaganum vero non praelatum Avarum, non Gasanorum aut Nortmannorum nuncupari reperimus, neque principem Vulgarum, set regem vel dominum Vulgarum. — MGH, SS, t. III, 1839, p. 523). Как видно из

Заслуживает внимания, что в одном ряду помещены правители авар (что может быть только исторической реминисценцией, поскольку Аварское государство ко времени Людовика давно перестало существовать), хазар и норманнов, что указывает на важное место киевского князя в иерархии тогдашних владетелей. Сохранились сведения, правда не очень достоверные, что уже в первой половине IX в. Русь осуществляла нападения на византийские владения¹. В 860 г. Русь совершила нападение

этих слов, Людовик, ограждая престиж императорского титула, был не склонен признавать титулатуру, употреблявшуюся в Византии, соответствующей действительности. Интересно было бы узнать, как назвал норманнов византийский император Василий? (Куник А., Розен В. Указ. соч., ч. 2, с. 42). Если именем *рос*, то почему Людовик идентифицировал его с норманнами? Существует две возможности: 1) при германском дворе помнили о шведском по национальности посольстве от народа *рос* в 839 г., 2) знали о скандинавском происхождении киевской династии.

¹ О нападениях русских на Византию первой половины IX в. известно из жизнеописаний двух византийских святых: Георгия из Амастриды (город на северном побережье Малой Азии) и Стефана Сурожского (совр. г. Судак в Крыму), исследованных Васильевским (Васильевский В. Г. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского.—ЛЗКА, 1893, т. 9, с. I—CCCV), который доказал аутентичность первого источника, сохранившегося в греческой рукописи X в. По мнению Васильевского, в этом памятнике нет вставок и анахронизмов, он был создан не позднее IX в., а некоторые детали, такие, как отсутствие упоминаний икон, свидетельствуют о его создании до 842 г., т. е. вскоре после смерти Георгия в начале IX в. (см. также: Липшиц Е. Е. О походе Руси на Византию ранее 842 г.—ИЗ, 1948, т. 26, с. 312—331). Липшиц, как и Васильевский, доказывает авторство Игнатия (митрополита в Никее с 830 г.). Поэтому можно предположить, что русские отряды достигали берега Малой Азии до 842 г. Иной характер имеет «Житие епископа сурожского Стефана» (ум. в конце VIII в.), сохранившееся в греческой и более обширной русской редакциях; эпизод о русах есть только во второй редакции, являющейся компиляцией XV в. (Васильевский В. Г. Жития..., с. CCLXXVI*). В ней рассказывается о нападении руси во главе с новгородским князем Бравлином на побережье Крыма. Васильевский (там же, с. CCXCIII) считает возможным, что название Новгорода было интерполировано, а имя Бравлин — искажение текста. Левченко (Левченко М. В. Указ. соч., с. 51) полагает, что это житие «менее надежный источник, чем житие Георгия». Зато Раух (Rauch G. v. Frühe christliche Spuren in Russland. — Saeculum, 1956, v. 7, p. 56) уверен в достоверности сведений в обоих житиях и даже допускает существование Бравлина**. Те же исследователи, которые признают известие о русском походе в «Житии Георгия» позднейшей вставкой (Louillet de Costa G. Y eut-il des invasions russes dans l'Empire Byzantin avant 860. — Byzantion, 1941, v. 15, p. 231—248), связывали его с походом Игоря

на Царьград. Этот поход опустошил пригороды столицы и произвел в Константинополе огромное впечатление, как видно из проповеди и эндиблики патриарха Фотия, а также из других источников¹. Он является свидетельством быстрого роста военной мощи и политической организации Киевского государства. Только из такого сильного центра, как Киев, а не из Крыма или Тмутаракани²

941 г., отрицая существование Древнерусского государства до 860 г.; сомнения в нападениях русских на византийские владения до 860 г. — вообще преувеличение. Столь хорошо организованный поход (как свидетельствует безнаказанность нападающих, которые ушли невредимыми) говорит о большом военном опыте руси (Lahner G. Op. cit., p. 25, 94; Левченко М. В. Указ. соч., с. 74) и, вероятно, о предшествовавших ему небольших пабегах. О русских походах на Византию до 860 г. пишет и Вернадский (Vernadsky G. The Problem of the Early Russian Campaigns in the Black Sea Area. — ASEER, 1949, v. 8, p. 1—9).

¹ Этому походу посвящена монография Васильева (Vasilev A. The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge, 1957). Проблема исследована также Левченко (Левченко М. В. Указ. соч., с. 56—76). Дату похода (ранее считался 865 г.) уточнил по греческим источникам Боор (Boor K. de. Der Angriff der Rhos auf Byzanz. — BZ, 1895, Bd. 4, S. 459)*.

² На существовании Тмутараканского княжества уже в IX в. настаивает Мошин (Мошин В. Начало Руси..., p. 293; он же. Хельгу Хазарского документа.—Slavia, t. 15, 1937, p. 191; Vernadsky G. Ancient Russia, p. 278). Против принадлежности Тмутаракани в IX в. Руси и существования там самостоятельной русской колонии см.: Насонов А. Н. Тмутаракань в истории Восточной Европы. — ИЗ, 1940, т. 6, с. 82; Левченко М. В. Указ. соч., с. 86; Монгайт А. Л. Археология в СССР, с. 338. Пашкевич ошибочно считал исходным пунктом похода 860 г. Новгород (Paszkiewicz H. Op. cit., p. 422). Надо полагать, что оба хорошо известных русских похода на Царьград (Игоря в 941 г. и Владимира в 1043 г.) организовывались в Киеве, и Пашкевич не прав, думая, что последний шел из Новгорода (ibid., p. 425). Если во главе его и стоял новгородский князь Владимир, то это было связано скорее с привлечением варяжских отрядов. Более того, новгородские источники говорят об участии в этом походе только варягов и руси (южной), обходя молчанием новгородцев (Шахматов А. А. Разыскания..., с. 225—228, 623—624). Из киевского же источника очевидно, что поход организовал киевский князь Ярослав, поручив командование своему сыну Владимиру и дав ему воеводой Вышату; кроме того, Ярослав послал с ними своего киевского воеводу Ивана Творимирича (ПВЛ, ч. 1, с. 103). Организация похода 860 г. в Новгороде невозможна по двум обстоятельствам: во-первых, между Новгородом и Причерноморьем и Южной Русью еще не было политических связей; во-вторых, крупная военная акция требовала хорошего знания чужой (византийской) территории, а необходимыми сведениями в Новгороде не могли располагать.

можно было предпринять этот поход¹, с чем согласно большинство исследователей. «Повесть временных лет» вполне удачно приписала руководство походом Аскольду и Диру^{2*}.

Из других крупных политических центров наибольшее значение имел, без сомнения, Новгород, объединенный с Киевом под властью киевского хакана уже при Олеге. Скорее всего, к Новгороду относится известие об «острове русов», имеющееся в сочинениях Ибн Русте вскоре после 903 г. и Гардизи (1050—1053 гг.), но восходящее к анонимному произведению IX в.** Ошибочно считалось, что в нем описаны отношения, восходящие к первой половине IX в., но упоминание о Святополке (моравском) указывает на время его правления: 870—894 гг. Согласно этому известию³, русы живут на острове, окруженном озером, лесистом и болотистом, его размеры исчисляются тремя днями пути вдоль и поперек; жители острова имеют правителя, которого зовут *хакан рус*; они ходят в походы на ладьях на славян, берут их в плен и отвозят на продажу хазарам и булгарам. Численность народа *рус* — 100 тыс. человек. Они не пахут и живут тем, что берут у славян. Многие славяне поступают к ним на службу, чтобы таким образом обеспечить себе безопасность. Далее идут подробные, но не интересующие нас сведения об обычаях этого народа.

Так же как в более позднее время у писателей-гуманистов в арабских описаниях обнаруживается тенденция поразить читателя курьезами. Поэтому это описание не следует толковать дословно. Уже сама численность жите-

¹ Vasiliev A. Op. cit. Автор считает, что в 200 русских ладьях, о которых говорят источники, помещалось 20 000 воинов под командой Аскольда и Диры; эта цифра, без сомнения, преувеличена (см. рец. на кн. Васильева: Воаск А.—Speculum, 1947, v. 32, s. 660—661).

² ПВЛ, ч. 1, с. 19. Летописное сообщение о походе Аскольда и Диры основано на предании (Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. СПб., 1915, с. XXVI; Ист-рин В. М. Моравская история славян и история поляно-руси.—Byzantinoslavica, 1931, t. 3, p. 311). Пресняков же (Пресняков А. Е. Лекции по русской истории, с. 67) считает его вымыслом редактора.

Участие Аскольда и Диры в походе 860 г. ныне представляется мне сомнительным. См.: Łowmiański H. Początki Polski, t. 5, s. 181.—Прим. авт.

³ Macartney C. M. The Magyars in the Ninth Century, p. 213. Здесь сопоставлены тексты Ибн Русте и Гардизи. Ibid., p. 200; Lewicki T. Świat Słowiański..., s. 347.

лей острова — 100 тыс. живущих грабежом — совершенно фантастична. В Европе не найдется озера с островом, поперечник которого составляет не менее 60 км. Однако некоторые детали известия заслуживают внимания. Пейзаж имеет характер явно северный, болотисто-лесистый, а упоминание об острове заставляет вспомнить топоним *Хольмгард** («город на острове», скандинавское название Новгорода¹), также достоверным представляется упоминание о славянах, под которыми, без сомнения, следует понимать местных словен, хотя жертвами нападений были скорее соседние финские племена. Откуда взялась на Ильмене русь и из кого она состояла, достаточно ясно. Это были киевские воины, которые под предводительством Олега захватили Новгород и, заключив договор, видимо, с частью местной знати², забрали власть в свои руки. Среди русов могли находиться, и, скорее всего, находились, скандинавы, некоторые детали их обычаев могли отразиться в этом известии. Чьим изобретением были походы в ладьях, позднее хорошо знакомых как новгородским ушкуйникам, так и казакам с их «чайками», неизвестно. Русы, очевидно, совершали набеги на тех славян и финнов, которые не признавали главенства хакана; возможно, что их целью была прежде всего позднейшая Ростовская земля, подчинявшаяся в раннее время Новгороду и граничившая с Булгарией, откуда информация попадала на Восток к арабским авторам**. Менее ясно употребление титула *хакан русов*, поскольку такого института новгородские источники не знают. Может быть, речь идет о хакане, правящем в Киеве; но не исключено,

¹ Адам Бременский называет Новгород Ostrogard, что, как установил Миккола, означает Островоград (Миккола И. Ostrogard-Holmgard. — В кн.: Сборник историко-филологического общества Харьковского университета, 1908, т. 15, с. 27). Против отождествления Holmgard с «островным городом» выступила Е. А. Рыздзевская (Рыздзевская Е. А. Холм в Новгороде и древнесеверное Holmgard. — Известия Российской академии истории материальной культуры, 1922, т. 2, с. 105—112). Возражая против объединения в одном слове скандинавского (*Holm*) и славянского (*град*) элементов, она связала *Холм* с одним из новгородских концов. Однако название Руси Gardariki также состоит из скандинавского и славянского элементов. Но каково бы ни было происхождение названия Holmgard, его первая часть была повсеместно известна именно в скандинавском значении «остров», как видно из приведенного у Адама Бременского соответствующего западнославянского названия.

² Это нашло отражение в сообщении о славянах, переходящих на службу к руси.

что этим титулом мог быть назван (возможно, в результате какого-то недоразумения) новгородский князь. Эти русы, вероятно, и оставили следы в топонимике Новгородской земли. Они свидетельствуют, что русы были пришлым элементом на этой территории.

Из сообщения ал-Истахри (ок. 950 г.), который переработал труд своего учителя ал-Балхи (ум. в 930-е годы), известно об образовании и других подобных центров. Это сообщение, как представляется, отразило отношения более позднего (на несколько десятилетий) времени и свидетельствует об образовании новых центров русов в Восточной Европе. В нем говорится о трех «родах» * ру-сов: Куяба, Славия и Артания (с городом Арта)¹, — находящихся на значительном расстоянии друг от друга. Первые два названия не вызывают сомнений у исследователей и отождествляются с Киевом и новгородскими словами; о локализации Артании существуют различные мнения².

Это сообщение вообще противоречиво, например в нем приведены явно ошибочные расстояния от Киева и Новгорода до Воляжской Булгарии (в действительности Киев находился от нее дальше); дано фантастическое описание Артании, якобы недоступной купцам, поскольку там убивают каждого прибывшего, но вместе с тем жители Ар-

¹ Lewicki G. *Swiat słowiański...*, s. 361. Интерпретация текста вызывает споры (Marquart J. *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge*, S. 518; Validi Togan A. Z. *Ibn Fadlan's Reisebericht*, S. 320). Известия ал-Истахри и Ибн Хаукаля (который переработал и дополнил текст ал-Истахри) свел воедино анонимный персидский географ X в.** (см.: Туманский А. Г. Новоткрытый персидский географ X ст. и известия его о славянах и русах. — Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1896, т. 10. СПб., 1897, с. 121—127).

² Их сопоставил А. Карасик (Карасик А. К вопросу о третьем центре Древней Руси. — *ИЗ*, 1950, т. 35, с. 304), который считал это название именем паричательным, а не собственным. Другие исследователи полагали, что арабские авторы помещали Артанию в Скандинавии, что может быть справедливым только в том случае, если бы упоминание о третьей Руси было литературным построением, не соответствующим действительности (Вестберг Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе, с. 398; Validi Togan A. Z. *Op. cit.*, S. 320), и на севере Восточной Европы, в Биармии (Томсен В. Указ. соч., с. 35). Последнее представляется правдоподобным, если локализовать Биармию на территории карелов и веси, около Ладожского озера. Однако я сомневаюсь, чтобы там мог образоваться центр киевской власти до середины X в. (Tallgren A. M. *Biarmia*. — *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, 1931, t. 6, S. 100—120).

тации привозят в Бугарию меха и металл, т. е. паходятя с местными куццами в нормальных отношениях. В источнике, как нам кажется, нет достаточных указаний для локализации Артании, а сама форма названия не позволяет связать его с каким-либо известным политическим центром*. В то же время трудно допустить, чтобы до середины X в. в Ростовской земле, которая по своему торговому значению должна была вызывать особый интерес великих князей, не было центра русской власти. В этом сообщении, очевидно, названы только наиболее известные и более всего интересующие бугарских купцов центры Древнерусского государства, т. е., помимо самого Киева**, ближайшие к Бугарии на северо-востоке Руси; тогда кроме Новгорода должен был бы быть упомянут какой-то пункт в бассейне Волги и Оки; там, вероятно, и надо локализовать Артанию***.

Интерпретация арабских известий об «острове русов», а также о «родах» русов как опорных пунктах киевской центральной власти, вступавшей в соглашение с местной знатью и с ее помощью устанавливавшей государственный феодальный режим, находит подтверждение в хорошо известном рассказе Константина Багрянородного об организации русского экспорта¹****. Это известие, относящееся скорее к сфере организационно-транспортной, чем хозяйственной или политической, можно разделить на три части. В первой — император описывает, каким образом собиралась русская торговая флотилия, направляющаяся далее в Константинополь. Лодки-однодеревки доставляли население отдельных городов (очевидно, вместе с округами): Новгорода², Смоленска, Любеча, Чернигова, Вышгорода, спуская их в Киев, там их продавали русам, которые выступали в качестве купцов, а не правителей. Бро-

¹ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, p. 62.

² Характерно и необыкновенно точно определение Новгорода как лежащего во «внешней Руси» (ἀπὸ τῆς ἑξω Ῥωσίας). При этом нельзя обойти вопроса, где находилась «внутренняя Русь». Полагая, что с небольшими коррективами можно принять мнение Г. Маноиловича, который идентифицировал ее с землей полян. Действительно, император называет Киев как главную базу господствующего слоя и поэтому он противопоставляет Киев остальной территории, «внешней Руси». Не вижу пужды искать «экзотические» решения, локализуя «внутреннюю Русь» в Скандинавии или же на Черном море, как это гипотетически предполагал А. Соловьев (S oloviev A. Ἡ ἑξω Ῥωσία. — Byzantion, 1938, t. 13, p. 231).

сается в глаза, что император сообщает о способе приобретения русами лодок-однодеревок, но прямо не пишет о способе добычи товаров, хотя на основании третьей части можно допустить, что товары составляла дань, собираемая князем и боярами или доставляемая от славянских племен, которые определяются как «данники Руси» (οἱ λακτιῶται αὐτῶν). Вторая часть известия описывает маршрут флотилии по Днепру и Черному морю; наконец, в третьей — содержится описание образа жизни росов: в начале ноября «их архонты выходят со всеми росами из Киава»* (οἱ αὐτῶν ἀρχόντες ἐξέρχονται μετὰ πάντων τῶν ῥως ἀπὸ τὸν Κίαβον) для сбора дани, именуемой «полюдьем»¹ (εἰς τὰ πολύδια), с зависимых племен древлян, кривичей, северян и прочих славян» (καὶ λοιπῶν Σκλαβῶν); у них росы проводили зиму, а в апреле, когда на Днепре проходил ледоход, возвращались в Киев. Император повторил сведения, услышанные от русских купцов, не вдумываясь в их истинный смысл; он даже не выяснил подробнее, что означает полюдье, и не догадался, что именно благодаря собранной росами в зимнее время дани наполнялись товарами русские однодеревки. Тем не менее, несмотря на механическое воспроизведение информации, значение слова «росы» в его сочинении вполне очевидно. Здесь это социальный термин, аналогичный термину «русы» в арабском сообщении об «острове росов»**. В процессах образования государства наиболее активную роль играл господствующий слой, включая профессиональных воинов; естественно поэтому, что именно знать стала называться *русью*, правда только временно², поскольку позднее возобладало территориальное, а потом и этническое значение. Понятие *русь* как соци-

¹ Константин дал не очень ясное объяснение полюдья: «полюдье, что именуется «кружением» (εἰς τὰ πολύδια λέγεται γύρα). В действительности под γύρα надо понимать поездки князя с дружиной для сбора даней с населения. См.: Попов Н. Спорное место в гл. IX "De administrando imperio" Константина Багрянородного.— Byzantinoslavica, 1931, v. 3, p. 92—96.

² Гипотезу о социальном значении слова *русь* выдвинул Падалка (Падалка Л. В. Происхождение и значение имени «Русь». — Труды XV археологического съезда в Новгороде, 1911 г., т. I. М., 1914, с. 364) и развил Юшков (Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства, с. 57), который признавал, что слово *русь* первоначально определяло социаль-

альный термин включало лишь феодальную знать без таких прослоек, как дружинники*, купцы, чиновники. В этом можно убедиться на основании статьи I Краткой редакции «Русской Правды»:

«убьеть мужь мужа, то мстить брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братучаду любо сестрину сынови; аще не будеть кто мстыя, то 40 гривен за голову; аще будеть русин, любо гридин, любо купчина, любо ябетник, любо мечник, аще изъгон будеть, либо словенин, то 40 гривен положить за нь...»^{1**}

В двух первых пунктах устанавливаются формы наказания за убийство свободного человека: кровная месть или денежный штраф. В двух следующих уточняются категории лиц, которых касалось сформулированное ранее постановление, и определяется общественное положение: гридник (дружинник), купец, княжеские чиновники (ябедник, мечник); можно сделать вывод, что на первом месте была помещена высшая социальная категория: феодалы, или русины (русь).

Эволюцию слова *русь* в процессе формирования Древнерусского государства мы, следовательно, понимаем как переход от первоначальной однозначности к многозначности. До IX в. этот термин имел смысл географический, определяя территорию в Среднем Поднепровье. С IX в., сохраняя прежнее, он приобрел еще два или три новых значения: 1) временно обозначал социальный слой, наиболее активный в образовании государства; 2) постепенно распространился на всю территорию Древнерусского государства, а также стал названием восточных славян в целом. Со временем первоначальное, более узкое географическое значение названия *русь* было забыто; видимо, было забыто и его классовое значение.

В этой главе мы рассмотрели эволюцию значения названия *русь* внутри страны; в следующей — остановимся среди прочего на значении этого слова за пределами Древней Руси, где оно было отождествлено с норманнами.

ный строй в среде восточных славян в VIII—IX вв. Представляется, что положение Юшкова справедливо только до определенной степени, и первоначальное значение слова *русь* не имело социального оттенка, как и названия *русь* и *славяне* в упоминавшемся выше известии о шелковых и полотняных парусах в войске Олега (см.: Тивериадский Л. С. Указ. соч. — ИЗ, 1942, т. 13, с. 46).

¹ ПРП, вып. I, с. 77. Первая часть Краткой редакции «Русской Правды» была составлена в Новгороде, как видно из употребления в ней названия *словенин*.

Глава VI

СКАНДИНАВЫ В СОСТАВЕ ГОСПОДСТВУЮЩЕГО КЛАССА НА РУСИ

Очевидно, серьезная ошибка старых антинорманистов заключалась в том, что они искали славянские корни в скандинавских названиях, известных по источникам, касающимся Руси, и таким образом компрометировали свои другие, иногда правильные положения, перемежая их с ненаучными, дилетантскими. Эта ошибка ушла в прошлое. Мы не отрицаем того, что русский престол заняла династия скандинавского происхождения¹, но и не считаем, что это обстоятельство предрешило образование скандинавами Древнерусского государства.

Верно, что в Киеве после славянской династии легендарного Кия в источниках появляются четыре князя со скандинавскими именами: Аскольд, Дир, Олег, Игорь, после которых, о чем также надо помнить, правили вновь князья со славянскими именами (если исключить регентшу Ольгу): Святослав, Ярополк, Владимир, Святополк, Ярослав. Этот период князей, носящих скандинавские имена, отражает особенность исторического развития Киевской земли, нашедшую выражение в появлении чужой династии, но не передает его сущности. Мы привели доводы того, что скандинавское имя Олега еще не определяет его этнокультурную принадлежность и его отношения со славянским окружением. Нет оснований судить иначе и о других киевских князьях, в особенности о на-

¹ Скандинавское происхождение династии признается и в советской науке: Греков Б. Д. Борьба Руси за создание своего государства. М.—Л., 1945, с. 50; Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства, с. 213; Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства, с. 72. Если и существовала тенденция опускать этот факт в выводах о происхождении Древнерусского государства, то в советской историографии она преодолена. См. обсуждение вопроса о генезисе феодализма в России и о возникновении Древнерусского государства. — ВИ, 1956, № 3, с. 205*.

следнике Олега — Игоре. Первым правителем на киевском столе, о котором сохранились одновременные и подлинные известия, была Ольга; они свидетельствуют об уважении, которым она пользовалась, а также о привязанности к ней славянского окружения.

Призвание представителя иноземной династии, не павязанное завоевателями, не выпущденное внешнеи натиском, а вызванное внутрепними процессами, не было исключительным явлением; подобное случалось в разных странах в раннее средневековье. Известно, что западные славяне избрали своим князем франкского купца Само, по происхождению романизированного кельта (VI в.)¹; из Польши происходил род Михала Вышевича, князя в сербском Захумье (IX в.)², болгарский Самуил был родом из Армении (X в.)³; роль, которую сыграл Вихман, родственник императора, у редариев (X в.)⁴, возвысила его до положения князя этого племени. Во всех случаях приход чужой династии не нарушил внутрепнего развития; скорее, призвание иноземных правителей являлось результатом этого развития. К сожалению, из-за скудости раннесредневековых источников часто остаются неизвестны, а если и известны, то не детально, ни подробности призвания на трон чужеземцев, ни их роль после восшествия на трон. Для иллюстрации привлечем поздний, но выразительный пример; приглашение псковитянами литовского *kunigas* (князя) и его правление.

В результате внутрепних войн в Литве Довмонт, противник литовского короля Миндовга, «съ дружиною своею и съ всеиъ родомъ своимъ» бежал в Псков (1266 г.) и там крестился «съ своими бояри», получив в крещении имя Тимофей. «И бысть радость велика Псковитамъ, и посадиша его на княжении въ своемъ граде въ Пскове». Понятны причины этой радости: Псков получил опытного вождя и новые силы для борьбы с соседней, допимавшей его набегами Литвой и грозным Орденом. Мы узнаем также, что сразу после вокняжения Довмонт вместе с «треи-

¹ Labuda G. Pierwsze państwo słowiańskie—państwo Samona. Poznań, 1949, s. 124.

² Łowmiański H. — Рец. на кн.: G. Labuda. Pierwsze państwo...—RH, 1950, t. 19, s. 209.

³ См. выше, с. 151, прим. 1.

⁴ Widajewicz J. Wichman. Poznań, 1933, s. 32. О других аналогичных случаях у северо-западных славян см.: Wachowski K. Słowiańszczyzna Zachodnia. Poznań, 1950, s. 128.

ма девяности» псковитянами совершил разорительный поход на литовские земли, достигнув значительного успеха. На протяжении своего долголетнего правления (ум. в 1299 г.) он особенно отличался в борьбе с крестоносцами и пользовался признанием на Руси, о чем свидетельствует причисление его к лику православных святых¹. Это пример культурной и национальной ассимиляции князя чужого происхождения и сопровождающего его немногочисленной дружины², а также полного перехода этого князя на службу русского общества. Этот пример — доказательство того, что чужая династия вовсе не обязательно осуществляла враждебное местным интересам политическое давление. Быстрая ассимиляция Довмонта и его дружины только частично объясняется более высокой культурой Руси в тот период; она была обусловлена в первую очередь обстоятельствами, которые вынудили их искать убежища на Руси. Некоторые аналогии имелись и в русско-скандинавских отношениях IX—X вв. Русь опережала норманнов в культурном развитии, что облегчало процесс их ассимиляции, но решающее значение играли условия, в которых норманнская экспансия в Восточной Европе не могла сыграть самостоятельную роль и выливалась в деятельность вспомогательного характера, обслуживающую интересы русской знати. Именно эти возможности использовали как династия, так и более широкий круг варягов — купцы и наемные воины, переходившие на службу славянскому обществу. Примером подобной ассимиляции князя иноземного происхождения является также раннефеодальное славянское государство Само³.

Вокняжение на киевском столе династии скандинав-

¹ Известия о Довмонте в ранних редакциях сохранились в Новгородской четвертой летописи (ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 1, Пг., 1915, с. 235). Наполненное легендарными сюжетами житие Довмонта помещено в псковских летописях (Псковские летописи, т. 2. М., 1955, с. 16—18; Насонов А. Н. Из истории псковского летописания. — ИЗ, 1946, т. 18, с. 286).

² О небольшом размере войска, которым распоряжался Довмонт как псковский князь, говорят данные летописи: «Дамантъ съ Псковичи, съ треима девяности, плени землю Литовскую» (ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 1, с. 235).

³ «И этим органам как представителям определенной племенной группы Само окончательно подчинился, приняв не только славянские обычаи и устройство, но также создав энергичную оборону молодого государства против нападений вчерашнего союзника — государства франков». (Labuda G. Pierwsze państwo... s. 277).

ского происхождения нельзя признать совершенно случайным, поскольку Олегу и Игорю там предшествовали Аскольд и Дир. Встает вопрос, не существовали ли специфические обстоятельства, которые склоняли киевлян к передаче княжеской власти в руки норманнов. Одно, очевидно, носило местный характер: киевское ядро государства было созданием не одного, а двух или более племенных органов — отсюда возможность трений внутри самого политического союза; правитель чужого происхождения, в силу своей нейтральности, скорее мог сгладить эти трения и потому был полезен для поддержания единства; судя по летописным известиям, подобная ситуация сложилась и на севере, где трения между словенами и соседними племенами были поводом для призвания чужеземцев¹. Кроме того, можно указать и другие причины, почему выбор так охотно падал на князей скандинавского происхождения. Они отличались знаниями в торговых делах и знакомством с чужими странами, что облегчало установление торговли с заграницей, столь существенной для раннефеодального государства и для его господствующего класса; наверно, их делал полезными² и опыт в организации походов, особенно водными путями. Ясно, что эти правители-иноземцы не были необходимы в процессе формирования восточнославянского государства, поскольку в других славянских странах соответствующие функции с успехом выполняли династии местного происхождения. Выбор, сделанный киевлянами, свидетельствует об их оборотливости и умелом использовании конъюнктуры для ускорения объективного процесса. По тем же причинам полочане призвали князя родом из Скандинавии, Рогволода³: Полоцк лежал на магистрали, связывающей Шве-

¹ Скорее не непосредственно из какой-то скандинавской династии, а от Олега, уже господствовавшего в Киеве (см. гл. 5); иначе трудно объяснить происхождение новгородской руси.

² Именно такое определение (*utilitas*) приводит «Хроника» Фредегара для оправдания выбора Само. «Венды, зная полезность Само, избрали его королем над собой» (*Winidi cernentes utilitatem Samones, eum super se eligunt regem.*—*Fredegarii Chronicon*, IV, 48). Labuda G. Pierwsze państwo..., s. 264.

³ ПВЛ, ч. 1, с. 54. «Бе бо Рогъволодъ пришелъ и-заморья, и имяше власть свою Полотъске». (Ср.: НПЛ, с. 125.) С известиями летописей, которые говорят о недавнем приходе Рогволода, не согласуется утверждение, будто в Полоцке издавна находились норвежские купцы (Stender-Petersen A. Das Problem der ältesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen, S. 186).

цию с Востоком, и пытался защищать свою самостоятельность и права контроля над двинским отрезком этого пути от тех сил, которые создавали государство по Днепру — Волхову. В этом случае династия скандинавского происхождения не выполнила своей задачи по охране полоцких интересов, поскольку общее развитие Руси шло в противоположном направлении. О результатах этой борьбы сообщает летопись, говоря о победе Владимира Святославича над полоцким Рогволодом¹.

Несомненно, что в определенной мере норманисты преувеличивают норманнский компонент в составе господствующего класса на Руси. Если бы они могли показать, что он состоял исключительно или в значительной части из скандинавов, тогда пришлось бы признать норманнскую теорию генезиса Древнерусского государства доказанной по крайней мере в организационной сфере, учитывая, что государственный аппарат тогда был создан при интенсивном участии норманнов, хотя и в этом случае следовало бы принять во внимание существеннейшие моменты: экономическое состояние, зависящее от уровня развития орудий труда, и социальную структуру страны, создающие предпосылки для формирования государственной власти. Во всяком случае, этнический состав господствующего класса требует тщательного и критического рассмотрения.

Доводы норманистов по этой проблеме развивались в двух направлениях. Во-первых, они пытались показать, что иностранные источники, византийские, латинские, а также арабские, считали русов скандинавами, противопоставляли их славянам как отдельной этнической группе, а также не признавали Древнерусского государства славянским. Во-вторых, они ссылались на непосредственные свидетельства об этническом характере русского господствующего класса, который якобы состоял почти исключительно из скандинавов. Антинорманисты старались опровергнуть или ослабить оба эти аргумента, а если и признавали, что под названием русов выступали также и шведы, то сразу подчеркивали, что прежде всего это название означало славян.

Начнем с рассмотрения иностранных источников, где русы определяются как норманны. При их анализе надо учитывать два момента: 1) действительно ли эти источ-

¹ ПВЛ, ч. 1, с. 54,

ники идентифицируют *русь* с норманнами; 2) если они считают эти понятия идентичными, основано ли их суждение на хорошем знании этнических отношений на Руси, а если они неверно понимают эти отношения, или неверно их объясняют, то по каким причинам. В современной литературе противники норманнской теории делали упор на выяснение первого вопроса, хотя не раз принимали во внимание и второй.

Среди ипостранных источников наибольший вес имеют византийские из-за проявляемого ими интереса к Восточной Европе в связи с установлением непосредственных отношений с Русью до 839 г., ведением с ней торговли и дипломатических отношений (хотя и затрудненных военными действиями). В Константинополь прибывали и купцы, и неоднократно русские послы. Латинские источники, несмотря на существование торговых путей от Днепра до Регенсбурга и установление непосредственных дипломатических отношений с Русью со второй половины X в., располагали меньшей информацией о Восточной Европе и черпали известия о Руси в значительной мере из Византии. Что касается арабов, то они получали информацию о Руси другими путями, чем Византия (преимущественно используя в качестве информаторов волжских болгар и хазар); Восточная Европа была для них экзотическим краем, и они имели о ней очень неясное представление.

Все упоминания источников о руси (и славянах) в период формирования Древнерусского государства, содержащиеся в названных источниках, неоднократно и подробно разбирались уже в XVIII и XIX вв.; у норманистов подробнее и критичнее всего Куником, а у антинорманистов — Геденовым. Систематическое издание этих источников, снабженное критическими комментариями, является актуальной научной потребностью, оно значительно облегчило бы всем исследователям ориентацию также и в норманнской проблеме*. Очевидно, что дальнейшие замечания ни в коей мере не заменяют такой работы. Ведь не каждое упоминание *руси* может быть использовано для выяснения этнического содержания названия, даже если и содержит характеристику этого народа. Если, например, патриарх Фотий называет 'Ρῶς народом исключительно воинственным и жестоким, который завоевал соседние страны, то эти слова хорошо соответствуют тогдашней ситуации в Древней Руси, формирующейся как государ-

ство, но с натяжками могут быть истолкованы и в норманистском смысле. Для избежания бесплодных споров лучше обратиться к сведениям и суждениям более определенным; применение такого метода находим, например, в работе Томсена.

Среди византийских источников норманисты ссылаются на два конкретных указания, определяющих народ *рос*. Одно из них находится у Продолжателя Феофана (и в других родственных упоминаниях) при описании похода Игоря 941 г. В этом упоминании οἱ Ῥως были определены как «οἱ καὶ Δρομίται λεγόμενοι, οἱ ἐκ γένους τῶν Φράγγων καὶ θύσανται» («называемые и дромитами, которые из рода франков» *)¹. Проблемы дромитов лучше не касаться; она может быть темой особой и, вероятно, бесплодной дискуссии. Определение *франки* можно понимать двояко — или как указание на германское происхождение *руси*, или как на искаженное название варягов². Во втором случае упоминание свидетельствовало бы о присутствии варягов в войске Игоря и было бы лишено значения для выяснения проблемы *руси*; в первом — могло бы действительно свидетельствовать, что в понимании хотя бы некоторых византийских авторов *русь* принадлежала к кругу германских народов, т. е. в данной ситуации была норманнской. Но в том-то и дело, что не всем высказываниям хроник мы обязаны доверять на сто процентов. Если бы мы хотели решать вопрос об этнической природе руси на основании сочинения Адама Бременского, то должны были бы признать ее греческой**. Обсуждаемый источник допустил неточность, присущую и византийским писателям; ее причины выясним ниже.

Главным свидетелем норманнского происхождения руси был признан Константин Багрянородный. Его сочинение, уже рассмотренное нами, противопоставляло русь славянам как господствующую силу племенам-данникам. Однако мы ранее выяснили, что речь не идет о признании иноэтничного происхождения этой господствующей силы в своей массе по сравнению с данниками-славянами. Эта русь, кочующая в осенние и зимние месяцы по славянским землям, очень напоминает образ жизни, например,

¹ Theophanes continuatus, VI, 39. См. также: Геденов С. Варяги и Русь, ч. 2, с. 471.

² Там же, с. 474. Однако название *варяги* распространилось в Византии только в XI в.

Болеслава Кривоустого, переезжающего вместе со своим двором с места на место, *sicut Numida*¹. Эта практика феодальных дворов была обусловлена состоянием натурального хозяйства и транспорта, поскольку не было другого способа потреблять запасы, доставляемые населением на местные княжеские склады, постоянно взыскивать с населения дань, предназначенную на содержание княжеского двора, дружины и т. д. *

Особое внимание исследователи придают другому сообщению императора²: описанию днепровских порогов, названия которых приведены на двух языках, русском (ρωσιτί) и славянском (σκλαβινιδτί). Всего император перечислил семь порогов (из девяти)³. Их названия звучат следующим образом:

названия славянские

названия русские

1. ἑσσοῦπι ⁴	нет соответствующего ⁴
2. ὀστ ροβουνιπράχ	οὐ λβοο σί
3. нет соответствующего ⁵	γελανδρί ⁵
4. νεασήτ	ἄειφός
5. βουληνπράχ	βαρουφόρος
6. βερουτζή	λεάντι
7. ναλρεζή ⁶	στρούκου **

Не будем проводить этимологического анализа этих названий, этому посвящена обширная литература, в которой

¹ Galli Anonymi Chronicon, I, 12. В «Хронике» противопоставляется организация таких переездов Болеславом Кривоустым (имя которого не приводится) и Болеславом Храбрым, но не сами поездки. Гедеонов (Гедеонов С. Варяги и Русь, ч. 2, с. 533) приводит выражения, аналогичные определению Константина (μετὰ πάντων τῶν Ῥως — «со всеми росами»), из поздних русских летописей («вся земля просто Русская») и полагает, что император привел формулировку своих русских информаторов.

² Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, p. 58, 60.

³ Falk K. O. Dneprforsarnas namn i kejsar Konstantin VII Porphyrogenetos De administrando imperio. Lund, 1951, s. 275—294.

⁴ Император указал, что это название звучит одинаково по-славянски и по-русски; Фальк определяет его как славянское (Falk K. O. Op. cit.).

⁵ Это название должно было, по мнению императора, быть славянским, в действительности это скандинавское слово.

⁶ Фальк передал название как Ναστρεζή, с чем согласился Экблум (Ekblom R. Die Namen der siebenten Dneprstromschnelle. — Uppsala Universitets årsskrift, 1951, b. 9, s. 151—174).

последняя работа — диссертационное языковедческое исследование К. О. Фалька; укажем только, что в соответствии с результатами этимологических изысканий первый ряд действительно состоит из славянских названий; наименования же второго имеют скандинавское происхождение, и даже точнее — шведское. Кстати, и неспециалист с первого взгляда заметит славянские элементы в первом ряду (например, прах — польск. gróg) и скандинавские во втором (например, ворси, фор, форог). Этот вывод признан бесспорным. «Сила и значение данного факта, — пишет один из противников норманнской теории, — несомненно, исключительны. В самом деле: если русский язык является одним из скандинавских наречий, ничего общего не имеющим со славянским языком, то, следовательно, русы — скандинавы¹. Не следует удивляться, что анти-норманисты, убежденные в истинности своей точки зрения, не хотели доверять выводам противной стороны, основанным на этимологическом анализе, и пытались показать, что хотя бы некоторые из «росских» названий не скандинавского происхождения и что, в сущности, вся «росская» группа представляет номенклатуру междупародного характера, содержащую элементы различного языкового происхождения и хотя употреблявшуюся на Руси, но, во всяком случае, не показательную для определения природы «росского языка». Если эта точка зрения верна, названия теряют значение аргумента в пользу норманнской теории и дальнейшая дискуссия на эту тему беспредметна. Однако нужно считаться и с другой возможностью: а именно что все названия, определенные как «росские», в действительности скандинавские, поскольку языковеды убедительно показали это и опровергнуть их доказательства трудно. Поэтому и мы, не желая исходить из сомнительных положений, приписываем вывод, внешне «худший» для нашей концепции: «росские» названия в действительности все без исключения скандинавские.

Геденов², признавая скандинавский характер по крайней мере некоторых «росских» названий, одновременно утверждал, что они были усвоены из скандинавского языка русью, которая использовала помощь норманнов в су-

¹ Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства, с. 51.

² Геденов С. Варяги и русь, ч. 2, с. 537.

доходстве; тем самым они не могут быть свидетельством скандинавского происхождения руси. Действительно, на основании таких языковых элементов, как техническая терминология, а в данном случае названия порогов связаны с техникой экспорта и плавания, трудно установить происхождение языка. Однако, с другой стороны, представляется непонятным, почему русь, имея славянские названия, дублировала их, и к тому же систематически, при помощи чужих, скандинавских¹?

Попытаемся решить этот вопрос иначе. Говоря о «росском» языке, император имел в виду не язык истинной, или славянской, руси, но язык той особой части руси, которая использовала скандинавский язык и дала днепровским порогам шведские названия. Истинная русь говорила на славянском языке, преобладающем в Восточной Европе, широко известном на Балканах, используемом, без сомнения, в Константинополе для объяснения, например, с купцами скандинавского происхождения²; различия между славянскими языками еще не были значительны. И император не считал нужным упоминать, что названия были взяты из восточнославянского языка, раз среди самих славян господствовало представление о принципиальном языковом единстве, что нашло выражение в «Повести временных лет»^{3*}. Еще менее были существенны диалектальные различия между славянами для иностранцев. Скорее всего, император не отдавал себе отчета в этих сравнительно небольших различиях, а если бы ука-

¹ Как и в современных украинских названиях порогов, некоторые имеют иностранный характер, как первый — Кодацкий, но у других — местное украинское звучание (Falk K. O. Op. cit., карта).

² Bury J. B. The Treatise 'De administrando imperio'. — BZ, 1906, Bd. 15, S. 541.

³ О языках, на которых говорят потомки Ноя, «Повесть временных лет» пишет: «От сихъ же 70 и дъвою языку бысть языкъ словеньскъ» (ПВЛ, ч. 1, с. 11); и, говоря о размещении славян, не называет их языка: «и тако разидеся словеньский языкъ...» (там же). Далее в ней говорится о единстве славянского и русского языка: «А словеньский языкъ и руский одно естъ» (там же, с. 23). Карлгрен, исходя из скандинавского материала, считал, что названия порогов были переданы по-болгарски (Karlgren A. Dneprfossernes nordisk-slaviske Navne. — In: Festskrift udg. af Københavns Universitet i Anledning af Universitets Aarsfest November, 1947. Copenhagen, 1947, s. 3—139). По Фальку, славянские названия порогов образованы под влиянием староукраинского наречия, что, впрочем, опровергает Экблум (Ekblom R. Op. cit., S. 169)**.

заѣл их в текстѣ, введя отдельные названія для восточно-славянскаго языка, это вызвало бы только терминологическую путаницу, непонятную читателю. Приходим к выводу, что восточнославянскіе названія днепровских порогов Константин Багрянородный не мог определить иначе, чем славянскіе. Тогда встает вопрос: каким термином должен был он определить язык, на котором говорили те русы, которые были шведскаго происхожденія? Ведь термины *норманнский*, как и *шведский* тогда не употреблялись в Византии, термин βαράγγοι появился только в XI в.¹; тем временем сами русскіе купцы и послы скандинавскаго происхожденія называли себя русами. В этих условиях император не только мог назвать шведскій язык русским, но, очевидно, не мог найти, да и не нуждался в поиске для него другого, лучшаго названія, понятнаго византийскому читателю, который если и знакомился со шведами, то только в одном видѣ — преображенными в русов. Эта номенклатура удовлетворяла императора и его окруженіе, была распространена в IX и X вв. в Византии, хотя с нашей точки зренія была путанна, неточна, ввела исследователей в заблужденіе и стала одним из краеугольных камней норманнской теории, которая, даже вопреки доброй волѣ ее отдельных представителей, должна была затемнить наше представленіе о прошлом Руси и через нее всех славян. Кстати, эта номенклатура не была исключеніем, поскольку много неточностей можно найти и в древних, и в современных названіях. Так, латинскіе источники охотно называли аваров гуннами, а венгров — аварами, в то время как сами венгры предпочитали выступать под названіем гуннов. Немецкіе завоеватели Пруссіи взяли названіе покореннаго народа и распространили его на значительную часть территории исконно немецкой.

¹ Названіе βαράγγοι встречается в византийских источниках только с 1034 г., как указал первым Гедесов (Гедесов С. Отрывки из исследований о варяжском вопросе, с. 130), а затем подтвердил Васильевскій (Васильевскій В. Варяго-русская и варяго-англійская дружина в Константинополѣ XI и XII вв.—ЖМНП, 1874, октябрь, с. 105, 139). Возникновеніе варяжскаго корпуса при императорском дворѣ автор связывал с отрядом, посланным Владимиром к императору в 980 г. (Там же, с. 121.) Об этом событіи пишет его современник Стефан из Тарона и Яхья ал-Антаки (Ровен В. Р. Император Василий Болгаробойца. Извлеченія из летописи Яхьи Антиохійскаго. — ЗАН, 1883, т. 44, с. 1—447; Des Stephanos von Taron Armenische Geschichte. Leipzig, 1907, S. 250)*.

Белорусская шляхта называла себя литвинами, а польская использовала учное название *сарматы*. Интересную позднейшую аналогию рассмотренному сочинению Константина Багрянородного представляют записки императорского посла Сигизмунда Герберштейна, который по дороге в Москву посетил Великое княжество Литовское и провел в своем описании «литовские» названия двух зверей — зубра и лося: *suber, loss*¹. В действительности это были названия, взятые из белорусского языка, на котором говорила значительная часть населения тогдашнего Великого княжества Литовского.

Анализ сообщения Константина Багрянородного требует еще одного дополнения: мы опустили вопрос, каким названием определял император Древнерусское государство и страну. В его распоряжении была литературная номенклатура: например, живший несколько позже Лев Диакон называл русов (в широком смысле) тавроскифами; Константин употребил, однако, разговорное название в его южной, эллинизированной форме: *Ῥωσία (Росия)*. Следовательно, у него появляется терминологическая многозначность, подобная той, которая встречается и в русских источниках, причем одно из значений одинаково в них и у Константина: определение Древнерусского государства, страны восточных славян; другое носит специфический характер, не встречающийся в русских источниках (исключая построение Нестора): обозначение шведов, находящихся на службе на Руси.

Вывод, основанный на сообщении о днепровских походах, особенно ценен, поскольку позволяет выяснить, почему в Византии название *русь* — *Ῥως* приобрело значение «шведы». Одновременно оно дает ключ к пониманию западных названий, дошедших в латинских источниках, которые идентифицировали русь с норманнами. Кстати, Запад мог иногда проверить византийские данные при помощи собственных наблюдений, как было сделано в 839 г. и отражено в «Бертинских анналах». К уже рассмотренному известию этого источника не будем возвра-

¹ «На родном языке литовцев бизон называется зубром» (*Bison tem Lithvani lingua patria vocant suber...*); «Тот зверь, который литовцы на своем языке называют лосем, германцы называют Ellend, а по-латыни — *Alces*» (*Que fera Lithvanis sua lingua loss est eam Germani Ellend, quidam latina Alcen vocant.* — *Herberstein S. Rerum Moscovitarum Commentarii. Basileae, 1571, s. 109, 110*).

щаться; среди других¹ следует вспомнить о сообщении, касающемся нападения руси на Константинополь в 860 г., переданном, правда, позднее Иоанном Дияконом (жившим на рубеже X и XI вв.), но основанном на более ранних известиях. Этот источник не назвал руси, а приписал нападение норманнам (*Normanorum gentes*)². Употребление этого определения не требует специального комментария: на территории Византии русь чаще всего представляли норманны, как купцы или послы, но ним и формировалось представление о руси, и это обстоятельство также влияло на значение западных названий.

Более интересными, поскольку они богаче данными и считаются одним из основных свидетельств норманнского происхождения руси, являются известия Лиутпранда, епископа Кремоны (с 963 г.), который дважды посетил Византию и, естественно, там почерпнул информацию о руси. Особого внимания заслуживает перечень соседей Восточноримской империи, среди которых есть и русь. Только упоминание о руси нельзя объяснять, вырвав из контекста, поскольку тогда оно утрачивает истинный смысл.

[Византия] «имеет с севера венгров, печенегов, хазар, русиев, которых иначе мы называем норманнами, а также болгар, очень близко от себя; с востока — Багдад; с юго-востока — жители Египта и Вавилонии... Прочие же народы, которые живут в том же климате: армяне, персы, халдеи, авасги — ей служат»³

В этом описании содержится такая же терминологическая двусмысленность, что и у Константина Багрянородного. С одной стороны, название *русь* поясняется как идентичное норманнам, с другой — это развернутая этническая характеристика прилегающих к Византии терри-

¹ Купик А., Розен В. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и Словянах, ч. 2, с. 95.

² Iohannis Diaconi Chronicon Venetum et Gradense. — MGH SS, t. VII. Hannoverae, 1846, p. 18.

³ Habet quippe ab aquilone Hungarios, Pizenacos, Chazaros, Rusios quos alio nos nomine Nordmannos apellamus, atque Bulgarios nimium sibi vicinos; ab oriente Bagdas; inter orientem et meridiem Egipti Babiloniaeque incolas... Caetere vero, quae sunt sub eodem climate nationes, Armeni scilicet, Perses, Chaldei, Avasgi huic deserviunt. — Liutprandi Antapodosis, I, 11. — MGH, SS, t. III, 1839. p. 277.

торий, где русь выступает совершенно в ином, чем прежде, значении: автор назвал все крупные народы, соседствующие с Восточноримской империей на севере — ближайших болгар, далее венгров, печенегов, хазар; естественно, в этом списке не мог отсутствовать крупнейший среди них — восточные славяне. Их мы должны идентифицировать с *Rusii*. Терминологическое сходство греческого и латинского источников здесь очевидно: норманны-шведы в обоих случаях являются составной частью *Rusii* (русов), но благодаря специфическим обстоятельствам здесь термин расширяется до обозначения всех восточных славян по наиболее известной среди них группе (*pars pro toto*)¹.

Итак, византийско-латинские источники X в. употребляют термин *росы*, *Росия* и т. п. для определения не только норманнов, но также и восточных славян. Норманист мог бы в связи с этим сказать, что в изначальном смысле термин *росы* означал норманнов, а общее значение — восточные славяне — стало производным. Это наблюдение было бы истинно, если допустить, что восточные славяне действительно восприняли название *русь* из своего главного политического центра, но тогда надо сделать и следующий вывод: если восточные славяне взяли наименование от главного политического центра, то то же самое могли сделать и бывшие на службе этого центра норманнские припелыцы.

Гораздо больше, чем латинские авторы, сообщают сведений о русах и восточных славянах с IX—X вв. арабские писатели, причем, как мы указывали, они располагают собственными источниками информации. К сожалению, несмотря на иногда очень ценные сведения, этот материал в значительной части мало достоверен и требует при использовании тщательной критики. Особенно фантастична информация об обычаях, смешивающая элементы, свойственные различным этническим общностям²; но-

¹ Аналогичные выводы можно сделать из другого сообщения Лиутпранда (*ibid.*, p. 331), где автор отождествляет *русь* с норманнами, следуя за греками, которые судили об этнической принадлежности руси по ее представителям — купцам, послам, наконец, по происхождению правящей династии. Однако из сообщения о подчинении руси Игорю явно вытекает, что представляемая норманнами русь в действительности была славянской.

² Можно привести для примера описание дружины и придворной жизни царя русов у Ибн Фадлана, явно фантастическое (*Validi Togan A. Z. Ibn Fadlan's Reisenbericht*, S. 250).

менклатура также отличается непостоянством¹. Наиболее существенные сведения арабских источников об острове русов и трех центрах русов мы уже анализировали. Дополним предшествующие выводы еще двумя известиями: одним — приводимым как доказательство славянского характера руси, а другим — которое считается убедительным свидетельством того, что русь была норманнской.

Первое приводит географ Ибн Хордадбех в своей «Книге путей и стран», написанной, как предполагается, в 846—847 гг.² * Она следующим образом описывает путь купцов ар-рус:

«Они являются племенем среди ас-Сакалиба. Привозят шкуры бобров, черных лис, а также мечи из удаленных концов [земли] Саклабия к морю Румейскому, [где] владыка ар-Рум берет с них десятину. Если хотят, путешествуют по Итилю**, реке ас-Сакалиба и проезжают через Хамлих, город хазар, [где] его правитель берет с них десятину. Далее прибывают к Джурджанскому морю... Иногда привозят они свои товары на верблюдах из Джурджана в Багдад, переводчиками им служат евнухи ас-Сакалиба. Они выдают себя за христиан и платят [только] поголовную [подать]»³ ***.

Термин ас-Саклабия (Сакалиба) неустойчив, в некоторых случаях он может обозначать народы тюркские, финские, даже немцев, как у Масуди⁴, однако преимущественно им определяли славян⁵. В данном случае решительно идентифицировать Саклабия со славянами позволяет появление переводчиков ас-Сакалиба; известно, что междупародным языком в сфере восточноевропейской торговли был славянский язык****, а не скандинавский, тюркский или финский. И протяженность Саклабии, как вытекает из описания, подтверждает это предположение.

¹ Томсеп В. Указ. соч., с. 34, 46. Однако сам автор приводит обширные извлечения из арабских авторов.

² Lewicki T. *Zródła arabskie...*, t. 1, s. 55. Однако не исключено и более позднее создание этого труда (Marquart J. *Op. cit.*, S. 390; Вестберг Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе, с. 374; Brockelmann C. *Geschichte der arabischen Literatur*, Bd. 1. Weimar, 1898, S. 225).

³ Lewicki T. *Zródła arabskie...*, s. 77.

⁴ См.: Вестберг Ф. Указ. соч., с. 364; Validi Togan A. Z. *Op. cit.*, S. 295.

⁵ Validi Togan A. Z. *Op. cit.*, S. 330.

Поэтому можно не сомневаться, что Ибн Хордадбех считал русских купцов славянами*. Иное дело, находились ли среди них в большом количестве норманны, о чем говорит роль варягов в торговле Восточной Европы, а также список купцов из договора 944 г. Это известие ценно тем, что около середины или во второй половине IX в. Киев стал не только политическим, но и экономическим центром, раз арабам были известны русские купцы, т. е. приходящие именно из киевской земли, где, вероятно, концентрировалась торговля, ориентированная в южном (море Румейское тут должно обозначать Черное море), а также в юго-восточном направлении (Джурджап — Каспийское море). Организация торговли была схожа с той, что описана у Константина Багрянородного, поскольку русские купцы доходили вплоть до самых «удаленных концов» Саклабии, до Новгородской земли. Товары, вероятно, перевозились по рекам в ладьях, однако поставщики представляли не общерусское государство, как в середине X в., а местные политические центры. Запись, по-видимому, отражает момент объединения Киева и Новгорода под единой государственной властью.

Еще одно известие конца IX в. содержится в сочинении арабского историка ал-Якуби:

«На запад от города, называемого ал-Газира [Альгезирас], [лежит] город, называемый Исбия [Севиля], [расположенный] на большой реке, которая есть река Кордовы. В тот город вошли в 229 г. (х.=843/4 г.) поганые [ал-Маджус], называемые ар-Рус, [которые] захватили [пленных], грабили, жгли и убивали»^{1**}.

Это интересное сообщение сходно с замечанием Лиутпранда, который трактовал русов как норманнов. Ал-Якуби, наверное, в Египте получил известие о нападении на Севилю неверных, называемых у арабов ал-Маджус, этим термином определялись и норманны; вероятно, и в Западной Европе норманнов тогда называли язычниками. Однако для читателя из восточных арабских провинций ал-Маджус не были известны как норманны; тогда ал-Яку-

¹ Lewicki T. Źródła arabskie..., s. 251; Marquart J. Op. cit., S. 286. См. известие об этом походе: Kruse F. C. H. Chronicon Nortmannorum..., p. 158.

би, что правильно предположил уже Гедеонов¹, дал объяснение при помощи названия, известного на востоке — ар-Рус — и ассоциирующегося не только со славянами, как у Хордадбеха, но и со скандинавами, поскольку те именовались русью не только в Византии и Ингельгейме, но и в восточных странах².

Арабских известий о руси много³. Из них, так же как из византийских и латинских источников, следует только то, что среди руси находились норманны (в основном как купцы), но отнюдь не то, что русь была когда-либо в своей массе норманнской.

Подводя итоги для окончательного выяснения состава правящего класса на Руси, обратимся к ее внутренним источникам. К их категории относятся русско-греческие договоры 911 и 944 гг. в «Повести временных лет», содержащие большое число личных имен. Норманисты считают эти документы доказательством норманнского господства на Руси: правящая династия, князья и бояре, их послы и даже купцы — шведы; славян там нет вообще, поскольку славянские имена, приведенные в договоре 944 г., также, по их мнению, посят норманны, только подвергшиеся славянизации. Посмотрим, в какой мере эти положения истинны. Признаем без оговорок, что имена в подавляющем большинстве действительно скандинавские⁴, но оспорим выводы, которые из этого делались. В договоре 911 г. читаем:

¹ Гедеонов С. Отрывки и исследования..., с. 92. Эта точка зрения нашла подтверждение в работе Мельвингера (Melvinger A. Les premières incursions des Vikings en Occident d'après les sources arabes. Uppsala, 1955, p. 70—85), который показал, что арабы называли норманнов al-Magūs, или огнепоклонниками, магами, так как у скандинавских народов был культ огня, кстати, как и у славян. Однако этот термин не прижился на Востоке, где норманнов называли ar-Rūs, поскольку там определение al-Magus ассоциировалось с иранскими магами. (Ibid., s. 79.)

² Ибрагим ибн Якуб, называя славянских «королей», писал лишь о четырех: болгарском, чешском (король Праги, Богемии и Кракова), северном (Мешко I) и западном (Након), не упомянув в этом ряду русского (Kowalski T. Relacja Ibrahima ibn Jakuba, s. 50). Очевидно, не относил русь к славянам, хотя и с некоторыми колебаниями, и Адам Бременский (Koczylowski L. Sklavanian Adama Brementis. — SO, 1933, t. 12, s. 210). Он считал русь составной частью... Греции*.

³ Их критический обзор с норманистской точки зрения дал Вестберг (Вестберг Ф. Указ. соч.)**.

⁴ О славянских именах в этих документах см.: Соловьев А. В. Заметки о договорах Руси с Греками. — Slavia, 1937/1938, t. 15, s. 409.

«Мы от рода рускаго, Карлы, Инегелдъ, Фарлофъ, Веремулъ, Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карнъ, Фрелавъ, Руаръ, Актеву, Труанъ, Лидул, Фостъ, Стемид, иже послани от Олга, великаго князя рускаго, и отъ всех, иже суть под рукою его, светлыхъ и великихъ князь и его великихъ бояръ, к вам, Лвови и Александру и Константину, великимъ о бозе самодержцемъ, царемъ греческимъ, на удержание и на извещение от многихъ летъ межъ християны и Русью бывшуюю любовь, похотениемъ нашихъ великихъ князь и по повелению отъ всехъ иже суть под рукою его сущихъ Руси»¹.

В этом документе для читателя может быть впечатляющим само звучание имен, исключительно скандинавских, но этого недостаточно для определения состава правящего класса, поскольку, за исключением Олега, в договоре названа по именам только одна категория лиц — послы, отправленные в Византию. То обстоятельство, что в посольстве использовались скандинавы², не требует специального комментария. Имена доверителей здесь не указаны, но приведенные в тексте второго договора, 944 г., представляют особый интерес. Они упомянуты два раза. Первый раз они разделены на две группы: 1) «ясных и великих князей», 2) «великих бояр». Не знаем точно, как звучали эти определения в греческом оригинале, но для нас более показательным является сохранившийся архаичный русский перевод, который красноречивее передает структуру русского господствующего класса, чем это мог бы сделать текст на греческом языке. Как правильно указал С. М. Соловьев³, первая группа могла

Не выдерживают критики рискованные этимологии Бараца (Барац Г. М. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. Киев, 1910, с. 64), которые должны были показать, что послы носили преимущественно славянские имена, кроме того, половецкие, литовские, еврейские и даже немецкие, но ни одного скандинавского. См. рец. на его книгу: Salomon R.—BZ, 1911, Bd. 20. S. 522, а также: Мейчик Д. Русско-византийские договоры. — ЖМНП, 1915, июнь, с. 354.

¹ ПВЛ, ч. 1, с. 25—26.

² Чадвик утверждает, что эти имена взяты из эпоса, однако, ее вывод противоречит анализу документов, подтверждающему их подлинность (Chadwick N. The Beginnings of Russian History, p. 11).

³ Соловьев С. М. История отношений между князьями Рюрикова дома. М., 1847, с. 41.

обозначать только членов правящего дома, вторая группа включала представителей русской знати вообще. В другом упоминании первая группа выступает под тем же названием «великих князей», а вторая — бояре — не названа; следует предположить, что во втором случае они выступают под названием *русь*. Однако из договора не вытекает, что это название определяло исключительно бояр.

Соответствующее место договора 944 г. звучит так:

«Мы от рода рускаго съли и гостье, Иворъ, солъ Игоревъ, великаго князя рускаго, и обьчии сли: Вуефасть Святославль, сына Игорева; Искусеви Ольги княгини; Слуды Игоревъ, нети Игоревъ; Улебъ Володиславль; Каницаръ Передъславинъ; Шихъбернъ Сфанъдръ, жены Улебле; Прасътепъ Туръдуви; Либиаръ Фастовъ; Гримъ Сфирьковъ; Прастенъ Акунъ, нети Игоревъ; Кары Тудковъ; Каршевъ Туръдовъ; Егри Евлисковъ; Воистъ Воиковъ; Истръ Аминодовъ; Прастенъ Берновъ; Ятвягъ Гунаревъ; Шибридъ Алдапъ; Колъ Клековъ; Стегги Етоновъ; Сфирка...¹; Алвадъ Гудовъ; Фудри Туадовъ; Мутуръ Утинъ; купецъ Адушъ, Адулбъ, Иггивладъ, Олебъ, Фрутапъ, Гомолъ, Куци, Емигъ, Туръбидъ, Фуръстенъ, Бруны, Роалдъ, Гунастръ, Фрастенъ, Игельдъ, Туръбернъ Моны, Руалдъ, Свень, Стиръ, Алдапъ, Тилеп, Апубьскаръ, Вузлевъ, Синко, Боричъ², послании от Игоря, великого князя рускаго, и от всякая княжья и от всехъ людей Руския земля»³.

Скандинавское происхождение имен послов и купцов, названных в этом трактате, не удивительно, это объясняется служебными функциями, которые норманны выполняли на Руси. Больше всего может навести на размышления монополия купцов норманнского происхождения в византийской торговле; это явление, возможно, обусловлено сравнительно поздним развитием этой торговли, поскольку непосредственные торговые русско-византийские

¹ В тексте отсутствует имя доверителя.

² Это выражение С. М. Соловьев принимает как определение должности (правильное звучание — биричь), а именно герольд, переводчик, которым, наверное, был славянин Синко, переводивший со славянского (им пользовались норманны в Константинополе) на греческий. (Соловьев С. М. Заметки..., с. 412—417.)

³ ПВЛ, ч. 1, с. 34—35.

отношения до IX в. представляются сомнительными. Обмен скорее был ориентирован на Восток, и, очевидно, не случайно Ибн Хордадбех определяет русских купцов как славян. Они принимали участие прежде всего в восточной торговле, зато в византийскую были втянуты прежде всего купцы норманнского происхождения*.

Кроме того, обращает на себя внимание группа 25 доверителей, в этом договоре перечисленных поименно. Они принадлежали, естественно, к правящему классу, имена же их преимущественно скандинавские. Вот единственный пункт, на который могли бы опереться норманисты... если на этом поставить точку. Но следует отметить, что названные 25 доверителей не исчерпывают эту группу целиком, определенную словами «от всякоя княжъя и от всехъ людей Руския земля». Трудно сомневаться в том, что решение о заключении мира было принято если не на киевском вече при участии всего свободного населения (на что указывает подчеркнутое выше слово *всехъ*), то, во всяком случае, на совете всей знати**, а также старейшин¹. В этом определении знаменательно также слово *земля*, указывающее, что Русь выступала как территориальное объединение, государство, не как группа завоевателей, и более того, подтверждающее, что круг доверителей был значительно более широким, чем группа из 25 названных по именам лиц. Можно также предполагать, что эта группа представлялась монолитной с точки зрения ее общественного положения, а не созданной из различных слоев или группировок господствующего класса. Как и в предшествующем договоре, она, скорее всего, состояла исключительно из князей или же великих князей, при-

¹ О составе советов, решающих важные государственные дела, можно судить по описанию приятия христианства на Руси при Владимире Святославиче. По древнейшему киевскому своду, Владимир перед принятием решения «созва... боляры своя и старцы градские, и рече имъ», а затем выслушал их советы: «отвещавше же боляре рекоша». (Шахматов А. А. Разыскания..., с. 560; ПВЛ, ч. 1, с. 74, 75; см. также: Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира.— Сборник статей, посвященных В. И. Ламанскому, ч. 2. СПб., 1908, с. 1029—1153; оп же. Разыскания..., с. 151). Шахматов полагал, что это известие появилось в последней четверти XI в. и сообщает о совете всего народа: «И бысть любя речъ [боляр и старцев градских] князю и всемъ людемъ» (ПВЛ, ч. 1, с. 74). Хотя вопрос о существовании веча до 1068 г. спорен, полагаю, что это известие нельзя игнорировать, поскольку оно согласуется с упоминанием «всехъ людей Руския земля» в договоре 944 г.

надлежащих к правящему дому. Кроме самой термитологии (*княжье*), это подтверждается включением в нее женщин и также выразительным упоминанием родственных связей некоторых из них с Игорем (Слуды Игоревъ, нети Игоревъ; Акунъ, нети Игоревъ), которые приводились, очевидно, только в случаях возможного сомнения в их идентификации. В то же время в списке отсутствуют два известных норманна на русской службе: воевода Свенельд и Асмунд, кормилец (воспитатель) Святослава. Более того, в описании Константином Багрянородным приема княгини Ольги при императорском дворе в 957 г.^{1*} указано, что княгиню сопровождали ее родственницы княжеского происхождения², а также придворные, среди которых были послы князей Русской земли и купцы³. Перечисляя денежные подарки, розданные гостям, император назвал их количество: оказывается, что с княгиней было 16 родственниц, послов было не менее 22, а купцов — 44⁴; а поскольку каждый посол представлял одного князя по условиям договора 944 г., можно предположить, что численность правящего дома не намного изменилась за 944—957 гг.

Итак, документ 944 г. не дает оснований преувеличивать норманнский этнический элемент в господствующем классе, поскольку содержит имена, представляющие лишь три относительно немногочисленные группы: 1) господствующую династию, 2) послов этой династии, 3) купцов. Нет здесь самой многочисленной группы — славянских знатных мужей, бояр, которые были истинной господствующей прослойкой в государстве.

К сожалению, в источниках, кроме договоров 911 и 944 гг., почти нет имен представителей господствующего класса на Руси в IX и X вв., исключая имена членов династии. Неудивительно, что эти имена (их немногим более 10) вызывали большой интерес, приводивший иногда из-за недостатка источников к рискованным домыслам.

¹ Constantine Porphyrogenitus. De cerimoniis, aulae byzantinae, II, 15. См.: Соловьев А. В. Заметки..., с. 412.

² Ibid.

³ «...послы архонтов России и купцы» (οἱ τῶν ἀρχόντων Ῥωσίας ἀποκρισταῖοι καὶ πρᾶγματευταί...—Ibid.).

⁴ Один раз указано 20 послов, другой — 22, также и купцов: 43 и 44 (ibid.). Может быть, их было еще больше. Число родственников не удивительно, у Само, например, было 22 сына и 15 дочерей (Fredegarii Chronicon, IV, 48).

Конъектура Длугоша, который маловыразительное имя князя древлян Мала заменил именем Микстина или Мстиши, сына воеводы Свенельда, направила Шахматова, который принял эту поправку за подлинный текст, на путь фантастического предположения о норманнском происхождении Малуши, матери Владимира Святославича, отождествленной им с некой Мальмфредь (Мальфрид)¹. Норманист А. Брюкнер² показал беспочвенность этого отождествления, которое иногда вновь проскальзывает в литературе³. Если ограничиться достоверными сведениями, то в «Повести временных лет» упомянуты три норманна: Свенельд, воевода Игоря, а затем Святослава⁴, Асмуд, кормилец Святослава⁵, и сын Свенельда по имени Мстиша (Мстислав) Лют, или Лютый (по Брюкнеру)⁶. Наряду с ними встречаются славянские или принадлежащие славянам имена: Претич, воевода заднепровской Руси (северян?) при Святославе⁷; Марк Любечанин, живший во времена Игоря и Святослава⁸; его дочь Малуша, взявшая имя от отца⁹, наложница Святослава и мать князя Владимира; сын Малка и дядя Владимира — известный Добрыня¹⁰, которого пытались наделить именем Олег, но без соответствующего подкрепления источниками¹¹ и вопреки свидетельству летописей, которые признают род Малка славянским и боярским. Славянином были Блуд, воевода Ярополка¹², и, очевидно, слуга того же кня-

¹ ПВЛ, ч. 1, с. 88.

² Brückner A. Rozdział z "Nestora", s. 1—25. См. замечания Преснякова об этой гипотезе (Пресняков А. Е. Лекции по русской истории, т. 1, с. 91). Шахматов, кстати, правильно установил некоторые летописные интерполяции имени Свенельда.

³ Stender-Petersen A. Die Varägersage..., S. 15; idem. Jaroslav und die Väringer. — In: Stender-Petersen A. Varangi-ca, S. 130.

⁴ ПВЛ, ч. 1, с. 39, 40, 42, 52.

⁵ ПВЛ, ч. 1, с. 40.

⁶ ПВЛ, ч. 1, с. 40; Brückner A. Rozdział z "Nestora", s. 3; Stender-Petersen A. Die Varägersage..., S. 15.

⁷ ПВЛ, ч. 1, с. 47.

⁸ ПВЛ, ч. 1, с. 49. Имя Малк позднее встречалось на Украине. Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903, с. 241.

⁹ ПВЛ, ч. 1, с. 49; Brückner A. Rozdział z "Nestora", s. 7.

¹⁰ ПВЛ, ч. 1, с. 49, 50, 56.

¹¹ Stender-Petersen A. Die Varägersage..., S. 16.

¹² ПВЛ, ч. 1, с. 54. Томсен В. Указ. соч., с. 121. Автор из осторожности исключил его из списка скандинавских имен, встреченных на Руси. О существовании славянского имени Блуд говорят

зя — Варяжко¹, поскольку это имя показывает скорее, что он не был варягом, так же как имя Ятвяг в договоре 944 г. не обязательно свидетельствует о том, что его носитель был ятвягом. Известно, что чужие этнонимы часто использовались в качестве личных имен (у готов был Галинд², на Руси, кроме Варяжко, был также Ляшко и т. д.). Очевидно, имена такого типа могли указывать на иностранное происхождение, но в равной мере служили и для определения какого-то отношения данного человека к чужому народу*. Поэтому, раз варяги на Руси были обычным явлением, представляется сомнительным, чтобы имя Варяжко было именно у варяга. Более правдоподобно, что это имя подчеркивало какую-то специфическую черту человека славянского происхождения. Далее, у Владимира был воевода по имени Волчий Хвост³; может быть, это прозвище, но местное. Наконец, есть и греческое имя, очевидно, относящееся к духовному лицу, — Анастас из Корсуни, которого Владимир вместе с греческим клиром привел после завоевания этого города⁴. Надо признать, что 3 человека норманнского происхождения из 11 — это очень много, но эти цифры не отражают действительного числа норманнов в составе русского господствующего класса уже потому, что представители скандинавской династии брали воевод и кормильцев со своей бывшей родины.

Анализ иностранных и отечественных источников приводит к единому выводу: норманны не составляли многочисленной группы⁵ в составе господствующего класса

названия местностей, образованные от него. (Miklosich F. Die Bildung der slavischen Personen- und Ortsnamen. Heidelberg, 1927, S. 131), например, д. Блудов в пов. Острогском, Блендов в пов. Луцком. (Słownik geograficzny Królestwa Polskiego, t. 1. Warszawa, 1880, s. 254.) Есть этот корень и в фамилиях (АСЭИ, т. I, М., 1952, с. 406)**.

¹ ПВЛ, ч. 1, с. 55.

² Gotschald M. Personennamen. — Deutsche Wortgeschichte, Berlin, Bd. 3, 1943, S. 173, где приведены и другие примеры этнонимических имен.

³ ПВЛ, ч. 1, с. 59.

⁴ ПВЛ, ч. 1, с. 76.

⁵ Thietmar, VIII, 32. Автор писал о населении Руси на основе информации, собранной у немцев, принимавших участие в походе Болеслава Храброго 1018 г. В его известии о Киеве много преувеличений и неточностей. Немногочисленность норманнов в

на Руси¹ и результаты исследований социально-экономических процессов не противоречат ее политической истории.

составе русской социальной верхушки наглядно выступает также при сравнении с большим количеством германских личных имен в ономастике романских стран Западной Европы (Łowmiański H. Początki Polski, t. 5, s. 550—552). — *Прим. авт.*

¹ Sacke G. Varjag- und Kolbjag- in der "Russkaja Pravda". — ZSPH., 1940, Bd. 17, S. 284—295. Автор находит в «Русской Правде» доказательство того, что норманны еще в XI в. были на Руси господствующей прослойкой, которая пользовалась специальными привилегиями. Прежде всего, он ссылается на статью Краткой редакции, предусматривающей, что оскорбленный местный житель должен был представить двух свидетелей, а варяг или колбяг мог доказать свою невиновность присягой (ПРП, вып. 1, с. 78). Однако уже М. Владимирский-Буданов выяснил, что в этой статье речь идет скорее об уравнивании условий (Владимирский-Буданов М. Хрестоматия по истории русского права, т. I. Киев, 1885, с. 26), в каких находились иноземцы, которые не всегда так легко, как местные жители, могли найти свидетелей в чужой стране. А. А. Зимин (ПРП, вып. 1, с. 89; Sacke G. Op. cit., S. 286) опровергает это объяснение и ссылается на договор 1189 г., где русские и немцы одинаково должны были приводить свидетелей, однако, он не учитывает, что: 1) равенство условий для местных жителей и иноземцев не обязательно являлось правилом; могло быть, что за иноземными купцами формально признавали равные права, но фактически это ставило их в худшее положение; 2) договор 1189 г. был двусторонний и обязывал к тому же русских купцов в немецких государствах; таким образом, с точки зрения общей картины торговых отношений ни одна из сторон не была обойдена. См.: Goetz L. K. Deutsch-russische Handelsvorträge des Mittelalters. Hamburg, 1916, S. 22.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно предположить, что роль норманнов на Руси в первый период их экспансии, длившийся примерно до третьей четверти X в., была иной, чем в последующий период. Вначале они выступали прежде всего в роли купцов благодаря присущей им ловкости в торговых делах, знанию чужих стран, что облегчало им выполнение и дипломатических функций. Их знания и опыт в военном деле, а особенно в навигации и походах водными путями, использовало Русское государство. На престол была призвана скандинавская династия, ославяненная, как представляется, уже во второй половине IX в. или к моменту прибытия в Киев Олега, которого, очевидно, можно считать связанным с Игорем и Ольгой*. Мнение, что норманны на Руси сыграли ту же роль, что и конкистадоры¹ в Америке, полностью опровергается при осторожном и исчерпывающем анализе источников. Не находит также подтверждения мнение, будто норманны дали толчок экономическим и социальным преобразованиям и организации государства на Руси. Древнерусское государство было следствием внутреннего общественного, экономического и культурного развития, точно так же как оно определяло образование и других славянских государств, в том числе Польского, которое также оказалось затронутым норманнской экспансией, хотя и более слабой, чем восточные славяне, и приходящейся скорее на второй период походов викингов. Польша и в еще меньшей степени Литва не интересовали норманнов, поскольку находились на периферии торговых путей, связывавших Скандинавию с Востоком и Византией.

Второй период норманнской экспансии начиная с последней четверти X в. характеризовался изменением роли

¹ Bolin S. Mohammed, Charlemagne and Ruric, p. 30.

норманнов на Руси. Их место в торговле уменьшается, зато русские князья, в особенности новгородские, охотно прибегают к помощи варяжских отрядов. Тогда-то, вероятно, выражение *варяг*, первоначально обозначавшее купца норманнского происхождения, получило другое значение — наемный воин. При дворах русских князей бывали ярлы, деяния которых воспевали в своих песнях скальды. Русские князья использовали варягов также и в административных целях, как это убедительно подтверждает «Повесть временных лет», говоря о Владимире, и то же приписывает Рюрику. Административная деятельность норманнов на службе у русских князей нашла отражение в скандинавских сагах¹ и, возможно, в скандинавской терминологии, в особенности в выражении *polutasvarf*². Однако к этому времени Древнерусское государство уже давно возникло и лишь стабилизировалась его территория и усовершенствовались институты власти.

Теория норманнского происхождения руси и ее государства в историографии была явлением закономерным до тех пор, пока доминировал интерес к политической истории и пока сам исторический процесс представлялся как результат инициативы отдельных личностей, династий, без учета роли масс. Этот методологический изъян стал, однако, препятствием для надлежащего анализа источников, значение которого выяснилось впервые лишь в условиях отношения к прошлому как к единому процессу и тщательного учета в исследованиях всех, а не только некоторых сторон бытия.

¹ См. саги об Олаве Трюггвасоне, Олаве Святом, Харальде (Rafn C. Antiquité Russes..., t. 1, p. 276, 348, 361); Рыдзевская Е. А. Сведения о Старой Ладге в древнесеверной письменности, с. 58*.

² Правильно предположение Стендер-Петерсена, выводящего первую часть этого термина от русского *полюдь* (вторая часть, по-видимому, соответствует скандинавскому термину, так же как *Гура* Константина Багрянородного. (Stender-Petersen A. Études Varègues. II.—Classica et Mediaevalia, 1940, v. 3, p. 1—19; Blöndal S. Quelques notes sur le mot *polutasvarf*. — Ibid., p. 94—99.)

Четверть века, истекшие после выхода в свет исследования академика Х. Ловмянского, ознаменовались возрастанием интереса к истории русско-скандинавских отношений раннего средневековья. Это было вызвано, с одной стороны, резким увеличением количества источников, в первую очередь археологических (на территории СССР и в Скандинавских странах); усовершенствованием методики анализа письменных и археологических источников, что расширило их историческую информативность; привлечением данных других наук. С другой стороны, под непосредственным воздействием разработанной еще в 1930—1940-е годы марксистской концепции генезиса классового общества и государства на Руси существенно изменились взгляды историков на процессы образования феодальных государств в Европе, в том числе Древнерусского государства. В результате этого с 1970-х годов сама постановка «норманнской проблемы» вновь (после 1940—1950-х годов) подвергается коренному пересмотру. Немалую роль в этом сыграл и публикуемый труд Х. Ловмянского.

Итоги почти 150-летнего изучения норманнского вопроса с позиций норманизма были подведены в работе В. Томсена (русский перевод: Томсен В. Начало русского государства. М., 1891), суммировавшего все историко-филологические данные, полученные к тому времени. Та же задача в отношении археологического материала была выполнена Т. Арне (Arne T. La Suède et l'Orient. Upsal, 1914). Эти труды завершили первый этап «классического» норманизма, источниковой базой которого были почти исключительно разноязычные письменные источники и лишь в последние десятилетия его существования — археологические данные.

Ожесточенная полемика норманистов и антинорманистов сводилась практически к решению одного, считавше-

гося коренным, вопроса: являлось ли Древнерусское государство созданием скандинавов или славян. В теоретическом плане и те и другие, во-первых, основывались на идеалистическом представлении о деятельности отдельных лиц или этнических групп как основном двигателе исторического процесса и, во-вторых, исходили из априорной предпосылки о социальном и экономическом превосходстве скандинавского общества над восточнославянским. Обсуждение конкретных вопросов (о происхождении названия *русь*, об этимологии названий Днепровских порогов у Константина Багрянородного, о достоверности легенды о призвании варягов и пр.) полностью ставилось в зависимость от общей концепции (про- и антинорманистской) исследователя. По мнению представителей обоих направлений, каждый из этих частных вопросов давал непосредственный ответ на основной. Поэтому, например, дискуссия об этимологии названия *русь* во второй половине XIX в. приняла особенно острый характер, так как обе стороны исходили из убеждения, что признание скандинавского происхождения названия неизбежно влечет за собой вывод об основании Древнерусского государства норманнами (см. подробнее: Шаскольский И. П. Антинорманизм и его судьбы. — В кн.: Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983, с. 35—51). Методологическая ограниченность и антинорманизма, и норманизма конца XIX — начала XX в. практически положила конец сколько-нибудь продуктивному изучению русско-скандинавских связей после трудов В. Томсена и Т. Арне — до формирования новой, марксистской концепции генезиса государственности у восточных славян.

Труды 1930—1940-х годов Б. Д. Грекова, С. В. Юшкова, М. Н. Тихомирова, А. В. Арциховского, Б. А. Рыбакова и многих других убедительно показали высокое развитие восточнославянского общества в период образования раннефеодального государства, выявили экономические и социальные предпосылки его возникновения. Переход от первобытнообщинного строя к раннефеодальному государству, начавшийся до появления скандинавов на территории Восточной Европы, сопровождался интенсивной славянской колонизацией обширных пространств, упрочением в зоне колонизации земледельческого хозяйства, социальной и имущественной дифференциацией, заменой родовых общин территориальными, возникновением раннегородских центров, развитием аппарата управле-

ния. В IX в. он привел к формированию племенных конфедераций, представлявших к этому времени не просто этнические, а политические образования (Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1954; Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси. — В кн.: Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Шапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 11—76; Назаров В. Д., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Проблемы общественно-политической истории феодальной России и новейшей историографии. — ВИ, 1976, № 4, с. 25—48). Именно на этой основе в X в. завершается формирование единого Древнерусского государства с центром в Киеве, объединившего под своей властью огромную территорию от Ладожского и Белого озер на севере до границы степной зоны на юге. Типологическое сходство процессов социально-экономического развития у других славянских народов (поляков, моравов, чехов и др.) подтвердило вывод о возникновении Древнерусского государства как итоге закономерного внутреннего развития восточнославянского общества.

Убедительность выводов советской исторической науки уже в 1950—1960-х годах признали многие прогрессивные исследователи Запада, что повлекло изменение их взглядов и на роль скандинавов в образовании Древнерусского государства. Г. Штёкль, например, отказался считать норманнов «основателями государства» (Stökl G. Russische Geschichte. Stuttgart, 1965, S. 36). А. Стендер-Петерсен, предполагавший существование норманнской колонизации в Северной Руси и «скандинавизацию» важнейших древнерусских городов на основных торговых путях, тем не менее отметил значение внутренней социально-политической эволюции восточных славян при образовании государства. Именно ему принадлежит новая, по его определению «неонорманистская», формулировка «варяжского вопроса», которая способствовала, несмотря на ее односторонность, дальнейшему плодотворному исследованию русско-скандинавских отношений IX—XI вв. По его мнению, основной задачей стало исследование «роли скандинавского этнического элемента в истории культурно-политического создания и раннего развития Древнерусского государства» (Stender-Petersen A. The Varangian Problem. — In: Stender-Petersen A. Varan-

gica, Aarhus, 1953, p. 5, впервые опубликовано в 1949 г.). Такая постановка проблемы требовала выявления и изучения многообразия факторов, приведших к возникновению восточнославянской государственности. Однако она по-прежнему исходила из решающего влияния норманнов на процессы образования древнерусской государственности путем колонизации (А. Стендер-Петерсен, Г. Вернадский) или узурпации власти в стране и образования скандинавского по происхождению господствующего слоя (Г. Пашкевич). Подробнее см.: Шаскольский И. П. Норманнская теория в современной буржуазной науке. М.—Л., 1965.

На протяжении 1950 — начала 1970-х годов рассмотрение норманнского вопроса в марксистской историографии было подчинено детальному исследованию различных аспектов экономических отношений, социального строя, культуры восточных славян VIII—XI вв., а также интенсивному изучению и систематизации источников, особенно археологических (см.: Шаскольский И. А. Норманнская проблема в советской историографии. — В кн.: Советская историография Киевской Руси. Л., 1978, с. 152—165). В буржуазной науке основное направление исследований в целом определялось задачами, поставленными А. Стендер-Петерсеном и его исследовательской методикой, требовавшей более углубленной критики письменных источников, преодоления разрыва между филологическим и историческим подходом к проблеме, широкого сравнительного анализа конкретных явлений. В то же время усиливается влияние марксистских теоретических и конкретно-исторических исследований в области истории раннефеодальных государств Европы. Уже в 1969 г. на международном симпозиуме по «варяжскому вопросу» подавляющее большинство докладчиков и выступавших в прениях согласилось, что «русское государство не возникло ex nihilo» (Varangian Problems. Scando-Slavica. Supplementum I. København, 1969, p. 142. См. также: Schmidt K. R. The Varangian Problem. A Brief History of the Controversy. — Ibid., p. 7—20; Nielsen J. P. Normannismen — et klassisk stridsspørmål i russisk historieforskning. — Samtiden, 1975, b. 84, s. 350—360). Еще более определенно выразил эту мысль Г. Рюс: «Киевское государство возникло в ходе длительных и сложных процессов, в которых участвовали различные факторы», и задача состоит в исследовании этих процессов и их дина-

мики (R ü ß H. Die Warägerfrage. — In: Handbuch der Geschichte Russlands, Bd. I, L. 4/5. Stuttgart, 1979, S. 279). Крайне редко, по еще встречающиеся в научной литературе отголоски теории о насаждении государственности у восточных славян какими-либо силами извне рассматриваются ныне как анахронизм и вызывают резкую критику (см., например, резко отрицательный отзыв английского археолога Д. Вильсона о «новой концепции» происхождения Руси в работе американского востоковеда О. Прицака: Wilson D. M. — In: The Slavonic and East European Review, 1978, v. 56, № 1, p. 155—156).

Второе основополагающее положение старой «норманистской» школы о социально-политическом превосходстве древнескандинавского общества над восточнославянским также не выдержало исследовательской проверки. Становление феодальных отношений в Скандинавии стало в 1960—1970-е годы предметом широких научных исследований и дискуссий в СССР, Польше, ГДР (А. Я. Гуревич, И. П. Шаскольский, С. Д. Ковалевский, Я. Жак, С. Пекарчик, Л. Лицевич, И. Херманн), в ходе которых было установлено, что эпоха викингов для Скандинавии — это время становления классового общества и раннефеодальных государств (при всей неравномерности развития отдельных стран). Хотя время завершения этих процессов еще продолжает обсуждаться в научной литературе и варьируется в широких пределах от XI до XIII вв., сопоставление с древнерусским материалом показывает относительную синхронность этих процессов в Восточной и Северной Европе, особенно на раннем этапе (несмотря на различия в конкретных формах их проявления).

Тем самым теоретический фундамент как «классической» норманнской теории Томсена — Арне, так и «неонорманизма» Стендер-Петерсена оказался и был признан буржуазными исследователями несостоятельным. Это потребовало значительного углубления и модернизации как исследовательской методики и расширения источниковой базы, так и изменения теоретических построений и создало почву для пересмотра постановки проблемы русско-скандинавских отношений, происходящего в настоящее время.

В источниковедении норманнской проблемы важнейшим результатом послетомсеновского периода стал комплексный подход, сочетающий использование и исследование как разпоязычных письменных источников (которые

до Томсена и для него самого являлись практически единственными), так и археологических и пумизматических данных, материалов сравнительной лексикологии, ономастики, терминологии и т. д. Такое расширение круга источников позволило поставить ряд новых вопросов (об отражении русско-скандинавских связей в топонимике Восточной Европы, об участии скандинавов в распределении арабского серебра в Восточной и Северной Европе и др.), сопоставить и скорректировать выводы, полученные при анализе различных групп источников. Первой работой такого синтезирующего плана была публикуемая монография Х. Ловмянского.

Наряду с письменными известиями, основным видом источников, постоянно возрастающих количественно и ставящих все новые вопросы в изучении русско-скандинавских отношений, стали данные археологии. А. В. Арциховский утверждал даже, что «варяжский вопрос чем дальше, тем больше становится предметом ведения археологии» (Арциховский А. В. Археологические данные по варяжскому вопросу. — В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 41). Во всяком случае, археологические данные стали важнейшим коррелятом при комплексном изучении проблемы, прежде всего при сопоставлении с письменными памятниками (ср.: Rüß Н. Varägerfrage. Neue Tendenzen in der sowjetischen archäologischen Forschung. — Östliches Europa Spiegel der Geschichte. Wiesbaden, 1977, S. 3—16). Достаточно сказать, что основная посылка А. А. Шахматова, предполагавшего искусственный характер летописной легенды о призвании варягов на том основании, что Изборск и Белоозеро, где летопись «посадила» призванных князей, в IX—X вв. не играли значительной роли в русской истории (Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 290—292), ныне нуждается в пересмотре. В Белоозере открыты слои X в. (Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973), в Изборске — еще более древние слои (Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982, с. 56 и сл.), и, что еще важнее, эти поселения, где славяне столкнулись в финской субстратной среде со скандинавами, были форпостами славянской колонизации на Севере. Эти этнические компоненты называются и в легенде о призвании; вне контекста их взаимосвязей нельзя решить и проблему происхождения названия *русь*.

Исследования норманнских древностей на Руси позволяют проследить динамику проникновения скандинавов на ее территорию, от мелких групп на Севере со второй половины VIII в. (Ладога, см.: Рябини́н Е. А. Скандинавский производственный комплекс VIII в. из Старой Ладogi. — В кн.: Скандинавский сборник, вып. XXV. Таллин, 1980, с. 161—178) — начала IX в. (Сарское городище, см.: Лео́птьев А. Е. О времени возникновения Сарского городища. — Вестник МГУ. История, 1974, № 5, с. 68—74; он же. Скандинавские вещи в коллекции Сарского городища. — В кн.: Скандинавский сборник, вып. XXVI. Таллин, 1981, с. 141—150) до максимума, определяемого основной массой скандинавских древностей середины — второй половины X в. (обзор см.: Кирпичиков А. И., Лебедев Г. С., Булкин В. А., Дубов И. В., Пазаренко В. А. Русско-скандинавские связи в эпоху образования Древнерусского государства, IX—XI вв. — *Scando-Slavica*, 1979, t. 24, с. 63—89; сокращенный вариант: Краткие сообщения Института археологии, 1980, вып. 160, с. 24—37). Таким образом, наиболее заметные археологические свидетельства пребывания норманнов на Руси совпадают со временем консолидации (а не возникновения) Древнерусского государства (Авдусин Д. А. Об изучении археологических источников по варяжскому вопросу. — Скандинавский сборник, вып. XX. Таллин, 1975, с. 147—157) при Игоре — Святославе — Владимире, которые активно использовали варяжские дружины как во внутренней, так и во внешней политике.

Подверглись археологическому исследованию и различные аспекты деятельности скандинавов на Руси: от ранней торговой, ориентированной на систему обращения восточного серебра на Севере (с конца VIII в. См.: Фо́мин А. В. Начало распространения куфических монет в районе Балтики. — КСИА, 1982, вып. 171, с. 16—21) до участия в формировании феодализирующихся дружинных верхов Киевской Руси. При этом пересмотрены и ранее существовавшие суммарные представления о предметах скандинавского происхождения как об импортах исключительно (породившее в свою очередь преувеличенное представление о масштабах скандинавской торговли, которое повлияло и на точку зрения Х. Ловмяньского), и норманистская тенденция объявлять скандинавскими любые памятники, где найдены вещи из Скандинавии

(см.: Арциховский А. В. Указ. соч., с. 36; ср. также возражение Х. Ловмянского против концепции Т. Арне, см. выше, с. 111—112). Разработаны критерии выделения этнических признаков, основанные на сочетании этнически значимых вещей (племенного убора, предметов культа) и погребального обряда, позволяющие идентифицировать скандинавские погребальные комплексы (см., например: Авдусин Д. А. Скандинавские погребения в Гнёздове. — Вестник МГУ. История, 1974, № 1, с. 74—86).

Давно признано, что скандинавы на Руси были ассимилированы славянами к началу XI в., с чем связано и исчезновение скандинавских древностей в этом столетии. Вместе с тем методическим недочетом многих исследователей варяжского вопроса было то, что они рассматривали скандинавские древности в статике, без учета интенсивных этнических и социальных процессов на Руси. Даже такой тонкий знаток материальной культуры эпохи викингов, как Х. Арбман, который выделил категорию вещей-«гибридов», выполненных в Восточной Европе в скандинавской манере, но с привнесением чуждых ей черт, искал «погребения чисто шведского типа» в гнёздовских курганах, «скандинавские погребения» в Киеве и т. п. (Arbman H. Sverige och Östern under vikingatiden. — In: Proxima Thule. Sverige och Europa under forntid och medeltid. Stockholm, 1962, s. 163—164).

Действительно, гнёздовские курганы с трупосожжением настолько близки между собой по обряду, что без этнически определимых вещей нельзя сказать, кто похоронен под насыпью, славянин или варяг. Из этого верного в принципе наблюдения об определенном культурном единстве гнёздовских курганов делались выводы об их чисто скандинавской принадлежности (Т. Арне), предлагался «объективный» метод подсчета процента скандинавских комплексов, исходя только из этнически определенных погребений без учета преобладающей славянской среды. Следы деятельности скандинавов обнаружены и на других древнерусских поселениях, однако варяги X в., оседавшие на древнерусских погостах, в Киеве, Чернигове и других городах, уже никак не сопоставимы с «находниками» времен Олега, почти не оставившими следов в материальной культуре Руси. Это — русские дружинники скандинавского происхождения, их быт и обрядность претерпели изменения под воздействием восточноевропейских традиций. Русско-варяжские отношения на этом этапе

определялись процессом формирования единой древнерусской культуры IX—X вв., отражавшим консолидацию древнерусской народности. Скандинавские традиции нивелировались общерусской культурой и в XI в. почти исчезли.

Х. Ловмянский справедливо указывал, что этнический аспект развития Древнерусского государства и народности отнюдь не сводится к славяно-скандинавским отношениям. Спектр этнических взаимосвязей восточных славян был несравненно более широк, включая упомянутые контакты с финнами, а также западными славянами, балтами, тюрками, венграми и др. (см.: Пашуто В. Т. Указ. соч.; он же. Истоки Древнерусского государства. — В кн.: Повосельцев А. П. и др. Указ. соч., с. 83—92). Дело, по-видимому, не только в исходной полиэтничности Руси как государственного образования. Сами процессы государствообразования сопровождались ломкой первобытнообщинных традиций, ориентированных на родо-племенную замкнутость. Поэтому и до появления норманнов в Восточной Европе наиболее прогрессивными были межплеменные образования и поселения с развивающимся ремеслом и торговлей (типа Пастырского городища VI—VII вв. — см.: Седов В. В. Указ. соч., с. 22—24, — или одновременного Зимновского поселения, см.: Аулѣх В. В. Зимнівське городище. Київ, 1972), синтезирующие импульсы разных культур. Такова и культура Среднего Поднепровья VI—VII вв., в которой иногда видят предшественницу Русской земли в узком смысле (Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982, с. 68—73); такова, очевидно, и Новгородская конфедерация, на землях которой в процессе колонизации смешались восточно- и западнославянские этнические компоненты, сохранившие некоторые балтские традиции кривичи, местные финские племена. Для знати, возглавлявшей эту конфедерацию, варяжские дружины на севере Восточной Европы были не только конкурентами в эксплуатации местного населения, но и естественными союзниками, представляющими готовую и не связанную местными племенными традициями вооруженную силу. Именно такую подплеменную пейтральную силу в противоречивых социальных, политических и этнических условиях и представляли собой «призванные» варяжские князья. В. Т. Пашуто предположил, что призвание было осуществлено советом правящей знати трех зе-

мель — Словенской, Кривичской и Чудской, решившим «выбрать князя из другой земли, который бы защищал не интересы знати одной из земель, а их общий интерес» (Пашуто В. Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы. — В кн.: Скандинавский сборник, вып. XV. Таллин, 1970, с. 55); возможно, такова была традиция вечевой боярской республики в Новгороде (Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода. К постановке проблемы. — История СССР, 1971, № 2, с. 33). Х. Ловмянский считает, что те же причины способствовали утверждению скандинавской династии и в Киеве. Показательно, что эта стоящая над родо-племенными объединениями сила представляла в глазах современников (например, Константина Багрянородного) и средневековых хронистов как чисто внешняя в социальном и этническом отношении (даже когда князь призывался из своей этнической среды, как Пшемисл у чехов — Козьма Пражский. Чешская хроника. М., 1962, с. 42—43). Этот наивный взгляд, родившийся на заре историографии, в той или иной мере унаследовал норманизм. В действительности же история варягов на Руси — это история их включения в закономерные и противоречивые социально-экономические отношения эпохи становления государства. В них прежде всего пуждалась великокняжеская власть, паходившаяся в сложных, а порой и конфликтных отношениях с племенной аристократией (этническая нейтральность, возможно, способствовала и широкому распространению названия *русь*. См. ниже, прим. к с. 204). Отсюда значительная роль варягов в генезисе феодализирующейся знати, на что обратил особое внимание Х. Ловмянский в главе 6, во внешних походах и дипломатических представительствах, во внутренней политике Киева. Недаром во всех «узловых» пунктах Древнерусского государства, где проходили важные речные пути, связующие разные земли, или где формировался княжеский домен (как на Черниговщине) — в Гнёздове, Тимереве на Верхней Волге, в Пскове и Ладоге, — обнаружены камерные гробницы середины X в., сходные с собственно киевскими. Погребенные в этих гробницах, как уже говорилось, были не варягами «из-за моря», а представителями русских дружинных верхов. Более того, в самой Скандинавии сходные, но не идентичные погребения обнаруживают восточноевропейское влияние на быт скандинавской знати.

Широкое теоретическое рассмотрение проблем этнокультурных связей вызвало к жизни постановку вопроса об «обратном» влиянии восточноевропейского мира на скандинавский. Существование широких культурных связей Северной, Восточной и Южной Европы отмечали еще в 1920-х годах А. Стендер-Петерсен, Т. Арпе, позднее Х. Арбман. Но лишь археологические исследования последних двух десятилетий, в первую очередь в важнейших центрах самих Скандинавских стран (Бирке, Хедебю), позволили вначале на археологическом материале (Zak J. Kontakte zwischen Skandinavien und Westslawen des 9.—11. Jhs. n. Chr. im Lichte der archäologischen Quellen. — Offa, 1975, b. 32, s. 48—53; Седов В. В. Славянские находки в Фенно-Скандинавии. — VIII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов, ч. I. Петрозаводск, 1979, с. 166—168; Кирпичников А. Н. Вооружение воинов Киевской державы в свете русско-скандинавских контактов. — Скандинавский сборник, вып. XXII. Таллин, 1977, с. 159—173), а затем и с привлечением данных сравнительной лексикологии и письменных источников поставить вопрос о взаимодействии и взаимовлиянии Древней Руси и Скандинавии (Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. Древнерусские влияния в культуре Скандинавии раннего средневековья. — История СССР, 1984, № 3, с. 50—65). Интенсивность и формы проявления восточноевропейских влияний в Скандинавии являются своеобразным показателем степени вовлечения скандинавов в жизнь Древнерусского государства. Резкое усиление притока восточноевропейских импортов в Скандинавию, усвоение многих элементов древнерусского дружинного быта (в вооружении, украшениях и пр.) приходится на середину — вторую половину X в., т. е. именно на тот период, когда консолидируется Древнерусское государство, когда на территории Восточной Европы отмечается наибольшее распространение «норманнских древностей» в археологическом материале и когда в древне-скандинавских письменных памятниках появляются регулярные упоминания о поездках уже не в Прибалтийские земли, а именно на Русь. Совпадение данных различных источников заставляет обратить особое внимание на этот период как на время наиболее интенсивных русско-скандинавских связей.

В этом контексте нельзя не отметить актуальность периодизации русско-скандинавских отношений IX—XI вв. Их суммарная характеристика на протяжении трех столетий, исполненных коренными преобразованиями в социально-экономической жизни обоих регионов, неизбежно ведет к грубой схематизации и искажению реальных явлений. Однако именно такой, вневременной подход и принят в литературе. Между тем еще в 1930-х годах А. Стендер-Петерсен предпринял попытку выделить четыре этапа русско-скандинавских отношений IX—XIV вв., исходя из самого характера отношений, определяемого им на основании письменных источников (Стендер-Петерсен А. Четыре этапа русско-варяжских отношений. — In: Stender-Petersen A. *Varangica*, p. 241—262). Недостаточная аргументированность его периодизации и ее несоответствие археологическим данным привели к тому, что она не получила распространения. Потребность в периодизации русско-скандинавских связей вновь, уже в послевоенное время, ощутили историки-марксисты, и Х. Ловмянский, хотя и не оговаривая этого специально, пытается в своей книге проследить динамику связей, выделяя два этапа: 1. до третьей четверти X в. и 2. конец X—XI вв. На основании следов деятельности норманнов в материальной культуре Восточной Европы Г. С. Лебедев и В. А. Назаренко (Lebedev G. S., Nazarenko V. A. *The Connections between Russian and Scandinavians in the 9th—11th Centuries*. — *Norwegian Archaeological Review*, 1973, v. 6, № 1, p. 5—9) и позднее — исходя из хронологии Бирки по нумизматическим данным и сведениям о походах скандинавов на Восток, с которыми он связывает поступление арабского серебра в Бирку, — Г. С. Лебедев (Лебедев Г. С. *Монеты Бирки как исторический источник*. — *Скандинавский сборник*, вып. XXVII. Таллин, 1982, с. 149—163) выделили четыре последовательных этапа русско-скандинавских отношений в IX—X вв.

Представляется, что практически невозможно обоснованно говорить об изменениях в характере русско-скандинавских связей этого времени, если не учитывать как определяющий фактор развитие процессов феодализации восточнославянского общества и становления Древнерусского государства. Скандинавы в Восточной Европе приходили в соприкосновение с местным населением и выпущены были — как на Западе (что полностью осознает-

ся исследователями), так и на Востоке (что учитывается в меньшей мере) — постоянно считаться с местными условиями и применяться к ним. Поэтому основными критериями в периодизации русско-скандинавских отношений до конца XI в. должны быть динамика становления раннефеодальных государств в Восточной и Северной Европе в сопоставлении с данными материальной культуры (на территории и Древней Руси, и Скандинавии) и письменных источников (см.: Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. Указ. соч.).

Первый — начальный этап связей между Восточной Европой и Скандинавией, до середины IX в., проходил в обстановке формирования классового общества, государственности и раннесредневековых народностей в обоих регионах. Это было время образования племенных конфедераций уже не просто как этнических, а территориальных и политических структур — «племенных княжений» (Пашуто В. Т. Истоки..., с. 83—84). Древнейшие контакты скандинавов и восточных славян происходят в процессе славянской колонизации финских земель, куда скандинавы попадали нерегулярно и небольшими группами. Характер русско-скандинавских отношений на втором этапе — во второй половине IX — первой половине X в. — определялся образованием раннефеодальных государств в обоих регионах, нарастанием и ускорением феодализации восточнославянского общества, что вело к вовлечению норманнов в социально-экономические процессы, происходившие в Восточной Европе. Третий этап — середина — вторая половина X в. — проходит в обстановке консолидации и укрепления Древнерусского государства и дальнейшего развития государственности в Скандинавских странах. В обоих регионах выделяется феодализирующаяся знать, которая по своим устремлениям и функциям в социально-политической системе государства, прежде всего в составе великокняжеских дружин, противостоит племенной аристократии. (Насонов А. Н. Указ. соч., с. 25; Пашуто В. Т. Истоки..., с. 87—88.) В сфере русско-скандинавских отношений это привело к быстрой ассимиляции норманнов в славянской среде в процессе их участия в военной и политической жизни государства. Четвертый этап, конец X — первая половина XI в., когда Древняя Русь упрочивает свое международное положение как феодальное государство, ядро которого составляет древнерусская народность, ознаменовывается падением

роли скандинавов во внутренних социально-политических процессах и установлением межгосударственных контактов.

Таким образом, в последние два десятилетия исследование русско-скандинавских отношений раннего средневековья привело к ряду кардинальных изменений, папедших отражение в марксистской и в прогрессивной буржуазной науке. Во-первых, была признана несостоятельность теоретических основ и старой, и неонорманистской концепций образования Древнерусского государства. Во-вторых, конкретно-исторические и источниковедческие изыскания значительно углубили исследование русско-скандинавских связей, введя их в широкий исторический контекст процессов становления государственности у народов Восточной и Северной Европы. В-третьих, принципиально новыми и наиболее актуальными становятся вопросы социокультурного синтеза разнородных элементов в ходе формирования древнерусской народности и государства у восточных славян, одним из которых является выяснение форм и характера вовлечения скандинавов в эти процессы.

Именно такая постановка вопроса наметилась в трудах многих советских (В. Т. Пашуто, И. П. Шаскольский) и зарубежных (Г. Штёкль, Г. Рюс — в ФРГ, А. Рязановский — в США, Б. Альмгрен — в Швеции, К. Рабек Шмидт — в Дании и др.) ученых, стремящихся к объективной и всесторонней оценке русско-скандинавских отношений раннего средневековья.

Однако если в прогрессивной историографии последних десятилетий «норманнская проблема» утратила самостоятельное значение, влилась в более широкий исторический контекст и по существу может рассматриваться как проблема русско-скандинавского культурного взаимодействия, то ее отражение в популярной и дидактической литературе изменяется значительно медленнее, хотя и в ней наметилась тенденция к учету достижений международной исторической науки, особенно в тех случаях, когда авторами работ для широкого читателя становятся исследователи проблемы. Так, в некоторых из популярных иллюстрированных очерков истории викингов, в большом числе издающихся в ФРГ, США, Англии, Швеции, учены результаты научных изысканий последних лет. Уже в издании 1966 г. под редакцией Б. Альмгрена и П. Сойера авторы очерка «На юг к Средиземному морю и на Восток в Азию» отмечают прежде всего интенсивность

связей обоих регионов (Die Wikinger. Essen, 1966, S. 132). Обращается внимание на полиэтничность Древнерусского государства, в котором скандинавы составляли лишь один из компонентов (Bernard H. Vikings and Norse Men. London, 1971, p. 89—90). Более того, стало чуть ли не общим местом указание на широкие торговые связи Скандинавии, Византии и Руси и ограниченность деятельности норманнов в Восточной Европе сферой торговли (что, видимо, является своеобразной крайней реакцией на доминировавший прежде норманизм. См., например: Graham-Campbell J., Kidd D. The Vikings. London, 1980, p. 48—49, 72—73; Derry T. K. A History of Scandinavia. Norway, Sweden, Denmark, Finland and Iceland. London, 1979, p. 19 и др.).

Но наряду с этим продолжают, хотя и значительно реже, чем до 1970-х годов, выходить книги, трактующие русско-скандинавские отношения эпохи викингов в духе старого норманизма. Авторы, в большинстве, очевидно, незнакомые с современным уровнем исторической науки, по-прежнему пытаются убедить читателя в культуртрегерской роли норманнов на Руси, в основании ими колоний в Восточной Европе и создании Древнерусского государства (Mawer A. The Viking Age. — In: Travel and Travellers of the Middle Ages. London, 1968, p. 70—87; Brent P. The Viking Saga. London, 1975, p. 166; Nickels S. The Vikings. London, 1976). Крайне противоречивая трактовка русско-скандинавских отношений была представлена радиослушателям Швеции в курсе лекций по истории викингов (Stenberger M. I vikingarnas spår. Uddevalla, 1967). Подчеркивая, что «никакого шведского государства на Руси в эпоху викингов не существовало» (s. 91), автор в то же время пишет, хотя и с оговорками, о «колониционных интересах» шведов в Восточной Европе (s. 81), о шведской «торговой экспансии» на Руси, выражавшейся в основании городов вдоль торговых путей (s. 82—83), об установлении «шведского владычества» в Киеве и Новгороде во времена Олега и Игоря (s. 89).

Несмотря на особую консервативность дидактической литературы, в первую очередь школьных учебников, сохранение и в них традиционной «норманистской» интерпретации истории Древней Руси становится также невозможным. Школьные учебники Швеции 1970-х годов отказались от изображения «варягов — основателей древнерусского государства» (Пашуто В. Т., Джак-

соп Т. Н. История России эпохи феодализма в учебниках Швеции. — Преподавание истории в школе, 1983, № 5, с. 72—76). В ряде учебников ФРГ авторы с осторожностью подходят к этому вопросу, отмечая, что «небольшой норманнский верхний слой вскоре после 900 г. растворился в славянстве» (Пашуто В. Т., Салов В. И. Антикоммунизм в школьных учебниках ФРГ. — Вопросы истории, 1979, № 12, с. 54). Однако, некоторые другие учебники ФРГ продолжают формировать представления о ведущей роли скандинавских (т. е. германских) народов в раннесредневековой Европе и их культурном превосходстве (Пашуто В. Т., Салов В. И. Указ. соч., с. 54), что отнюдь не способствует объективному познанию истории.

Откровенно норманистская интерпретация древнерусской истории продолжает активно использоваться в тех изданиях, которые носят тенденциозно-политический характер и смыкаются с «советологической» литературой. Стремясь всемерно приписать роль славянских, в том числе и русского народов в истории Европы, доказать их неспособность к самостоятельному, без воздействия извне, развитию, советологи по-прежнему эксплуатируют норманнскую теорию. Разумеется, влияние марксистской и прогрессивной буржуазной науки сказывается и здесь: пронагандистская литература вынуждена использовать более тонкие и завуалированные формы норманизма, например утверждать установление «варяжского господства» в Новгороде и Киеве (Hösch E., Grabmüller H.-J. Daten der russischen Geschichte. Von den Anfängen bis 1917. München, 1981, S. 23), объяснять господствующее положение скандинавов в Древнерусском государстве мирным «симбиозом» скандинавов и славян, осознавших преимущества подчинения более развитым в социальном отношении норманнам (Pound D. W., Jr. Varangian Political Influences on Kievan Rus'. Diss., Maryland, 1970).

Таким образом, норманизм, практически изживший себя в прогрессивной исторической науке, еще не ушел в прошлое. И ныне остается актуальной необходимость разоблачения политической тенденциозности подобных утверждений и их научной несостоятельности. Книга Х. Ловмянского, внесшая важный вклад в пересмотр норманнской проблемы, сохраняет научное значение и актуальность в борьбе за объективность исторических исследований.

Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин

Введение

К с. 23

* Норманнская экспансия на Западе началась нападениями в 789 г. на Дорсет и 793 г. на ирландский монастырь св. Кутберта на о. Линдисфарн у северо-восточного побережья Англии. В походах на Запад приняли участие норвежцы и датчане, роль которых в разное время и в разных странах Западной Европы была неодинакова. Во всех случаях скандинавы столкнулись здесь с народами, намного опережавшими их в социально-экономическом развитии, имевшими государственные образования, формирующуюся феодальную собственность на землю, наследственную королевскую власть, давно воспринятое христианство. В этих условиях влияние викингов даже на захваченных ими территориях Франции и Англии было, как выясняется в последнее время, не так велико, как предполагалось. Напротив, сами скандинавы усвоили многие элементы культуры англо-саксов, ирландцев, франков. См.: *Fellows Jensen G. The Vikings in England: a Review.* — In: *Anglo-Saxon England*, v. 4, London, 1975, p. 181—206; *Loyn H. R. The Vikings in Britain.* London, 1977; *Sawyer P. H. Kings and Vikings. Scandinavia and Europe AD 700—1100.* London, 1982; *Fenger O. The Danelaw and the Danish Law: Anglo-Scandinavian Legal Relations during the Viking Period.* — *Scandinavian Studies in Law*, 1972, v. 16, p. 83—96. Оседавшие в Западной Европе скандинавы быстро ассимилировались местным населением, о чем свидетельствует, например, завоевание Англии нормандцами в XI в., которые принесли с собой не скандинавскую, а французскую культуру, язык, особенности социальной структуры. (См.: *Musset L. Les invasions: le second assaut contre l'Europe chrétienne (VIIe—XIe siècles).* Paris, 1965, p. 253—256; *Jones G. A History of the Vikings*, 2 ed. Oxford, 1973, p. 232).

К с. 24

* Для генезиса Древнерусской народности и государства существенны также социальные, этнические и культурные взаимосвязи восточных славян с финскими и балтскими племенами Восточной Европы. Славянская колонизация второй половины — конца I тысячелетия н. э. привела к этнокультурному синтезу славян, балтов и финнов (см. новую работу с обобщением историографии: *Седов В. В. Восточные славяне VI—XIII вв. М., 1982*). В условиях этого синтеза, особенно славяно-финского на севере Восточной Европы, проходили, в частности, и первые контакты со скандинавами (см. выше, с. 235—239).

К с. 27

* Расселение славян и экспансия викингов — завершающие этапы эпохи Великого переселения народов, которой, собственно, и начинается этническая история современных европейских народов (см. об этой эпохе и роли миграций: Diesner H.-J. *Völkerwanderung*. Leipzig, 1976); Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение варварских королевств. М., 1984.

К с. 29

* Политика колониализма в целом была направлена на покорение и уничтожение жизнеспособных раннегосударственных образований в Америке и Африке, нередко приводила к истреблению целых народов; ранний пример феодальной колониальной экспансии — завоевание Пруссии крестоносцами в XII—XIII вв., истребившими и частично ассимилировавшими местное балтское население. Походы викингов носили характер, отличный от феодальной экспансии: Х. Ловмянский справедливо отмечает, что норманны вынуждены были в значительной мере приспосабливаться к местным условиям.

** Проблемы генезиса славянских государств подробно рассмотрены в фундаментальной монографии Х. Ловмянского: Łowmiański H. *Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n. e.*, t. 1—5. Warszawa, 1963—1973 (см. также: Ловмянский Г. Происхождение славянских государств. — Вопросы истории, 1977, № 12, с. 182—193). Общие проблемы соотношения внутренних и внешних факторов в процессе государствообразования исследуются в компе́ндиуме: *The Early State*. The Hague—Paris—N. Y., 1978.

К с. 30.

* Об относительной синхронности развития славянских и скандинавских обществ в конце I — начале II тысячелетий см. выше, с. 234.

** О неустойчивости раннесредневековых кочевнических государств и отношениях завоевателей с покоренным населением см.: Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. М., 1982, с. 127 и сл.

Глава I

К с. 31

* Детальное исследование скандинавских находок на западно-славянских землях проведено Яном Жаком: Żak J. "Importy" skandynawskie na ziemiach zachodniosłowiańskich, t. 1—2. Poznań. 1963—1967. Для этнической характеристики погребений необходимы данные не только вещевого комплекса, но и погребального обряда. В частности, костяные гребни, которые Д. Клейст считает показателем этнической принадлежности, производились в скандинавских мастерских в достаточном количестве и могли быть предметами импорта; этнически показательным может считаться лишь расположение гребня в могиле (по скандинавскому обряду его ломали и клали в урну: Лебедев Г. С. Разновидности обряда трупосожжения в могильнике Бирка. — Статистико-комбинаторные

методы в археологии. М., 1970, с. 180—190). Что касается городища в Копани, то выводы Д. Клейста о скандинавском характере находок зиждились в основном на сходстве керамики этого памятника с керамикой Бирки: однако эта керамика в Бирке сама имеет западнославянское происхождение (см.: Żak J. "Importy"..., t. 2, Cześć syntetyczna, s. 44). Единичные скандинавские находки в Средней Европе, в том числе в Чехии, представляют собой в основном предметы парадного вооружения — например, так называемый меч святого Стефана из Пражского Града с рукоятью, украшенной скандинавским орнаментом. Стремление приобрести предметы роскоши чужеземного происхождения характерно для дружинных верхов формирующихся государств, так что эти предметы не всегда указывают на присутствие самих норманнов.

К с. 36

* В западноевропейской хоровографии и в скандинавской латиноязычной литературе начиная с XII в. смешение Дакии и Дании встречается неоднократно (например, у Адама Бременского, Саксона Грамматика, в *Annales Ryenses* и др.). См.: Metzenh. E. *Die Länder- und Völkernamen in der altisländische Schrifttum*. Pennsylvania, 1941, S. 17). Интерпретация А. А. Куника поэтому не лишена оснований.

К с. 39

* В 1-й половине I тысячелетия н. э. основную территорию Польши занимала так называемая пшеворская культура, в которой современные исследователи выделяют германский и славянский компоненты. Это соседство приводило к аккультурации и метисации двух групп (см.: Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979, с. 53 и сл.). Новые волны славянской колонизации (с VI в.), видимо, довершили процесс ассимиляции германских групп населения. См. также: Hensel W. *Polska starożytna*. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1980, s. 499.

К с. 43

* Боз (Boz), в предполагаемой славянской форме—Бож. В сочинении готского историка Иордана (VI в.) — король антов (гетх Antorum, IV в.), отождествляемых в византийских источниках VI—VII вв. со славянами. Судя по этнониму неславянского происхождения и данным археологии, племенной союз антов был этнически смешанным объединением IV—VII вв. (см.: Попов А. И. Названия народов СССР. Л., 1973, с. 34—37; Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. М., 1976, с. 111—112; Седов В. В. Происхождение..., с. 119 и сл.). Боз был побежден в войне с королем готов Винитарием, который в 375 г. «распял короля антов по имени Бож с сыновьями его и семьюдесятью старейшинами» (Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960, с. 115). Это сообщение, однако, не проясняет характера политического образования антов IV в., тем более что Иордан вообще мог экстраполировать этноним в предшествующую эпоху.

** Само, глава западнославянского политического объединения в 623—658 гг. Согласно «Хронике» Фредегара, по происхождению Само — франкский купец. Политическое образование, возникшее в ходе восстания западных и части южных славян против аваров и борьбы с франкским государством, охватило территорию лужиц-

ких сербов, Моравию, Чехию, Словакию и др. и, видимо, распалось после смерти Само. Характер объединения точно не установлен: некоторые исследователи считают его государством, другие — союзом племен (см. наиболее обстоятельное исследование источников: Labuda G. Pierwsze państwo słowiańskie. Państwo Samona. Poznań, 1949; Łowmiański H. Początki Polski, t. 1, s. 418—419). При этом следует учитывать полисемию социальных терминов в раннесредневековых латинских хрониках, где слово *rex* могло обозначать и «король», и «племенной вождь». См.: Савукова В. Д. Об административно-политической терминологии в латинском языке раннего средневековья (VI—VII вв.). — В кн.: Античность и современность. М., 1972, с. 426—433. Очевидно, что политическое объединение представителей нескольких формирующихся народностей переросло рамки традиционного союза племен (см. о формировании славянских народностей в связи с процессами государственнообразования: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982). Но это же обстоятельство во многом определило и непрочность «государства» Само.

К с. 45

* Переводы латинских источников, цитируемых Х. Ловмянским и не изданных на русском языке, выполнены А. В. Назаренко.

** Русский перевод: Видукинд Корвейский. Деяния саксов. М., 1975, с. 193.

*** Русский перевод: Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. М., 1961, с. 38.

К с. 47

* Для эпохи викингов, скорее, характерен тип профессиональной дружины, нуждавшейся в постоянных кормлениях и описанной автором ниже (с. 49—50). Народное ополчение (шведский *ледунг*, например), в отличие от ополчений эпохи Цезаря и Тацита, собирается уже под эгидой королевской власти (Ковалевский С. Д. Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977, с. 105—110; Ekblom C. A. *Ledung och tidig jordtaxering i Denmark*. Stockholm, 1979).

** Русский перевод: Корнелий Тацит. Сочинения, т. 1. Л., 1969, с. 372.

К с. 49

* Ср. ниже, прим. к с. 97, 226.

** Методика использования данных топонимики для характеристики этнокультурных связей активно разрабатывается в последние годы, в частности и для определения скандинавского влияния на англосаксонское общество. Наибольшую сложность представляет — при отсутствии письменных памятников соответствующего времени — датировка топонимов. Способ образования (отпатронимический и топографический) для определения языковой принадлежности топонима (в отличие от его хронологии) представляется ныне малосущественным. Были внесены существенные коррективы

вы и в статистические методы оценки иноязычной топонимики. Обзор состояния топонимических исследований на англо-скандинавском и франко-скандинавском материале см.: *Fellows Jensen G. Op. cit.; idem. Place-Names Evidence for Scandinavian Settlement in the Denlaw. A Reassessment.*—In: *The Vikings*. Uppsala, 1978, p. 89—98.

*** Русский перевод: Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1980, с. 196. Размер дружины мог колебаться в значительных пределах. Так, при христианизации Наумдаля Олав Святой имел дружину в 300 человек (там же, с. 252).

К с. 50

* Действительно, и торговые связи Руси и Скандинавии, и военные походы находят отражение в материальной культуре. Однако наиболее интенсивные следы связаны с постоянным пребыванием скандинавов в каком-либо месте. Не случайно, число скандинавских находок IX и первой половины X в. на территории Восточной Европы невелико и заметно увеличивается лишь к середине X в., когда начинается процесс оседания варягов в древнерусских раннегородских центрах.

К с. 51.

* Помимо естественной условности демографических подсчетов для ранних эпох, следует также учитывать, что для скандинавов повсюду были притягательны сложившиеся населенные пункты и города, которые обладали устоявшимся названием. Естественно, что далеко не все пункты, в которых оседали скандинавы, получали скандинавские названия; в то же время скандинавское происхождение топонима отнюдь не свидетельствует об исключительном или хотя бы преобладающем скандинавском населении в нем.

К с. 52

* Редарии (*redarii*), ратары, ретряне—западнславянское племя, входившее в племенной союз лютичей (*Thietmar. VI, 17, 23, 24*).

** См. подробную сводку названий с корнем *варяг-* в северо-западной Руси: Рыдзевская Е. А. К варяжскому вопросу (Местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси). — *Известия АН, VII, сер., Отд. общ. наук.* Л., 1934, № 7, с. 485—532; № 8, с. 609—630. В несколько более ранней работе М. Фасмер (*Vasmer M. Wikingerspuren in Russland.*—SBRA, 1931, Bd. XXIV, S. 649—674) дал перечень всех названий (гидро-, топо-, ойконимов и др.), которые, по его мнению, имеют скандинавское происхождение. Он особенно подчеркивал приуроченность скандинавских топонимов к водным путям. Исследование Рыдзевской, как кажется, не подтвердило этого вывода. Неясно, однако, все ли приводимые ею, Фасмером и Экблумом (*Ekblom R. Rus- et vareg- dans les noms de lieux de la région de Novgorod.*—*Archives d'études orientales*, Upsal, t. XI, 1915) названия восходят к IX—X вв., а не являются более поздними производными. Никто из исследователей не картографировал топонимы скандинавского происхождения, поэтому вопрос об их связи с водными путями остается открытым.

*** Русский перевод: Галл Аноним. Указ. соч., с. 46.

**** Там же, с. 54.

К с. 53.

* О некрополе в Лютомерске см. также: Nadolski A., Abramowicz A., Poklewski T. *Smentarzysko z XI w. w Lutomiersku. Łódź, 1959*; Яжджевский К. Элементы древнерусской культуры в Центральной Польше. — В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 213—218.

К с. 54

* Существует две версии о происхождении Сигрид (конец X—начало XI в.), жены шведского конунга Эйрика Победоносного, позднее — датского конунга Свена Виллобородого. По скандинавским сагам, обращавшим пристальное внимание на вопросы генеалогии, она была дочерью шведского стурмана Скоглар-Тости (*Eyrbyggja saga*. См.: Toll H. *Kring Sigrid Storråda. Historik undersökning. Stockholm, 1926*). В современной литературе поставлено под сомнение само ее существование как реального лица, поскольку с ее именем в сагах связан ряд фольклорных мотивов (*Ahlsten J. Sigrid Storrada. Sagodrottning eller kungamoder. Visby, 1975*). В польской историографии считается доказанным выдвинутое еще Степеструпом предположение об идентичности Сигрид и Светославы, дочери (или сестры) Мешко I. Отождествление основывается на сообщениях в «Истории короля Кнута» (*Gesta Cnutonis regis*), Титмара Мерзебургского (*Chronicon*, VII, 39), Адама Бременского (II, 39, schol. 24) и Саксона Грамматика (*Gesta Danorum*, VI, 5; VIII, 1). См.: Koczy L. *Związki matczeńskie Piastów z skandynawami. — Slavica Occidentalis, 1933, t. XI*; Zylińska J. *Piastówny i żony Piastów. Warszawa, 1972*. В них упоминается жена Свена — полька по происхождению, дочь Мешко I и сестра Болеслава Храброго, однако, ни в одном источнике она не названа по имени, нет и указаний в них на ее первый брак со шведским королем. В сагах же имеются сведения о первой — до Сигрид — жене Свена, славянке по имени Гуннхильд, позднее изгнанной им. Как кажется, есть основания для отождествления дочери Мешко I с Гуннхильд, по отцу — не с Сигрид.

К с. 55

* Сообщение «Саги о википгах из Йомсборга» о нападении отряда википгов под предводительством Стюрбьёрна на г. Волин (980-е гг.) в настоящее время считается достоверным. Волин (и другие приморские города) как порт международной торговли при безусловном преобладании славянского населения, несомненно, привлекал иноплеменцев. См., в частности, скандинавские бытовые вещи в слоях IX—X вв. (*Wikinger und Slawen. Berlin, 1982, S. 275, fig. 288, S. 288, fig. 308*. См. также о кладах: Zak J. "Importy...", t. I, S. 43—47). Вместе с тем из Волина, по мнению Я. Жака, поступала в Бирку керамика (*Zak J. Wczesnofeudalna Skandynawia. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1969, рис. 86*).

К с. 56

* Новую литературу о торговых отношениях Польши и Скандинавии в эпоху википгов, особенно в Поморье, см.: Zak J. *Studia*

nad kontaktami handlowymi społeczeństw zachodnio-słowiańskich ze skandynawskimi od VI do VIII w. n. e. Wrocław, 1962; Śląski K. Tysiąclecie polsko-skandynawskich stosunków kulturalnych. Wrocław, 1977.

Глава II

К с. 57

* Обзор современного состояния норманнской проблемы см. выше, с. 230—245.

К с. 58

* О составе «Повести временных лет» из более поздних работ см.: Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963; Насолов А. Н. История русского летописания. М., 1969; Алешковский М. Х. Повесть временных лет. М., 1971; см. также: Советское источниковедение Киевской Руси. М., 1979, с. 13—34.

К с. 59

* Термин «готский» в XVIII (в частности, у Байера) и нередко в XIX в. понимался расширительно и соответствовал современному термину «германский».

К с. 66

* Как показал Ф. А. Браун (Браун Ф. А. Разыскания в области гото-славянских отношений. — Сборник ОРЯС имп. Академии наук, СПб., 1899, т. LXIV, № 12, с. 5—18), переход готск. *hrops* > др.-рус. *русь* сомнителен с фонетической точки зрения и не находит подтверждения в исторической обстановке в Восточной Европе первых веков н. э. Тем не менее иногда эта этимология вновь возрождается в современных работах в связи с «готской» теорией происхождения Древнерусского государства. См., например: Söderlind S. Rysernas rike. Till frågan om det Östslaviska rikets uppkomst. Stockholm, 1978.

** См. русский перевод: Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.

К с. 67

* Современные издания и характеристику восточных источников см.: Lewicki T. Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny, t. I—II. Wrocław—Kraków, 1956—1977; Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. — В кн.: Новосельцев А. П. и др. Указ. соч., с. 355—419.

К с. 68

* Как уже отмечалось в послесловии, большая часть скандинавских древностей на Руси датируется серединой — второй половиной X в. и свидетельствует не о скандинавской колонизации, а о включении скандинавов-варягов в великокняжеские дружины, стоящие на русских погостах. О давнем влиянии местных, в том числе тюркских, традиций, на быт варягов свидетельствуют и материалы погоста в Шестовице под Черниговом, который Арне считал

пормаппской колонией. См. публикацию материалов: Бліфсльд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977.

****** В современной науке преодолена тенденция считать все предметы скандинавского происхождения импортом, прежде всего — предметы культа и племенного убора (см.: Пушкина Т. А. О проникновении некоторых украшений скандинавского происхождения на территорию Древней Руси. — Вестник МГУ. История, 1972, № 1, с. 92—94). Я. Жак выделяет три пути проникновения «импортов» на территорию западных славян: торговый, военная добыча, проникновение с самими владельцами-скандинавами (Zak J. "Importu...", t. 2).

К с. 69

* Древнейшие рукописи, содержащие записи саг и сохранившиеся до наших дней, относятся к XIII в., большая же часть сборников саг — к XIV в. По преданию, первая запись королевских саг была произведена Ари Торгильссоном Мудрым, который умер в 1148 г.

****** Наряду с упомянутыми автором, сведения о Руси и пародах Восточной Европы содержатся в десятках других саг. «Росника» королевских саг была частично собрана Е. А. Рыдзевской (Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М., 1978, с. 29—127). Помимо указанного автором обстоятельства, снижающего достоверность саг как исторического источника (большой временной разрыв между описываемыми событиями и записью текста), необходимо отметить, что, во-первых, саги являются видом художественной словесности и потому отражение в них действительности подчинено законам художественного творчества (т. е. художественной типизации в первую очередь), более того, творчества в высшей степени своеобразного даже для средневековья. Во-вторых, саги не представляют собой единого массива с общими для всех них жанровыми признаками. Выделяются: 1) королевские саги, или «саги о норвежских конунгах», приближающиеся, но не идентичные, к историографическим жанрам (таковы «Круг земной», «Сага об Олаве Трюггвасоне» монаха Одда, «Сага об Эймунде»); 2) родовые саги (или «саги об исландцах»); 3) «саги о древних временах», широко использующие героико-эпические традиции и потому особенно насыщенные фантастикой («Сага о Бьёрне» и «Сага об Ингваре» принадлежат именно к этой группе) и др. Поэтому вычленение и исследование сведений саг об истории Руси, тем более раннего времени, хотя и возможно, но требует особой методики. См.: Мельникова Е. А., Джексон Т. Н., Глазырина Г. В. Древнескандинавские письменные источники по истории восточноевропейского региона СССР. — Вопросы истории, 1985.

К с. 70

* В отличие от саг, рунические надписи представляют собой источник достоверный, но содержащий информацию лишь о времени, когда создавались сами памятники, т. е. о событиях конца X—XI вв. Достоверность их сообщений определяется, во-первых, одновременностью записи упоминаемым в ней событиям, во-вторых, представлением, бытовавшим в древнескандинавском общест-

ве, что несоблюдение излагаемых сведений действительности было бы уродом для чести погибшего и его рода, что исключало возможность преднамеренного искажения информации. Вместе с тем особенности младшерунического алфавита, а также редкие ошибки в написании слов, особенно мало распространенных (к которым принадлежат топонимы Восточной Европы), делают чтение подчас гипотетическим. Наконец, датировка рунических памятников, как правило, возможна лишь в широких, до полустолетия, пределах. См. подробнее: Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1977.

К с. 76

* Подобные «антинорманистские» теории, вызванные, как правило, недостаточным знанием источников, временами возникают и в настоящее время. См., например: Кузьмин А. Г. Об этнической природе варягов (К постановке проблемы). — Вопросы истории, 1974, № 11, с. 54—83 (автор пытается обосновать кельтское происхождение варягов); Stang H. Rysslands uppkomst—en tredje ståndpunkt.—Scandia, 1981, № 2, s. 153—198 (заслуга образования Древнерусского государства приписана вепсам) и др.

** Аутентичность «еврейско-хазарской переписки» и до сих пор вызывает сомнения. Считается, что пространная редакция «письма Иосифа» по меньшей мере содержит ряд позднейших интерполяций; достоверность краткой редакции более вероятна, однако в любом случае обращение к этому источнику требует крайней осторожности, особенно при использовании приводимых в нем топонимов и этнонимов.

К с. 77

* Погребения скандинавских женщин на Руси выделяются по племешному убору — парным скорлупообразным фибулам, скреплявшим бретели юбки. Их находки относительно многочисленны на кладбищах дружинных погостов и встречаются в древнерусских городах (Киев, Новгород, Псков), свидетельствуя о присутствии там скандинавок (см.: Петрухин В. Я. Об особенностях славяно-скандинавских этнических отношений в раннефеодальный период (IX—XI вв.). — В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. 1981 г. М., 1983, с. 174—181; Stalsberg A. Scandinavian Relations with Northwestern Russia during the Viking Age: Archaeological Evidence. — Journal of Baltic Studies, 1982, v. XIII, № 3, p. 267—295).

К с. 80

* Внешняя торговля, в ранних государствах монополизированная господствующими верхами (о чем свидетельствуют недавние типологические исследования: Claessen H. J. The Early State: A Structural Approach. — In: The Early State, p. 542—544), несомненно, способствовала, как и войны, усилению имущественной и социальной дифференциации общества. См. также: Даркевич В. П. К истории торговых связей Древней Руси. — КСИА, 1974, вып. 138, с. 93—103; Wikinger und Slawen, S. 81—107. О возможных путях реализации продуктов дани (полюдь) за пределами Руси см.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982, с. 273—293.

* О древнерусском городе см.: Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. Итоги 50-летней работы Новгородской экспедиции обобщены в кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. Специальный интерес для проблематики данной книги имеют статьи: Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (К постановке проблемы). — История СССР, 1974, № 2, с. 32—61; Булкин В. А., Лебедев Г. С. Гнездово и Бирка (К проблеме становления города). — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 11—17; Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предистории древнерусского города. — История СССР, 1979, № 4, с. 100—112; Авдусин Д. А. Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным). — ВИ, 1980, № 12, с. 24—42; Куза А. В. Социально-историческая типология древнерусских городов X—XIII вв. — В кн.: Русский город, вып. 6. М., 1983, с. 4—36. Показательно, что укрепленные поселения с относительно развитым ремеслом возникают у восточных славян уже в VII—VIII вв., до появления норманнов; в историографии они получили название предгородов (см.: Авдусин Д. А. Происхождение древнерусских городов; Седов В. В. Восточные славяне..., с. 242—243). Судя по данным археологии, древнейшие города — Киев, Новгород и Ладога — в X в. имеют уже сформировавшийся облик, типичный и для позднейших феодальных русских городов. См.: Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982; Новое в археологии Киева. Киев, 1981.

** См. также новую концепцию предистории Руси в кн.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь..., с. 11—402. Сводка археологических данных о восточных славянах дана в кн.: Седов В. В. Восточные славяне.

*** Новые данные о распространении пахотных орудий у восточных славян см.: Чернецов А. В. К вопросу о происхождении восточноевропейского плуга и русской сохи. — Вестник МГУ. История, 1972, № 2, с. 73—82. См. также карту распространения сохи и плуга в Северной, Центральной и Восточной Европе в VII—XI вв. — Wikingier und Slawen, S. 23, fig. 18.

К с. 82

* О формировании зависимого населения на Руси см.: Зимин А. А. Холопы на Руси. М., 1973; Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983, с. 74 и сл. Магистральным путем начальной феодализации признается становление верховной собственности государства на землю и эксплуатация непосредственных производителей через систему дани и податей (Свердлов М. Б. Указ. соч., с. 82). «Довотчиную» корпоративную государственную собственность на землю подтверждают и новые археологические данные (Янин В. Л. Археологический комментарий к «Русской правде». — Новгородский сборник..., с. 138—155).

** См. фундаментальную сводку в сравнительно-типологическом аспекте: Łowmiański H. Początki Polski.

*** Ср. выше, примеч. к с. 43 I главы,

* Итоги изучения истории Древней Руси в СССР подведены в кн.: Советская историография Киевской Руси. Л., 1978; Советское источниковедение Киевской Руси; см. также: Свердлов М. Б. Указ. соч.

** Как и «норманизм», «антинорманизм» также претерпел существенные изменения. См.: Шаскольский И. П. Антинорманизм и его судьбы. — В кн.: Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983, с. 35—51. При всей справедливости оценки И. П. Шаскольским антинорманизма в дореволюционной русской науке и его отдельных рецидивов в настоящее время трудно согласиться, что антинорманизм остался течением лишь в дворянско-буржуазной историографии и исчез вместе с ней. Напротив, как верно отмечает Х. Ловмянский, антинорманизм в XX в. получил новую методологическую основу — марксистскую теорию генезиса классов и государства, что и привело к его широкому распространению и влиянию на буржуазную науку (см. выше с. 231—232).

* О трансформации взглядов западных ученых в 1960—1970-е годы на проблемы образования Древнерусского государства см. выше, с. 232—234. Если немногие крупнейшие ученые-позитивисты (А. Стендер-Петерсен, Х. Арбман и др.) стремились к объективному исследованию проблемы, насколько это было возможно при соответствующем уровне знаний, то в подавляющем большинстве случаев норманнская теория сознательно или бессознательно использовалась в пропагандистских целях. Не случайно ее особенно бурное развитие в 1940—1950-е годы в ФРГ, где и поныне она продолжает существовать.

* В настоящее время осуществляется подготовка и издание полного критического корпуса скандинавских источников по истории Руси в рамках свода «Древнейшие источники по истории народов СССР», основанного В. Т. Пашуто (см.: Пашуто В. Т., Рыбаков Б. А. Корпус древнейших источников по истории народов СССР. — ВИ, 1974, № 7, с. 49—54). Сходную задачу поставил перед собой О. Прицак (США), посвятивший первые два тома своего многотомного труда скандинавским источникам (Pritsak O. The Origin of Rus', v. 1. Cambridge (Massachusetts), 1981). Однако многочисленные недостатки публикации и интерпретации текстов вкупе с источниковедческой некомпетентностью автора лишают это издание научной ценности (см.: Мельникова Е. А. Историзация мифа или мифологизация истории? По поводу книги О. Прицака «Происхождение Руси». — История СССР, 1984, № 4, с. 201—209).

Глава III

* Причины походов викингов и до сих пор остаются проблемой дискуссионной. См.: Sawyer P. H. The Age of the Vikings. Lon-

don, 1962, p. 193—206; Jones G. Op. cit., p. 182—203; Randsborg K. Les activités internationales des vikings: raids ou commerce? — Annales: Economies, Sociétés, Civilisations, 1981, a. 36, № 5, p. 862—868; Гуревич А. Я. Походы викингов (конец VIII — первая половина XI в.). — В кн.: История Норвегии. М., 1980, с. 109—117. В последнее время все больше подтверждений получает точка зрения автора, высказанная ниже. Резкое усиление миграционной активности, выражающееся во внешней экспансии или, при палиции возможностей, во внутренней колонизации, типично практически для всех народов в период завершения процессов разложения родового общества и зарождения классового строя. Англосаксонское завоевание Британии, славянская колонизация в Восточной Европе, наконец, татаро-монгольская экспансия в Азии и Европе — проявления сходных процессов социально-экономического развития, протекающих на определенном этапе эволюции общества.

К с. 90.

* Как показывают современные исследования, «разрушительный эффект» походов викингов в Западной Европе был в историографии сильно преувеличен, поскольку основным источником для его оценки были сообщения западноевропейских хронистов, тенденциозные и нередко гиперболизирующие, как сейчас выясняется, реальные факты. Сопоставление нарративных, археологических, опомастических источников дало возможность более объективно определить деятельность скандинавов во Франции и Англии (см. также выше, прим. к с. 23). Если же сравнить описания англосаксонской колонизации Британских о-вов в сочинениях «О гибели Британии» Гильдаса, «Церковной истории англов» Бэды и «Англосаксонской хроники» с характеристикой нашествий викингов на Англию четыре века спустя, то становится очевидно, что современники как того, так и другого события испытывали одинаковый ужас перед завоевателями и сходным образом оценивали гибельные последствия вторжений.

К с. 91

* Сравнение следов экспансии викингов в материальной культуре Западной и Восточной Европы провел Д. Вильсон (Wilson D. M. East and West: a Comparison of Viking Settlement.—In: Varangian Problems. Scando-Slavica. Supplementum I. Copenhagen, 1970, p. 107—115), отметивший тот парадоксальный факт, что норманнских древностей на территории Руси значительно больше, чем в Англии, хотя скандинавская колонизация в Великобритании очевидна, а на Руси — нет. Этот парадокс, видимо, объясняется тем, что подавляющее большинство скандинавских древностей в обеих странах происходит из погребений языческого времени. Быстрая христианизация скандинавов в Англии привела к доминированию безымянных погребений, установить этническую принадлежность которых обычно невозможно. На Руси, где в IX—X язычество сохранялось, черты скандинавского традиционного быта консервировались и исчезали лишь постепенно, по мере ассимиляции скандинавов в славянской среде (см.: Петрухин В. Я. Об особенностях...). Давно отмечены этнические различия в экспансии викингов: на Восток направлялись преимущественно из Швеции, на Запад — из Дании и Норвегии, что нашло отражение в археологических источниках и рунических надписях.

* Посреднические функции скандинавских купцов в балтийской торговле подтверждаются новыми нумизматическими данными: по уточненным датировкам начало поступления дирхемов на территории Северной Руси (Ладога) и Швеции относится к концу VIII в. С начала IX в. серебряные монеты начинают активно поступать в бассейны Эльбы и Одера, в Нижнее Повисленье, несколько позже, с конца второй четверти IX в., — на Готланд (Фомин А. В. Начало распространения куфических монет в районе Балтики. — КСИА, 1982, вып. 171, с. 18—20). В последующие два столетия (вплоть до исчерпания арабских серебряных рудников к XI в.) поток дирхемов увеличивался, причем все большую роль в денежном обращении играла Русь, где оседала значительная часть серебра (Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, с. 118—121, 128—132).

* См. также: Loyn H. R. Op. cit.; Jones G. Op. cit., p. 204—210, 218—240.

* По новейшим данным археологии и топонимики, основная масса скандинавских поселений в Англии была хуторского (сельского) типа как в области Датского права (Дэнло), так и к северу и северо-западу от нее. Они размещались в основном в местностях, не заселенных англосаксами, т. е. менее плодородных и удобных для земледелия (Sawyer P. H. The Age of the Vikings, p. 164—165; Jones G. Op. cit., p. 221; Fellows Jensen G. Op. cit., p. 193—195). Лишь иногда скандинавы использовали уже существующие англосаксонские поселения (Fellows Jensen G. Op. cit., p. 182). Создавали ли датчане укрепления типа Треллеборга в Англии, до сих пор остается неясным, так как с деятельностью скандинавов удастся связать лишь один укрепленный пункт, раскопанный в Йорке, причем сам город как крупный торговый центр существовал и в более раннее время. Дискуссию по этому вопросу см.: Fellows Jensen G. Op. cit., p. 187—189.

** Первый засвидетельствованный источниками выкуп, полученный викингami в Англии, был выплачен в 865 г. и, вероятно, носил локальный характер. За все время скандинавской экспансии сообщается о 9 выкупах, которые были заплачены английскими королями. Лишь с 991 по 1012 гг. выплата «датских денег» совершалась по соглашению и сбор денег проходил по всей Англии в форме налога (Jones G. Op. cit., p. 212—213; Nielsen H. Danelægd. — In: Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder, b. II. København, 1957, s. 639—641).

*** После захвата Мерсии в 874 г. датчане посадили на трон Кеолвульфа, который в 877 г. при разделе Мерсии получил западную часть королевства и правил ею, судя по чеканенным им монетам, еще в 880 г. (Jones G. Op. cit., p. 221, 226).

**** Первый раздел был произведен в 876 г. и выражался в наделении земель скандинавов в Йорке (Нортумбрия). Осенью 877 г. произошел второй раздел, охвативший также половицу Мерсии (Jones G. Op. cit., p. 221).

***** После крещения он принял имя Ательстап, под которым известен по ряду скандинавских источников.

К с. 95

* Эйрик Кровавая Секира, конунг Норвегии предположительно в 928—933 гг., сын норвежского конунга Харальда Прекрасноволого.

** Обычно выделяются три этапа датской (и норвежской) экспансии в Англии: конец VIII—865 г. — период отдельных набегов; 865 г.—середина X в. — время колонизации восточной Англии и образования области «Датского права» при синхронно проходившем процессе объединения англосаксонских королевств; 980—1042 гг. — создание единого раннефеодального английского государства, во главе которого в X в. стоят представители Уэссекской династии, а с начала XI в. — члены датского королевского дома: Свен Вилобородый, Кнут Великий и Хардакнут, являвшиеся одновременно и королями Дании.

*** После 1019 г., когда Кнут стал также королем Дании, он обычно титуловался как «Король всей Англии, и Дании, и Норвегии, и части Швеции» (*“Rex totius Angliae, et Dennemarchiae, et Norregiae, et partio Suavorum”*). См. о нем: Larson L. M. *Canute the Great and the Rise of Danish Imperialism during the Viking Age*. 995—1035. New York, London, 1912; Garmonswaj G. N. *Canute and his Empire*. London, 1964.

К с. 96

* Как справедливо отмечалось автором (с. 94), а также исследователями экспансии викингов в Англии, колонизация носила не столько военный, сколько сельскохозяйственный характер (см. также прим. к стр. 94). В последнее десятилетие большинство исследователей согласны с тем, что норманны не столько воссоздавали даже на колонизованных ими территориях развитых государств свои институты, сколько модифицировали уже существующие местные, синтезируя разнотадимальные элементы (например, параллельное становление административных округов в англосаксонской Англии—*hundred* и в области Дэнло—др.-исл. *várnatak*, др.-англ. *waepn-getæc*, которые по сути мало отличались друг от друга), или включались в местную структуру, полностью подчиняясь ей (как это произошло в Нормандии). Таким образом, на первый план выдвигаются ныне проблемы социально-политического и культурного синтеза скандинавов и народов Западной Европы.

К с. 97

* Данные ономастики и топонимики, как указал выше и сам автор, не могут быть достоверным источником для количественных определений размеров колонизации. Так, например, выбор местных или иностранных личных имен мог зависеть от степени аккумуляции, ассимиляции, случайных обстоятельств и пр. Э. Эквол, в частности, указал на случай из *“Domesday Book”* Линкольншира, где в одной семье двое из братьев носят скандинавские, а двое — английские имена (Ekwall E. — In: *Saga-book of the Viking Society*. London, v. XII, 1937—1945, p. 22—23). Современную оценку топонимических данных см.: Fellows Jensen G. *Op. cit.*, p. 193—202.

* Этнически выразительные «богатые» скандинавские погребения на Руси принадлежат дружинным верхам, причем «купеческие» атрибуты (весы и гири) встречаются, как правило, в тех же дружинных комплексах (см., например: Недошви́на Н. Г. Торговый инвентарь. — В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 73). Известны, однако, и «бедные» курганы, обряд которых сохраняет скандинавские черты, — таковы малоинвентарные сожжения с захоронением праха в урне, на плечики которой надета железная гривна (или безурновые кремации с гривнами), встречающиеся в Гнездове и курганах Ярославского Поволжья (см., например, Ярославское Поволжье..., с. 100, 122, 141). Эти курганы расположены в одних и тех же группах вместе с «богатыми» скандинавскими курганами и, возможно, принадлежат незнатым скандинавам; впрочем, говорить об их принадлежности «крестьянам-колонистам» оснований нет. Для дальнейшего изложения важно, что ареал археологических памятников, оставленных скандинавами на Руси, не совпадает абсолютно с распространением скандинавских топонимов, собранных Е. А. Рыздзевской и другими.

* Вероятно, одним из таких владений была раскопанная в последние годы большая усадьба XI в. в Суздале, состоящая из ряда жилых и производственных построек. На ней было найдено большое количество предметов скандинавского происхождения, в том числе и каменная форма для отливки подвесок, на одной из которых имеется руническая надпись (Мельникова Е. А., Седова М. В. Новые находки скандинавских рунических надписей на территории СССР. Суздаль. Литейная форма. — В кн.: Древнейшее государство на территории СССР. 1981 г. М., 1983, с. 182—186).

* Немногочисленность топонимов скандинавского происхождения может свидетельствовать и о далеко зашедшем процессе ассимиляции норманнов, согласно «Повести временных лет», прибывших в Киев в составе разноплеменного войска Олега; кроме того, как уже упоминалось, скандинавы жили в старых славянских городах: так, в цитируемом Х. Ловмянским сочинении Константина Багрянородного «все росы» (говорящие на «росском» — скандинавском языке) пребывали со своими «архонтами» в Киеве.

* Как уже отмечалось, волжский торговый путь, активно функционировавший в IX в., привлекал скандинавов в Верхнее Поволжье и Ростовскую землю, о чем свидетельствуют находки на памятниках Ярославщины и на Сарском городище; это обстоятельство, в частности, породило упоминаемые Х. Ловмянским гипотезы о скандинавской колонизации и даже «Волжском каганате». Скандинавы, точнее, группы со смешанной финно-скандинавской культурой, видимо, с Аляндских островов (Мейландер К. Ф. Биармы. — В кн.: Финно-угры и славяне. Л., 1979, с. 35 и сл.) действительно проникли в Верхнее Поволжье, но эта инфильтрация совпадала со славянской колонизацией мерянского края. Хотя достоверные источники сообщают впервые о том, что Ростов был дан князем Владимиром Ярославу в 988 г. (Кучкин В. А. Формиро-

вание государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984, с. 58 и сл.), несомненно, включение Ростовской земли в сферу интересов Древнерусского государства произошло значительно раньше, о чем свидетельствует и наличие дружинных погребений возле предполагаемых погостов в Верхнем Поволжье и, возможно, на Сарском городище, и приписанная летописцем уже Рюрику раздача своим мужам городов, среди которых упомянут Ростов (ПВЛ, ч. I, с. 18).

К с. 106

* Вероятность этого предположения очень велика, по для его подтверждения требуются новые исследования. См. выше, прим. к с. 52

К с. 107

* В работах Т. Арне, Х. Арбмана и др. археологические материалы широко используются для подтверждения гипотезы о широкой скандинавской колонизации на северо-западе Руси. См.: Ша-скольский И. П. Норманнская теория..., с. 96—181.

** О новых исследованиях курганов Юго-Западного Приладожья см.: Назаренко В. А. Об уровне социально-экономического развития населения Юго-Восточного Приладожья. — В кн.: *Fennoungri et slavi*, 1978. Helsinki, 1980, p. 261—275; Кочуркина С. И. Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973. Видимо, курганный обряд был воспринят приладожской чудью (по другим гипотезам — весью) под славяно-скандинавским влиянием. Выходцы из Скандинавии были ассимилированы местной средой, восприняв финский обряд погребения у ритуального очага. Компактная небольшая группа скандинавов оставила под Ладогой некрополь IX—X вв. в урочище Плакун (см. об отдельных раскопанных курганах: Корзухина Г. Ф. Курганы в урочище Плакун близ Ладogi. — КСИА, 1971, вып. 125, с. 59—64). Открыты и ранние следы пребывания скандинавов в Ладогe — усадьба с набором ремесленного инвентаря североевропейского происхождения, датированная второй половиной VIII в. (Рябинин Е. А. Указ. соч.).

*** В своем большинстве перечисленные древнерусские памятники представляют собой типичные полусферические курганы X в., чаще всего с трупосожжением. Курганные группы содержат некоторое количество погребений, принадлежащих уже ассимилированным скандинавам (см. о процессе ассимиляции выше, с. 273), сохранившим лишь отдельные этнические показательные черты обрядности. При наличии общерусских черт в культуре этих курганов (в том числе обрядовых, например сгребание кальцинированных костей к центру кострища и т. п.) трудно говорить о генетической связи гнездовских курганов именно с ярославскими, как считал Т. Арне; напротив, ярославские курганы обладают специфическими чертами (в составе их инвентаря имеются своеобразные амулеты — глиняные лапы и кольца), указывающими на этнокультурные связи со смешанным фенно-скандинавским населением Алаподских островов (Мейландер К. Ф. Биармы, с. 37; публикацию материалов см. в кн.: Ярославское Поволжье...). Что касается владимирских курганов, то еще А. А. Спицын (Спицын А. А. Владимирские курганы. — Известия археологической комиссии, вып.

15. СПб., 1905, с. 167) указывал на «торговые интересы» Киева в этом районе, где стояли дружины Бориса и Глеба. Поэтому многие дружинные курганы, возможно, оставлены, не местным населением и не пришлыми из Скандинавии варягами, а отрядами, подвластными великокняжеской династии.

**** Следует различать погребения в гробах и в камерах — просторных подкурганых конструкциях, характеризующих обрядность великокняжеских дружинников на Руси и воинов из дружины коунга в Скандинавии (в частности, в некрополе Бирки. См.: Лебедев Г. С. Социальная топография могильника «эпохи викингов» в Бирке. — В кн.: Скандинавский сборник, вып. XXII. Таллин, 1977, с. 144—158). В последние годы камерные гробницы открыты не только в Киеве (Каргер М. К. Древний Киев. М.—Л., 1958, т. I, с. 172—198) и в Шестовице, под подвластным Киеву Черниговом (Блифельд Д. I. Давньоруські пам'ятки Шестовиці, с. 20—23), но также в Гнездове (Авдусин Д. А. Скандинавские ингумации в Гнездове. — В кн.: VII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл., ч. 1. М.—Л., 1976, с. 122—123), в Тимереве (Фехнер М. В., Янина С. А. Веса с арабской надписью из Тимерева. — В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978, с. 184—192), во Пскове, в Ладого (Корзухина Г. Ф. Курган в урочище Плакун..., с. 59—60). Камерные гробницы свидетельствуют, по-видимому, о присутствии великокняжеских дружинников в городах и на погостах, подвластных Киеву (Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. Указ. соч., с. 114). Типологически и генетически камерные гробницы близки скандинавским, но имеют отличия в конструкции (камеры-срубы. См.: Кирпичников А. Н. и др. Указ. соч., с. 77), что свидетельствует о самостоятельном развитии этого обряда на Руси и об ассимиляции варягов.

К с. 108

* По мнению Д. А. Авдусина, Гнездово — в первую очередь главный контрольный пункт в начале Днепровского пути (Авдусин Д. А. Гнездово и Днепровский путь. — В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 159—169). Хотя в литературе общим местом стало представление о расположении Гнездова на перекрестке водных путей, его связи с Верхним Поволжьем остаются неясными. Гнездовское поселение сформировалось со становлением в X в. Днепровского пути (Авдусин Д. А. Гнездово и Днепровский путь). «Волжский» путь (точнее, путь, связывавший кавказские провинции Халифата и север Европы по Дону — Оке через Верхнее Поволжье) функционировал уже в IX в.; большая часть арабского серебра попадала на европейский север по нему. Пути, по которым отдельные предметы восточного производства попали в Гнездово, с определенностью установлены быть не могут.

К с. 110

* Данные о количестве монет, обнаруженных в Скандинавии к 1970-м гг., см. в кн.: Foote P., Wilson D. M. The Viking Achievement. London, 1970, p. 198. В Норвегии и Дании преобладают английские серебряные монеты; арабское же серебро оседало по преимуществу в восточной Скандинавии.

** Несомненно, Ладога и Волховский путь имели важнейшее

значение для североевропейской торговли, особенно для обращений серебра (Носов Е. Н. Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н. э. — КСИА, 1981, вып. 164, с. 18—24).

К с. 111

* Источники по ранней истории Смоленска скудны; однако и «Повесть временных лет» (начиная с педатированной части, ср. также описание похода Олега под 882 г.), и Константин Багрянородный («Об управлении империей», гл. 9. — В кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с. 272) упоминают его как племенной центр кривичей и важный стратегический пункт на пути «из варяг в греки» между Новгородом и Киевом; степень его участия в ранней торговле источниками не освещена. Д. А. Авдусин считает, что исчезновение Смоленска со страниц летописей с 882 вплоть до 1015 г. свидетельствует о неподвластности города киевским князьям (Авдусин Д. А. К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии. — В кн.: Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи. Смоленск, 1967, с. 66—68). Т. Арне вслед за А. А. Спицыным отождествил первоначальный Смоленск и Гнездово: эта точка зрения породила целую историографию теории «переноса» города с одного места на другое (см. о ней: Авдусин Д. А. О Гнездове и Смоленске. — Вестник МГУ, 1979, № 4, с. 42—49). Однако находки ранних вещей на территории Смоленска (культурный слой X в. там не открыт), равно как и копчанская топография города позволяют предположить раздельное существование Смоленска и великокняжеского погоста в Гнездове, где оседали и дружинники скандинавского происхождения, уже частично ассимилированные в славянской среде (Авдусин Д. А. О Гнездове...; Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. Указ. соч.).

** Новые исследования позволили значительно расширить список скандинавских комплексов в Гнездове, которых сейчас насчитывается более 40 (Авдусин Д. А. Скандинавские погребения..., с. 74—86).

К с. 112

* При всей полиэтничности материальной культуры Гнездова (помимо преобладающего славянского населения и групп скандинавского происхождения, некоторые исследователи видят в Гнездове и балтов. См.: Шмидт Е. А. Об этническом составе населения Гнездова. — СА, 1970, № 3) очевидны и общие черты как в материальной культуре, так и в погребальном ритуале гнездовских курганов: только отдельные, со временем трансформирующиеся и исчезающие культовые признаки отличают скандинавские погребения от славянских, что свидетельствует об ассимиляции скандинавов в процессе сложения древнерусской народности и культуры.

** О чтении надписи высказывались и другие предположения (обзор см.: Львов А. С. Еще раз о древнейшей русской надписи из Гнездова. — Известия АН СССР, сер. литературы и языка, 1971, т. XXX, вып. I, с. 47—52). Возможно, не случайным является и отдельный значок N около ручки корчаги, который может быть интерпретирован как скандинавская руна S, встречающаяся и на нескольких куфических монетах из кладов с территории СССР (Мельникова Е. А. Древнерусские лексические заимствования

в шведском языке. — В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. 1982 год. М., 1984, с. 67—68). Это предположение согласуется со скандинавским характером погребения (А в д у с и н Д. А. Скандинавские погребения в Гнездове..., с. 83).

К с. 113

* Активное освоение нормами на Руси русского языка подтверждается и использованием славянских имен уже во втором-третьем поколениях, и значительным числом древнерусских заимствований в шведском языке, сопоставимым с количеством скандинавских заимствований в древнерусском, и прямыми сообщениями исландских саг об изучении русского языка викингами (М е л ь н и к о в а Е. А. Древнерусские лексические заимствования..., с. 65—67).

** Сведения арабских авторов (не только Ибн-Хордадбега) о распространении русского языка в сфере международной торговли неопределенны, и этот вопрос нуждается в специальном исследовании (см. ниже, прим. к с. 218).

*** Проблемы заселения Финляндии и этнических контактов на ее территории получили дальнейшую разработку. По некоторым предположениям, финно-угорская общность племен заселила север Восточной Европы и Финляндию уже в III—II тысячелетиях до н. э. (Л а с л о Д. К вопросу о формировании финно-угров. — В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972, с. 7—9; Бадер О. Н. О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой. — Там же, с. 10—31). Контакты финнов со скандинавами стали постоянными, по-видимому, в бронзовом веке и не прерывались на протяжении всего I тысячелетия н. э. (см.: Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973; Финно-угры и славяне. Л., 1979, особенно статьи К. Ф. Мейндера и П. Л. Лехтосало-Хиландер), включая и эпоху викингов. Несомненно, происходила и частичная ассимиляция скандинавов в финской среде: ср. упомянутую выше (прим. к с. 105) метисную культуру Аландских островов и развившуюся на Руси родственную ей культуру ярославских курганов. Более того, именно в силу регулярных и взаимных славяно-финно-скандинавских этноязыковых контактов стало возможным широкое распространение названия *русь*.

**** Буква «пси» для XI—XII вв. хорошо засвидетельствована в надписях-граффити (М е д ы н ц е в а А. А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М., 1978, с. 183).

К с. 114

* Материалы раскопок в Гробине (Гробини) опубликованы Б. Нерманом, отождествлявшим его с Себоргом средневековых источников (N e r m a n B. Grobin-Seeburg. Ausgrabungen und Funde. Stockholm, 1958). Памятник датируется 650—850 гг., его материалы включают вещи ранней эпохи викингов. Новые важные данные о контактах Латвии со Скандинавией эпохи викингов дали раскопки городища Даугмале на Западной Двине (Даугаве) и соседних памятников (городище Айзраукле и др.). В целом археологические свидетельства контактов Юго-Восточной Прибалтики (Латвия, Эстония, Пруссия) со Скандинавией возрастают по мере новых раскопок. Так, ливские женщины, по мнению археологов, восприняли

даже некоторые детали шведского племенного убора: парные скорлупообразные фибулы, юбки с бретелями (см.: Ginters V. Tracht

und Schmuck in Birka und im ostbaltischen Raum. Eine Vergleichende Studie. — Antikvariskt arkiv, 1981, b. 70, s. 34—38; Eesti esiajalugu. Tallinn, 1982, s. 251—253, 352, 361, 369—371 и др.). Новые материалы дали раскопки на островах Эстонии, прежде всего Сааремаа (Lõugas V., Selirand J. Arheoloogiga Eestimaa teedel. Tallinn, 1977, s. 100, 166—167, 250; см. также: Деэмант К. Предметы скандинавского происхождения среди вещевых материалов каменного могильника Прооза среднего железного века (V—VI вв.). — IX Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тез. докладов, ч. I. Тарту, 1982, с. 178—179). Эти данные позволяют предположить не только торговые, но и этноязыковые контакты между населением Восточной Прибалтики и Скандинавии в IX—XI вв.

К с. 115

* Коллекция вещевых материалов из Вискаутена опубликована в кн.: Mühlen B. Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen. — Bonner Hefte zur Vorgeschichte, 1975, № 9 (см. реп.: Гуревич Ф. Д. Б. фон цур Мюлен. Культура викингов в Восточной Пруссии. Бонн, 1975. — В кн.: Скандинавский сборник, вып. XXII. Таллин, 1977, с. 241—248). См. также: Гуревич Ф. Д. Норманнский могильник у дер. Вишнево. — В кн.: Скандинавский сборник, вып. VI. Таллин, 1963, с. 197—210; она же. Скандинавская колония на территории древних пруссов. — В кн.: Скандинавский сборник, вып. XXIII. Таллин, 1978, с. 167—174. Новые данные о прусско-скандинавских контактах, в том числе об ассимиляции скандинавов в конце эпохи викингов, получены во время раскопок могильника у поселка Клиновки под Калининградом (Кулаков В. И. Результаты раскопок грунтового могильника у поселка Клиновки в 1977 г. — Acta Baltico-slavica, 1980, t. XIII, p. 213—242).

** Новые исследования показали высокий уровень имущественной и социальной дифференциации у населения Латвии, особенно у земгалов (Latvijas PSR arheologija. Riga, 1974, s. 204—246). Об актив-

тивной производственной и торговой деятельности земгалов свидетельствуют, в частности, раскопки Даугмале (Уртан В. Работы Даугмальской экспедиции. — В кн.: Археологические открытия, 1969 г. М., 1970, с. 328—329), где обнаружены не только арабские и другие монеты, но и многочисленные весовые гирьки, фрагменты весов. Об активных торговых связях Латвии, в том числе со Скандинавией, см.: Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965.

К с. 116

* Подробное исследование предпосылок и становления Литовского государства см.: Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959. Влияние скандинавов на ремесло, культуру, язык литовцев исследуется в последнее время на археологическом материале (см. Вайткусене Л. Новые данные о культурных взаимоотношениях Литвы и стран Скандинавии. — IX Всесоюзная конференция..., ч. 1. Таллин, 1982, с. 175—176), данных языка (Балтийские языки и их взаимосвязи со славянскими, финно-угорскими и германскими языками. Рига, 1973) и мифологии (Топоров В. Н. К балто-скандинавским мифологическим связям. — В кн.: Donum

Balticum. To Prof. Ch. S. Stang. Stockholm, 1970, s. 534—543). Но, как показывают современные исследования, при всей широте прибалтийско-скандинавских контактов ни завоевание Восточной Прибалтики, ни ее колонизация скандинавами не подтверждаются источниками (*Dundulis B. Normanai ir Baltu kraštai* (IX—XI a.). Vilnius, 1982).

К с. 117

* Исследование сведений королевских саг о Восточной Прибалтике см.: Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги как источник по истории народов Восточной Прибалтики (VII—XII вв.). — В кн.: *Летописи и хроники*. 1980 г. М., 1981, с. 27—42.

** В «Житии св. Ансгария» Римберт сообщает о том, что около 855 г. конунг Бирки Олав совершил нападение на Курланд, сжег Себорг, завоевал Апуле и подчинил куршей Швеции. Вероятно, как справедливо пишет автор, дело ограничилось лишь выкупом, так как Снорри Стурлусон рассказывает, что конунг Эйрик из Упсалы (850—860-е годы) покорил Финланд, Карелию, Эстланд и Курланд (Снорри Стурлусон. *Круг земной*, с. 219). Речь о «завоеваниях» Курланда и других восточноприбалтийских стран идет и во многих других сагах (см., например, в «Саге об Эгиле», «Саге о Кнютлингах» и др.), но сопоставление этих сообщений, некоторые из которых могут быть лишь литературным стереотипом при описании подвигов конунга, указывает не на завоевание каких-либо прибалтийских земель и регулярное обложение их налогами, а на разрозненные, иногда отстоящие друг от друга на десяток лет грабительские набеги, от которых местные жители нередко откупались (Джаксон Т. Н. Указ. соч.).

К с. 119

* Обоснование «исторических прав» Дании на Восточноприбалтийские земли в XII в. было связано с началом крестово-войсковой агрессии в этом регионе. См. подробнее: Пашуто В. Т. Борьба прусского народа за независимость (до конца XIII в.). — *История СССР*, 1958, № 6, с. 54—81. Археологические исследования на территории пруссов указывают, как и во всей Восточной Прибалтике, на тесные связи со Скандинавией. См. выше, прим. к с. 114, 115.

К с. 121

* Согласно современным исследованиям, *borchsoking* означало территориальную единицу у куршей, *soking* в местном нижненемецком диалекте — общину; община, таким образом, группировалась вокруг укрепленного поселения, образуя «замковый округ» (см.: Моора Х. А., Лиги Х. М. К вопросу о генезисе феодальных отношений у народов Прибалтики. — В кн.: *Проблемы возникновения феодализма у народов СССР*. М., 1969, с. 144; о становлении феодализма в Прибалтике и о типологическом сходстве этого процесса со скандинавским см. там же, с. 150—151; они же. *Хозяйство и общественный строй народов Прибалтики в начале XIII в.* Таллин, 1969, с. 48—58: здесь же критика концепции Допкевич и других норманистов). Об отсутствии скандинавских памятников в Латвии (на Кокнесе и др. городищах, приписываемых норманистам викингам) см.: Стродс Х. П. К итогам основных археологических полевых исследований в Латвии (1959—1965 гг.). — В кн.:

**** Sókп в Скандинавии** — это небольшая административно-территориальная единица, после введения христианства — церковный приход. В Англии до норманнского завоевания (середина XI в.) сока (soke) — иммунитетная привилегия на право юрисдикции (иногда лишь право получения штрафа) на определенной территории, а также и сама территория, на которую распространялась эта привилегия. Таким образом, скандинавский sókп и древнеанглийская soke обозначают различные явления и ни в коей мере не связаны с городской жизнью.

***** О билингвизме**, особенно в обозначении местных социальных и политических институтов, см.: Гуревич А. Я. Язык исторического источника и социальная действительность: средневековый билингвизм. — Труды по знаковым системам, вып. 7. Тарту, 1975, с. 98—111.

****** Генрих Латвийский.** Хроника Ливонии. Пер. С. А. Анненского. М.—Л., 1938, с. 104.

К с. 122

*** Сопоставление сuningas Вульфстана (IX в.) с лицами, осуществлявшими управление в ливонских городах XIII в., в значительной степени условно, так как за прошедшие четыре столетия социально-политическая структура общества в Прибалтике существенно изменилась. Текст и русский перевод известия Вульфстана см.: Матузова В. И. Английские средневековые источники IX—XIII вв. Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1979, с. 22, 26.**

**** В свете современных исследований текста «Баварского географа» значение термина civitas не представляется столь очевидным, более того, вероятно, что он употреблялся для обозначения различных типов поселений: небольших деревень, замков и — в некоторых случаях — городов (в последнем случае чаще использовался термин urbs). Поэтому данная интерпретация не вытекает из текста «Баварского географа».**

К с. 123

*** Как уже отмечалось, на погостах — пунктах сбора дани — оседали дружинники и скандинавского происхождения. Однако упорочение системы погостов и фиксация дани, связываемые с летописными реформами Ольги 945 г. (Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и «Русская правда». — В кн.: Новосельцев А. П. и др. Указ. соч., с. 146—152), были ориентированы на внутренние потребности консолидирующегося Древнерусского государства скорее вопреки интересам алчущих богатств иноземных наемников. Раннее восточнославянское происхождение полюдь и «покорма» (см. выше, прим. к с. 80) засвидетельствовано восточными источниками IX в., повествующими о главе славян, путешествующем по стране и собирающем дань одеждой (Новосельцев А. П. Восточные источники о славянах и Руси в VI—IX вв. — В кн.: Новосельцев А. П. и др. Указ. соч., с. 389). Об универсальном характере даннических отношений типа полюдь в раннегосударственных образованиях см.: Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967, с. 106—**

108. Скандинавы, судя по сообщению Константина Багрянородного («Об управлении империей», с. 272), включались в подобные отношения на Руси, хорошо знакомые им и на родине по институту вейцлы (Ковалевский С. Д. Указ. соч., с. 155). Об этимологии слова «погост» см. также: Потебня А. А. К истории звуков русского языка. IV. Этимологические и другие заметки. Варшава, 1883, с. 40—42, прим. 21.

Глава IV

К с. 127

* В летописях и актах этноним *чудь* имеет несколько значений: 1) древние эсты, 2) прибалтийско-финские племена вообще; 3) финно-угорское население Заволочья и Подвинья (чаще в форме Заволочская чюдь). См.: Попов А. И. Указ. соч., с. 68—72; Пименов В. В. Вепсы. М.—Л., 1965, с. 148—150; Агеева Р. А. Об этнониме *чудь* (*чухна*, *чухарь*). — В кн.: Этнонимы. М., 1970, с. 194—203.

К с. 129

* В настоящее время возможность выплаты даней скандинавам населением Северо-Запада, о чем сообщает как «Повесть временных лет», так и исландские саги и восточные авторы, сомнениям не подвергается. Однако вряд ли можно представить эти «дани» как регулярно собираемый и упорядоченный налог, что требовало бы существования организованного скандинавами аппарата управления уже в IX в. (что и предполагалось ранее некоторыми исследователями-норманистами). Вероятнее, что, как и в Англии IX—X вв., это были разовые откупы от грабежа, выплачиваемые отдельными отрядам викингов. Приводимые «Повестью временных лет» сообщения для конца X—XI вв., вероятно, называют размер платы наемным отрядам скандинавов, использовавшихся на великокняжеской службе, а отнюдь не дань скандинавам (ПВЛ, ч. 1, с. 56, 97). Нумизматические данные (Потин В. М. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным. IX—XIII вв. — В кн.: Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970, с. 69) подтверждают то обстоятельство, что приток восточного серебра в 50-е годы IX в. в Скандинавию был незначителен и, видимо, связан с нерегулярными набегами. Зато число монет резко возрастает в 60-е годы, что свидетельствует о значительном усилении контактов со Скандинавией и соотносится некоторыми исследователями с легендой о призвании варягов и даже с реальным появлением скандинавского конунга в Ладоре (Kirpičnikov A. N. Stadt und Gebiet Ladoga zur Zeit des Frühen Mittelalters. — In: Finno-ugri et slavi, S. 146).

К с. 131

* Ранний контакт скандинавов с мерей очевиден по материалам Сарского городища под Ростовом, где скандинавские вещи, появляющиеся с начала IX в., сочетаются с мерянскими (см.: Леонтьев А. Е. Скандинавские вещи в коллекции Сарского городища. — В кн.: Скандинавский сборник, вып. XXVI. Таллин, 1981, с. 141—150). Сарское городище, действительно, расположено на раннем торговом пути (р. Сара — оз. Неро).

* Очевидно, что новгородские вечевые традиции, в том числе традиция призвания князей, весьма архаичны. Современные исследователи Новгорода, отвергая «норманистские теории, сводящие установление правопорядка на Руси к призванию варяжской династии», видят «в истории Новгорода победу традиционной, растущей из местных корней государственности над княжеской, ее большую жизнестойкость и обладание более сильными возможностями» (Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет. — В кн.: Новгородский сборник..., с. 112). Согласно точке зрения В. Т. Пашуто (Пашуто В. Т. Русско-скандинавские отношения...; он же. Черты политического строя..., с. 34—51), варяжские князья были призваны по «ряду» — договору и обязаны были блюсти интересы новгородской конфедерации в целом; таким образом преодолевались сепаратистские устремления верхов каждого отдельного «племени». Это положение совпадает с точкой зрения Х. Ловмянского, считающего, что на тех же условиях были приняты на киевский стол Аскольд и Дир.

** Некоторые современные исследователи считают, что «в ладожских материалах нашла свое решение варяжская проблема. Как это следует из современного анализа русских летописей, «призвание варягов» — достоверный факт местной ладожской истории. Специфическая обстановка, сложившаяся в середине IX в. в этом центре, выдвинутом далеко на окраину славянских земель, привела к тому, что в Ладого, по-видимому, на какое-то время утверждается норманнский конунг со своим двором и дружиной. Скандинавские поселенцы оставили после себя особый курганный могильник (в урочище Плакун). Во второй половине IX в. в Ладого начинается интенсивное нарастание черт древнерусского города. Формируется регулярная уличная застройка, строится каменная крепость. Основное население города — славянские купцы и ремесленники, и заморский военный предводитель с его дружиной выполняет «социальный заказ» именно этих слоев населения, обеспечивая безопасность города и охраняя его судоходство, в том числе и от своих же норманнских соплеменников, неоднократно угрожавших Ладого. С начала X в., по мере укрепления центральной княжеской власти, лидирующая роль Ладоги на Северо-Западе снижается. Первенство переходит к Новгороду, где, естественно, ладожские скандинавы не могли претендовать на какие-либо права» (Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Дубов И. В. Северная Русь. — КСИА, 1981, вып. 164, с. 7). Ладога как международный торговоремесленный центр была полиэтничным поселением, где жили и скандинавы; вместе с тем А. Н. Кирпичников предположил, что первая каменная крепость Ладоги, построенная, вероятно, при Олеге, в конце IX в., призвана была защищать город от находников из-за моря — викингов (см.: Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984, с. 23—42).

* Летописную фразу «ти суть людье нугородьци от рода варяжска, преже бо беша словени» сходным образом понимал уже А. А. Шахматов, отмечавший варяжское происхождение некоторых новгородских мужей (Шахматов А. А. Разыскания о древней-

ших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 303 и сл.). Д. С. Лихачев считает, что слова «от рода» отражают не этническую принадлежность, но включение в социальную организацию (ПВЛ, ч. 2, с. 245—246). Эти точки зрения, вероятно, не являются альтернативными, если учесть этносоциальный контекст ассимиляции скандинавов среди феодализирующихся верхов древнерусских городов.

К с. 135

* Ситуация в Киеве, судя по археологическим данным и по свидетельствам письменных источников, отличалась от той, которая сложилась в Северной Руси. Если новгородские князья (Владимир, Ярослав) имели по преимуществу наемников-скандинавов, то, становясь великими киевскими князьями, они не менее широко использовали наемные отряды кочевников. Ни один источник не сообщает о скандинавском подворье в Киеве, тогда как новгородский «варяжский» (Поромони) двор известен уже в первой четверти XI в., что подтверждается и сведениями «Саги об Эймунде» (Мельникова Е. А. Новгород в древнескандинавской письменности. — В кн.: Новгородский край. Л., 1984).

** Как можно судить на основании «Повести временных лет» и Новгородской первой летописи, объединение и установление родственных связей между всеми членами древнерусского княжеского дома стало возможно лишь при консолидации феодальной знати, складывавшейся на полиэтничной основе.

К с. 136

* Прикрепление к имени Олега ряда фольклорных «бродячих» мотивов (в частности, мотива смерти из-за коня — ср. с «Сагой об Одде Стреле») часто и ныне является исходным пунктом для различных ненаучных конструкций (например, Pritsak O. The Origin of Rus', v. 1. Cambridge (Mass.), 1981, p. 119—153), что, однако, не умаляет достоверности самого факта его существования и деятельности в качестве киевского князя.

К с. 137

* При настоящем уровне исследования различные варианты предания о смерти Олега представляются одинаково гипотетичными.

** Летописец отмечает (ПВЛ, ч. 1, с. 20), что Олег пришел к Смоленску с кривичами и «прия» град: исследователи усматривают в этом факте компромисс между варяжским князем и местными кривичскими властями (Авдусип Д. А. К вопросу о происхождении Смоленска, с. 64—66; Мавродин В. В., Фроянов И. Я. «Старцы градские» на Руси X в. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 31).

К с. 138

* Предполагавшиеся А. Стендер-Петерсеном и другими фольклорные или литературные истоки известия о взятии Киева войсками Олега, притворившимися купцами, находят, по мнению Д. С. Лихачева (ПВЛ, ч. 2, с. 251—252), параллели и в реальной военной тактике.

** Реконструкция А. А. Шахматовым текста древнейшего киевского свода, на которую опирается Х. Ловмянский, включает сведения о взятии Олегом Любеча на пути из Смоленска в Киев;

вместе с тем важность этого города на пути «из варяг в греки» подтверждает и текст договора с греками, помещенный под 907 г., и сведения Константина Багрянородного (ср. комментарий Д. С. Лихачева в: ПВЛ, ч. 2, с. 250—251); торговля же и военная экспансия, как справедливо указывает сам Х. Ловмянский, были взаимосвязаны.

К с. 141

* Подробный анализ легенды см.: Рыдзевская Е. А. К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи. — В кн.: Рыдзевская Е. А. Указ. соч., с. 173—178.

К с. 142

* Б. А. Рыбаков считает, что несмотря на существование фольклорных преданий о Вещем Олеге (смерть от коня и др.), этот князь не пользовался популярностью на Руси (Рыбаков Б. А. Киевская Русь. — В кн.: История СССР, т. I. М., 1966, с. 489—490).

К с. 143

* Б. А. Рыбаков называет «варяжским» период княжения Олега в Киеве, куда находники пробрались лишь случайно, хитростью. (Там же, с. 489—491.)

** Современные реконструкции мифов показали, что имя Кий восходит, вероятно, не к топониму, а к славянскому культурному герою-кузнецу (Иванов В. В., Топоров В. Н. Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян. — В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография. М., 1976, с. 120).

К с. 144

* Имя Аскольд (Осколд) соответствует др.-исланд. Höskuldr, имя Дир — др.-исланд. Dýri.

** Образ Кия соответствует традиционной схеме, распространенной в средневековой историографии, рисующей деятельность правителей древности — основателей городов. В изображении летописца, по всей вероятности, использована собственно русская традиция рассказов о походах на Царьград. Ср. точку зрения Б. А. Рыбакова об историчности Кия и его княжеской биографии: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества, с. 90—94.

К с. 147

* Как свидетельство русско-хазарских отношений в первой половине IX в. могут быть восприняты приводимые Х. Ловмянским данные «Бертинских анналов» о росах, чей правитель носил титул «хакана». Вместе с тем показательно, что Среднее Поднепровье практически не участвует в обращении дирхема, которое, видимо, контролировал Хазарский каганат (Кропоткин В. В. О топографии кладов куваческих монет IX в. в Восточной Европе. — В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1979, с. 111—117); этот факт иногда интерпретируется как свидетельство «блокады» Приднепровской Руси Хазарией (Ширинский С. С. Объективные закономерности и субъективные факторы в образовании Древнерусского государства. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 203—205).

**** См. выше, прим. к с. 76.**

***** Уже в конце IX в. под натиском печенегов Хазарский каганат начинает утрачивать свое могущество, которое было окончательно подорвано походами киевского князя Святослава в 964—965 гг., разорившего Итиль и захватившего Саркел. К концу X в. Хазарский каганат перестал существовать (Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 426—437).**

К с. 148

*** Новые данные о северянах и об их связи с памятниками роменско-боршевской культуры см.: Седов В. В. Восточные славяне, с. 133—140.**

К с. 150

*** Обзор литературы и новые данные о славяно-венгерских отношениях см. в кн.: Москаленко А. Н. Славяно-венгерские отношения в IX в. и древнерусское население Среднего и Верхнего Дона. — В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972, с. 189—196.**

**** Левёдию и Этелькёзу упоминает Константин Багрянородный (указ. соч., гл. 38).**

К с. 151

*** По гипотезе Г. С. Лебедева, Самбатас — крепость, созданная Олегом после захвата Киева как экстерриториальная княжеская резиденция, которая слилась с Киевом во второй половине X в. (Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники древней Руси IX—XI вв. Л., 1978, с. 14). Константин Багрянородный упоминает Самбатас не как второе название Киева, а как Киевскую крепость, у которой собираются однодеревки для похода на Византию. Подобное разделение на собственно город и «порт» характерно для раннегородских поселений.**

К с. 153

*** Автор справедливо подчеркивает различия в географических условиях Англии и Древней Руси, способствовавшие завоеванию первой. В то же время в Англии существовала давняя, восходящая еще к римскому времени традиция возведения укреплений, которыми были обнесены многие крупные поселения и торговые центры. Более того, в IX в. Альфред Великий основал цепь крепостей (burh) на границе с областью Дэнло для защиты своих владений от датчан (Laing L. and J. Anglo-Saxon England. London, 1979, p. 126—129, 143—151; Biddle M. Towns. — In: The Archaeology of Anglo-Saxon England. Cambridge, 1981, p. 99—150).**

К с. 154

*** Очевидно, выбор транспорта зависел от целей нападавших и их экипировки. Во многих случаях, когда ограблению подвергались прибрежные поселения, суда викингов, обладавшие малой осадкой, могли подходить практически вплотную к берегу и никаких других транспортных средств для них не требовалось. В ряде других — викинги везли коней с собой на кораблях, так что потребности в поисках коней на месте не было (см.: Almgren B. Vikingatågens höjdpunkt och slut. Skepp, hästar och befästningar.—**

Тог, 1963, б. 9, с. 215—250). Лишь иногда возникала ситуация, описываемая автором.

****** Как показывают исследования последнего времени, водные (речные) пути широко использовались на Руси для транспортировки войска, особенно в Новгородской земле, где летопись отмечает лишь незначительное количество пеших (или конных) походов. См.: Воронин Н. Н. Средства и пути сообщения. — В кн.: История культуры Древней Руси. М.—Л., 1951, с. 280—314; Арциховский А. В. Средства передвижения. — В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV вв., т. 1. М., 1970, с. 307—316.

К с. 155

* Интерпретация древнеисландского названия Руси—*Gardaríki*—как «страны городов» представляется сомнительной, как в связи с поздним (не ранее XII в.) возникновением самого названия (до этого времени употреблялось название *Gardar*, обычно во множ. числе), так и с точки зрения этимологии слова, которое в древнескандинавских языках обозначало «хутор, двор, усадьба». См.: Мельникова Е. А. Восточноевропейские топонимы с корнем *gard-* в древнескандинавской письменности. — В кн.: Скандинавский сборник, вып. XXII. Таллин, 1977, с. 199—210.

К с. 158

* Ни русские, ни восточные источники не содержат указаний на это обстоятельство, хотя логически оно не исключено.

К с. 159

* Ярл (*jarl*) — правитель области в раннесредневековой Норвегии, представитель родовой знати; позднее, после сложения раннефеодальных государств в Скандинавии, — высшее должностное лицо, совмещавшее военные и административные функции.

К с. 160

* О варягах-наемниках см.: Свердлов М. Б. Скандинавы на Руси в XI в. — В кн.: Скандинавский сборник, вып. XIX. Таллин, 1974, с. 55—69; Мельникова Е. А. «Сага об Эймунде» о службе скандинавов в дружине Ярослава Мудрого. — В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978, с. 289—295.

К с. 161

* Образование древнешведского государства происходит позже, чем в Дании и Норвегии, лишь в начале XI в.; до этого наибольшей властью обладают конунги Свеаланда, т. е. племенной территории свеев, со столицей в Упсале; однако степень оформленности государственной структуры здесь неясна.

****** Насколько известно по сведениям саг, племенные конунги до XI в. могли лично участвовать и нередко участвовали (особенно в юношеские годы) в викингских походах. По мере становления государственности в Скандинавских странах они все реже возглавляют их, если поход не носит характер государственного предприятия, как, например, крестовые походы в Финляндию и Прибалтийские страны.

******* В настоящее время это сообщение не вызывает сомнений.

Глава V

К с. 164

* Как справедливо указывает автор, решение сугубо лингвистической (этимологической) проблемы происхождения названия *русь* ни в коей мере не влияет на оценку исторических процессов образования Древнерусского государства (ср.: Попов А. И. Указ. соч., с. 47; Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глотогенеза. М., 1979, с. 216; Harder H.-B. Zur Frühgeschichte des Namens der Russen und der Bezeichnung ihres Landes. — In: Aspekte der Nationenbildung im Mittelalter, Bd. I. Sigmaringen, 1978, S. 407—424). Еще Ф. Энгельс отметил, что «названия племен, по-видимому, большей частью скорее возникали случайно, чем выбирались сознательно, с течением времени часто бывало, что племя получало от соседних племен имя, отличное от того, которым оно называло себя само» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 93; см. также: Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей. — СЭ, 1968, № 2, с. 34—45).

К с. 165

* Из числа письменных источников наряду с «Повестью временных лет» наибольшее значение имеют «Бертинские анналы» (сообщение 839 г.), «Об управлении империей» Константина Багрянородного и ряд сочинений арабских авторов.

** В настоящее время большинство исследователей, в том числе и антинорманистов, признают, что в основе легенды о призвании варягов, действительно оформленной фольклорным мотивом о трех братьях-основателях, лежит исторический факт вокняжения в северной конфедерации (по «ряду») скандинава, положившее начало династии Рюриковичей (см.: Пашуто В. Т. Русско-скандинавские отношения..., с. 52—54; Рыбаков Б. А. Киевская Русь..., с. 298). И Х. Ловмянский далее признает отдельные детали «легенды» достоверными с исторической точки зрения.

К с. 167

* Вряд ли возможно говорить о «варяжской правящей знати» в XI в., поскольку уже к середине X в. происходит ассимиляция скандинавской по происхождению части правящего сословия в славянской среде и уже в это время (а возможно, и раньше) формируется феодальная знать на полиэтнической основе, консолидировавшей славянские, финские, тюркские и скандинавские элементы, причем последний, очевидно, был не самым многочисленным.

** См. перевод на русский язык: Сага о гутах. Пер. С. Д. Ковалевского. — В кн.: Средние века, вып. 38. М., 1975, с. 307—309. Подробный анализ сказания см.: Тиандер К. Ф. Скандинавское переселенческое сказание. Датско-русские исследования, вып. III. Пгр., 1915.

*** Легенда о призвании бриттским вождем Вортигерном двух братьев-германцев, Хенгеста и Хорсы, содержится в «Англосаксонской хронике» (под 455—473 гг.) и «Церковной истории англов» Бэды Достопочтенного.

**** Учитывая фольклорно-легендарный характер повествования о призвании, существование братьев Рюрика вызывает наибольшие сомнения, тем более что именно триада братьев является тем устойчивым фольклорным мотивом, который мог быть наиболее легко введен в предание о реальном историческом событии. Причем эта обработка могла произойти не обязательно в норманнской, но и в славянской среде, где существовало аналогичное предание об основании Киева тремя братьями (другие, западнославянские аналогии см. у Х. Ловмянского, с. 145). Возможно, смешанной скандинаво-славянской средой, в которой создавалась эта легенда, объясняется «скандинавоподобный» облик имен братьев Рюрика, которые не имеют убедительных скандинавских этимологий (особенно «Синеус») при том, что имя Рюрик соответствует др.-исланд. *Ngørekr*, известному многим древнескандинавским источникам (см.: Валеев Г. К. Антропонимия «Повести временных лет». Автореф. канд. дис. М., 1982, с. 12). Неясность этимологии имен Синеус и Трувор вызвала предположение о том, что это — переосмысленная в качестве имен братьев Рюрика древнешведская фраза, имеющая значение «с родом своим и верной дружиной» (см. последнее: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества, с. 286) из «исходных» шведских форм: *sine hus* и *thru varing*. Во всех вариантах легенды описание состава пришедших, где имена братьев отсутствуют («3 брата с роды своими, и пояша со собою дружину многу» — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 106; «И избърашася 3 брѣтья с роды своими, пояша по собе всю русь, и придоша» — ПВЛ, ч. 1, с. 18) и где, кстати говоря, «дружина» и «русь» взаимозаменяемы, и место поселения каждого из братьев, где указаны их имена, разделяются в тексте. Если предполагать, что имена Синеус и Трувор соответствуют выражению «с роды своими и дружиной многой», то, очевидно, придется исходить из существования некоего текста (легенды о призвании?) на древнешведском языке, который был переведен на древнерусский в процессе его включения в летопись. При этом придется также признать, что переводчик дважды перевел древнешведскую фразу, имевшую значение «с родом своим и верной дружиной»: один раз в соответствии с ее истинным смыслом, второй раз — приняв его (неясно, каким образом, если он только что перевел это выражение верно) за личные имена. Более того, чтобы образовать имя Трувор из *thru varing* (приводимая форма именительного падежа *varing* в данной фразе, кстати, невозможна, так как синтаксис фразы требовал бы формы дательного падежа), переводчик должен был бы восстановить этимологически исходную форму *vár*—«обет, клятва», никогда не имевшую значения «дружина», «отряд воинов» (заметим, что вопрос об этимологии слова *væringi* до сих пор остается дискуссионным; см.: Jacobsson G. La forme originelle du nom des varègues.—Scando-Slavica, 1954, t. 1, p. 36—43). Однако текст легенды о призвании варягов не несет никаких следов, позволивших бы заподозрить в нем перевод. Введение же имен Синеус и Трувор к упомянутым фразам фонетически невозможно. Поэтому подобное предположение не может быть убедительным.

К с. 168

* О договорной основе приглашения норманнов см. выше, прим. к с. 133.

** А. А. Шахматов, на реконструкцию текста начальной летописи и точку зрения которого опирается Х. Ловмянский, считал, что изначальной Русью было Киевское государство, основанное скандинавами («росами» «Бертинских анналов») ок. 840 г. Во второй половине IX в., по Шахматову, в Новгороде сложилось варяжское государство, варяги Олега подчинили южную Русь и восприняли ее название (см. общее изложение концепции: Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919, с. 53 и сл.). Однако из летописных известий не следует, что варяги восприняли это название от какой-то южной руси. Более того, из контекста «Повести временных лет» очевидно, как отмечает Д. С. Лихачев (ПВЛ, ч. II, с. 252—253), что «варяги, словене и прочии» прозвались русью с момента провозглашения Киева столицей — матерью городов русских: учитывая подвластные Олегу города — от Ладоги до Киева, — можно предположить, что название Русь здесь имеет широкий смысл.

К с. 169

* Именно это помещение *руси* среди германских народов отражает либо имевшуюся у составителя «Повести временных лет» информацию, либо его стремление привести перечень народов в соответствие с легендой о призвании варягов-руси.

К с. 170

* Объяснение включения легенды о призвании варягов стремлением показать единство правящей династии и изначальностью ее задачи установить порядок в стране и в настоящее время является широко распространенным. См.: Lichačev D. S. The Legend of the Calling-in of the Varangians, and Political Purposes in Russian Chronicle-Writing from the Second Half of the XIth to the Beginning of the XIIth Century. — Varangian Problems..., p. 170—185.

** Иноземное (чаще всего от троянцев, греков, римлян) происхождение того или иного народа было для средневековых историографов важнейшим способом установить исторические связи во всемирном масштабе, включить историю отдельного народа во всемирно-исторический процесс, создать стройную картину существования человечества от потопа до своего времени. Эта тенденция особенно ярко проявилась в XI—XIII вв. и вызвала к жизни появление многих «ученых» исторических легенд, в частности в Скандинавии и Англии.

К с. 171

* Русский перевод: Видукинд Корвейский. Деяния..., с. 126.

** Русский перевод: Галл Апопим. Хропика..., с. 100.

К с. 173

* В последнее время распространено представление об аутентичности текста договора 907 г. См.: Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980, с. 104—134.

** Поход Олега 907 г. на Константинополь у подавляющего большинства современных исследователей сомнения не вызывает (Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 60; Сахаров А. Н. Указ. соч., с. 88—104).

*** Последняя по времени работа, подробно исследующая договор 907 г., принадлежит А. Н. Сахарову (Сахаров А. Н. Указ. соч., с. 83—146), который полагает, что это был общеполитический договор по широкому кругу вопросов, один из тех, которые Византия заключала с другими «варварскими» государствами в IX—X вв.

К с. 174

* Автор придерживается распространенного среди историков мнения об идентичности корней *рус-* и *рос-*. См. ниже, прим. к с. 177.

** Сообщение Бэртинских анналов — одно из наиболее дискутируемых в связи с норманнской проблемой известий, имеющее большое количество толкований. Мнение Геденова и согласившегося с ним автора данной книги о том, что названием *рос* здесь обозначены шведы (и шире — норманны) на русской службе, является сейчас наиболее распространенным (Пашуто В. Т. Внешняя политика..., с. 23—24; Сахаров А. Н. Указ. соч., с. 42—46, там же библиография вопроса).

К с. 176

* По новейшим данным, время составления «Баварского географа» — первая четверть IX в. до 821 г. См.: Pilař O. Dilo neznámého bavorského geografa. — Historická geografie. Praha, 1974, № 12, s. 205—282.

** Об употреблении названия *русь* в немецких источниках, в том числе и в «Баварском географе» см.: Назаренко А. В. Об имени «Русь» в немецких источниках IX—XI вв. — Вопросы языкознания, 1980, № 5, с. 46—57.

К с. 177

* Топонимические исследования выявили две группы сходно звучащих географических наименований, в первую очередь гидронимов с корнем *рос-* и корнем *рус-*. Первые локализуются в среднем Поднепровье (гидронимы Рось, Роська, Россава из др.-русс. Ръсь, и производные топонимы Поросье, Родня и др.). Вторые — на северо-западе Руси (гидроним Русса/Руса, топоним Русса и др.). Первые образуют довольно обширный куст наименований на небольшой территории, тогда как вторые немногочисленны и разбросаны. Этимология гидронима Ръсь > Рось считается неясной (Трубачев О. Н. Названия рек правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968, с. 237, 262). В связи с различным происхождением звуков -б- и -у- в древ-

нерусском языке очевидно, что корни *рос-* и *рус-* имеют различное и независимое происхождение и не могут рассматриваться как этимологические дублиеты (Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951, с. 45—46; Назаренко А. В. Указ. соч., с. 46—47), хотя и ныне некоторые историки (не лингвисты) полагают их идентичными и взаимозаменяемыми. На разное происхождение корней *рус-* и *рос-* указал еще В. А. Брим (Брим В. А. Происхождение термина «Русь». — В кн.: Россия и Запад, ч. I. Пгр., 1923, с. 5—10. См. также: Новосельцев А. П. Указ. соч., с. 363, прим. 48). Можно предполагать на основании употребления в древнерусских памятниках только формы *рус-* и в этническом, и в территориальном значении, что ко времени появления древнейших письменных памятников (во всяком случае, первого договора Руси с Византией 907 г.) корень *рус-* вытеснил форму с *-о-* корневым, которая, видимо, существовала в более раннее время в Среднем Поднепровье и отразилась в византийских источниках в виде Ῥωσ в начале IX в. (см. ниже прим. к с. 190).

**** Проблема изначальности «Русской земли»** в узком или широком смысле значительно осложнена несколькими обстоятельствами. Во-первых, многие исследователи (см., например, Рогов А. И. О понятии «Русь» и «Русская земля» (по памятникам письменности XI—нач. XII вв.). — В кн.: Формирование раннефеодальных народностей. М., 1981, с. 151—156; Паскольский И. П. Известие Бертинских анналов в свете данных современной науки. — В кн.: Летописи и хроники, 1980 г. М., 1981, с. 43—55) следуют весьма авторитетной точке зрения М. Н. Тихомирова, А. Н. Насонова и Б. А. Рыбакова об изначальности «Русской земли» в узком смысле, высказанной в конце 40-х — начале 50-х годов, и не учитывают новых материалов. Во-вторых, эта точка зрения согласуется с очевидным ранним развитием южнорусской территории в Среднем Поднепровье, частично совпадающей с позднейшей Русской землей в узком смысле (Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества, с. 55 и сл.). Проблема, таким образом, состоит в том, когда эта территория вокруг Киева, Чернигова и Переяславля получила название «Русская земля». Д. С. Лихачев показал, что в подавляющем большинстве случаев, в том числе и в наиболее ранних упоминаниях, в «Повести временных лет», название *Русь* имеет широкое значение (ПВЛ, ч. 2, с. 239 и сл.). Мнение А. Н. Насонова о том, что ранние упоминания Руси в широком смысле есть вторичное употребление узкого понятия, основано на фактической неточности: сведения восточных авторов о трех видах русов он датирует X в. (Насонов А. Н. Указ. соч., с. 39—40), в то время как они относятся к IX в. (Новосельцев А. П. Указ. соч., с. 408 и сл.) и, стало быть, свидетельствуют о раннем бытовании названия *Русь* именно в широком смысле. Вместе с тем и данные, приводимые Х. Ловмянским, свидетельствуют, что в X в. Русь в иностранных источниках также понималась в широких границах. Однако к X в. относятся и упоминания триединства Киева, Чернигова и Переяславля (в договорах 911 и 944 гг.), правда, без идентификации их с Русской землей в узком смысле: вероятно, именно в X в. происходило формирование великокняжеского домена, который сохранил в эпоху раздробленности название «Русская земля».

*** Предположение о «разбойничье-купеческой» организации, основавшей Древнерусское государство, временами появляется и в современной литературе, хотя и не обязательно связывается с норманнами. См., например: Pritsak O. Op. cit., p. 24—28.

К с. 178

* О двух колонизационных волнах скандинавов на Руси писали и норманисты более позднего времени, например, Г. Вернадский (Vernadsky G. Ancient Russia. New Haven, 1943, p. 278—287).

К с. 179

* Все приведенные автором «исходные формы», постоянно фигурирующие в литературе, — древнешведские, реконструированные или зафиксированные в памятниках XIII—XIV вв. Однако древнешведский, как и другие скандинавские языки, выделился лишь в IX—XI вв. (Стеблин-Каменский М. И. История скандинавских языков. М.—Л., 1953, с. 27; Haugen E. The Scandinavian Languages. Cambridge (Mass.), 1976, p. 135, 198—203), т. е. много позже появления названия *русь*. С точки зрения хронологии и развития фонетики германских языков наиболее обоснованной представляется теория С. Экбу, отметившего, что исходной формой для финского Ruotsi должна была быть форма VI—VII вв. *rötheR, где конечное R звучало как [z] (Ekbo S. Om ortnamnet Roden och därmed sammanhängande problem. — Arkiv för nordisk filologi, 1958, b. 73, s. 3—4, 187—199; i d e m. The Etymology of the Finnish Ruotsi 'Sweden'. — In: Les pays du Nord et Byzance, p. 143—145). На вероятность более раннего заимствования ruotsi > rother указывали уже В. Томсен и А. Погодин (Погодин А. Вопрос о происхождении имени «Русь». — В кн.: Сборник в честь Н. Н. Златарски. София, 1925). Комплекс значений слова rötheR «гребля, весло, плавание на гребных судах» (от глагола röa «грести») устойчив и проявляется во всех германских языках: оно встречается и в шведской рунической надписи первой половины XI в. в значении «поход на гребных судах» (Nibble, Up 16). Слово Ruotsi в западнофинских (эстонском, финском и др.) языках сохранилось и до сего времени со значением «Швеция» и производным ruotsalainen — «шведский, швед».

** Существуют многочисленные другие этимологии названия *русь*: южнорусская (среднеднепровская), основанная на существовании на этой территории топонимического корня *рос-*; готская (см. прим. к с. 66), западнославянская (см. указанную в примечании статью Х. Ловмянского «Руссы и руги»); исконно общеславянская (см. прим. к с. 189) и др.

*** Проведенные в последние годы исследования прибалтийско-финской топонимики показали, что топонимы с корнем *ruoči* распространены в Латвийской ССР (Jansons A. Toponimi "zvi-edri", "ruoči", "normani" Latvijas PSR.—Известия АН Латв. ССР, 1963, № 11, с. 45—51) и в других восточноприбалтийских землях. Ареал распространения топонимов со словом *ruotsi* очерчен в работе К. О. Фалька, который показал не только его употребление

на огромной территории от Кольского п-ова до Урала, но и его постепенное сокращение по мере продвижения на восток вместе с изменением значения: уже в ряде саамских и карельских диалектов этноним используется как для обозначения шведов, так и русских, т. е. иноэтничного населения вообще. В языке же коми корень *roč-* (из общепермского **roč* с первоначальным значением «чужеземец») имеет единственное значение «русский» и считается заимствованным из прибалтийско-финских языков: Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970, с. 243. См.: Falk K.-O. Einige Bemerkungen zum Namen Rus'. — In: Les pays du Nord et Byzance, p. 147—159.

**** Контакты скандинавов с западно- и прибалтийско-финским населением по археологическим данным восходят уже к бронзовому и раннему железному веку, но к середине I тысячелетия н. э., в эпоху Великого переселения народов, они становятся более ощутимыми и продолжают с разной степенью интенсивности в VI—XI вв. Судя по погребальным памятникам, уже в середине I тысячелетия н. э. скандинавы проникли не только в близлежащую Западную Финляндию, но и в земли эстов, куршей и др. (Кустин А. Э. О некоторых связях между Эстонией и Скандинавией в VI—XIII вв. (по данным археологических материалов). — В кн.: IV Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докладов, ч. 1. Петрозаводск, 1968, с. 169—172; Kivikoski E. Finland. London, 1980; Dundulis B. Op. cit. Археологические данные см. выше, прим. к с. 116.

К с. 180

* Ледунг — система морского ополчения в раннесредневековой Швеции — упоминается в скандинавских источниках с середины XI в.; однако большинство исследователей относит сложение этой системы к эпохе викингов: в частности, признаки такой организации содержит описание Римбертом похода на Куронию, упоминаемого Х. Ловмянским (см.: Ковалевский С. Д. Указ. соч., с. 105—106). Близок организации ледунга и сбор однопородных на Руси, описанный Константином Багрянородным (Указ. соч., гл. 9). Если возводить к ледунгу легенду о призвании варягов, то «вся Русь» «Повести временных лет», подобно «всем росам» Константина Багрянородного (см. прим. к с. 203), означает участников похода на судах, что согласуется с приводимой выше (прим. к с. 179) этимологией названия *русь*.

** Пирейская надпись, в которой, как считается, упомянута область Рослаген, вероятно, относится ко второй половине XI в. См.: Brate E. Pireuslejonets runinskrift. — Antikvarisk tidskrift för Sverige, h.20, d.3. Stockholm, 1914.

К с. 181

* Славянская колонизация на северо-западе, по современным археологическим данным, происходила в VIII—IX вв., причем в районах, близких к Балтике, славяне начали селиться еще позже. Так, Ижорское плато было освоено ими лишь в X—XIII вв. (Седов В. В. Восточные славяне. с. 170—174).

**** Корень *ruots-* означает «швед-» и имеет производные: *Ruotsi* — Швеция и *ruotsalainen* — «шведский, швед».**

К с. 182

*** Образование славянских этнонимов в «Повести временных лет»** подчинено двум основным моделям, восходящим еще к общеславянскому периоду: 1) с апеллятивной основой и суффиксом *-ян/-ап-* или *-ен-*: славяне, бужане, древляне; 2) с топографической или псевдопатронимической основой и суффиксом *-ич-*: вятичи, дреговичи. См.: Rospond S. Struktura pierwotnych etnonimów słowiańskich. — *Rocznik sławistyczny*, 1966, t. XXVI, cz. I, s. 29—32; i d e m. Struktura pierwotnych etnonimów słowiańskich. cz. II. Formacje po rozpadzie dialektalnym (IX w. i nn.). — *Ibid.*, 1968, t. XXIX, cz. I, s. 18, 24—25; Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. — *Вопросы языкознания*, 1974, № 6, с. 59; Иванов В. В., Топоров В. Н. О древних славянских этнонимах (Основные проблемы и перспективы). — В кн.: *Славянские древности*. Киев, 1980, с. 11—45. Первая модель обнаруживает несравненно более высокую продуктивность: более 20 наименований при 6 второго типа. Среди неславянских этнонимов в древнерусском языке выделяется только один этнонимический ряд: его образуют названия западнофинских (включая прибалтийско-финские) племен, с которыми славяне имели более или менее постоянные связи. Эта этнонимическая модель основана на фонетической (более или менее точной) передаче самоназвания с конечным палатальным согласным, отражающим финское копочное *-i*: корсь, чудь, сумь, весь и пр. Восточнофинские этнонимы приобретали в древнерусском языке различный вид: меря, мордва и т. д. Остальные неславянские этнонимы в «Повести временных лет» не поддаются систематизации. Наименование *русь*, таким образом, по своей структуре принадлежит к западнофинскому этнонимическому ряду.

**** Нет никаких данных для предположения о независимом развитии слов *русь* и *Ruotsi* из одного корня, тем более что финские и славянские языки принадлежат к различным языковым семьям и не могут иметь генетически общих корней. Ограниченность лексического гнезда слова *Ruotsi* указывает на его вероятное заимствование, а не исконно финское происхождение, так же как употребление корня *рус-* только в этно- и топонимической сферах русского языка противоречит его исконно славянскому происхождению.**

***** О венедах и их вероятной локализации от бассейна Вислы до междуречья Дуная и Днестра см.: Седов В. В. Происхождение..., с. 29—31; ср.: Попов А. И. Указ. соч., с. 20—24; здесь же о германской передаче латинским автором этнонима вепеды.**

К с. 184

*** И В. Кипарский, и Ю. Миккола полагают, что западнофинско-славянские языковые связи начались в VIII—IX вв., так как в западнофинских и эстонском языках есть заимствования из древнерусского, сохранившие неполногласие, что могло быть лишь до IX в. Аналогичное явление в балтских заимствованиях из древнерусского не отражено. См.: Kiparsky V. The Earliest Contacts of the Russians with the Finns and Balts. — *Oxford Slavonic Papers*,**

1952, v. III, p. 67—79; Mikkola J. Die älteste Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch. Helsinki, 1938.

** В свете современных данных предположение автора о готско-финских связях после оседания готов в Северном Причерноморье не представляется вероятным. См. ниже прим. к с. 185. Также нет сведений, позволяющих возводить названия *русь* или «Ruotsi» к началу н. э. Как справедливо указывалось выше, название *русь* впервые отмечается источниками в первой половине IX в. и вряд ли возникло раньше этого времени.

*** Об остготах см.: Wolfram H. Geschichte der Goten. München, 1980; Nachmann R. Die Goten und Skandinavien. Berlin, 1970.

К с. 185

* Имеется в виду ареал так называемой черняховской культуры II—IV вв., оставленной полиэтничным населением и развивавшейся, вероятно, под властью готской державы и под сильным влиянием римской провинциальной культуры. См.: Проблемы черняховской культуры. — КСИА, вып. 121, М., 1970. Об экономических связях см.: Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н. э. М., 1967, с. 111—114.

** О фибулах с эмалью, большей частью датирующихся V—VI вв., см.: Корзухина Г. Ф. Предметы убора с выемчатыми эмальями V — первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. Л., 1978. По мнению исследовательницы, находки эмалей свидетельствуют о балто-аланских контактах после разгрома черняховской культуры гуннами. О вещах с эмальями на территории Эстонии см.: Eesti esiajalugu. Tallinn, 1982, s. 224—233.

*** Перечень этнонимов, приводимый Иорданом (Иордан. О происхождении и деяниях гетов, с. 89) как список народов, вошедших в царство Германариха, по, видимо, справедливому мнению ряда исследователей, представляет собой выписку из более раннего итинерария, «где области, по которым пролегал путь, обозначались названиями населявших их племен» (Скрябинская Е. Ч. — В кн.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов, с. 266), и отнюдь не имеет отношения к царству Германариха. Более того, на территории упоминаемых Иорданом финских племен полностью отсутствуют следы готского влияния в археологическом материале: готские древности обнаружены лишь в памятниках черняховской культуры в Среднем и Нижнем Поднепровье и Поднепровье (Седов В. В. Происхождение..., с. 89, 98; Тиханова М. А. Еще раз к вопросу о происхождении черняховской культуры. — КСИА, вып. 121, 1970, с. 89—94). Государство готов в Северном Причерноморье перестает существовать в результате гуннского нашествия в IV в. н. э.; об остаточных группах готов в Крыму сообщают более поздние источники, однако эти небольшие готские «островки» не могли осуществлять какие-либо крупные торговые или иные походы на север Европы или в Прибалтику. Ни археологические материалы, ни письменные источники не содержат никаких сведений, которые могли бы быть интерпретированы подобным образом и указывать на связь причерноморских готов в VI—XI вв. с Прибалтикой и Северной Русью. См.: Топоров В. Н.

Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы. — Балто-славянские исследования. 1982. М., 1983, с. 227—263.

К с. 186

* Отношения финских народов со Средним Поднепровьем не прерывались в X—XI вв., а, напротив, становились шире и разнообразнее, так как они интенсивно вовлекались в процессы консолидации Древнерусского государства и древнерусской народности.

** Предполагаемые автором архаические формы с аффрикатом -тс- не зафиксированы древнерусскими источниками.

*** О происхождении немецких форм Ruzzi и др. см.: Назаренко А. В. Указ. соч., с. 51—57.

К с. 187

* См. выше прим. к с. 174. Также не равнозначны и корни *рад-*, *род-* и *руд-*, имеющие различное происхождение и значение.

** Название Родня, вероятно, является производным от гидронима Ръсь, т. е. вторичным, и потому, как, например, и гидроним Роська (приток Роси), не может служить аргументом в данном вопросе.

К с. 188

* Разумеется, упоминание в книге пророка Иезекииля мифического народа «рош», главой которого был Гог (существует и другое толкование слова «рош» в его исконном древнееврейском значении — «глава», и соответствующий текст должен тогда переводиться как «...архонта—рош Фувала и Мешеха». См.: Sophocles E. A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods, v. II. N. Y., 1957, p. 974), ни в коей мере не может быть отождествлено с этнонимом *русь*. Если оно в библейском тексте действительно является этнонимом, то может быть сопоставлено скорее с этнонимами иранского происхождения, имеющими корень *рос-/рокс-* и широко распространенными на юге Восточной Европы и в Средней Азии примерно в то же время.

** Отождествление Нгос Псевдо-Захарии и названия *русь* в настоящее время отвергнуто. Вероятно, название Нгос возникло в «Церковной истории» Псевдо-Захарии под влиянием эсхатологической легенды о Гоге и Магоге, широко известной в византийской литературе. См.: Anderson A. R. Alexander's Gate, Gog and Magog, and the Inclosed Nations. Cambridge (Mass.), 1932; Podskalsky G. Byzantinische Reicheschatologie. München, 1972; Stender-Petersen A. The Varangian Problem, p. 16; Thulin A. The Southern Origin of the Name Rus'. Some Remarks. — Les pays..., p. 175—183.

*** Это сопоставление отвергнуто современными исследователями, в первую очередь из-за контекста сообщения, где речь идет об императорских кораблях (см.: Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М., 1980, с. 143—144).

К с. 189

* Вопрос о знакомстве византийских авторов до X в. с названиями восточнославянских племен не столь однозначен. В VII—IX вв. ряд памятников упоминает склавенов (славяп), северов (се-

верян), друговитов (дреговичей) («Житие Дмитрия Солунского», Феофан Исповедник, Никифор и др.). Но, вероятно, почти все упоминания, кроме, может быть, северян, относятся к племенам, расселившимся в это время на Балканском п-ве. Наличие ряда этнонимов-дублетов в Восточной и Юго-Восточной Европе позволило предположить расселение славянских племен на Балканах из Восточной Европы (Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы...). В какое время византийцы получили сведения об этих племенах, до или после расселения славян на Юге, остается пока неясным, так же как и степень информированности византийских хронистов об исконных территориях, с которых пришли на Балканы славянские племена северов, друговитов и др.

**** Исконно славянская этимология названия *русь* имеет два варианта:** 1) от общеслав. *rud-/*rus->*rud-s- «русый» и 2) общеслав. *ru-/*гу- — «плыть, течь», ср.-русск. «русло». См.: Rospond S. Pochodzenie nazwy Rus'. — Rocznik slawistyczny, 1977, t. XXXVIII, cz. 1, s. 35—50.

К с. 190

*** Из-за отсутствия как письменных свидетельств о раннем (до IX в.) существовании этого названия, так и следов славяно-византийских связей в Причерноморье до IX в. вопрос о возникновении формы Ῥως в греческом языке остается неясным. Несомненно влияние на нее библейской формы «рош» (см. выше, прим. 1 к с. 188), так как уже в проповеди Фотия народ *рос*, папавший на Константинополь, сравнивается с народами Гога и Магога. В этом контексте могла произойти метатеза -у-/-о-, но это не объясняет независимых от Фотия (и более ранних) употреблений формы Ῥως. Можно лишь предположить, исходя из самостоятельного происхождения корней *рос-* и *рус-*, контаминация которых, вероятно, произошла в середине IX в., что византийские авторы познакомились с наименованием в его южнорусском варианте до того, как произошло смешение форм, и потому именно эта южнорусская форма закрепилась в ранних византийских памятниках. В X в. в византийской литературе появляется форма с -у- корневым, *ровос-*, что, возможно, отражает закрепление корня *рус-* в самой Руси и вытеснение им формы *рос-*.**

К с. 191

*** Древнерусское государство в процессе своего становления консолидировало не только славянское население, но и финно-угорские, балтские и др. этнические элементы. На основе синтеза разноэтнических элементов происходило формирование древнерусской народности (Пашуто В. Т. Истоки Древнерусского государства, с. 88—92). Вероятно, именно с этими процессами связано и расширение значения названия *русь* как надэтничного обозначения населения всего Древнерусского государства и как обозначения самого государства в целом.**

**** Русский перевод см.: Иордан. О происхождении..., с. 91.**

***** О «древностях русов» см.: Корзухина Г. Ф. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э.—СА, 1955, т. XXII, с. 69—82; Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970, с. 80—83. Этноним «росомоны» встречается только у Иордана и остается дискуссионным. См.: Скрижин-**

ская Е. Ч. — В кн.: Иордан. О происхождении..., с. 279—280.

К с. 192.

* Франция, как и Русь, формировалась на полиэтничной (кельтской, германской и романской) основе, но название в период становления единого государства получила от одного из германских племен, франков, составлявших лишь незначительную часть населения и быстро ассимилировавшихся в романской среде.

К с. 193

* Об этносоциальном смысле противопоставления славян и руси см. прим. к с. 202.

К с. 194

* В числе норманнов, попадавших на территорию Руси, были не только шведы, хотя они и составляли большинство, но также датчане и норвежцы, о чем свидетельствуют археологические данные и письменные источники.

** Русский перевод: Галл Аноним. Хроника, с. 27. В данном случае приведен более точный перевод А. В. Назаренко.

К с. 195

* По мнению А. П. Новосельцева, титул «хакан» применительно к древнерусским князьям был принят уже в первой половине IX в. как символ, во-первых, их независимости от Хазарии, а в первой половине XI в. использовался для утверждения независимости русских великих князей от Византии, и, во-вторых, их главенствующего среди других восточнославянских правителей положения (Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя. — История СССР, 1982, № 4, с. 150—159).

К с. 196

* Невзирая на ряд попыток отвергнуть авторство Игнатия для «Жития Георгия Амастридского» или доказать позднейшее происхождение русских известий жития, в современном византиноведении вновь принята точка зрения В. Г. Васильевского. И. Шевченко, исследовав стилистические особенности произведений Игнатия, пришел к выводу о принадлежности ему и «Жития Георгия Амастридского» (Sevčenko I. Hagiography of the Iconoclast Period. — In: Iconoclasm. Birmingham, 1977, p. 121—127).

** Современное состояние вопроса о походе Бравлипа («Житие Стефана Сурожского») см.: Сахаров А. Н. Указ. соч., с. 25—30.

К с. 197

* См. последнее исследование с полной библиографией: Сахаров А. Н. Указ. соч., с. 48—82.

К с. 198

* Следовавшее ниже в польском издании книги подробное изложение гипотезы о существовании «черноморской» и/или «крымской» руси было пересмотрено автором в кн.: Łowmiański H. Początki Polski, t. 5, s. 142.

** Сообщение об острове русов широко вошло в арабскую географическую литературу и в сокращенном варианте встречается во многих сочинениях. Наиболее ранним считается его изложение

у Ибн Русте и ал-Мукаддаси, восходящее к неизвестному источнику IX в. Сведения, в соответствии с новейшими исследованиями, можно датировать временем не позднее 80-х годов IX в. (Новосельцев А. П. Восточные источники..., с. 397—408).

К с. 199

* Вероятнее, что в скандинавском названии Новгорода—Hólm-gardr (в ранних источниках чаще употребляется во множественном числе Hólmgardar) — обе части скандинавского происхождения: Hólmr—«остров» и gardr—«усадебный двор», т. е. «поселения на островах», и возникло оно еще до объединения нескольких поселений (будущих концов) в единый город (Мельникова Е. А. Восточноевропейские топонимы..., с. 203—205).

** Как показали работы Артамонова и других, основная информация к арабским авторам поступала через Хазарию (Итиль).

К с. 200

* Термин «синф», как ныне установлено, означает не «центр» или «род», как предполагалось ранее, а «группа, класс, категория». В контексте сообщения Ибн Хаукаля и других это, вероятно, обозначение территориального объединения (Новосельцев А. П. Указ. соч., с. 414—415). Более правильно чтение третьего паименования — Арсания и Арса.

** Это сочинение под названием «Худуд ал-Алам» было издано и исследовано В. В. Бартольд и В. Минорским (Бартольд В. В. Введение к изданию Худуд ал-'Алам.—В кн.: Бартольд В. В. Сочинения, т. 8. М., 1973, с. 504—545; Hudūd al-'Ālam. "The Regions of the World". A Persian Geography 372 a. h.—982 A. D. Ed. by V. Minorsky. London, 1937. Русский перевод см.: Новосельцев А. П. Указ. соч., с. 412).

К с. 201

* В новейшей литературе Артагия (Арса) восточных источников, как правило, связывается с Ростовом Великим (Новосельцев А. П. Указ. соч., с. 408—419). Кроме того, информация о трех видах русов, в случае если она исходила от самих русов, могла быть фольклорным вариантом переселенческого сказания о трех племенах, трех братьях, разделивших страну на три части, и т. п.; подобные сказания известны были и скандинавам, и славянам (см.: Петрухин В. Я. Три «центра» Руси. Фольклорные истоки и историческая традиция.—В кн.: Художественный язык средневековья. М., 1982, с. 143—158).

** О торговых связях Киева и Булгара в X в. см.: Рыбаков Б. А. Путь из Булгара в Киев.—В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 189—196.

*** Позднее Х. Ловмянский присоединился к мнению Хрбека, идентифицировавшего Артанию и Аркону на о. Рюген (Łowmiański H. Początki Polski, t. 5, s. 183—186).

**** Мысль Х. Ловмянского о связи распространения названия *русь* с созданием системы опорных пунктов великокняжеской власти представляется весьма продуктивной, особенно для X в. В это время, в согласии с сообщением Константина Багрянородно-

го, формируется система великокняжеских дружинных погостов, где в разнородной среде, ассимилирующей и дружинников скандинавского происхождения, наиболее интенсивно происходят процессы этнической консолидации — сложения древнерусской народности. Условия полиэтничности были благоприятны для распространения названия *русь* как полисемантического и этнически нейтрального.

К с. 202

* Русский перевод см.: Константин Багрянородный. Об управлении империей. Пер. Г. Г. Литаврина. — В кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с. 273.

** Предположение о первоначально «социальном» значении названия *русь* продолжает развиваться и в некоторых работах последних лет (см., например: Vitestam G. The People of ar-Rūs as Merchants according to Arabic Sources. — Kgl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, Filologisk-filosofiska serien, 1975, b. 15, s. 15—22; Акопов Г. Б. Этимология названия Русь в свете теории этнической консолидации. — Вестник общественных наук АН Арм. ССР, 1967, № 6, с. 89—101). В большинстве случаев оно обосновывается данными восточных источников. Социальная окраска названия *русь* в восточных источниках представляется естественной, поскольку арабские авторы, сами не бывавшие в стране русов, встречались лишь с отдельными представителями этого народа: купцами, с которыми они торговали, и воинами, которые составляли отряды, направлявшиеся в походы на Юг и Восток, т. е. представителями феодализирующих верхов, а отнюдь не рядовыми общинниками или ремесленниками. Поэтому присутствие социального оттенка в описании народа ар-Рус неизбежно.

К с. 203

* Из приводимой выше в комментарии (с. 179) этимологии названия *русь*, равно как и из источников, используемых Х. Ловмянским, очевидно, что это название в IX—X вв. имело и этническое и социальное значение. В социальном смысле название *русь* означало княжескую дружину: на синонимию «всей руси», взятой в Новгород Рюриком, согласно легенде о призвании варягов, и «всех росов», выходящих на полюдь из Киева, указал еще Б. Д. Греков (История СССР. М., 1947, с. 74; ср.: Falk K.-O. Einige Bemerkungen zum Namen Rus', s. 149). То же словосочетание характеризует и дружину Святослава, причем его бояре упомянуты отдельно: «Яко же кляхъся ко царемъ гречскимъ, и со мною бояре и Русь вся» (ПВЛ, ч. 1, с. 52). Тому обстоятельству, что в этническом отношении название *русь* долго (ср. *росов* Константина Багрянородного) ассоциировалось со скандинавами, способствовало, как верно отмечает Х. Ловмянский, и происхождение названия, память о котором сохранялась в преданиях, и включение варягов в состав княжеской дружины.

** Социальные категории, упомянутые в Краткой редакции «Русской правды», — позднейшая вставка; первоначально за русин (по Л. В. Черепнину, русин — выходец из Киевской Руси) сразу следовал словенин (новгородец); перечисленные впоследствии социальные категории могли относиться и к статусу русина, и к

положению словенина (см.: Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и «Русская правда». — В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство, с. 134).

Глава VI

К с. 204

* Историографию проблемы генезиса древнерусского государства см. в кн.: Советская историография Киевской Руси; из новых работ см.: Свердлов М. Б. Указ. соч.

К с. 209

* См. выше, примеч. к с. 87.

К с. 210

* Обзор литературы о руси-дромитах см.: Николаев В. Д. Свидетельство хроники Псевдо-Симеона о руси-дромитах и поход Олега на Константинополь в 907 г. — Византийский временник, в. 42, 1981, с. 147—153.

** Адам Бременский сближает Русь и Грецию на конфессиональной основе: занимая высокое положение в церковной иерархии крупнейшего диоцеза в Северной Германии — Гамбургского, — он придавал большое значение вопросам вероисповедания, особенно остро стоявшим после разделения христианской церкви на западную и восточную.

К с. 211

* Регулярные разъезды правителей с целью кормления дружины и сбора дани характерны не только для ранних славянских и скандинавских государств (см. о древненорвежской вейцле — полюдье: Гуревич А. Я. Свободное крестьянство, с. 117 и сл.; о системе хусабу — королевских усадеб, куда свозилась дань в Швеции, см.: Ковалевский С. Д. Указ. соч., с. 219 и сл.), но и для раннеклассового общества в целом (см.: Кобищанов Ю. М. «Полюдье» в тропической Африке. — Народы Азии и Африки, 1972, № 4).

** «Русские» названия порогов имеют следующие скандинавские соответствия: *ouлборси* — др.-исл., др.-швед. *hólmfors*, возможно, в форме дат. п. ед. ч. *Hólmforsí* от *hólmr* «остров» и *fors* — «порог», т. е. «островной порог»; *аеифор* — др.-швед. *æförr* от *æ* «всегда, постоянно» и *förr* — «стремительный» (есть другое толкование как *æif[d]fors* — «водопад на волоке»); *баруфорос* — др.-исл. *báru-fors* от *bága* — «волна» и *fors* — «порог»; *лаанти* — др.-исл. *hlæjandi*, др.-швед. *le(i)andi* — «смеющийся»; *отровжов* — дат. п. мн. ч. от др.-исл. *strok* — «течение в проточной воде» или дат. п. мн. ч. от др.-исл. *struk* — «узкая часть русла реки, теснина». Бесспорно скандинавское происхождение имеет и название третьего порога, названное Константином «славянским» — *γελανδρι* — др.-исл. *gjallandi*, др.-швед. *gjællandi* — «звнящий».

К с. 213

* Единство славянского и русского языка летописец, очевидно, понимает в контексте истории славяно-варяжских этнических от-

ношений: «А словенський языкъ и русскій одно есть, от варягъ бо прозвашася Русью, а первое беша словене» (ПВЛ, ч. 1, с. 23).

****** Объясняя «славянские» названия порогов как «древнеукраинские», О.-К. Фальк исходил из выдвинутой им здесь и в других трудах гипотезы о раннем (уже в X в.) возникновении диалектных различий в восточнославянском языке и обособлении русского и украинского языков. Это предположение Фалька, кстати, основным аргументом которого и были названия днепровских порогов у Константина, вызвало резкую критику языковедов. См.: Shevelov G. Y. On the Slavonic Names for the Falls of the Dnepr in the "De administrando imperio" of Constantine Porphyrogenitus.—Word, 1955, v. 11, № 4, p. 503—530; Толкачев А. И. О названиях днепровских порогов Константина Багрянородного "De administrando imperio" (в связи с работой К.-О. Фалька на ту же тему). — Историческая грамматика и лексикология русского языка. Материалы и исследования. М., 1962, с. 29—60. Ни данные сравнительной фонетики или морфологии, ни свидетельства письменных источников не дают оснований для выделения украинского языка в это время (см.: Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972).

К с. 214

* О возможности участия росов в военных предприятиях Византии уже в начале X в. см.: Сахаров А. Н. Указ. соч., с. 171—172.

К с. 218

* В соответствии с новейшими исследованиями, «Книга путей и стран» Ибн Хордадбега была написана в 880-е годы (Новосельцев А. П. Указ. соч., с. 375).

****** В этом месте рукописи слово читается неясно, поэтому различные исследователи интерпретируют его как «Итиль» (Т. Левицкий), «Танаис» (де Гуйе) или опускают его (Новосельцев А. П.).

******* Ср. русский перевод: Новосельцев А. П. Указ. соч., с. 384—385.

******** Можно лишь предполагать широкое использование древнерусского языка в восточной торговле, так как прямых свидетельств его международного распространения нет.

К с. 219

* Большинство исследователей считают сведения о русах как виде славян поздней вставкой в текст Ибн Хордадбега; см.: Новосельцев А. П. Указ. соч., с. 382—386.

****** О походах ар-Рус в Андалусию сообщает и арабский автор X в.; см.: Калинина Т. М. Сведения Ибн Хаукаля о походах Руси времен Святослава. — В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. 1975. М., 1976, с. 90—101.

К с. 220

* См. выше, прим. к с. 210.

****** См. также: Новосельцев А. П. Указ. соч., с. 355—419.

К с. 223

* Об участии скандинавов в восточной торговле по данным пумизматики см. прим. к с. 129. Равным образом византийские говары могли проникать в Скандинавию через Русь, как свидетельствуют некоторые археологические данные (Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. Указ. соч.).

** Предположение о сословной ограниченности древнерусского веча подтверждается последними исследованиями по истории Новгорода (Колчин Б. А., Янин В. Л. Указ. соч., с. 116 и сл.).

К с. 224

* О дате и подробностях приема Ольги в Константинополе см.: Литаврин Г. Г. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь. Проблема источников. — Византийский временник, т. 42, 1981, с. 35—48.

К с. 226

* Употребление отэтнонимического личного имени было возможно лишь в иноэтнической для данного лица среде, причем чаще это было не личное имя, а прозвище. Приводимые автором случаи как раз охватывают круг отэтнонимических прозвищ, свидетельствующих о принадлежности их носителей к небольшим этническим группам, вкрапленным в основную, численно подавляющую.

** К сожалению, время образования этих топонимов не известно. Фамилии же появились в России несравненно позже рассматриваемого времени и служить аргументом не могут.

Заключение

К с. 228

* Роль князя-восводы при малолетнем Игоре, которой наделяет Олега «Повесть временных лет», сопоставима с положением Асмуда, затем — Свенельда при Святославе, Блуда при Ярополке, Добрыни при Владимире; институт «кормильства» малолетних князей был широко распространен (не только на Руси) в период сложения ранних государств и восходит к нормам эпохи разложения первобытнообщинного строя (авукуллат); см.: Свердлов М. Б. Указ. соч., с. 46—47.

К с. 229

* См. также: Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия..., с. 29—88.

Именной указатель

- Абрамович А. 251
Август 174
Авданцы 35, 51, 52
Авдусин Д. А. 83, 111, 112, 113, 236, 237, 255, 262, 263, 264, 270
Агапит 152
Агеева Р. А. 268
Адам Бременский 116, 117, 118, 119, 164, 172, 187, 199, 210, 220, 248, 251, 288
Адамус Й. (Adamus J.) 45
Адулб 222
Адун 222
Акопов Г. Б. 287
Актеву 221
Акун 222, 224
Алвад 222
Алдан, купец 222
Алдан 222
Александр Македонский 171
Александр, византийский император 221
Алексеев В. П. 274
Алешковский М. Х. 239, 252, 255
Альм 150
Альмгрен Б. (Almgren B.) 243, 272
Альстен Й. (Ahlsten J.) 251
Альфред Великий 94, 272
Аминод 222
Амира К. ф. (Amira K. v.) 44
Анастас 226
Андерсон А. Р. (Anderson A. R.) 283
Андерсон Й. (Anderson J.) 165
Андрей, апостол 74
Ангарий 45, 114, 117, 133, 175, 266
Антоний 152
Апубьскаръ 222
Арбман Х. (Arbman H.) 53, 237, 240, 256, 261
Арбузов Л. (Arbusov L.) 120, 121
Ари Торгильссон (Мудрый) 253
Арне Т. (Arne T.) 17, 68, 77, 83, 107, 109, 111, 112, 116, 230, 231, 234, 237, 240, 252, 261
Арнтц Х. (Anrntz H.) 180
Артамонов М. И. 272, 286
Арциховский А. В. 81, 111, 231, 235, 237, 273
Аскольд 41, 61, 138, 139, 141, 143, 144, 156, 158, 159, 178, 195, 198, 204, 207, 269, 271
Асмуд (Асмунд) 224, 225, 290
Ательстан 95, 259
Аулих В. В. 238
Багратиды 152
Бадер О. Н. 264
Базилевич К. В. 9
Байер Г. С. (Bayer G. S.) 59, 63, 66, 77, 86, 164, 252
Бал'ами 188
Балодис Ф. (Balodis F.) 79, 109, 114, 116, 117
ал-Балхан, 200
Бальцер О. (Balzer O.) 33, 36, 54, 124, 172
Барац Г. М. 221
Бардах Ю. 10
Барт П. (Barth P.) 25, 26
Бартоломе К. (Bartholomae C.) 187
Бартольд В. В. 286
Баумгартен Н. (Baumgarten N.) 85, 86
Башкевич Я. 10
ал-Бекри 62, 157, 172, 216
Беляев Н. Т. 136
Березовец Д. Т. (Berezovec D. T.) 148
Берн 22
Бернард Х. (Bernard H.) 244
Бернштейн-Коган С. В. 109
Бестужев-Рюмин К. Н. 70, 71, 78
Биддл М. (Biddle M.) 272
Биленштейн А. (Bielenstein A.) 117, 131
Биргер Магнуссон 180
Блифельд Д. И. 107, 108, 253, 262
Блуд 141, 225, 290
Блэндаль С. (Blöndal S.) 229
Блэр П. (Blair P.) 93
Бобринский М. 35
Богуславский Г. К. 109
Бож см. Боз
Боз 43, 82, 248

- Болеслав Кривоустый 211
 Болеслав I Храбрый 35, 42, 45,
 52, 117, 118, 140, 160, 187, 211,
 226, 251
 Болеслав II Щедрый 52
 Больнов Х. (Bollnow H.) 40
 Боор К. де (Boor K. de) 197
 Борис Владимирович 71, 74,
 262
 Борис 151
 Боричь 222
 Боук А. (Boack A.) 198
 Бравлин 196, 285
 Брайчевский М. (Brajčew-
 ŝki M.) 185
 Брацкман А. (Brackmann A.)
 32, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43,
 44, 46
 Брандт А. (Brandt A.) 91, 97,
 110
 Брате Э. (Brate E.) 280
 Браун Ф. А. (Braun F. A.) 68,
 69, 70, 170, 252
 Брент П. (Brent P.) 244
 Брим В. А. (Briem B.) 58, 106,
 109, 152, 180, 190, 278
 Брокгауз Ф. А. 100, 104
 Брокельман С. (Brockel-
 mann C.) 143, 218
 Бромлей Ю. В. 274
 Брук Г. (Brooke G.) 95
 Бруннер К. (Brunner K.) 97
 Бруно 192
 Бруны 222
 Бруцкус Й. 151
 Брюкнер А. (Brückner A.) 51,
 52, 72, 75, 119, 145, 155, 163,
 164, 183, 225
 Буга К. (Buga K.) 183
 Будилович А. 65
 Булин С. (Bolin S.) 89, 91, 228
 Булкин В. А. 236, 255, 272
 Буюк Ф. О. (Bujak F. O.) 36,
 45
 Бьёрн 175
 Бьёрн 253
 Бьюри Й. (Bury J.) 213
 Бэда 257, 274
 Бюгге А. (Bugge A.) 44, 92

 Вайткунскене Л. 265
 Валеев Г. К. 275
 Валиди Тогап А. З. (Validi To-
 gap A. Z.) 150, 200, 217, 218
 Вальдемар I 120
 Вальдемар II 120—121
 Ванечек В. (Vaněček V.) 47, 48
 Варяжко 160, 226
 Василий I 195, 196
 Василий II Болгаробойца 161,
 214
 Васильев А. А. (Vasiliev A. A.)
 146, 197, 198
 Васильевский В. Г. 65, 196, 214,
 285
 Ваховский К. (Wachowski K.)
 35, 116, 205
 Веремуд 221
 Вернадский Г. (Vernadsky G.)
 86, 105, 109, 133, 136, 146, 149,
 187, 197, 233, 279
 Вселовский С. Б. 99, 101, 103
 Вестберг Ф. (Westberg F.) 66,
 146, 147, 200, 218, 220
 Ветуляни А. 45
 Видаевич Я. (Widajewicz J.)
 35, 54, 205
 Видукинд Корвейский 45, 157,
 171, 249, 276
 Вильсон Д. М. (Wilson D. M.)
 234, 257, 262
 Випеке Э. (Wienecke E.) 39
 Виссова Г. (Wissova G.) 34, 185
 Витестам Г. (Vitestam G.) 287
 Вихман 205
 Владимир Мономах 156
 Владимир Святославич 46, 69,
 71, 124, 126, 127, 129, 135, 137,
 139, 140, 141, 154, 155, 156, 157,
 161, 192, 195, 204, 208, 214,
 223, 225, 226, 229, 236, 260,
 270, 290
 Владимир Ярославич 197
 Владимирский-Буданов М. Ф.
 227
 Воик 222
 Воист 222
 Войпех 122
 Войпеховский З. (Wojciechow-
 ski Z.) 32, 33
 Володислав 222
 Волчий Хвост 226
 Вольфрам Х. (Wolfram H.) 282
 Вондрак В. (Vondrack W.) 186
 Воронин Н. Н. 81, 273
 Всеволод 191
 Вуефаст 222
 Вузлев 222
 Вульфстан 122
 Вышата 126, 197

- Галинд 226
 Галл Аноним 42, 45, 52, 171, 194, 211, 249, 251, 276, 285
 Гардизи 198
 Гаркави А. Я. 66, 67, 147
 Гармонсвей Г. (Garmonsway G. N.) 259
 Гедеонов С. А. 58, 63, 64, 67, 75, 175, 189, 195, 209, 210, 211, 212, 214, 220, 277
 Гедимин 174
 Гедиминовичи 174
 Гезениус В. (Gesenius W.) 188
 Гейштор А. (Gieysztor A.) 33
 Генрих II 97
 Генрих Латвийский 120, 121, 267
 Генцмер Ф. (Genzmer F.) 97
 Георгий Амартол 73
 Георгий Амастридский 196, 285
 Герберштейн Сигизмунд 215
 Германах 185
 Гётц Л. К. (Goetz L. K.) 227
 Гильдас 257
 Гинтерс В. (Ginters V.) 265
 Глазырина Г. В. 253
 Глеб Владимирович 71, 74, 262
 Глеб муромский 109
 Гог 283, 284
 Годфрид (Готрик) 129
 Голубева Л. А. 108, 235
 Гомол 222
 Горюнова Е. И. 184
 Готшальд М. (Gotschald M.) 226
 Грабмюллер Х. (Grabmüller H.-J.) 245
 Граппин Х. (Grappin H.) 51
 Грегуар А. (Gregoire H.) 136, 150, 173
 Греков Б. Д. 8, 10, 15, 46, 83, 84, 103, 147, 188, 204, 231, 287
 Грим 222
 Гримм В. (Grimm W.) 186
 Гримм Я. (Grimm J.) 186
 Гродецкий Р. (Grodecki R.) 36
 Грундман Х. (Grundmann H.) 157
 Грушевский М. С. 59, 72, 75, 79, 137, 151
 Грэм-Кемпбелл Дж. (Graham-Campbell J.) 244
 Гуды, князь (?) 222
 Гуды, посол 221
 Гуляев Е. С. 280
 Гумплович Л. (Gumplowicz L.) 24, 25, 26, 27
 Гунар 222
 Гунастр 222
 Гушхильд 251
 Гуревич А. Я. 234, 257, 267, 288
 Гуревич Ф. Д. 265
 Гутрум 94
 Гюнтер Р. 247
 Даг см. Мешко I
 Дагоберт 54
 Дагон см. Мешко I
 Дамант см. Довмонт
 Данилова Л. В. 9, 100
 Даркевич В. П. 254
 Дворник Ф. (Dvornik F.) 86, 87
 Де Гуйе М. 289
 Дерри Т. К. (Derry T. K.) 244
 Деэмант К. 265
 Джаксон Т. Н. 244, 253, 266
 Дженкинс Р. (Jenkins R. J. H.) 173
 Джоунс Г. (Jones G.) 246, 257, 258
 Дир 61, 138, 139, 141, 143, 144, 156, 158, 159, 178, 195, 198, 204, 207, 269, 271
 ад-Дир 143, 144
 Диснер Х. (Diesner H.-J.) 247
 Длугош 174, 225
 Дмитриева Р. П. 174
 Дмитрий Солунский 284
 Добрава 32
 Добрыня 157, 225, 290
 Довженок В. И. 81
 Довмонт 205, 206
 Допкевич Е. (Dopkewitsch H.) 121, 123, 266
 Дорн Б. 62, 65, 66, 182, 188
 Дубов И. В. 269, 272
 Дундулис Б. (Dundulis B.) 266, 280
 Дунины 35
 Евлиск 222
 Егри 222
 Емиг 222
 Енихен Х. (Jänichen H.) 40, 50, 55
 Есипов Богдан 100

Етоп 222

Ефрон И. А. 100, 104

Жак Я. (Zak J.) 234, 240, 247,
248, 251, 253

Жилинска Я. (Zylińska J.) 251
Жуковская Л. В. 113

Заброцкий Л. 187

Зайончковский А. (Zajączkow-
ski A.) 151

Закке Г. (Sacke G.) 227

Закшевский С. (Zakrzewski S.)
35

Заппок Г. (Sappok G.) 32, 85

Зиверс Э. (Sievers E.) 170

Зимин А. А. 227, 255

Златарский В. Н. (Zlatarski
V. N.) 151, 180, 188, 279

Ибн ал-Факим 150

Ибн Русте 177, 198, 286

Ибн Фадлан 150, 200, 217, 252

Ибн Хаукаль 152, 200, 286, 289

Ибн Хордадбех 113, 218, 219,
220, 223, 264, 289

Ибн Якуб 36, 42, 46, 62, 192, 220

Иван Творимирич 197

Иванов В. В. 271, 281

Иванов И. (Ivanov J.) 151

Ивор 222

Иггивлад 222

Игелд 222

Игпаций 196, 285

Игорь 21, 46, 75, 76, 103, 127,
129, 139, 141, 142, 145, 154,
156, 159, 168, 193, 196, 197,
204, 205, 207, 210, 217, 222,
224, 225, 228, 236, 290

Игорь, племянник Игоря 222,
224

Идриси 152

Иезекииль 188

Изяслав 183, 191

Илларион 74, 127, 195

Иловайский Д. И. 64

Ильинский Г. А. 151, 152

Ингвар 253

Ингельд 221

Иоанн Диякон 216

Иордан 11, 82, 171, 183, 185,
189, 196, 248, 282, 284

Иосиф 147, 254

Иохансен П. (Johansen P.) 118,
119, 124

Ире И. (Ihre J.) 180

Искусеви 222

ал-Истахри 200

Истр 222

Истрин В. М. 72, 198

Кадлубек 11, 35, 171, 172

Калинина Т. М. 289

Кальдимар 69

Каминьский А. 10

Каницар 222

Карамзин Н. М. 63, 78

Карасик А. 200

Каргер М. К. 74, 262

Карл Великий 89, 171, 228

Карл Лысый 130

Карл Простоватый 92

Карлгрен А. (Karlgrén A.) 213

Карлы 221

Карн 221

Карстен Т. Э. (Karsten T. E.)
180

Каршев 222

Кары 222

Каченовский М. 61

ал-Кашгари 177

Кёниг Э. (König E.) 187, 188

Кентшиньский В. (Kętrzyń-
ski W.) 35, 171

Кеолвульф 94, 258

Кивикоски Э. (Kivikoski E.)
109, 115, 264, 280

Кидд Д. (Kidd D.) 244

Кий 143, 144, 145, 271

Кипарский В. (Kiparsky V.)
281

Кирпичников А. Н. 236, 240,
262, 268, 269

Клаессен Х. (Claessen H.-J.)
254

Клейст Д. ф. (Kleist D. v.) 31,
40, 112, 114, 247, 248

Клек 222

Клеман О. (Kleemann O.) 115

Клетнова С. Н. 110

Ключевский В. О. 46, 78, 79,
90, 135, 159

Кнауэр Ф. (Knauer F.) 188,
190

Кнут Великий 49, 95, 96, 119,
138, 160, 251, 259

Кнут VI 119

Кнютлинги 266

Кобищанов Ю. М. 288

Ковалевский А. П. 252

- Ковалевский С. Д. 234, 249, 268, 280, 288
Коваленко В. (Kowalenko W.) 55
Ковальский Т. (Kowalski T.) 48, 192, 220
Козеровский С. (Kozierowski S.) 35, 51, 53
Козьма Пражский 239
Коковцев П. К. 76, 147
Кол 222
Коланьчик К. (Kolańczyk K.) 35
Колчин Б. А. 269, 290
Конрад Х. (Conrad H.) 45, 47
Константин Багрянородный 20, 110, 143, 151, 152, 154, 189, 201, 202, 210, 211, 214, 215, 216, 219, 224, 229, 231, 239, 260, 263, 268, 271, 272, 274, 280, 286, 287, 288
Константин Копропим 188
Константин 221
Коппе В. (Korpe W.) 40
Кордуба М. (Korduba M.) 58
Корзухина Г. Ф. 156, 261, 262, 282, 284
Корсунский А. Р. 247
Коссинна Г. (Kossinna G.) 38, 39, 90
Костшевский Я. (Kostrzewski J.) 10, 39, 40, 50, 54, 55, 56, 183
Котляревский А. 66, 67
Кочи Л. (Koczy L.) 50, 55, 114, 220, 251
Кочуркина С. И. 261
Крак 55, 145
Крачковский И. Ю. 66
Кроль Х. (Kroll H.) 37, 185
Кропоткин В. В. 271, 282
Кросс С. Х. (Cross S. H.) 69, 105, 109, 165
Кротоский К. (Krotoski K.) 36, 37, 41
Крузе Ф. (Kruse F.) 86, 93, 94, 132, 219
Куза А. В. 255
Кузьмин А. Г. 254
Кулаков В. И. 265
Куник А. А. 36, 52, 59, 61, 63, 64, 65, 66, 86, 157, 158, 175, 177, 182, 184, 186, 196, 209, 216, 248
Кункель О. (Kunkel O.) 37, 39, 41, 54
Курашкевич В. (Kuraszkiewicz W.) 187
Кустин А. Э. 280
Кутберт 246
Кутшеба С. (Kutrzeba S.) 43, 45
Кучиньский С. (Kuczyński S.) 10, 58
Кучкин В. А. 260
Куди 222
Кюрбисува Б. (Kürbisówna B.) 172
Ла Бауме В. (La Baume V.) 115
Лабуда Г. (Labuda G.) 10, 39, 40, 55, 69, 205, 206, 207, 249
Ладенбергер Т. (Ladenberger T.) 51
Лаер Г. (Laehr G.) 85, 195, 197
Лайнг Дж. (Laing J.) 272
Лайнг Л. (Laing L.) 272
Лакман Х. (Laakmann H.) 118, 120
Ламанский В. И. 64, 223
Ламбин Н. 158
Лангенгейм К. (Langenheim K.) 120
Ларсон Л. М. (Larson L. M.) 259
Ласло Д. 264
Лебедев Г. С. 236, 241, 247, 255, 262, 269, 272
Лебеди 51, 52
Лев 221
Лев Диакон 156, 215
Левицкий Т. (Lewicki T.) 106, 113, 143, 149, 150, 151, 152, 188, 198, 200, 218, 219, 252, 289
Левченко М. В. 62, 173, 196, 197
Лелевель И. (Lelewel J.) 10, 34
Легга В. (Łęga W.) 53, 56
Леон 152
Леонтьев А. Е. 236, 268
Лер-Сплавинский Т. (Lehr-Splawński T.) 183
Лех 145
Лехтосало-Хиландер П. Л. 264
Лёш Х. (Loesch H.) 32
Лешков В. 78
Лпбиар 222
Лиги Х. М. 266

- Лидул 221
 Липшиц Е. Е. 196
 Литаврин Г. Г. 287, 290
 Лиутпранд 216, 217, 219
 Лихачев Д. С. 9, 72, 73, 74, 126, 127, 165, 170, 173, 192, 193, 270, 271, 276, 278
 Липевич Л. (Liciewicz L.) 234
 Ловмянский Х. (Łowmiański H.) 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 17, 18, 19, 20, 24, 32, 34, 51, 53, 54, 78, 82, 98, 99, 105, 120, 122, 138, 152, 163, 170, 176, 192, 193, 194, 198, 205, 226, 230, 235, 236, 237, 238, 239, 241, 245, 247, 249, 255, 256, 260, 269, 270, 271, 276, 278, 279, 280, 285, 286, 287
 Лойн Х. Р. (Loyn H. R.) 246, 258
 Ломоносов М. В. 60
 Лот Ф. (Lot F.) 92, 130
 Лоугас В. (Lõugas V.) 265
 Лоцениус Й. 180
 Луилле да Коста Г. (Louillet da Costa G.) 196
 Людат Г. (Ludat H.) 10, 40, 41, 81, 118, 119
 Людовик Немецкий 151, 175, 176, 195, 196
 Львов А. С. 263
 Лыткин В. И. 280
 Лют см. Мстиша
 Лютый см. Мстиша
 Ляшко 225
 Лященко А. И. 84, 136, 137, 142, 151
 Мавродин В. В. 9, 58, 84, 204, 207
 Магор 283, 284
 Макартни М. (Macartney C. M.) 146, 149, 150, 198
 Мал 225
 Малецкий А. (Malecki A.) 34, 35
 Малк Любечанин 225
 Маловист М. (Małowist M.) 10, 50, 56, 91, 109, 115
 Малуша 225
 Мальфрид см. Малуша
 Малфредь см. Малуша
 Манойлович Г. 201
 Мареш Ф. В. (Mareš F. V.) 112
 Маркварт И. (Marquart J.) 143, 146, 147, 149, 151, 152, 190, 200, 218, 219
 Маркс К. 26, 274
 ал-Масуди 143, 151, 218
 Матейчик А. (Matějčka A.) 32
 Матильда 164
 Матузова В. И. 267
 Маурер К. (Maurer K.) 44
 Мацейевский В. А. (Maciejowski W. A.) 34
 Медынцева А. А. 264
 Мейе А. 278
 Мейпапдер К. Ф. 260, 261, 264
 Мейчик Д. 221
 Мельвингер А. (Melvinger A.) 220
 Мельникова Е. А. 9, 240, 242, 253, 254, 256, 260, 263, 264, 270, 273, 286, 290
 Метцентин Э. (Metzenthin E.) 248
 Мешко I 32, 35, 36, 37, 41, 43, 45, 46, 48, 49, 54, 55, 192, 220, 251
 Мешко II 42, 45, 164
 Миккола Й. (Mikkola J.) 182, 183, 199, 281, 282
 Миклошич Ф. (Miklosich F.) 50, 106, 226
 Микстин см. Мал
 Миллер Г. Ф. 60
 Миллер К. (Miller K.) 177
 Милюков П. Н. 100
 Миндовг 205
 Минорский В. (Minorsky V.) 286
 Миттайс Х. (Mitteis H.) 43, 47, 92
 Михаил Вышевич 205
 Моислав 36
 Монгайт А. Л. 67, 69, 81, 83, 197
 Монтелиус О. (Montelius O.) 102, 115
 Монтестье Ш. Л. (Montesquieu S. L.) 60
 Мопы 222
 Моора Х. (Moora H.) 113, 183, 185, 266
 Мортенсен Г. (Mortensen G.) 116
 Мортенсен Х. (Mortensen H.) 116
 Москаленко А. Н. 272

Мошин В. А. (Mošin V.) 58, 76,
 77, 98, 104, 163, 165, 197
 Мозр А. (Mawer A.) 98, 244
 Мстислав см. Мстиша
 Мстиша 225
 Мугуревич Э. С. 265
 ал-Мукаддаси 286
 Мутур 222
 Мухаммед 89, 228
 Мюлен Б. ф. (Mühlen B. v.)
 265
 Мюссе Л. (Musset L.) 246

 Надольский А. (Nadolski A.)
 251
 Назаренко А. В. 249, 277, 278,
 283, 285
 Назаренко В. А. 236, 241, 261
 Назаров В. Д. 232
 Након 220
 Насонов А. Н. 19, 76, 84, 103,
 105, 111, 123, 131, 144, 176,
 194, 197, 204, 206, 232, 242,
 252, 278
 Недошивина Н. Г. 260
 Нерман Б. (Nerman B.) 110,
 114, 115, 116, 117, 118, 161,
 264
 Нестор 60, 61, 70, 71, 73, 74, 85,
 86, 129, 144, 147, 148, 150, 169,
 170, 172, 173, 174, 181, 191,
 215
 Неусыхин А. И. 10
 Нидерле Л. (Niederle L.) 47,
 86, 87, 172
 Никифор 283, 284
 Николаев В. Д. 288
 Никон 74, 126, 127, 133, 137, 139,
 144, 147, 165, 167, 168, 169
 Нильсен П. (Nielsen P.) 233
 Нильсен Х. (Nielsen H.) 258
 Новосельцев А. П. 22, 232, 238,
 252, 267, 278, 285, 286, 288, 289
 Ной 172, 213
 Нойгебауэр В. (Neugebauer
 W.) 114
 Номеногий 130
 Норденстренг Р. ((Nordenst-
 reng R.) 92, 96
 Нордман К. А. (Nord-
 mann C. A.) 113, 115
 Носов Е. Н. 263

 Оболенский М. А. 72
 Ода 52

Одд, монах 69, 253
 Одд Стрела 136, 137, 270
 Одилиен (Odilienus) 52
 Одинец Д. М. 79
 Оксеншерна Э. (Oksenstjer-
 na E. С.) 186
 Олав шведский, сер. IX в. 117,
 131, 161, 266
 Олав шведский, начало X в. 41
 Олав Трюггвасон 132, 229, 253
 Олав Святой Харальдссон 49,
 132, 229, 250
 Олеб 222
 Олег 36, 41, 71, 73, 75, 76, 129,
 135, 136, 137, 138, 139, 140,
 141, 142, 143, 144, 147, 155,
 156, 159, 167, 168, 169, 173,
 177, 178, 191, 193, 198, 199,
 203, 204, 205, 207, 221, 225, 228,
 237, 260, 263, 270, 271, 272,
 276, 288, 290
 Олма 150
 Ольга 1, 129, 156, 204, 205, 222,
 224, 228, 267, 290
 Оппенгеймер Ф. (Oppenhei-
 mer F.) 26, 27
 Острогорский Г. (Ostrogor-
 sky G.) 173
 Отрембский Й. (Otrębski J.) 54
 Охман Э. (Ochmann E.) 113

 Падалка Л. В. 75, 202
 Пархоменко В. А. 58, 75, 76
 Паули В. (Pauli W.) 37, 185
 Паульсен П. (Paulsen P.) 32,
 38, 50, 89, 90, 116
 Паунд Д. (Pound D. W.) 245
 Пашкевич Х. (Pasziewicz H.)
 10, 86, 104, 105, 143, 144, 154,
 163, 165, 193, 197, 233
 Пашуто В. Т. 9, 22, 144, 232,
 238, 239, 242, 243, 245, 256,
 265, 266, 269, 274, 277, 284
 Пейскер И. (Peisker J.) 24
 Пекарский П. 58
 Пекарчик С. 234
 Пекосинский Ф. (Piekosiń-
 ski F.) 34
 Перадзка К. (Pieradzka K.) 120
 Первольф Я. (Perwolf J.) 119
 Петерсен Э. (Petersen E.) 32,
 39
 Петр из Дусбурга 122
 Петрухин В. Я. 240, 242, 254,
 255, 257, 262, 263, 286, 290

- Пигулевская Н. В. 188
 Пиларж О. (Pilař O.) 277
 Пименов В. В. 268
 Планитц Х. (Planitz H.) 45, 46
 Платонов С. Ф. 72
 Плезя М. (Plezia M.) 171, 189
 Плетнева С. А. 247
 Плиний 189
 Повиерский Е. 10
 Погодин А. Л. 36, 180, 279
 Погодин М. П. 61, 62, 158
 Подскальский Г. (Podskalsky G.) 283
 Поклевский Т. (Poklewski T.) 251
 Покровский С. А. 84
 Поликарп 152
 Пономарев А. Н. 127
 Попов А. И. 248, 268, 274, 281
 Попов Н. 202
 Поппэ А. 10
 Порталь Р. (Portal R.) 58
 Потебня А. А. 268
 Потип В. М. 268
 Потканьский К. (Potkański K.) 35
 Прастен, посол Акуна 222
 Прастен, посол Берна 222
 Прасьтен, посол Турда 222
 Предслава 222
 Прейдель Г. (Preidel H.) 32, 33
 Пресняков А. Е. 68, 72, 79, 123, 198, 225
 Претич 154, 225
 Прибувой (Pribuvoius) 52
 Приселков М. Д. 72, 73, 152, 174
 Прицак О. (Pritzak O.) 234, 256, 270, 279
 Прокопий 189
 Псевдо-Захария 188, 189, 283
 Псевдо-Симеон 288
 Псевдо-Цезарь 189
 Птолемей 187
 Пушкина Т. А. 240, 242, 253, 255, 262, 263, 290
 Пшемысл 239
 Пшемысловичи 32
 Пясты 35, 45, 52, 55

 Равдоникас В. И. 68, 133
 Рандсборг К. (Randsborg K.) 257
 Ратцель Ф. (Ratzel F.) 27, 29
 Раух Г. (Rauch G.) 196

 Рафн К. (Rafn C.) 70, 124, 132, 229
 Рёгнвальд 95
 Рехе О. (Reche O.) 39
 Рёппль Р. (Roerpell R.) 35
 Римберт 45, 117, 118, 131, 161, 266, 280
 Роалд 222
 Рогволод 104, 207, 208
 Рогов А. И. 278
 Роде Г. 10
 Рожков Н. А. 79
 Рожнецкий С. 165
 Розен В. Р. 37, 46, 52, 59, 62, 65, 66, 157, 158, 161, 175, 182, 196, 214, 216
 Розенкамф Г. 64, 180
 Роллон 92
 Роман Лакапин 76
 Рорик Ютландский 136
 Роспонд С. (Rospond S.) 281, 284
 Ростовцев М. И. (Rostovtzeff M.) 185
 Руалд, купец 222
 Руалд, посол Олега 221
 Руар 221
 Рудницкий М. (Rudnicki M.) 53
 Рулав 221
 Рус 145
 Русанова И. П. 248
 Рыбаков Б. А. 8, 9, 19, 81, 84, 108, 145, 147, 148, 151, 154, 182, 191, 194, 231, 238, 252, 254, 256, 271, 274, 275, 278, 286
 Рыздзевская Е. А. 17, 69, 77, 98, 99, 101, 103, 104, 105, 132, 133, 160, 167, 199, 229, 250, 253, 260, 271, 290
 Рюрик 60, 63, 76, 78, 89, 127, 135, 136, 144, 165, 166, 167, 170, 174, 178, 228, 229, 261, 275, 287
 Рюриковичи 186, 274
 Рюс Г. (Rüß G.) 233, 234, 235, 243
 Рябини Е. А. 236, 261
 Рязановский А. 243

 Савукова В. Д. 249
 Саксон Грамматик 119, 120, 248, 251
 Салов В. И. 245
 Саломон Р. (Salomon R.) 221
 Сальгрэн Й. (Sahlgren J.) 106

- Самбат, армянский купец 152
 Самбат, отец Хильбудия 151
 Само 32, 43, 138, 205, 206, 207, 224, 248, 249
 Самуил 151, 205
 Сарницкий С. (Sarnicki S.) 59
 Сахаров А. Н. 277, 285, 289
 Свейн 115
 Свейн 132, 133, 160
 Свен Вилобородый 96, 138, 251, 259
 Свен Эстридсон 120
 Свен, купец 222
 Свенельд 224, 225, 290
 Свердлов М. Б. 255, 256, 273, 288, 290
 Свентослава 54, 251
 Святополк Владимирович 53, 109, 134, 140, 204
 Святополк моравский 149, 198
 Святослав Всеволодович 183
 Святослав Игоревич 46, 71, 127, 129, 147, 148, 154, 156, 161, 204, 222, 224, 225, 236, 272, 287, 289, 290
 Святослав Ольгович 103
 Святослав Ярославич 48
 Сёдерлинд С. (Söderlind S.) 252
 Седов В. В. 127, 235, 238, 240, 246, 248, 255, 272, 280, 281, 282
 Седова М. В. 260
 Селиранд Ю. 265
 Семкович В. (Semkowicz W.) 35, 51
 Сергеевич В. И. 100, 103
 Серейский М. (Serejski M.) 33
 Сигрид 115
 Сигрид Сторрада 54, 251
 Сигурд 124
 Сизов В. И. 67, 110
 Сим 98
 Симеон Логофет 173
 Синеус 165, 166, 167, 275
 Синко 222
 Скржинская Е. Ч. 9, 282, 285
 Славниковичи 32
 Слуды 222, 224
 Смаль-Стоцкий Р. (Smal-Sto-ckij R.) 190
 Смирнов П. 77, 83
 Смолка С. (Smolka S.) 32, 35
 Спорри Стурлусон (Snorri) 49, 250, 266
 Соболевский А. И. 72
 Соьер П. (Sawyer P. H.) 243, 246, 256, 258
 Соловьев А. В. (Soloviev A. V.) 192, 201, 220, 224
 Соловьев С. М. 78, 221, 222
 Софоклес Э. (Sophocles E. A.) 283
 Спиридон Сатана 174
 Спицын А. А. 67, 68, 261, 263
 Срезневский И. И. 70, 71, 137
 Стаббс В. (Stubbs W.) 43
 Стальсберг А. (Stalsberg A.) 254
 Станг Х. (Stang H.) 254
 Станкевич Я. В. 107
 Стеблин-Каменский М. И. 279
 Стегги 222
 Стегман ф. Притцвальд К. (Stegmann v. Pritzwald K.) 195
 Стемид 221
 Стенбергер М. (Stenberger M.) 244
 Стендер-Петерсен А. (Stender-Petersen A.) 28, 58, 86, 91, 98, 100, 105, 106, 109, 133, 136, 139, 141, 142, 161, 165, 167, 168, 169, 174, 179, 195, 207, 225, 229, 232, 233, 234, 240, 241, 256, 270, 283
 Стенstrup Ю. 35, 54
 Стентон Ф. М. (Stenton F. M.) 43, 93, 95, 97, 101, 103, 132
 Стефан 248
 Стефан Сурожский 196, 285
 Стефан из Тарона 214
 Стир 222
 Стродс Х. П. 266
 Стюрбьёрн 55, 69
 Сумбат см. Самбат
 Сухомлинов М. И. 70, 71
 Сфандр 222
 Сфирка, князь (?) 222
 Сфирка, посол 222
 Сыромятников С. 77
 ат-Табари 151, 188
 Таллгрэн А. М. (Tallgren A. M.) 114, 200
 Тарановский Ф. В. 47
 Тард Г. (Tarde G.) 29
 Татищев В. Н. 78, 136
 Таубе М. (Taube M.) 85, 86, 117, 120
 Тацит 11, 47, 189, 249

Ташицкий В. (Taszycki W.) 51,
 52
 Теодорик 51
 Теофил 146, 176
 Тиандер К. Ф. 274
 Тивериадский Л. С. 175, 203
 Тиле 222
 Тимофей см. Довмонт
 Титмар Мерзебургский 45, 52,
 119, 171, 226, 250, 251
 Тиханова М. А. 282
 Тихомиров М. Н. 19, 73, 75, 81,
 84, 112, 140, 170, 176, 194,
 231, 255
 Толкачев А. И. 289
 Толль Х. (Toll H.) 251
 Томашевский С. (Tomaszew-
 ski S.) 58
 Томсен В. (Thomsen W.) 65,
 103, 138, 175, 178, 179, 180,
 189, 190, 200, 210, 218, 225,
 230, 231, 234, 235, 279
 Топоров В. Н. 265, 271, 281, 283
 Травничек Д. (Trávníček D.)
 193
 Траутман Р. (Trautmann R.) 87
 Третьяков П. Н. 9, 81, 176, 184,
 185, 284
 Труан 221
 Трубачев О. Н. 277, 281, 284
 Грувор 165, 166, 167, 275
 Гуад 222
 Гудко 222
 Гудор, вышгородский тиун 103
 Гудор, кормленщик 103
 Тулин А. (Thulin A.) 283
 Туманский А. Г. 200
 Тунман И. (Thunmann J.) 60,
 65
 Тупилов Н. М. 225
 Тур 104
 Турберн 222
 Турбид 222
 Турд 222
 Тыменецкий К. (Tymienie-
 ski K.) 10, 27, 29, 34, 46, 80,
 93, 183
 Тыц Т. (Tus T.) 52
 Улеб, князь (?) 222
 Улеб, посол 222
 Уорд Г. (Ward G.) 91, 94
 Уртан В. 265
 Утич 222

Фальк К.-О. (Falk K.-O.) 211,
 212, 213, 279, 280, 287, 289
 Фарлоф 221
 Фасмер М. (Vasmer M.) 17, 38,
 40, 55, 77, 87, 98, 99, 101, 102,
 103, 105, 106, 116, 179, 182,
 183, 250
 Фаст 222
 Фейлитцен О. (Feilitzen O.) 97
 Феллоуз Енсен Г. (Fellows
 Jensen G.) 246, 250, 258, 259
 Фенгер О. (Fenger O.) 246
 Феофан 188, 283, 284
 Феофана Продолжатель 210
 Фёрстеман Э. (Förstemann E.)
 52
 Феттих Н. (Fettich N.) 110, 112
 Фехнер М. В. 262
 Филин Ф. П. 289
 Филипп Я. (Philip J.) 32
 Филипп В. (Philipp W.) 72
 Флоринский М. Т. (Florinsky
 M. T.) 79
 Флоровский А. 188
 Фомин А. В. 236, 258
 Форсман Ю. (Forsmann J.) 39,
 40, 58, 99
 Фост 221
 Фотий 197, 209
 Франке Ф. 185
 Фрастен 222
 Фредегар 195, 207, 224
 Фрелав 221
 Френ Х. М. (Fraehn C. M.) 66
 Фридберг М. (Friedberg M.) 51,
 54
 Фрис Я. де (Vries J. de) 45, 55,
 69
 Фритцлер 76
 Фроянов И. Я. 270
 Фруган 222
 Фудри 222
 Фурстен 222
 Фут П. (Foote P.) 262
 Фюстель де Куланж Н. Д.
 (Fustel de Coulanges N. D.)
 47
 Хабургаев Г. А. 274
 Хакон Харальдссон 119
 Хакон 195
 Халлендорф Г. (Hallendorf G.)
 89
 Халупецкий В. (Chaloupe-
 cky V.) 32

- Хан И. (Hahn J. K.) 117
 Харальд 229
 Харальд Прекрасноволосый 259
 Харальд Синезубый 49, 95
 Хардакнут 259
 Хардер Х. (Harder H.-B.) 274
 Хауген Э. (Haugen E.) 279
 Хахман Р. (Hachmann R.) 282
 Хвольсон Д. А. 66, 67
 Хейдебранд дер Ласа Ф. (Heydebrand der Lasa F. V.) 37
 Хеллман М. (Hellmann M.) 28, 33, 46, 79, 85, 120, 123
 Хельгу 197
 Хельквист Э. (Hellquist E.) 180
 Хенгест 274
 Хензель В. (Henzel W.) 10, 31, 248
 Херманн И. (Herrmann J.) 234
 Хёш Э. (Hösch E.) 245
 Хильбудий 152
 Хладилович К. (Hladyłowicz K. J.) 51
 Хойзингер Б. (Heusinger B.) 123
 Хольцман Р. (Holtzmann R.) 37, 41
 Хоман Б. (Homan B.) 146
 Хорак Б. (Horák B.) 193
 Хорив 143, 144
 Хорса 274
 Хофман (Hoffmann) 54
 Хофмейстер А. (Hofmeister A.) 37, 41
 Хрбек И. 286
 Хупс Дж. (Hoops J.) 44

 Цезарь 47, 171, 249
 Цотц Л. (Zotz L.) 32

 Чацкий Т. (Czacki T.) 34, 116
 Черепнин Л. В. 10, 22, 73, 74, 112, 126, 128, 232, 267, 287
 Чернецов А. В. 255
 Чех 145
 Чичуров И. С. 283
 Чраймз С. (Chrimes S. B.) 43
 Чэдвик Н. (Chadwick N.) 85, 221

 Шайпоха К. (Szajnocha K.) 34
 Шанецкий М. (Sczaniecki M.) 124
 Шаскольский И. П. 9, 156, 231, 233, 234, 243, 256, 261, 278
 Шафарик П. 176
 Шафф А. (Schaff A.) 9
 Шахматов А. А. 18, 71, 72, 73, 74, 75, 109, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 133, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 142, 143, 144, 145, 148, 150, 154, 155, 156, 157, 160, 161, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 172, 173, 177, 178, 181, 193, 197, 198, 223, 225, 235, 269, 270, 276
 Швабе А. (Švābe, Schwabe A.) 123
 Шверин К. (Schwerin C.) 180
 Шевелов Г. (Shevelov G.) 289
 Шевченко И. (Sevčenko I.) 285
 Шедер Х. (Schaefer H.) 116
 Шелухин С. 76
 Шёль О. (Scheel O.) 89, 92, 93, 96, 120
 Шибрид 222
 Шимон 173
 Ширинский С. С. 271
 Шихберн 222
 Шласки К. (Slaski K.) 56, 114, 252
 Шлезингер В. (Schlesinger W.) 47
 Шлёцер А. Л. (Schlözer A. L.) 60, 63, 65
 Шмид Х. Ф. (Schmid H. F.) 82, 119
 Шмидехельм М. (Schmiedehelm M.) 183
 Шмидт Е. А. 263
 Шмидт Л. (Schmidt L.) 191
 Шмидт К. Р. (Schmidt K. R.) 233, 243
 Шмурло Е. 65
 Штёкль Г. (Stöckl G.) 58, 232, 243
 Штелин К. (Stählin K.) 46
 Штурмс Э. (Stürms E.) 114
 Шульдт Е. (Schuldt E.) 39
 Шульте Л. (Schulte L.) 37
 Шушарин В. П., 232
 Шюк А. (Schück A.) 89

 Шапов Я. Н. 232
 Щеглов Д. 64
 Щек 143, 144
 Щодр 51
 Щодрох 51

- Эббон 171
 Эверс И. (Ewers J. F. G.) 63, 78, 143
 Эггерт О. (Eggert O.) 120
 Эгиль 266
 Эдмунд 96
 Эдуард 94, 95
 Эймунд 253, 270, 273
 Эйрик 124
 Эйрик Кровавая Секира 95, 259
 Эйрик Победоносный 54, 251
 Эйрик Упсальский 266
 Эйрик ярл 132, 133, 160
 Эйснер И. (Eisner J.) 32
 Экблум Р. (Ekblom R.) 38, 52, 53, 77, 106, 177, 179, 211, 213, 250
 Экбу С. (Ekbo S.) 279
 Экбум К. (Ekbon C.) 249
 Экволл Э. (Ekwall E.) 97, 259
 Эльг см. Олег
 Энгель К. (Engel C.) 115, 120
 Энгельс Ф. 26, 27, 274
 Эрлих Б. (Ehrlich B.) 114
 Этельред 96
 Юлиан 105
 Юлиан К. (Julian C.) 47
 Юлия 171
 Юшков С. В. 46, 84, 123, 202, 203, 212, 213
 Яворский И. 7
 Ягич В. (Jagič V.) 150, 172
 Язджевский К. (Jażdżewski K.) 53, 251
 Якимович Р. (Jakimowicz R.) 116
 Якобсон Г. (Jakobson H.) 182
 Якобссон Г. (Jacobsson G.) 275
 ал-Якуби 149, 150, 219
 Якубовский И. (Jakubowski J.) 174
 Янин В. Л. 239, 255, 258, 269, 290
 Янина С. А. 262
 Янкун Г. (Jankuhn H.) 40, 46
 Янсонс А. (Jansons A.) 279
 Янушевский (Januszewski) 76
 Ярополк 140, 141, 155, 160, 204, 225, 290
 Ярослав Мудрый 69, 102, 125, 126, 129, 131, 137, 140, 142, 161, 167, 169, 173, 193, 197, 204, 260, 270, 273
 Ятвяг 222, 226
 Яхья ал-Аптаки 161, 214

Список сокращений

- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.
 ВИ — Вопросы истории
 ВГ — Вопросы географии
 ВДИ — Вестник древней истории
 ГВНиП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1948
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ЗАН — Записки АН СССР
 ИАН — Известия Академии наук
 ИЖ — Исторический журнал
 ИЗ — Исторические записки
 ИИМК — Институт истории материальной культуры
 ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
 ИРАИМК — Известия Российской Академии Ип-та матер. культуры
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии
 КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры

ЛЗАР	— Летопись занятий Археографической комиссии
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
НПЛ	— Новгородская первая летопись старшего и младшего извода под ред. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950
ПВЛ	— Повесть временных лет под ред. В. Адриановой-Перетц, ч. 1—2. М.—Л., 1950
ПРП	— Памятники русского права
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
СА	— Советская археология
СЭ	— Советская этнография
ЧОИДР	— Чтения в Имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете
ТОДРЛ	— Труды отдела древнерусской литературы АН СССР
ТОИДР	— Труды Общества истории и древностей российских
АА	— Acta Archaeologica. København
АН	— Archaeologia Hungarica. Budapest
АPhS	— Acta Philologica Scandinaviae. København
ASEER	— The American Slavic and East European Review. Urbana
BZ	— Byzantinische Zeitschrift. Leipzig—München
CAS	— Commentarii Academiae Scientiarum. Petropolis
CPHB	— Conventus primus Historicorum balticorum, Riga, 1938
CSAB	— Congressus secundus Archaeologorum Balticorum, Riga, 1931
DO	— Deutsche Ostforschung. München
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
HZ	— Historische Zeitschrift. München
JGO	— Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. München
KH	— Kwartalnik Historyczny. Warszawa
MGH SS	— Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Hannoverae
PA	— Przegląd Archeologiczny. Warszawa
PG	— Migne J. Patrologiae cursus completus. Ser. Graeca. Paris
PH	— Przegląd Historyczny. Warszawa
PW	— Przegląd Wielkopolski. Warszawa
PZach	— Przegląd Zachodni. Warszawa
RAU	— Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności. Warszawa
RES	— Revue des Études Slaves. Paris
RH	— Rocznik Historyczny. Warszawa
SAnt	— Slavia Antiqua. Poznań
SAU	— Sprawozdania z posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności. Kraków
SBPA	— Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Philos.-Histor. Klasse. Berlin
SK	— Seminarium Kondakovianum. Beograd
SO	— Slavia Occidentalis. Warszawa
ZVGS	— Zeitschrift des Vereins für Geschichte Schlesiens. Breslau
ZVGAS	— Zeitschrift des Vereins für Geschichte und Alterthum Schlesiens. Breslau
ZSPH	— Zeitschrift für slawische Philologie. Halle (Saale)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Труды польского академика Х. Ловмянського по истории народов Восточной Европы	5
Введение	23
Глава I. Роль норманнов в генезисе Польского государства	31
Глава II. Состояние исследований роли норманнов в генезисе Древнерусского государства	57
Глава III. Проникновение варягов на земли восточных славян	89
Глава IV. Проблема завоевания Руси норманнами	125
Глава V. Происхождение и значение названия «Русь»	163
Глава VI. Скандинавы в составе господствующего класса на Руси	204
Заключение	228
Послесловие	230
Комментарии	246
Именной указатель	291
Список сокращений	302

